

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ – ОБОСОБЛЕННОЕ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**АНТРОПОЛОГИЯ ДАГЕСТАНСКОГО ГОРОДА:
ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ
КУЛЬТУРЫ И БЫТА ГОРОЖАН ДАГЕСТАНА
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Махачкала
Издательство ДГУ
2021

УДК 94(470.67-21)»19/20» (035.3)

ББК 63.3(2Рос.Даг) 64-2

А 728

Сефербеков Р.И., Булатов Б.Б., Зульпукарова Э.М.-Г., Гасанова М.А., Сефербеков М.Р.

Антропология дагестанского города: влияние глобализации на трансформацию культуры и быта горожан Дагестана в постсоветский период / отв. ред. доктор ист. н. Далгатов А.Г. – Махачкала: Издательство ДГУ, 2021. – 262 с.

ISBN 978-5-9913-0221-0

В монографии исследовано влияние глобализации на трансформацию материальной культуры, семейного и общественного быта горожан Дагестана в постсоветский период.

Изучается лингвистический ландшафт городов. Анализ лингвистического ландшафта дагестанских городов продемонстрировал как универсальные механизмы топообразования, так и специфические, репрезентирующие особенности регионального менталитета.

Книга рассчитана на историков, этнологов, демографов, культурологов, лингвистов и широкий круг читателей.

Рецензенты:

Панеш А.Д. – гл. науч. сотрудник отдела истории ГБУ РА «Адыгейский респ. ин-т гуманитар. исследований им. Т.М. Керашева», д. ист. н.;

Вагабов М.М. – проф. каф. «Гуманитарные дисциплины» ф-та базовых компетенций Моск. политех. ун-та, д. ист. н.

Издается по решению РИСа ДГУ.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта РФФИ № 18-09-00420 «Антропология дагестанского города: влияние глобализации на трансформацию культуры и быта горожан Дагестана в постсоветский период».

© Коллектив авторов, 2021

© Издательство ДГУ, 2021

©Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, 2021

ВВЕДЕНИЕ

Последние три десятилетия были чрезмерно насыщены важными событиями – распад СССР, смена парадигмы государственного строя, экономического и общественного уклада, системные изменения в общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни страны, мировой экономической кризис, антироссийские санкции, модернизационные трансформации, процессы глобализации, сопровождающиеся информационными и транскультурными взаимодействиями.

Развернувшиеся со второй половины 80-х годов XX века в годы так называемой «перестройки» и после распада СССР процессы культурной интеграции и унификации, повышения роли городов и городской культуры в развитии общества, увеличение численности городского населения, по сравнению с сельским и трансляция сформировавшихся в городах культурных образцов в сельскую местность, оказали определенное влияние на бытовую культуру народов Дагестана. Все эти события и процессы вызвали необходимость фиксации происшедших изменений в бытовой культуре народов Дагестана и особенно в среде такой его специфической социальной группы, как горожане и такой ее сферы, как городская культура [1, с. 125–127, 299–301].

Цель данного исследования – изучение происшедших под влиянием глобализации трансформаций в культуре и быту горожан Дагестана в постсоветский период. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

- установить периодизацию модернизационных и трансформационных процессов в России (СССР) и на Кавказе (Северный Кавказ), начиная со времени вхождения Дагестана в состав России и по настоящее время;

- исследовать историю и последствия общественно-политических, социально-экономических процессов, демографические и этнические, этнокультурные и социокультурные взаимодействия в городах Дагестана после распада СССР;

- выяснить степень трансформации компонентов материальной культуры с учетом традиций и инноваций, сохранности этнической и культурной идентичности, влияния этнического состава городов, неконтролируемой миграции в города сельского населения;

- установить трансформации в сфере семейно-бытовой обрядности с учетом влияния на нее ислама, корреляции традиционных и новых обычаев;

- рассмотреть изменения в таком элементе общественного быта и досуга, как современные праздники – старые советские и новые рос-

сийские, календарные, религиозные и нетрадиционные для России и Дагестана;

– изучить лингвистический ландшафт современных городов Дагестана, представляющий собой уникальное явление слившихся во едино русской и дагестанской лингвокультур с локальными языковыми своеобразиями.

Антропология города – это всё о городе любого масштаба, о связи с ближними и дальними регионами, об элементах нового [2, с. 6]. Нами рассматриваются особенности городского уклада жизни в различных культурно-исторических ситуациях, современные тенденции развития городов, формирование и развитие городских пространств, в том числе, воплощение в них исторической памяти.

Источниковой базой данного исследования послужили собранные в 10 городах Дагестана полевые этнографические материалы, сведения исторической науки, периодическая печать, социологические и демографические исследования, статистические данные и интернет-ресурсы. Для анализа результатов полученного материала были использованы историко-сравнительный, историко-типологический и ретроспективный методы исследований. С помощью системного подхода обеспечивалось аналитическое описание результатов, происшедших под влиянием глобализации трансформаций в городской культуре горожан Дагестана после распада СССР. Учитывая то обстоятельство, что наше исследование носит междисциплинарный характер, были также использованы методы этнологии и демографии – анкетирование, опрос, интервьюирование. При изучении лингвистического ландшафта городов Дагестана применен функциональный подход: проведен анализ городской топонимики в свете ее функционирования в полиязыковом и поликультурном пространстве.

Происходившие в российских и зарубежных городах в последние десятилетия процессы (модернизация и трансформации) в сфере экономики, занятости, демографии, материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта являлись предметом изучения многих специалистов.

Особого внимания в этой связи заслуживает коллективная монография «Очерки по культурной антропологии американского города» [3], в которой рассматриваются связанные с научно-технической революцией реиндустриализация и структурная перестройка экономики, обусловившие коренные изменения функций крупных американских городов. Из центров производства и распределения материальных ресурсов и товаров города превратились в центры управления, обмена информацией и предоставления услуг высшего качества. Радикальные перемены в социально-экономической структуре населения крупных городских центров способствовали всему тому, что получило в США

название «кризиса городов». Миграционные процессы в городах резко ускорили темпы урбанизации и привели к появлению ряда мегаполисов и интенсификации этнических процессов в них.

Происходящим в городах этническим процессам и закономерностям их образования и роста в так называемых «развивающихся» странах посвящена брошюра В.В. Покшишевского [4]. Несмотря на то, что автор исследует этнические процессы и урбанизацию в странах Азии, Африки и Латинской Америки, некоторые открытые им общие принципы образования и развития городов и городского населения применимы и к дагестанскому городу.

Следует отметить, что процессы урбанизации происходят и в российских городах. Их изучению посвящен первый выпуск сборника статей «Антропология города» [5]. В нем рассматривается культурная специфика современного российского города, дается анализ его культурного пространства, отличительных черт городских сообществ, а также осмысление роли этничности в символическом маркировании городской среды и в межкультурном взаимодействии. Статьи этого сборника касаются отдельных аспектов культурной жизни городского населения, культурных символов и культурных образов, характеризующих городское пространство и городские сообщества. Особое внимание авторы обращают на формы презентации этничности в современном российском городе.

Особенностям городского уклада жизни в различных культурно-исторических ситуациях, современные тенденции развития городов, формирование и развитие городских пространств, в том числе, воплощение в них исторической памяти посвящены материалы сборника молодых ученых, участвовавших в научно-практической конференции «Антропология города», которая проходила 4–6 декабря 2013 г. в Институте этнологии и антропологии РАН [2].

Анализу воздействия российских городов на социокультурную, политическую и духовную жизнь автохтонного населения Северного Кавказа в русле процессов модернизации и с учетом возникающих в связи с этим конфликтов в городской среде посвящена работа С.Л. Дударева и Ю.Ю. Клычникова [6].

В центре внимания авторов работы «Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде» [7] оказались наиболее заметные динамичные процессы, которые в настоящее время протекают в городах Северного и Южного Кавказа, а также в двух крупнейших мегаполисах Российской Федерации – Москве и Санкт-Петербурге. Полевые данные, на которые опираются авторы, позволяют получить адекватное представление о внутренней жизни не только кавказских столиц (Тбилиси, Сухума, Владикавказа, Махачкалы), но и малых, «уездных» городов. В сборнике рассматриваются

конструирование и поддержание этнической идентичности в условиях современного мегаполиса, механизмы функционирования соседского сообщества и мужская уличная культура, сельский ресурс в освоении городского пространства и миграционные процессы. Для нас в этом сборнике важны статьи, посвященные Кизляру, трансформациям городского пространства в контексте миграционных процессов и судеб сельских землячеств в Махачкале и современной дагестанской городской свадьбе.

В сборнике «Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации» [8] исследуются этнокультурные традиции и модернизационные процессы у народов Кавказа, региональная светская мода и урбанистический универсализм, включая базовый гардероб костюма жительницы современной Махачкалы. Кавказ – территория, где соблюдение обычаев, традиций, обрядов и правил играет важнейшую роль в социальной жизни, прежде всего в этикетно-поведенческой, публичной сфере. Авторский коллектив данного научного сборника предпринял попытку проанализировать аспекты влияния модернизационных процессов XIX–XX вв. на ситуацию в Кавказском регионе. Полученные результаты дают возможность уточнить существенные вопросы этнокультурного развития народов региона.

Трансформационным процессам в культуре горцев и трудовой миграции второй половины XX в. по начало XXI в. посвящена монография Ю.Ю. Карпова и Е.Л. Капустиной [9]. В ней рассматривается одно из самых значительных социальных явлений в истории Новейшего времени Дагестана – переселение жителей горных районов на равнину, в т. ч. и города республики. Актуальность проблемы обусловлена тем, что в ходе данного процесса произошло разрушение во многих отношениях уникальной культуры горцев. Со второй половины XX в. существенно изменилась и продолжает меняться этническая карта республики и сопредельных с ней субъектов РФ. Этот процесс вызывает напряжение в межэтнических и политических отношениях не только в самой Республике Дагестан, но и шире – в Северо-Кавказском федеральном округе и в других регионах России. Специальное внимание авторами уделено исследованию временной трудовой миграции дагестанцев за пределы республики.

Тематически близка этой работе коллективная монография исследователей из научных центров и вузов России, Казахстана, Азербайджана, Абхазии, Чехии, Германии, посвященная изменениям этнокультурного ландшафта Дагестана, России и зарубежных государств постсоветского периода под влиянием процессов миграции и интеграции [10].

История возникновения дагестанских городов в XX веке освещается в статье Э.М. Далгат и Л.Б. Салиховой [11, с. 49–58]. Впервые этой проблемы коснулась Н.Г. Волкова [12, с. 40–56], которая по времени их образования делила города Дагестана и Северного Кавказа на три группы. К первой группе она относил города, возникшие в период с середины XVIII по середину XIX в. как русские военные укрепления. Некоторые из этих городов еще до революции развились в значительные административно-экономические центры. Из дагестанских городов к этой категории относились имевший древнюю историю Дербент [13], а также Кизляр, Буйнакск (до 1922 г. – Темир-Хан-Шура) и Махачкала (до 1922 г. – Петровск). Ко второй группе, бывшие до революции сравнительно небольшими населенными пунктами и только в советское время преобразованные в города, относился Хасавюрт (в статус города возведен в 1931 г.) и другие города Северного Кавказа. К третьей группе были отнесены города, основанные в советские годы как новые промышленные центры – Каспийск (в статус города возведен в 1947 г.), Избербаш (1949 г.) и др.

Эта классификация была продолжена М.-Р.А. Ибрагимовым и М.М. Магомедхановым, которые к четвертой группе относили, основанные в конце XX в. города Южно-Сухокумск (1988 г.) и Дагестанские Огни (1990 г.) [14, с. 247–259].

Особый интерес представляют работы, посвященные трансформационным процессам в сфере материальной культуры новейшего времени. Вопросы сохранения и возрождения национального костюма народов Дагестана в постсоветский период освещаются в статье Ф.А. Гаджаловой [15, с. 368–372]. Традиционные и современные типы костюма народов Дагестана рассматриваются в монографии Р.Г. Гаджихановой [16]. Национальные и конфессиональные традиции в одежде народов Северного Кавказа изучаются З.В. Доде [17, с. 129–153]. Монография З.Б. Рамазановой [18] отражает культуру питания народов Дагестана в XIX – начале XXI в., где главы 2 и 3 посвящены системе и модели питания дагестанцев на всем протяжении XX века и на современном этапе.

Изучению современной свадебной обрядности горожан-аварцев с учетом бытования в них традиционных компонентов и инноваций посвящены статьи и монография З.А. Алигаджиевой [19, с. 312–315; 20, с. 59–64; 21]. Инновации в выборе брачного партнера современной городской молодежи Дагестана отражены в статье А.К. Амирхановой [22, с. 106–111]. Современная городская свадьба народов Дагестана в условиях глобализации рассмотрена в статье А.К. Амирхановой и П.М. Магомедовой [23, с. 179–188].

Обряды жизненного цикла у народов Дагестана в современной урбанистической среде рассмотрены в статьях М.К. Мусаевой [24,

346–356]. По мнению этого автора, новые религиозные веяния (идеи чистого ислама), глобализационные и урбанизационные процессы не затронули в городах основ традиционной похоронно-поминальной обрядности, которые всегда были жестко регламентированы. Изменения коснулись лишь материальной стороны похорон и поминок [25, с. 112–121]. Сравнительным материалом по современной семейной обрядности народов Северного Кавказа (ингушей и абхазов) могут служить работы Л.М. Евлоевой [26, с. 68–74] и А.Ш. Хашбы [27, с. 75–80].

Более чем вековой истории жизни города Тбилиси – от присоединения Грузии к России (в 1801 г.) до конца XIX в. – посвящена монография Ю.Д. Анчабадзе и Н.Г. Волковой «Старый Тбилиси» [28]. Тбилиси всегда был многонациональным, а начиная с XIX в. представлял собой настоящий конгломерат народов, языков и религий. Авторы дают подробную характеристику каждой из национальных общин Тбилиси: особенностям городской семьи и семейной обрядности, хозяйственному быту, городским праздникам.

Этнодемографические процессы в абхазском городе Гудауте на протяжении последних 130 лет освещаются в монографии Н.В. Багапша [29]. В работе анализируется история изменения этнической структуры населения Гудауты с конца XIX столетия до наших дней, дается ретроспективная характеристика этнокультурного пространства города, а также проводится исследование современной этнодемографической и этноязыковой ситуации в Гудауте на основе анализа данных социологического опроса.

Истории трех городов Дагестанской области (Порт-Петровск, Темир-Хан-Шура и Дербент) и городской жизни второй половины XIX – начала XX в. посвящена монография Э.М. Далгат [30]. В написанной на широкой источниковой базе и снабженной иллюстрациями книге дореволюционный город показан как многофункциональный организм, сыгравший важную роль в политическом, экономическом и культурном развитии Дагестана. В работе рассмотрены вопросы формирования городского населения, экономического развития городов, хозяйственных занятий горожан, а также развития городской культуры и повседневной жизни городских жителей.

Поэтапным изучением культуры дагестанского города в XX веке занимался коллектив сотрудников Института ИАЭ ДНЦ РАН в составе М.Я. Мирзабекова, Е.С. Ананьевой и В.Д. Юнаевой. Итогом их деятельности стала монография [31], посвященная исследованию городского населения Дагестана, его материально-бытовых условий жизни, деятельности учреждений образования и культуры, состояния экономики городов и динамики народонаселения на всем протяжении XX столетия. Завершает исследование раздел о социально-культурном

облике городов Дагестана в 1981–2000 гг., связанном с нарастанием трудностей и последующем кризисе в экономике, социально-культурной сфере, материальном положении и быту горожан.

Еще в советское время исследованием промышленности, транспорта, капитального строительства, научных, учебных и культурно-просветительских учреждений, основных звеньев городского хозяйства (жилищный фонд, газификация, водоснабжение и канализация, дорожное хозяйство и озеленение), населения и бюджета г. Махачкалы и других городов Дагестана занимался А.Н. Кажлаев [32; 33].

Вкладу жителей города Махачкала в Победу в годы Великой Отечественной войны и повседневной жизни горожан с послевоенного времени и вплоть до 1999 г. с приложением хроники важнейших событий, посвящена работа коллектива авторов «Махачкала в годы войны и мира» [34].

Истории строительства, производственной деятельности, социально-экономическому и культурному развитию стекольного завода и города Дагестанские Огни в 1921–1980-е гг. посвящена коллективная монография «Дагестанские Огни» [35].

История становления поселка «Двигательстрой» в первые годы советских пятилеток вокруг градообразующего предприятия – оборонного завода «Дагдизель», превращения его в «социалистический» и «постсоветский» город Каспийск освещается в монографиях ряда авторов [36–40].

Проблеме дагестанского и северокавказского города был посвящен ряд международных научных конференций, проведенных Институтом ИАЭ ДНЦ РАН и другими научными учреждениями Северного Кавказа. В докладах участников прошедшей в 2012 г. конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе» были освещены вопросы возникновения городов и городского населения, основных характеристик процесса урбанизации на Северном Кавказе в древности, средневековье, новое и новейшее время [41].

Состоявшаяся в ноябре 2016 года международная научная конференция «Северокавказский город в региональном историческом процессе», посвященная 150-летию Темир-Хан-Шуры – Буйнакск, рассмотрела проблемы возникновения городов на Северном Кавказе, их экономического развития, социального облика, культуры, архитектуры, повседневной жизни в средние века, новое и новейшее время [42, с. 246–250].

Проведенный в октябре 2017 году в г. Грозный Всероссийский историко-этнографический форум изучил вопросы возникновения и развития городов на Кавказе в древности, Новое и Новейшее время, рассмотрел вопросы основания военных крепостей и военно-административных центров, превращению их в города в пореформен-

ный период Российской империи. Показан вклад северокавказских городов в социально-экономическое и культурное развитие региона [43].

Таким образом, как это видно из приведенного материала, проблемам зарубежной и отечественной урбанистики, формирования и развития города, трансформациям культуры и быта его населения в различные исторические эпохи посвящен целый ряд монографий, статей, материалов научных форумов [44, с. 8–10].

Практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что его результаты позволят расширить и углубить наши знания в области Новейшей истории и этнографии горожан Дагестана, сформировать более полную картину их занятий, культуры и быта, выработать практические рекомендации по оздоровлению социально-экономической и культурной ситуации в депрессивном и трудоизбыточном регионе. Материалы исследования могут быть использованы учеными при написании обобщающих трудов по истории и этнографии народов Дагестана и Северо-Кавказа студентами, магистрантами, аспирантами и преподавателями гуманитарных вузов, историками, этнографами, демографами, религиоведами, культурологами, специалистами министерств и ведомств в их практической работе (например, при формировании организационного обеспечения системы управления деятельностью городских промышленных предприятий, обеспечении оптимального использования материальных, трудовых, финансовых, инвестиционных ресурсов, разработке эффективной инвестиционной политики, улучшении миграционной и демографической ситуации и т. п.). Изучение современных занятий и бытовой культуры горожан Дагестана поможет устранению существующих экономических и социальных проблем у населения этого региона.

Литература

1. Булатов Б.Б., Сефербеков М.Р. Влияние глобализации и модернизации на трансформацию городской культуры Дагестана в постсоветский период // Материалы V Межд. конгресса кавказоведов «Грузия в культурно-цивилизационном контексте Кавказа». – Тбилиси, 2019. – С. 125–127, 299–301.
2. Антропология города: материалы конференции молодых ученых (Москва, 4–6 декабря 2013 г.). – М.: ИЭА РАН, 2014. 229 с.
3. Очерки по культурной антропологии американского города / отв. ред. Э.Л. Нитобург, В.А. Тишков. – М.: Наука, 1997. – 314 с.
4. Покишиевский В.В. Об изучении урбанизации развивающихся стран и связанных с нею этнических процессов. – М.: Наука, 1964. – 15 с.
5. Антропология города. Вып. 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность /

под ред. Ю.П. Шабаева, И.Л. Жеребцова. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. – 192 с.

6. *Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю.* Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного процесса. – Пятигорск, 2014. – 72 с.

7. Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде / отв. ред. Ю.М. Ботяков. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – 432 с.

8. Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации: Научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой / сост., отв. ред. Ю.А. Анчабадзе. – М.: Три квадрата, 2016. – 256 с.

9. *Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л.* Горцы после гор: миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. – СПб., 2011. – 438 с.

10. Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН) / отв. ред. М.-Р.А. Ибрагимов. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – 236 с.

11. *Далгат Э.М., Салихова Л.Б.* История возникновения городов Дагестана (XX век) // Известия СОИГСИ. – 2017. – № 24 (63). – С. 49–58.

12. *Волкова Н.Г.* Изменения в национальном составе городского населения Северного Кавказа за годы Советской власти // Советская этнография. – 1965. – № 2. – С. 40–56.

13. *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. – М.: Наука, 1982. – 176 с.

14. *Ибрагимов М.-Р.А., Магомедханов М.М.* Этнодемографические аспекты формирования городского населения Дагестана (вторая половина XIX – начало XXI вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. Вып. I. – СПб., 2009. – С. 247–259.

15. *Гаджалова Ф.А.* Проблемы сохранения и возрождения национального костюма народов Дагестана в постсоветский период // Российский Кавказ: Проблемы, поиски, решения / под ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 368–372.

16. *Гаджиханова Р.Г.* Дагестанский костюм. – Махачкала: ИД «Эпоха», 2010. – 232 с.

17. *Доде З.В.* Платок и хиджаб. Папаха и чалма. О национальных и конфессиональных традициях в культуре народов Северного Кавказа // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 4. – С. 129–153.

18. *Рамазанова З.Б.* Культура питания народов Дагестана в XIX – начале XXI в.: Традиции и инновации. – Махачкала, 2017. – 293 с.

19. *Алигаджиева З.А.* Брак и свадебная обрядность аварцев Дагестана в условиях глобализации: сохранение идентичности и модер-

низации // Материалы III Межд. конгресса кавказоведов «Мультикультурализм и толерантность на Кавказе». – Тбилиси, 2013. – С. 312–315.

20. *Алигаджиева З.А.* Современное религиозное и гражданское оформление брака у аварцев // Кавказ и мир: международный научный журнал. № 15. – Тбилиси, 2013. – С. 59–64.

21. *Алигаджиева З.А.* Современная свадебная обрядность аварцев (традиции и инновации). – Махачкала, 2015. – 210 с.

22. *Амирханова А.К.* Брачные инициативы современной городской молодежи Дагестана // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. – 2017. – № 4 (52). – С. 106–111.

23. *Амирханова А.К., Магомедова П.М.* Современная городская свадьба в Дагестане в условиях глобализации // Сб. статей VI Межд. конференции «Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа» / отв. ред. И.М. Сампиев. – Назрань: ООО «Кеп», 2018. – С. 179–188.

24. *Мусаева М.К.* Обряды жизненного цикла у народов Дагестана в современной урбанистической среде // Сб. статей VI Межд. конференции «Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа» / отв. ред. И.М. Сампиев. – Назрань: ООО «Кеп», 2018. – С. 346–356.

25. *Мусаева М.К.* Похоронно-поминальная обрядность народов Дагестана в современных городских условиях // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. – 2017. – № 4 (52). – С. 112–121.

26. *Евлоева Л.М.* Брак и формы его заключения у ингушей (середина XX – начало XXI в.) // История, археология и этнография Кавказа. – 2018. – Т. 14, № 1. – С. 68–74.

27. *Хашба А.Ш.* Семейные праздники абхазов: традиции и современность // История, археология и этнография Кавказа. – 2018. – Т. 14, № 1. – С. 75–80.

28. *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Старый Тбилиси: город и горожане в XIX веке. – М.: Наука, 1990. – 273 с.

29. *Багати Н.В.* Этнодемографические процессы в Гудауте (конец XIX – начало XXI вв.). – Сухум: АБИГИ, 2019. – 384 с.

30. *Далгат Э.М.* Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. / Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. – Махачкала: МавраевЪ, 2015. – 256 с.

31. *Мирзабеков М.Я., Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Культура дагестанского города. XX век. – Махачкала, 2007. – 383 с.

32. *Кажлаев А.Н.* Возникновение и экономическое развитие Махачкалы. – Махачкала, 1967. – 234 с.

33. *Кажлаев А.Н.* Возникновение и экономическое развитие городов Дагестанской АССР. – Махачкала, 1971. – 330 с.

34. *Амиров С., Бутаев М., Далгатов И.* Махачкала в годы войны и мира. – Махачкала, 2000. – 72 с.
35. *Гусейнов М.Ш., Бабаев А.-М.Б., Гусейнова С.К.* Дагестанские Огни: первый высококомеханизированный стекольный завод России. – Махачкала, 2007. – 170 с.
36. *Ханин Л., Покорский Н.* Рожденный у моря. – Махачкала: Юпитер, 1998. – 230 с.
37. *Кириленко Г.В.* О школе и о себе: 50 лет спустя (В воспоминаниях учеников и учителей школ г. Каспийска 1938–1956 гг.). – М., 2004. – 254 с.
38. *Кириленко Г.В.* Ты юность наша вечная... (Воспоминания учеников и учителей школ г. Каспийска о школе, о себе и о встрече «50 лет спустя»). – М., 2005. – 228 с.
39. *Кириленко Г.В.* Рассекреченный город. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2013. – 482 с.
40. *Абачараев М.М., Дагларов Р.Н.* Мой город родной: Публицистика / под ред. Г.В. Кириленко. – Махачкала: Эпоха, 2009. – 416 с.
41. Северокавказский город в региональном историческом процессе: материалы Межд. науч. конференции. 18–19 сентября 2012 г., г. Каспийск, Республика Дагестан / отв. ред. Э.М. Далгат, сост. А.С. Халилова. – Махачкала, 2012. – 408 с.
42. *Сефербеков Р.И., Атаева П.А.* Историография проблемы изучения истории, культуры и быта горожан Дагестана в новейшее время // Материалы Всерос. научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе», посвященной 150-летию г. Буйнакск. 16 ноября 2016 г., г. Буйнакск, Республика Дагестан. – Махачкала: Алеф, 2017. – С. 246–250.
43. Сборник материалов Всероссийского историко-этнографического форума «Роль северокавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа», посвященного 200-летию основания г. Грозного (г. Грозный, 3 октября 2017 г.) / под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магомадова. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017. – 313 с.
44. *Булатов Б.Б., Зулпукарова Э.М.-Г.* Историография постсоветского дагестанского города // Пятые Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Р.М. Магомедова: сб. статей. – Махачкала: Издательство ДГУ, 2018. – С. 8–10.

Глава I. ПЕРИОДИЗАЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ДАГЕСТАНЕ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Основной целью данного исследования является составление периодизации этапов, происходивших в России и на Кавказе (Дагестане) модернизационных и трансформационных исторических макропроцессов в дореволюционное, советское и постсоветское время, а также фиксация результатов этих изменений.

Методология научного исследования предполагает установление системы общенаучных и специальных методов и принципов. При исследовании проблемы автор использовал исторический метод (варианты: историко-генетический и «ретроспективный» методы), результатом которого является создание *периодизации* с ее правилами *одинаковых оснований, иерархии, равнозначности*; сравнительный метод, логическим основанием которого является аналогия со сходством предметов; метод типологий, который отображает историческую реальность в виде логических моделей («идеальные типы»); структурный метод, выявляющий устойчивые связи внутри системы и обеспечивающий сохранность основных свойств; системный метод с его принципом *изоморфизма*; нарративный метод.

Указанные общенаучные и специальные исторические методы позволили нам экстраполировать исторические макропроцессы (модернизации и связанные с ними трансформации), происходившие за последние 150 лет в Дагестане, на Кавказе (Северный Кавказ) и России (СССР) и предложить свою схему периодизации.

В экономике под модернизацией обычно понимают ввод усовершенствований, отвечающих современным требованиям, например, модернизацию оборудования [1, с. 453], а в исторической науке – переход от сословного и аграрного общества к гражданскому и индустриальному [2, с. 803]. Более расширенное толкование этого понятия предполагает структурные изменения общественной жизни, сопровождаемые трансформацией общественных институтов, экономики и политики, поведения и мышления людей, их менталитета.

Страны, приступившие к модернизации позже остальных, осмыслили ее как «догоняющее развитие», и ориентировались на нее, как на приоритет в государственной политике [3, с. 585].

Как считает С.Н. Гавров, обычно категория модернизации рассматривается в трех различных вариантах: а) как относящееся к европейскому Новому времени внутреннее развитие стран Западной Европы и Северной Америки; б) догоняющая модернизация, которая практикуется странами, не относящимися к первой группы, но стремящиеся догнать их; в) эволюционное развитие наиболее модернизирован-

ных обществ Западной Европы и Северной Америки, в которых модернизация рассматривается как перманентный процесс реформ и инноваций, завершающийся переходом к постиндустриальному обществу [4, с. 821–830].

В.В. Согрин выделяет три концепции модернизации России в 80–90-х гг. XX в.: формационная – демократического рыночного социализма; либерально-демократическая – гражданского общества, капиталистического рынка, частной собственности, политического плюрализма; цивилизационная: Россия – особая цивилизация, в которой возможны лишь отдельные заимствования либерально-демократических ценностей [5, с. 91–92].

Помимо различных однолинейных теорий и цивилизационного подхода, существуют многолинейные теории социальной эволюции, такие как мир-системный подход, который моделирует циклы экономического, социального и культурного роста или упадка различных центров и периферий [6, с. 166].

По мнению Н.Н. Крадина, в наше время наиболее перспективной методологией для описания крупномасштабных исторических процессов является мир-системный подход [6, с. 200].

Итак, как это видно, в российской исторической науке при описании крупномасштабных исторических процессов имеется несколько идеологических подходов (формационный, либерально-демократический, цивилизационный), однолинейных (марксизм, неоэволюционизм, теории модернизации и др.) и многолинейных теорий, среди которых наиболее перспективной методологией описания макропроцессов считается мир-системный подход.

Применительно к кавказским реалиям под модернизацией понимают системные изменения, которые охватывают сферу социальной традиции и изменяют предшествующий этнокультурный облик общества [7, с. 5]. Происходившие на Северном Кавказе модернизационные процессы затрагивались в трудах российских историков и этнологов. Так, трансформационным процессам в культуре горцев во второй половине XX – начале XXI в. посвящена монография Ю.Ю. Карпова и Е.Л. Капустинной [8].

Влияние российских городов на политическую, социальную и культурную жизнь населения Северного Кавказа в связи с процессами модернизации и возникающими при этом конфликтами в городской среде освещено в работе С.Л. Дударева и Ю.Ю. Клычникова [9].

Что же касается этапов модернизации, то, как считает Ю.Д. Анчабадзе, история Кавказа знает два периода модернизаций и трансформаций. После присоединения края к России наблюдаются всесторонние инфраструктурные изменения в материальной и духовной культуре его народов, вовлеченных в европейский вектор цивилиза-

ционного развития. Советские реформы 1920-1930-х и последующих годов изменили социально-экономическую и духовно-идеологическую природу кавказских социумов. Сегодня Кавказ переживает третий этап модернизационных трансформаций. Он связан с процессами глобализации, информационной открытости и транскультурными взаимодействиями [7, с. 6].

На наш взгляд, предложенная Ю.Д. Анчабадзе периодизация применима не только к истории Кавказа (Северного Кавказа), но и к России (СССР) в целом.

Итак, по мнению Ю.Д. Анчабадзе, во второй половине XIX – начале XXI в. Кавказ претерпел три этапа модернизации. Первый этап связан с присоединением Кавказа к России, которое завершилось с окончанием Кавказской войны (1864 г.) и пореформенным периодом, когда край был инкорпорирован в общероссийское экономическое и правовое пространство, что дало простор развитию капиталистических отношений в промышленности и аграрной сфере [10, с. 131–218, 299–328; 11].

Несомненно, что события октября 1917 г. дали толчок второму этапу модернизационных процессов в России [12, с. 137–142]. Они были связаны с индустриализацией, аграрными преобразованиями и переходом к массовой коллективизации сельского хозяйства, которые были реализованы в годы первого и второго пятилетних планов развития народного хозяйства СССР [13; 14, с. 82–211]. Предпринятые преобразования в экономике привели к созданию мощного промышленного потенциала [15], который был подтвержден событиями Великой Отечественной войной.

Со вторым этапом модернизации связаны процессы преобразований и системного обновления хозяйства и бытовой культуры дагестанских народов [16; 17]. Они коснулись хозяйственных занятий, материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта [18; 19].

И, наконец, третий этап модернизации в периодизации Ю.Д. Анчабадзе охватывает современный период, который, на наш взгляд, начинается с периода «перестройки», развала СССР и завершается утверждением нового общественного строя в России.

Не отвергая в целом, как нам кажется, верную для России и Северного Кавказа периодизацию исторических макропроцессов, предложенную Ю.Д. Анчабадзе, мы предлагаем свою, где основной упор сделан на трансформацию бытовой культуры народов Дагестана.

Мы считаем, что в развитии бытовой культуры дагестанцев в пореформенный период, годы советской власти и в постсоветский период прослеживаются пять этапов модернизационных трансформаций. Первый этап охватывает собой время от второй половины XIX в.

до начала XX в., когда весь уклад хозяйственной и общественной жизни в крае сохранял в основном традиционные черты. Это был период, когда после окончания Кавказской войны и создания Дагестанской области на Северном Кавказе были проведены административно-судебная и аграрная реформы [10, с. 257–284]. Большое значение для подъема экономики Дагестанской области в пореформенный период имело строительство Владикавказско-Петровской железной дороги, связавшей Дагестан с Россией и Южным Кавказом через Северный Кавказ, а также развитие дагестанских городов [20] и капиталистической промышленности (мелкотоварное производство, мануфактура и крупная машинная индустрия) [21, с. 534–623]. Все эти процессы отразились на социально-экономическом и культурном развитии северокавказских народов [22] и способствовали их втягиванию в общероссийское экономическое, правовое и культурное пространство [23].

Второй этап периодизации начинается с установления советской власти в Дагестане и проведения в 1920–1930-х гг. индустриализации [24], кооперирования кустарей и объединения их в промысловые артели [25], земельной и водной реформ, создания колхозов и совхозов [26; 27], началом коренных преобразований в быту и культуре дагестанцев [21, с. 124–155].

Третий этап выпадает на военные и послевоенные годы восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития страны (1941–1945 и 1946–1960 гг.) – период системных изменений в традиционном быту и внедрения новаций. Катализатором этих процессов послужили русские специалисты, прибывшие в Дагестан [28], а также события Великой Отечественной войны [29–33], укрупнение колхозов и повышение уровня механизации сельскохозяйственного производства, образование Дагестанского Совнархоза, научно-техническая революция, восстановление и развитие системы высшего образования и научно-исследовательских работ, процессы урбанизации [14, с. 298–379].

Четвертый этап выпадает на вторую половину 1960-х – 1991 г. – время складывания основных черт современного быта и культуры дагестанских народов. Следует отметить, что во второй половине 1960-х годов в экономике и общественном быту народов Дагестана происходят важные события, повлиявшие на все стороны их жизни и изменившие социальный облик села. Это относится к росту промышленного потенциала в условиях НТР, укрупнение экономически маломощных колхозов и преобразование их в совхозы [34], новый толчок получило осуществлявшееся с первых лет советской власти в Дагестане плановое переселение части трудоизбыточного населения горных районов на равнину [35–37]. Начиная с 1970-х годов эти нарастающие изменения приобрели необратимый характер [38]. Пятый этап трансформаций выпадает на постсоветский период [39, с. 131–156].

Что же касается периодизации трансформационных процессов «перестроечного» и постсоветского времени, то исходя из анализа общественно-политических процессов, материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта народов Дагестана, можно отметить разную степень интенсивности протекания этих процессов в их бытовой культуре: во второй половине 80-х – 90-е гг. XX в. они были незначительны; с конца 90-х гг. XX в. и в 2000-е гг. начали набирать обороты, а с 2010 г. и в последующее время приняли необратимый характер.

Особое место в предложенной периодизации занимают 1992–1997 гг., на которые приходится пик так называемых «либеральных рыночных реформ», негативных явлений в экономике, общественной и социальной жизни Дагестана и России [40, с. 82–89; 41, с. 406–421], после чего наступает стабилизация, относительный рост и позитивные изменения в производстве и жизненном уровне населения депрессивно-трудоемкого региона [42, с. 353–359; 43].

Таким образом, периодизацию происшедших за последние 150 лет в России и на Северном Кавказе, революционных и эволюционных исторических макропроцессов, можно представить в виде взаимосвязанных этапов, с которыми связаны трансформации, отразившиеся на хозяйстве и бытовой культуре россиян. Несмотря на то, что все это время инновации интенсивно внедрялись в экономику и социальную сферу населения региона, современные народы Дагестана продолжают сохранять многие элементы своих традиционных быта и культуры и это вселяет определенную надежду на сохранение этнической идентичности дагестанцев в эпоху глобализации.

Литература

1. Экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – 2-е изд. – М.: Институт новой экономики, 2009. – 1152 с.
2. Большая Российская энциклопедия: энциклопедический словарь / отв. ред. С.Л. Кравец. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2011. – 1519 с.
3. *Подвойский Д.Г.* Модернизация // Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С.Л. Кравец. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2012. Т. 20. – 767 с.
4. *Гавров С.Н.* Модернизация // Социокультурная антропология: история, теория, методология. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект: Константа, 2012. – С. 821–830.
5. *Согрин В.В.* Концепция современной российской модернизации: идеология и историография // Проблемы исторического познания / под ред. Г.Н. Севастьянова. – М.: Наука, 1999. – С. 191–197.

6. *Крадин Н.Н.* Проблемы периодизации исторических макро-процессов // История и математика: модели и теории / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. – М.: ЛКИ/URSS, 2008. – С. 166–200.

7. *Анчабадзе Ю.Д.* От составителя // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизация. Научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой / сост., отв. ред. Ю.А. Анчабадзе. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 5–7.

8. *Карнов Ю.Ю., Капустина Е.Л.* Горцы после гор: Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. – СПб., 2011. – 438 с.

9. *Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю.* Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного процесса. – Пятигорск, 2014. – 72 с.

10. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 659 с.

11. *Нахиунов И.Р.* Экономические последствия присоединения Дагестана к России (дооктябрьский период). – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. – 157 с.

12. *Сефербеков Р.И., Халидова О.Б.* Влияние Октябрьской революции 1917 г. на хозяйство, быт и культуру народов Дагестана // Вопросы истории. – 2018. – № 3. – С. 137–142.

13. *Даниялов А.Д.* Строительство социализма в Дагестане. 1920–1940 гг. (узловые проблемы). – М.: Наука, 1975. – 301 с.

14. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2. История Дагестана в XX веке. – Махачкала: Юпитер, 2005. – 664 с.

15. *Жибарев П.Б.* Индустриализация СССР – великий подвиг советского народа. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. – 328 с.

16. *Каймаразов Г.Ш.* Культурное строительство в Дагестанской АССР (1920–1940 гг.). – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. – 183 с.

17. *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2007. 464 с.

18. *Алиев А.И.* Исторический опыт строительства социализма в Дагестане. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. – 223 с.

19. *Даниялов Г.-А.Д.* Социалистические преобразования в Дагестане. 1920–1941 гг. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. – 543 с.

20. *Далгат Э.М.* Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. – Махачкала: МавраевЪ, 2015. – 256 с.

21. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. – М.: Наука, 2004. – 627 с.

22. Материалы Всерос. науч. конференции «Трансформация социально-экономических отношений на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в.», посвященной 100-летию крестьянской реформы 1913 г. в Дагестане (29 октября 2013 г.). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, Алеф, 2014. – 146 с.

23. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией: К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. – 752 с.

24. Булатов А.Г. Индустриализация Дагестана: история, опыт, проблемы (1926–1932 гг.) – Махачкала, 2001. – 136 с.

25. Искендеров Г.А., Булатов Б.Б. Кооперации Дагестана (сущность, закономерности, особенности) первая половина XX века. – Махачкала: Rizo-Press, 2007. – 397 с.

26. Булатов Г.И. Победа калковского строя в Дагестане. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1976. – 117 с.

27. Искендеров Г.А. История советского крестьянства Дагестана. – Махачкала, 1986. – 326 с.

28. Гусейнов М.Ш. Братская помощь русского народа в индустриальном развитии республик Северного Кавказа в годы первых пятилеток // Великий Октябрь в исторических судьбах народов Дагестана: сб. ст. / отв. ред. Г.Ш. Каймаразов – Махачкала: Даг. ФАН СССР, 1989. – С. 77–117.

29. Материалы региональной научной конференции «Великий подвиг советского народа: актуальные проблемы изучения участия народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне», посвященной 68-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (24 мая 2013 г.). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2013. – 248 с.

30. Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Документы и материалы: К 60-летию Победы / отв. ред. А.И. Османов. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2005. – 776 с.

31. Сборник материалов Всерос. конференции «Народы Северного Кавказа в событиях Великой Отечественной войны: новые документы и материалы», посвященный 70-й годовщине Победы СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (28 апреля 2015 г.). – Махачкала: Алеф, 2015. – 280 с.

32. Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: документы и материалы: в 2 т. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, Алеф, 2015. Т. I. – 368 с.

33. Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. II. ИИАЭ ДНЦ РАН, Алеф, 2018. – 284 с.

34. *Искендеров Г.А.* История совхозного строительства в Дагестане. 1920–1980 гг. – М.: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1982. – 167 с.

35. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920–1945 гг.): документы и материалы; в 2 т. / отв. ред. А.И. Османов, сост. Г.И. Какагасанов и др. – Махачкала: ИД «Наука плюс», 2006. Т. 1. – 348 с.

36. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1946–1995 гг.): документы и материалы; в 2 т. / отв. ред. А.И. Османов, сост. Г.И. Какагасанов и др. – Махачкала: ИД «Наука плюс», 2006. Т. 2. – 220 с.

37. *Османов А.И.* Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е годы XX в.). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000. – 335 с.

38. Современная культура и быт народов Дагестана. – М.: Наука, 1971. – 237 с.

39. *Булатов Б.Б., Османов А.И., Сефербеков Р.И.* Трансформация хозяйства, быта и культуры народов Дагестана в советский и постсоветский периоды // Кавказология. – Нальчик, 2018. – № 1. – С. 131–156.

40. *Муслимова Н.Т.* Либеральные реформы первой половины 90-х гг. XX в. и их влияние на экономику Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2016. – № 3 (47). – С. 82–89.

41. *Османов А.И.* Население Дагестана с древнейших времен до конца XX века: историко-этнодемографическое исследование. – Махачкала: Алеф, 2011. – 448 с.

42. *Мирзабеков М.Я., Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Культура дагестанского города XX в. – Махачкала, 2007. – 384 с.

43. *Эскеров Д.Б.* Социально-экономические проблемы формирования рынка труда и управления занятостью в депрессивно-трудозыбыточном регионе. – Махачкала: ИСЭИ ДНЦ РАН, 2000. – 312 с.

Глава II. ГОРОДА ДАГЕСТАНА: ИСТОРИЯ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

1. Прикаспийские города Дагестана – центры этнокультурного и социокультурного взаимодействия

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Республике Дагестан насчитывалось 10 городов с тремя внутригородскими городскими районами. Муниципальные образования состояли из 10 городских округов с 8 городскими поселениями [11, с. 51]. К Прикаспийским городам Дагестана относятся образовавшиеся в разное

время гг. Махачкала, Каспийск, Избербаш, Дагестанские Огни и Дербент.

Численность населения городов Дагестана по результатам переписей 2002 и 2010 гг. выглядела соответственно следующим образом [11, с. 31, 33–35, 38, 47, 48].

№	Города Дагестана	Перепись 2002 г.	Перепись 2010 г.
1	Махачкала	462 412	572 076
2	Дербент	101 031	119 200
3	Каспийск	77 650	100 129
4	Избербаш	39 365	55 646
5	Дагестанские Огни	26 346	27 923

Результаты переписей 2002 и 2010 гг. показывают, что наибольший прирост населения наблюдается в гг. Избербаш, Каспийск и Махачкала, а наименьший – в гг. Дербент и Дагестанские Огни. Немалую роль в этих процессах играли неконтролируемая миграция сельского населения в города республики [19] и отток русскоязычного населения из мест их традиционного проживания [3, с. 104–111; 10].

Этнический состав городов Дагестана характеризуется мозаичностью. Это подтверждается результатами Всероссийской переписи населения 2010 г. Численность основных этносов Дагестана в городах (городских округах) и их доля (в %) выглядела следующим образом [13].

Города	Аварцы	Даргинцы	Кумыки	Лезгины	Лакцы	Русские	Табасаранцы	Рутульцы
Махачкала	186.088 26.70 %	106.831 15.30 %	133.592 19.17 %	88.604 12.71 %	86.089 12.35 %	37.641 5.40 %	14.086 2.02 %	8.673 1.24 %
Дербент	541 0.5 %	6.692 5.6 %	473 0.4 %	40.188 33.7 %	472 0.4 %	4.450 3.7 %	18.839 15.8 %	921 0.8 %
Каспийск	14.651 14.63 %	20.760 20.73 %	9.697 9.68 %	21.500 21.39 %	14.269 14.25 %	8.995 8.98 %	5.419 5.41 %	1.166 1.16 %
Избербаш	1.932 3.47 %	36.115 64.9 %	8.424 15.14 %	4.347 7.81 %	1.402 2.52 %	2.067 3.71 %	-	-
Дагестанские Огни	-	1.835 6.57 %	-	4.986 17.86 %	-	303 1.09 %	12.901 46.20 %	-

Города	Агулы	Азербайджанцы	Цахуры	Ногайцы	Чеченцы	Горск. еврей	Армяне	Другие
Махачкала	6.581 0.94 %	6.333 0.91 %	3.167 0.45 %	6.330 0.91 %	1.179 0.17 %	-	1.501 0.22%	5.612 0.81 %
Дербент	3.775 3.2 %	38.523 32.3%	-	-	-	1.345 1.1 %	1.367 1.2 %	1.614 1.4 %
Каспийск	1.708 1.71 %	-	-	-	-	-	-	1.870 1.87 %
Избербаш	-	-	-	-	-	-	-	1.208 2.17 %
Дагестанские Огни	858 3.07%	6.465 23.15%	-	-	-	-	-	503 1.80 %

Из таблицы видно, наиболее крупными и преобладающими в городах Прикаспийского Дагестана этносами являются: в Махачкале – аварцы, кумыки, даргинцы, лезгины и лакцы; в Каспийске – лезгины, даргинцы, аварцы, лакцы, кумыки и русские; в Избербаше – даргинцы, кумыки и лезгины; в Дербенте – лезгины, азербайджанцы и табасаранцы; в Дагестанских Огнях – табасаранцы, азербайджанцы, лезгины и даргинцы. Преобладание аварцев наблюдается в Махачкале, даргинцев – в Избербаше и Махачкале, лезгин – в Дербенте, Каспийске и Дагестанских Огнях, кумыков – в Махачкале и Избербаше, русских – в Каспийске, табасаранцев – в Дагестанских Огнях и Дербенте, азербайджанцев – в Дербенте и Дагестанских Огнях.

Приморские города Дагестана можно отнести к этноконттактным зонам соприкосновения горских народов Дагестана с русскими – во всех городах, с азербайджанцами – в г. Дербент и Дагестанские Огни, с кумыками – в большинстве городов (кроме г. Дербент и Дагестанские Огни, где они в незначительном количестве или их нет вообще). Города также являются местом контактов городского и сельского населения.

Как отмечают исследователи, с 1991 по 2010 г. для этнодемографического развития Дагестана «характерен высокий среднегодовой прирост населения республики, нарастающее увеличение доли пяти относительно крупных народов (аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин и лакцев) за счет численной массы и более высокого уровня естественного прироста» [9, с. 405].

Одним из компонентов общественного быта являются праздники и досуг. Праздники – неотъемлемая часть общественного быта, в развитии и совершенствовании которого решающую роль играют политические, социально-экономические и культурные преобразования. Вплоть до 1991 г. населением Дагестана праздновались советские, календарные и религиозные праздники. С распадом СССР ушли в прошлое идеологические советские праздники. В России наряду с некоторыми сохранившимися старыми праздниками были учреждены новые государственные праздники, которые были объявлены всенародными выходными днями.

К числу календарных праздников относятся праздники весны и первой борозды. Следует отметить, что празднование традиционных календарных праздников весны и первой борозды в Дагестане носит стабильный и устойчивый характер не только в сельской местности, но и в условиях города. Их празднование, как в советское время, так и в последние 28 лет, способствует сохранению этнической идентичности народов Дагестана в условиях глобализации [17, с. 361–368]. Распад СССР и смена парадигмы общественно-экономического строя не повлияли на желание властей и населения республики отмечать этот

праздник. Об этом свидетельствуют и республиканские СМИ [4, с. 1; 12, с. 4].

В Дербенте и Дагестанских Огнях, где проживает и азербайджанское население, праздник весны известен как *Навруз-байрам*. Несмотря на проводимые в последние десятилетия экономические реформы, кризис, сложную политическую ситуацию, *Навруз* праздновался на уровне городов и районов. С 2000 г. он отмечается на республиканском уровне.

По традиции празднование этого праздника в Дербенте проходило очень красочно и торжественно. Так, в 21 марта 2015 г. в Дербенте на площади Свободы собрались сотни горожан. Многие пришли с детьми, что еще раз доказывает, насколько бережно жители самого древнего города России относятся к традициям предков и стараются с самых малых лет передать их следующим поколениям. В большом праздничном концерте, организованном отделом по делам культуры, национальной политики и религии администрации г. Дербента, приняли участие творческие коллективы города, известные дагестанские исполнители: танцевальные ансамбли «Импульс» и «Дербент». Праздник продолжился факельным шествием, фейерверком и завершился зажиганием большого костра, символизирующего приход весны и начало новой жизни [5].

Отмечали праздник весны на республиканском уровне и горожане г. Махачкалы [6].

Все постсоветские годы отмечают праздник начала весны в г. Каспийске. Практически в каждом дворе этого города, на детских площадках многоэтажных домов детьми и подростками разжигаются большие костры. Топливо для этих костров заготавливается заблаговременно.

Традиция – отмечать праздник начала весны «Эбелцан» с 1991 г. и по настоящее время сложилась у табасаранцев г. Махачкала, Каспийск, Дербент и Дагестанские Огни. Помимо разжигания костров и перепрыгивания через них практикуется хождение в гости к соседям и родственникам с угощением традиционными блюдами – злаково-бобовым варевом (*кьуяр, дангу*), блинами (*гьванжрар*), пирогами (*чIергъни галар, афар, цIикаб*), вареными яйцами. Традиционно для жителей этих городов табасаранским профессиональным театром устраивается праздничное представление «Эбелцан» [2, с. 216].

В 2018 году в Дербенте, по инициативе Историко-культурного центра «Дербент» объединенный праздник «Новруз-байрам – Яран Сувар – Эбелцан», в котором приняли участие лезгины, табасаранцы и азербайджанцы, прошел 18 марта на территории музея-крепости «Нарын-Кала».

Итак, можно отметить, что одним из элементов этнокультурного и социокультурного взаимодействия горожан Дагестана постсоветского периода являются календарные праздники.

Таковыми же элементами общественного быта горожан Дагестана являются религиозные праздники. Если в советское время конфессиональная деятельность в Дагестане была строго регламентирована государством [1, с. 19–23], то с началом, так называемой перестройки (1985–1991 гг.) наблюдается улучшение государственно-религиозных взаимоотношений. Если к 1987 г. в Дагестане действовали 27 мечетей в 12 районах и 4 городах, 5 православных церквей и 3 иудейских религиозных объединений [17, с. 60, 69], то с введением в действие Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» (октябрь 1990 г.) и Закона РД «О свободе совести и религиозных организаций» (1991 г.) свобода религиозной жизни получила новое правовое обоснование, что сразу же нашло реальное проявление: стало увеличиваться число религиозных объединений, действующих в республике. Получили право законной деятельности ранее считавшиеся запрещенными или действующие полулегально религиозные организации [8, с. 250].

Одним из показателей новых взаимоотношений государства и религиозных организаций и верующих в республике стало празднование мусульманских, христианских и иудейских праздников. Стало традицией, когда верующих с праздником поздравляет глава республики или председатель парламента [7; 14; 18].

Таким образом, можно сделать вывод, что в постсоветский период, образовавшиеся в разное время и имеющие различный этнический и конфессиональный состав Прикаспийские города Дагестана были этноконтактными зонами, местами этнокультурного и социокультурного взаимодействия горожан республики. Большую роль в этом сыграли календарные и религиозные праздники. Их празднование представителями разных этносов и конфессий способствует укреплению межнациональных и межконфессиональных отношений в такой мультикультурной республике, как Дагестан.

Литература

1. *Абдулагатов З.М.* Проблемы и тенденции становления современных государственно-конфессиональных отношений в России: на примере православия и ислама. – Махачкала, 2006. – 182 с.
2. *Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербекво Р.И.* Быт и культура табасаранцев в XIX–XX веках. – Махачкала, 2004. – 265 с.
3. *Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И.* Русское население городов Дагестана: динамика численности и причины оттока в постсоветский период // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2018. – № 4 (41). – С. 104–111.

4. Булатова А.Г. Праздник весны: истоки и традиции // Дагестанская правда. – 1992. – 26 марта. – № 61 (20413). – С. 1–4.
5. В Дербенте широко отметили праздник весны // Сайт «SKFO.RU». – Режим доступа: http://www.skfo.ru/news/2015/03/21/V_Derbente_otmetili_prazdnik_Vesn_yi_465/ (дата обращения: 21.03.2015).
6. В Махачкале прошел 15-й Республиканский праздник встречи весны // Сайт «Министерства культуры Республики Дагестан». – Режим доступа: http://minkultrd.ru/news/news_list/V_Makhachkale_proshel_15_y_Respublikanskiy_prazdnik_vstrechi_vesny_Navruz/ (дата обращения: 22.03.2015).
7. Глава республики поздравил мусульман Дагестана с наступлением месяца Рамадан // Сайт «РГВК Дагестан». – Режим доступа: <http://rgvktv.ru/obshchestvo/46104> (дата обращения: 27.05.2017).
8. Дагестан на рубеже веков: приоритеты устойчивого и безопасного развития / отв. ред. и сост. А.К. Алиев. – М., 1998. – 285 с.
9. Ибрагимов М.Р.-А. Проблемы этнодемографического развития Дагестана постсоветского периода // Межд. научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»: сб. кратких содержаний докладов. Тбилиси–Гори–Батуми, 27–30 сентября 2010 г. – Тбилиси, 2011. – С. 404–405.
10. Ибрагимов М.-Р.А., Халилова А.С. Трансформация этнической структуры города Дербента в постсоветский период // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20707> (дата обращения: 24.07.2018).
11. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. Т. 11. Сводные итоги: официальное издание. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. – С. 572 с.
12. Магомедов М. Встречаем Навруз-байрам // Дагестанская правда. – 1992. – 12 марта. – № 52 (20404). – С. 1–4.
13. О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Дагестан: статистический сборник. – Махачкала: Дагестанстат РД, 2012. – 45 с.
14. Поздравление президента Дагестана с наступлением месяца Рамазан // Дагестанская правда. – 2011. – 30 июля. – № 280–281 (26428-26429). – С. 1–4.
15. Религии и религиозные организации в Дагестане: справочник. – Махачкала, 2001.
16. Сефербеков Р.И. Мультикультурализм в Дагестане: сохранение этнической идентичности в условиях глобализации // Материалы III Межд. конгресса кавказоведов «Мультикультурализм и толерант-

ность на Кавказе». 23–26 октября 2013 г. – Тбилиси, 2013. – С. 267, 444–445.

17. *Сефербеков Р.И.* Праздничный календарь народов Дагестана в постсоветский период как значимый культурный феномен этнической идентичности в условиях глобализации // *Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения* / под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 361–368.

18. Хизри Шихсаидов поздравил иудейскую общину Махачкалы с праздником Песах // Сайт «РИА Дагестан». – Режим доступа: https://www.riadagestan.ru/news/the_people_s_assembly/khizri_shikhsaidov_pozdravil_iudeyskuyu_obshchinu_makhachkaly_s_prazdnikom_pesakh/ (дата обращения: 01.04.2018).

19. *Эфендиев И.И., Алиев Ш.М., Гимбатов Ш.М., Эльдаров Э.М.* Занятость и отходничество сельского населения Дагестана. – Махачкала: Наука плюс, 2008. – 200 с.

2. История г. Каспийска: от поселка «Двигательстрой» и «социалистического города» до постсоветского города

Из возникших в разное время городов Дагестана, Каспийск относится к группе городов, основанных в первые советские десятилетия, как новые промышленные центры [1, с. 41]. Его возникновение и развитие тесно связано с первенцем тяжелой промышленности Дагестана – заводом «Дагдизель».

После создания СССР и в первые годы советских модернизаций ЦК ВКП (б) рассматривал вопрос о строительстве крупного завода на Каспии по выпуску морских вооружений и нового поселка, в котором бы разместились его рабочие. Началом основания города принято считать дату 18 марта 1932 г., когда группа геологов двинулась в «долину смерти» (так называли тогда Туралинскую землю жители близлежащих селений) и разбила лагерь на месте будущего города – в 14 км южнее Махачкалы [2, с. 6]. Они обратили внимание на гору Турали. Проведенные геологические исследования и химический анализ показали, что гора представляет единый монолит, а по прочности близок к граниту. Подсчитали примерные запасы камня в этой горе, и оказалось, что из него можно построить не только завод и искусственную бухту при нем, но и большой рабочий поселок. Сейчас уже мало кто знает, что если бы не было в «Долине смерти» горы Турали, то строительство, возможно, начали в другом месте. По берегу Каспия в этой местности через каждые 3–4 км располагались рыбные промыслы от 1-х до 7-х Туралей. Все они были соединены узкоколейкой, проложенной вдоль берега моря в 1914 г. [3, с. 6, 11].

В дальнейшем сюда прибыли мелиораторы для проведения ирригационных работ. 5 мая 1932 г. было объявлено о начале всесоюзной стройки на Туралинской земле [4, с. 9]. На строительство завода и поселка стали прибывать рабочие и специалисты со всей страны – Москвы, Ленинграда, Ростова, Астрахани и др. городов. С комсомольскими путевками прибывала молодежь Украины, Урала, Закавказья, Средней Азии. Почти ежедневно палаточный городок пополнялся посланцами городов и горных аулов Дагестана. Они размещались в палатках и бараках. Таким образом, с самого начала строительство завода и поселка приобрело характер всенародной, интернациональной стройки. Люди разных национальностей и возрастов, охваченные энтузиазмом первых советских пятилеток, презрев трудности и невзгоды, стали возводить фундамент первенца индустрии ДАССР.

Условия жизни и труда были очень тяжелые – изнуряющая летняя жара, пыльные бури, привозимая на верблюдах и цистернах узкоколейки питьевая вода. По свидетельству очевидцев, место, где раскинулась строительная площадка, летом 1932 г. представляло собой непролазные болота, где скопища малярийных комаров непрерывно атаковали людей. Не случайно первые жители палаточного городка прозвали это место «Долиной смерти» [3, с. 12]. Серьезной проблемой для первостроителей стала малярия, которой болели до 80 % рабочих и служащих стройки. Махачкалинским тропическим институтом был проведен комплекс лечебно-профилактических мероприятий, позволивших локализовать заболеваемость [2, с. 7].

Строителям были нужны камень, щебень и известь. Его добывали тут же – в каменном карьере на Туралинской горке. Кирпичом стройку обеспечивал Таркинский кирпично-черепичный завод. Лес прибывал морем. Часть грузов поступала из Махачкалы по железной дороге (построена летом 1934 г.), гужевым и автомобильным транспортом по асфальтированному шоссе (было проложено в 1935 г.). Большую помощь в доставке стройматериалов к объектам строительства оказывал гужевой транспорт: в августе 1935 г. на конном дворе поселка насчитывалось 32 лошади и 18 быков.

В 1933 г. в поселке была открыта пекарня, но хлеба всем не хватало, и его по узкоколейке завозили из Махачкалы. Вскоре в поселке появились первые капитальные каменные дома: были сданы в эксплуатацию амбулатория, школа, каменные бараки, административное здание поселкового Совета. В дальнейшем были построены финские дома, жилые строения в так называемом «соцгородке», средние школы № 1, 2, 7, 8, школа-интернат, поликлиника. Школа № 2 в рекордные сроки была возведена из армянского туфа и к 29 августа 1939 г. была готова к приему учащихся. В 1936–1938 гг. были введены в строй котельные агрегаты Каспийской ТЭЦ [2, с. 13].

Вот что писал по поводу открытия первой школы в поселке Герман Кириленко: «5 мая 1932 г. в 18 км южнее Махачкалы была установлена первая палатка молодых строителей, а 1 сентября этого же года приступила к работе (тоже в палатке) 1-я начальная школа, ставшая основоположницей средней школы № 2. Всего через восемь лет палаточный поселок превратился в настоящий город: огромный завод, ТЭЦ, многоэтажные дома, две новые школы, поликлиника, больница, стадион, клуб, гостиница, библиотека, танцплощадка и т. д. Вместе с городом выросла и наша школа. В 1933 г. первая начальная школа из палатки перешла в камышовый барак, в 1934 г. она была реорганизована в семилетку и переведена в одноэтажное здание, в котором находится и поныне» [4, с. 9–10].

Первая электрическая лампочка в поселке загорелась в январе 1933 г. Энергию ей давала небольшая дизельная установка, которую в качестве подарка новостройке прислали рабочие Ленинградского завода им. Кирова. В конце этого же года на берегу Каспийского моря рядом с будущим заводом начали возводить ТЭЦ проектной мощностью в 20 тыс. киловатт [3, с. 23].

С первых же дней строительства решением Дагестанского обкома ВКП (б) на «Двигательстрое» была создана партийная организация во главе с парторгом З.Г. Феодаевым. К июлю 1933 г. в составе парторганизации стройки было уже 37 коммунистов, а председателем постройкома был назначен А. Дагларов.

Руководство стройкой вначале было поручено помощнику начальника Северо-Кавказского строительного треста Рынкевичу, которого затем сменил опытный строитель Николай Фетисов. Главным инженером стройки был назначен один из крупнейших гидротехников страны Александр Дезорцев [3, с. 14].

Осенью 1934 г. новостройку посетил инициатор и куратор поселка «Двигательстрой» Серго Орджоникидзе. Он интересовался жизнью и бытом строителей, посетил дома рабочих, побывал на строительных участках. В честь прибытия С.Г. Орджоникидзе был созван митинг, на котором он выступил с речью. Рабочие рассказали ему о существующих на стройке проблемах с питанием, отсутствием автотранспорта, спортивного инвентаря, условий для проведения досуга. Орджоникидзе дал слово помочь в решении этих проблем и сдержал его [2, с. 13–15].

Все события, происходившие во время строительства поселка «Двигательстрой», освещались в многотиражной газете «Даешь двигатель!» с тиражом в 500 экземпляров и периодичностью 1 раз в шестидневку. Ее редактором был назначен Телегин. Первый номер газеты вышел в конце января 1934 г. [2, с. 29].

Лишь 14 октября 1934 г. Постановлением Президиума и ЦИК ДАССР официально был образован поселок «Двигательстрой» с соответствующими административными органами. В связи с организацией поселкового совета «Двигательстрой» под его руководство перешли: медицинская сеть, отдел народного образования, паспортный стол, базар. Что же касается строящегося завода, то он продолжал оставаться заводом № 182 города Махачкала. В декабре 1934 г. на стройке был установлен заводской гудок. Каждое утро он извещал жителей поселка о том, что остается 30, а затем 15 минут до начала рабочего дня [3, с. 14–15].

В ходе строительства завода было осуществлено предусмотренное проектом сооружение станции в море для испытания будущих военных изделий предприятия. Строительство этого уникального и единственного в нашей стране сооружения началось в июне 1934 г., а завершилось в 1936 г. Станция площадью более 5 тыс. кв. м с наблюдательной вышкой высотой 42 м была воздвигнута в море на расстоянии 2,7 км от берега. Сооружение такого здания можно смело назвать образцом строительного искусства. Вся подводная часть гигантского павильона, получившая название «Массив», строилась на побережье в котловане емкостью 530 тыс. кубометров, вырытом с помощью земснарядов [3, с. 19, 20].

К 1936 г. на Туралинской земле невиданными темпами росла стройка, были осушены болота, уничтожены камыши, снизилась заболеваемость малярией. Появились улицы и новые жилые дома по ул. Мира, 1; ул. Ленина, 3, 5; ул. Советской, 6. В том же году строители сдали в эксплуатацию школу № 1 и 18 двухэтажных камышитовых («белые дома») и 12 брусчатых («стандартные дома») домов [2, с. 30].

В 1936 г. стройку посетил народный поэт Дагестана, названный Максимом Горьким «Гомером XX века», Сулейман Стальский. В честь этого события в поселке был организован митинг, на котором поэт выступил со своими стихами. После отъезда Сулеймана Стальского из «Двигательстроя» было решено назвать одну из улиц поселка в его честь [2, с. 30–31].

24 февраля 1936 г. поселок «Двигательстрой» посетил 1-й секретарь Дагестанского обкома ВКП (б) Н. Самурский. В сопровождении секретаря парткома завода «Двигательстрой» З.Г. Феодаева Самурский посетил его цеха, теплоэлектроцентраль и др. объекты. По рекомендации Н. Самурского в марте 1936 г. на стройке был организован райком ВКП (б) [2, с. 20].

Одной из главной проблем поселка было водоснабжение. До 1935 г. питьевая вода в него доставлялась транспортом из Махачкалы. Однако она не удовлетворяла растущих потребностей строительства. Источники водоснабжения были найдены в 27 км от поселка, в с. Ка-

рабудахкент. В течение 1934–1935 гг. от карабудахкентского источника «Бекенез» был сооружен самотечный водовод из трех ниток стальных труб диаметром 300 мм и общей протяженностью 81 км. Таким образом, к 1936 г. проблема обеспечения завода и поселка водой была полностью решена. Вода поступала сначала на насосную станцию, а затем по трубам – по всему поселку. С появлением воды в поселке появились зеленые насаждения – белая акация и фруктовые деревья [3, с. 16–17].

В апреле 1934 г. приняла своих первых больных городская больница. Первыми врачами поселка были Майдецкий, Кулишев, Минина, Михайлова, Макеева, Беречева и др. Часто на стройку приезжал нарком здравоохранения Дагестана Муслим Нахибашев. В 1936 г. в поселок приехал опытный врач Ксенофонт Зубович. К этому времени в поселке уже имелась поликлиника, которая располагалась в бараке. Новая поликлиника приняла своих пациентов в 1940 г. В 1935 г. усилиями фармацевта Фейзулы Кушиева в поселке была открыта первая аптека № 21 в доме по ул. Советская, 17 [2, с. 7, 9].

Летом 1936 г. был назначен первый директор завода – Е.М. Равикович, которого к концу года сменил К.К. Пога [3, с. 26]. В 1936 г. завод уже под руководством Николая Фетисова и главного инженера Александра Дезорцева изготовил опытную партию военных изделий, в 1937 г. начал серийный выпуск продукции, а в 1939 г. – вышел на проектную мощность. С 1938 по 1942 г. директором завода «Двигательстрой» являлся Владимир Алферов. Впоследствии он стал контр-адмиралом флота, доктором технических наук, лауреатом Ленинской и двух государственных премий, Героем Социалистического Труда, кавалером многих орденов и медалей [2, с. 10].

Одновременно с В.И. Алферовым главным инженером завода был назначен С.М. Каганович, много сделавший для освоения, выпуска и совершенствования продукции завода. Смена руководства завода № 182 была вызвана не столько трудностями и неудачами в период освоения изделия, сколько репрессиями 1937–1938 гг., прокатившимися по стране. Они коснулись и первых руководителей стройки и завода. По ложным доносам недоброжелателей были арестованы начальник строительства С.Б. Урицкий, парторг стройки З.Г. Феодаев, директор завода Е.М. Равикович и, сменивший его, К.К. Пога, главные инженеры А.С. Дезорцев и Б.Д. Благовещенский и ряд др. специалистов [3, с. 26].

Весной 1937 г. практически полностью было завершено строительство предприятия общей производственной площадью 70 тыс. кв. метров. Именно этот период следует считать датой окончательного пуска в эксплуатацию завода «Двигательстрой», построенного в соответствии с первым планом развития народного хозяйства СССР. Для

молодой Дагестанской республики это событие имело огромное историческое значение, оно стало началом ее технического прогресса.

С началом работы завода и выпуском первой продукции поселок «Двигательстрой» стал закрытой зоной со строгим пропускным режимом. Поэтому он был опоясан двухрядным, высоким забором с колючей проволокой и прожекторами по периметру. Ограждение проходило от моря у Вторых Туралей, примерно по дороге, ныне ведущей в Аэропорт, огибая каменный карьер и за кладбищем вновь выходило к морю. Городской базар располагался за ограждением, примерно на территории нынешней станции техобслуживания. Пройти или проехать в «Двигательстрой» можно было только при наличии прописки в паспорте или специального пропуска. Такой порядок сохранялся до конца мая 1946 г.

Одновременно с заводом рос и благоустраивался рабочий поселок, превратившийся со временем в современный город, который по праву стал называться индустриальным центром Дагестана. Современные дома, школы и детские сады, объекты культуры, торговли и здравоохранения создавались в строгом соответствии с требованиями архитектуры того времени и справедливо получили у жителей поселка название «социалистический город» («соцгород») [3, с. 6, 21].

Из поселка выехать в Махачкалу можно было либо на поезде по железной дороге (утром туда, вечером обратно), либо по узкоколейке на дрезине, называвшейся в народе «кукушкой». В своем составе она имела два небольших вагончика. Узкоколейка начиналась в районе нынешней железнодорожной станции, проходила мимо поликлиники, далее по улице С. Стальского до лесопилки, расположенной на берегу моря. Там она поворачивала в сторону Махачкалы. Дрезина делала остановки на Первых и Вторых Туралях, причем при пересечении зоны на Вторых Туралях у всех пассажиров проверяли документы [5, с. 28].

К 1937 г. поселок «Двигательстрой» насчитывал около 10 тысяч жителей. Он состоял из двух частей: часть его с многоэтажными домами называлась «соцгород», а вторая, расположенная за железной дорогой, между хлебозаводом и старым зданием военкомата – «стандартные дома» или «квартал». «Соцгород» состоял примерно из двух десятков двух-, трех-, четырех-, пятиэтажных домов, а все стандартные дома были в два этажа из деревянных щитовых блоков. До войны были построены и клуб завода у моря с городской библиотекой, 1-я и 2-я средние школы, поликлиника и больница [5, с. 27].

В предвоенном 1940 году завод «Двигательстрой» стал одним из крупнейших предприятий на Северном Кавказе. Его производственные площади составляли почти 113 тыс. кв. м, здесь трудилось около 6 тыс. чел. Вокруг завода вырос рабочий поселок «Двигательстрой» –

самый благоустроенный с современным архитектурным обликом населенный пункт Дагестана, насчитывающий на тот момент 17 тыс. чел. Со времени своего существования завод переименовывался пять раз: завод № 182, завод № 175, завод «Почтовый ящик № 1», завод «Двигательстрой» и «Дагдизель» [2, с. 66].

В связи с ростом населения «Двигательстроя» поселковый совет дважды обращался в Верховный Совет ДАССР с ходатайством о преобразовании поселка в город и присвоении ему имени И.В. Сталина: в 1935 г. – Сталин Шагар, в 1939 г. – Сталинюрт. В Москве такая инициатива поддержки не получила [3, с. 30].

К лету 1941 г. поселок «Двигательстрой» вырос в настоящий город с населением 20 тыс. человек, с огромным заводом, ТЭЦ, многоэтажными домами, зданиями двух школ, поликлиникой, больницей, стадионом, клубом, гостиницей, библиотекой, фонотекой и танцплощадкой [3, с. 33].

С объявлением войны, на заводской площади поселка состоялся митинг, на котором выступил директор завода Владимир Алферов. Более 50 человек в тот же день записались добровольцами на фронт. Хлеб (и другие продукты) стали выдавать по карточкам: рабочим – 500 грамм, учителям – 300, а иждивенцам – 200 грамм. В этой связи в школе № 2 для самых маленьких и остро нуждающихся детей на большой перемене в столовой выдавали по 50 грамм белого хлеба, ложку повидла и стакан чая.

В вечернее и ночное время в поселке соблюдалась светомаскировка. В поселке все годы войны продолжали работать детские сады и ясли, а для осиротевших детей был открыт детский дом [5, с. 17].

26 октября 1941 г. в соответствии с Постановлением Государственного Комитета обороны СССР (ГКО), бюро обкома ВКП (б) ДАССР приняло решение о создании в г. Махачкале городского комитета обороны, сфера действия которого распространялась и на пос. «Двигательстрой». Председателем городского комитета был избран первый секретарь обкома ВКП (б) Дагестана Н.И. Линкун [3, с. 34].

В ноябре 1941 г. на «Двигательстрой» прибыли генералы Ф.И. Толбухин и Д.Т. Козлов. Они привезли с собой образцы пистолета-пулемета Шпагина, который вскоре был запущен на заводе в серийное производство. В 1942 г. к жителям поселка присоединились коллективы эвакуированных заводов с Украины. С этого года завод начал серийное производство усовершенствованных торпед, морских мин, ручных гранат, автоматов, пистолетов, зажигательных бутылок. Торпеды собирались и испытывались в цехе № 8, расположенном в море, в 2,7 км от берега.

Во всех цехах завода шла напряженная и самоотверженная работа. Рабочие многих цехов неделями не покидали своего рабочего

места, работая по 12 часов в сутки и ночуя тут же, у станка. После рабочего дня жители поселка помогали копать противотанковые рвы в районе Махачкалинского ипподрома. Трудящиеся «Двигательстрой» собрали и отправили на фронт около 14 тыс. теплых вещей [2, с. 95].

Война вплотную подошла к границам Дагестана. В поселок прибыл зенитно-артиллерийский дивизион, который разместился по-батареино на Вторых Туралях, на каменном карьере и на территории завода. За заводом, в районе кладбища, в лесополосе разместился танковый ремонтно-восстановительный батальон. Летом 1942 г. немецкие самолеты несколько раз пытались бомбить территорию завода, но завод и поселок надежно охранялись батареями зенитных орудий. Бомбы, сброшенные врагом, не достигли цели, упав в море, в районе восьмого цеха, и за городом у каменного карьера [5, с. 19, 29].

Видное место в истории города занимает деятельность двух военно-эвакуационных госпиталей № 4654 и 4653, функционировавших на территории поселка «Двигательстрой» в 1941–1945 гг. За эти годы в этих госпиталях было вылечено около 15 тыс. раненных и больных солдат [2, с. 102–121].

Летом 1942 г., в связи с близостью фронта, ГКО СССР принял решение об эвакуации завода № 182 в г. Алма-Ата. Однако уже в сентябре 1943 г. в связи с успешным развитием событий на фронте и с изгнанием фашистов с Кавказа началось восстановление завода в полном объеме. В 1944 г. на «Двигательстрой» была возвращена часть оборудования из г. Алма-Ата, восстановлены и запущены все цеха основного производства. Таким образом, 1944 г. можно считать годом второго рождения завода. В это период на заводе насчитывалось свыше 1 тыс. стахановцев и 400 ударников труда. В марте 1943 г. И.В. Сталин прислал коллективу завода телеграмму с братским приветом и благодарностью от Красной Армии. В августе 1943 г. заводу было вручено Красное знамя Наркомата судостроительной промышленности и ЦК профсоюза отрасли. В мае 1945 г. коллектив завода был награжден переходящим Красным знаменем ГКО СССР. В 1946 г. около 200 тружеников завода были награждены медалью «За оборону Кавказа» [2, с. 96–100].

Из поселка «Двигательстрой» на фронт было призвано 1642 человека, а с войны вернулось только 349. Если сравнить потери, то в СССР с войны не вернулось 33 %, в Дагестане – 49 %, а из Каспия – почти 80 % ушедших на войну. В стране нет другого города с таким высоким уровнем потерь. 1239 каспийчанина навсегда остались на полях сражений [3, с. 46]. За героические подвиги на фронте 800 жителей поселка были награждены орденами и медалями. Двум из них – Александру Назарову и Магомед-Загиду Абдулманапову – посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [2, с. 100–101].

В разное время в г. Каспийске жили, учились, трудились, ушли на войну и возвратились живыми с фронта и другие герои СССР – Герой Советского Союза Владимир Алферов, Герой Советского Союза Георгий Ильяшенко, Герой Советского Союза Федор Селивантьев, Герой Советского Союза Яков Сулейманов [2, с. 369–392].

19 сентября 1947 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочий поселок «Двигательстрой» был преобразован в город и назван Каспийском. Это название ему дал известный строитель города – Петр Анисимов. К тому времени население города составляло 17 тыс. 280 человек, а 172 капитальных дома имели площадь 76 тыс. кв. м [6, с. 64]. В городе работали 2 средние и одна вечерняя школа, техникум, больница и 2 поликлиники, 4 детсада и 4 яслей, клуб, 5 библиотек, хлебозавод, артели по пошиву одежды. Город располагал стадионом с беговой дорожкой и спортивными площадками. И все эти объекты находились на балансе завода. Выходила городская газета «Каспийский рабочий», редактором которой был назначен Ю.М. Коликов [2, с. 131–133].

Сразу же после окончания войны в поселок прибыли эшелоны с военнопленными. Лагерь военнопленных находился у каменного карьера, где они жили в бараках. Немцы работали на стройке. Они строили новый «девятый» дом, а также металлический забор вокруг стадиона. В 1947 г. в город приехали шесть семей немецких специалистов, которые стали работать на заводе «Двигательстрой». В их семьях были дети школьного возраста, которые учились в школе № 2. Языковой барьер был быстро преодолен, и немецкие дети быстро подружились со своими сверстниками. В 1953 г. они вместе с родителями вернулись на родину в ГДР. Некоторые из них впоследствии стали преподавателями русского языка [5, с. 32–33, 62].

В 1948 г. завод № 182 получил новое название – «почтовый ящик № 1», а много позже – «Дагдизель» в связи с тем, что предприятие освоило новый вид продукции – дизельные двигатели, поставлявшиеся в 34 страны мира. В 50-е гг. на заводе помимо военной продукции выпускались сапоходные прессы, подборщики, узлы для силовых комбайнов и др. сельскохозяйственной техники. Наиболее престижным направлением работы завода с 1957 по 1964 г. стало производство военной ракетной техники – первой в мире крылатой ракеты морского базирования [2, с. 131–132].

В 1966 г., в первый год восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) завод был переименован и стал именоваться «Дагдизель». Успешным для коллектива завода был юбилейный 1967 г. – год 50-летия Октября. 29 мая этого года завод перешел на 5-тидневную рабочую неделю, а 1 октября – был завершён перевод на новую систему планирования и экономического стимулирования. Большим событием в культурной

жизни завода и города в канун юбилея Октября стало окончание строительства театрального зала Дворца культуры.

Во втором году пятилетки завод по итогам работы был награжден Красным знаменем Министерства судостроительной промышленности и ЦК профсоюза. За пятилетие на заводе было разработано и внедрено 265 прогрессивных и 48 типовых технологических процессов. Высокий уровень производственно-технических показателей, достигнутых заводом в восьмой пятилетке, предопределили успешное выполнение плана социального развития коллектива завода, его возросших материальных, культурно-бытовых и духовных запросов.

За высокие достигнутые показатели при выполнении заданий восьмой пятилетки в феврале 1971 г. завод «Дагдизель» был награжден орденом Ленина. 26 апреля 1971 г. указом Президиума Верховного Совета СССР токарю завода «Дагдизель» Е.И. Мясоедову было присвоено звание Героя Социалистического труда. Большая группа работников завода была награждена орденами Ленина и Октябрьской революции [3, с. 117].

Особенно больших успехов и процветания город достиг в 1960–1980-е гг., когда председателями горисполкома Каспийска были большие патриоты города Махач Бижанов (1962–1970) [7, с. 27–39] и Магомед Халилов (1970–1983, 1991–1996).

В 1964 г. была открыта городская площадь Каспийска. Особое внимание руководство города уделяло благоустройству пляжа. Были открыты магазины «Юбилейный», «Дагестан», «Гимры», «Бекенез», «Золотая осень», «Восход», «Космос», «Сувенир», кафе «Огонек».

В 1964–1968 гг. Каспийск удостоивался переходящего Красного Знамени Совета министров ДАССР за первое место по благоустройству города [2, с. 340].

После перехода Махача Бижанова на должность первого секретаря Буйнакского горкома партии, этот пост занял Магомед Халилов. В бытность последнего в городе были построены три новые общеобразовательные школы, детский дом, роддом и медицинское училище, кинотеатр «Москва» на 1200 мест, проведена газификация жилого фонда, разбит городской парк, носящий в настоящее время его имя. К большому сожалению, 13 ноября 1998 г. Магомед Халилов скончался после тяжелой болезни [3, с. 117].

Говоря о деятельности председателей горисполкома г. Каспийска, нельзя не упомянуть и о первых секретарях Каспийского горкома партии. В 1947 г. первым секретарем Каспийского горкома ВКП (б) был назначен Ханун Абрамов. В последующие годы на этом посту находились Т.А. Репин, В.М. Агеев, М.Б. Букаров, В.Н. Мищенко. В 1956 г. первым секретарем горкома партии был назначен М.С. Омаров. Его заменил К.И. Чураков. Особенно тепло каспийчане отзыва-

ются о занимавших этот пост харьковчанине Марате Левченко, Василии Кумейко, Владимире Соколове, Сергее Решульском, Вячеславе Акулиничеве и Курбане Абдурашидове. Их отличала высокая организованность и культура, умение общаться с людьми [3, с. 115].

К концу одиннадцатой пятилетки (1981–1985 гг.) рабочий коллектив и руководство завода «Дагдизель» создали обширную инфраструктуру: 14 детских садов и яслей, пионерлагерь, вечернюю школу и техникум, поликлинику, профилакторий, Дворец культуры, стадион, три библиотеки, восемь столовых, 12 буфетов, ряд других объектов соцкультбыта [3, с. 108].

К началу 60-х гг. XX в. Каспийск стал типичным социалистическим городом. В его архитектурном облике чувствовались традиции, заложенные ленинградскими проектировщиками. Рос не только сам город – развивался его производственный и научный потенциал, поддерживаемый военно-промышленным комплексом страны. Именно поэтому в 1960 г. вступил в строй и начал выпускать навигационное и другое корабельное оборудование Каспийский завод точной механики (КЗТМ). После ввода в эксплуатацию основного корпуса этого завода в 1961 г. на нем работало 470 рабочих и 70 инженерно-технических работников. Долгое время заводом руководил его директор – Камиль Гасанов, награжденный за свою успешную деятельность четырьмя орденами, многими медалями и почетными званиями.

После распада СССР начался развал завода. С 1991 по 1995 г. завод «Точной механики» возглавлял Пайзудин Мухайдинов, который пытался стабилизировать производственную и экономическую ситуацию на предприятии. Однако ни ему, ни сменившим его другим руководителям завода это не удалось [2, с. 135–142].

Индустриальный облик г. Каспийска дополнил филиал Нижегородского судостроительного завода «Волга», построенный в конце 1960-х г. Именно на этом заводе велись сборка и летные испытания экранопланов – не имеющих аналогов в мировом судостроении гигантских летающих кораблей. Особенно эффективно этот филиал начал работать с 1975 г., когда им стал руководить Магомед Гайдарбеков. Завод успешно функционировал в 1980-е гг. и было налажено массовое производство экранопланов, но после распада СССР новым руководством страны этот проект был свернут, а в 1998 г. Каспийский филиал завода «Волга» был закрыт. В 1996 г. на территории этого завода была размещена бригада пограничных сторожевых кораблей, на которых была возложена задача по охране биоресурсов Каспийского моря [2, с. 152–156].

В послевоенные годы в городе помимо оборонных предприятий возникли и другие производства – Камнеобрабатывающий завод, автоцентр «Каспий-Лада», зверохозяйство, типография, автоколонна 1680,

СМУ-2 и СМУ-5, Отдел жилищно-коммунального хозяйства, Горэлектросети, Горводканал, Горгаз, Тепловые сети, Комбинат благоустройства и санитарной очистки. В конце 1980-х гг. на глубине 28 м началось строительство подземного коллектора диаметром 3,7 м [2, с. 142–149]. Впрочем, коллектор не достроен и до сих пор.

Перестройка, начатая в 1985 г. и закончившаяся в 1991 г. распадом СССР, трансформировала Россию в иную – капиталистическую систему. На этом этапе закончилась социалистическая биография города Каспийска и его жителей. Новый процесс стал сопровождаться глубочайшим экономическим кризисом.

В 1991 г. завод «Дагдизель» производил 24 разновидности дизелей и дизель-агрегатов. К концу этого года заработная плата рабочих выросла в 4 раза. Завод вкладывал 10 млн. руб. собственных средств в строительство жилья и здравоохранения, спортивного комплекса и Центра микрохирургии глаза. Но конверсия и инфляция уже заставляли считаться с новыми реалиями жизни. От растущих проблем не спасло даже создание концерна из трех предприятий – заводов «Дагдизель», «Точная механика» и махачкалинского завода им. Гаджиева. Завершился 1991 г. объявлением правительства страны, что государство больше не будет дотировать оборонную отрасль. Отныне руководство и коллектив завода «Дагдизель» должны были полагаться только на самих себя. 29 января 1992 г. дирекция завода получила телеграмму, подписанную Е.Т. Гайдаром, в которой извещалось, что Правительство РФ прекращает финансирование производства основных изделий завода.

В июне 1994 г. было проведено акционирование завода «Дагдизель». В июле того же года в связи с невыполнением Правительством РФ своих финансовых обязательств завод оказался на грани полной остановки. В 1995–1996 гг. завод несколько раз останавливался, а коллектив уходил в вынужденный отпуск с сохранением минимальной зарплаты. Новый старт надеждам дало собрание акционеров, состоявшееся 28 июня 1996 г. На нем генеральным директором завода был избран Н.С. Покорский, которому удалось несколько стабилизировать ситуацию на производстве. В 2010 г. завод возглавил бывший военпред «Дагдизеля», капитан 1-го ранга в отставке Г.В. Гордин.

В 2012 г. к своему 80-летнему юбилею дважды орденосный коллектив ОАО «Дагдизель» подошел с неплохими результатами работы: он выполнил в установленные сроки все заключенные контракты, договоры по государственным оборонным заказам, по поставкам продукции на экспорт и по гражданской продукции [2, с. 122].

Правительство республики и дирекция завода «Дагдизель» настойчиво ищет пути для создания обеспеченного всеми коммуникациями конкурентоспособного производства, где практично и рента-

бельно будут размещены субъекты малого и среднего бизнеса. Одним из таких современных производств являются индустриальные парки. В начале марта 2020 г. министерство экономики РД представило в правительство РФ проект создания такого парка на базе завода «Дагдизель» [8].

Таким образом, можно констатировать, что завод «Дагдизель» по-прежнему остается самым значимым предприятием города и одним из самых важных объектов промышленности на Северном Кавказе.

С распадом СССР, отменой оборонного заказа и конверсией, развитие г. Каспийска происходило вне его связи с прежними заводскими предприятиями. Одним из вариантов такого развития является создание Махачкалинско-Каспийской агломерации. Следует отметить, что в 2014 г. Дагестан был включен в число 17 пилотных регионов по апробации и совершенствованию механизмов управления развитием городских агломераций в Российской Федерации [9]. По данным Министерства экономики и территориального развития РД, «в республике в качестве пилотного проекта реализуется Махачкалинско-Каспийская агломерация. Ядром данной агломерации является столица Дагестана – город Махачкала. В состав агломерации входят город Каспийск, Кумторкалинский, Карабудахкентский и частично Буйнакский районы. На территории Махачкалинско-Каспийской агломерации сегодня реализуется 15 крупных инвестиционных проектов, находятся Международный аэропорт и Махачкалинский морской торговый порт, Государственный индустриальный парк «Тюбе», индустриальный парк «Кристалл-Сити» в Каспийске, а также создаются другие индустриальные площадки» [10].

Концепция развития моноцентрической Махачкалинско-Каспийской агломерации была разработана в октябре 2013 года [11], т. к. отсутствовала четкая стратегия развития Махачкалы и Каспийска, падал уровень жизни населения в этих городах. Вопросы урбанизации и увеличения численности населения никем не рассматривались. Нужды граждан в городах не удовлетворялись [12].

Большое внимание в агломерации уделялось развитию пассажирского транспорта. Значительным вкладом в решение транспортной проблемы явилось открытие в феврале 2015 года автобусной линии по маршруту 100. Для этого властями были закуплены современные комфортабельные отечественные автобусы «НефАЗ», работающие на метане. 16 автобусов функционируют по маршруту «Махачкала–Каспийск» и 4 – «Махачкала–Аэропорт» [13].

1 февраля 2017 года состоялось торжественное открытие нового маршрута троллейбусной линии из Махачкалы в Каспийск, который в перспективе планируется довести до аэропорта. Предполагается объединение этих двух населенных пунктов. В рамках реализации этой программы будет создана единая транспортная система. Будет также

реализован проект «Безопасный город», где планируется создать цивилизованную среду для проживания горожан [14].

Еще одним вкладом в решении культурно-бытовых и образовательных проблем агломерации Махачкала–Каспийск явилось открытие в микрорайоне Каспийска «Кемпинг» самой большой на Северном Кавказе общеобразовательной школы на 1200 ученических мест [15].

Одной из особенностей развития градостроительства в Дагестане в постсоветский период является формирование Махачкалинско-Каспийской агломерации – новой рациональной формы территориальной организации городского хозяйства [18, с. 223–225].

Одним из новшеств в развитии экономики городских поселений Дагестана следует назвать так называемые «Территории опережающего развития» – экономические зоны со льготными налоговыми условиями, упрощёнными административными процедурами и другими привилегиями, создаваемые для привлечения инвестиций, ускоренного развития экономики и улучшения жизни населения. Выделение внутри страны территорий с необходимой для старта производства инфраструктурой и льготами – широко распространённая международная практика привлечения крупных предприятий. Их деятельность регулируется Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [7, с. 5].

В соответствии с этим законом территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) можно создавать в моногородах, которые отнесены к первой категории сложности. К такой категории в Дагестане были отнесены города Каспийск и Дагестанские Огни. В октябре 2016 г. Минэкономразвития России одобрило заявку Республики Дагестан по созданию территории опережающего социально-экономического развития в городе Каспийске.

По данным переписей 2002 и 2010 гг. численность населения в городах Дагестана выглядела следующим образом [26, с. 31, 33–35, 38, 47, 48].

Таблица 1

№	Города Дагестана	Перепись 2002 г.	Перепись 2010 г.
1	Махачкала	462 412	572 076
2	Хасавюрт	121 817	131 187
3	Дербент	101 031	119 200
4	Каспийск	77 650	100 129
5	Буйнакс	61 437	62 623
6	Избербаш	39 365	55 646
7	Кизляр	48 457	48 984
8	Кизилюрт	30 264	32 988
9	Дагестанские Огни	26 346	27 923
10	Южно-Сухокумск	9 777	10 035

Как видно из таблицы 1, в городах республики в период между двумя переписями наблюдается разный прирост населения. По мнению исследователей, в изучаемый период городское население Дагестана возрастало под влиянием ряда факторов: 1) естественный прирост горожан; 2) перемещение сельского населения в города; 3) включение в городскую черту пригородных территорий; 4) приток в города населения из других регионов страны [27, с. 252].

Результаты переписей 2002 и 2010 гг. показывают, что наибольший прирост населения наблюдался в г. Избербаш, Каспийск, Кизилюрт и Махачкала, а наименьший – в г. Дербент, Дагестанские Огни, Южно-Сухокумск и Кизляр. Немалую роль в этих процессах играли неконтролируемая миграция сельского населения в города республики [28] и отток русскоязычного населения из мест их традиционно-го проживания [29, с. 104–111].

Как свидетельствуют демографические показатели по приросту населения в городах республики, «г. Каспийск в 2019 году показал значительный рост, численность его населения выросла на 4,7 тыс. чел., или почти на 4 %. Он стал полюсом и абсолютного, и относительного роста численности республики. Перемещение основной базы Каспийской флотилии в г. Каспийск придавало серьезную динамику миграционным процессам» [30].

Демографическую ситуацию в г. Каспийске можно охарактеризовать как стабильную и благоприятную. Если в первое постсоветское десятилетие наблюдалось некоторое снижение численности горожан вследствие убыли русскоязычного населения, то дальнейший высокий механический прирост объясняется миграционными процессами.

Этнический состав г. Каспийска довольно пестрый, что подтверждается результатами переписи населения 2010 г. Преобладают лезгины, даргинцы, аварцы, лакцы, кумыки и русские [31].

Историю города Каспийск можно разделить на три этапа: 1) 1932–1947 гг. – становление рабочего поселка вокруг градообразующего оборонного предприятия «Двигательстрой»; 2) 1947–1991 гг. – развитие «социалистического города» Каспийск вокруг градообразующего предприятия «Дагдизель» и других оборонных заводов – завода «Точная механика» и филиала завода «Волга»; 3) с 1991 г. по настоящее время – период постсоветского развития города вне его связи с градообразующими предприятиями, которые вследствие отсутствия оборонного заказа и конверсией частью ликвидированы (филиал завода «Волга»), а частью находятся в глубоком кризисе, преобразованы в акционерные общества и переориентированы на выпуск непрофильной продукции (заводы «Дагдизель» и «Точная механика»).

Каспийск возник как рабочий поселок вблизи от градообразующего завода «Двигательстрой», под влиянием урбанизации и модер-

низации он трансформировался в «социалистический город» с развитой промышленностью, которая сосредоточилась в расположенных на его территории оборонных предприятиях.

В годы Великой Отечественной войны было мобилизовано значительное число горожан (две трети из которых не вернулись с полей сражения); произошел полный перевод производства на выпуск военной продукции; завод был эвакуирован в г. Алма-Ата, а затем возвращен на прежнее место базирования; в городе были развернуты эвакуационные госпитали.

Несмотря на тяготы и лишения войны и послевоенного восстановления народного хозяйства, либеральные экономические реформы 90-х гг. XX в., приведшие к свертыванию основного производства, увольнению части рабочих, снижению уровня и качества жизни горожан, в последние годы Каспийск является одним из динамично развивающихся городов республики. Об этом свидетельствуют многократное расширение территории города и увеличение численности его населения вследствие благоприятной демографической ситуации.

Постсоветское развитие Каспийска уже не связано напрямую с деятельностью оборонных предприятий города. Большие надежды горожане возлагают на возникшие в последние десятилетия рациональные формы территориальной организации хозяйства в виде агломераций и территорий опережающего социально-экономического развития.

Литература

1. Волкова Н.Г. Изменения в национальном составе городского населения Северного Кавказа за годы Советской власти // Советская этнография. – 1965. – № 2. – С. 40–56.

2. Абачараев М.М., Дагларов Р.Н. Мой город родной: публицистика / Под ред. Г.В. Кириленко. – Махачкала: Эпоха, 2009. – 416 с.

3. Кириленко Г.В. Рассекреченный город. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2013. – 482 с.

4. Кириленко Г.В. Ты юность наша вечная...: Воспоминания учеников и учителей школ г. Каспийска о школе, о себе и о встрече «50 лет спустя». – М., 2005. – 228 с.

5. Кириленко Г.В. О школе и о себе: 50 лет спустя (В воспоминаниях учеников и учителей школ г. Каспийска 1938–1956 гг.). – М., 2004. – 254 с.

6. Ханин Л., Покорский Н. Рожденный у моря. – Махачкала: Юпитер, 1988. – 230 с.

7. Бижанов М.А. Оставить след на земле: сборник воспоминаний. – Махачкала: Юпитер, 2002. – 208 с.

8. Министр экономики обсудил создание индустриального парка на землях «Дагдизеля» с потенциальными резидентами // Сайт Рес-

публиканской общественно-политической газеты «Молодежь Дагестана». – Режим доступа: <https://md-gazeta.ru/news/81922?fbclid=IwAR3pM0JxZ7k34ovyPm-chDaiNMkuLGuRy-Ib2Pho1ZseIYoQMPSyU-diP6M> (дата обращения: 05.03.2020).

9. *Алиев Ш.* Каспийский мегаполис: Дагестан вновь берется за развитие Махачкалинско-Каспийской агломерации // Сайт Кавполита. – Режим доступа: http://kavpolit.com/articles/kaspijskij_megapolis-6126/ (дата обращения: 18.06.2014).

10. Три агломерации создадут в Дагестане // Сайт «DAG.AIF.RU». – Режим доступа: <https://yugsn.ru/tri-aglomeracii-sozdadut-v-dagestane/> (дата обращения: 29.12.2015).

11. В Махачкале обсудили концепцию развития Махачкалинско-Каспийской агломерации // Сайт «Новости Правительства РД». – Режим доступа: <http://www.e-dag.ru/novosti/novosti-pravitelstva/v-makhachkale-obsudili-kontseptsiyu-razvitiya-makhachkalinsko-kaspijskoj-aglomeratsii.html> (дата обращения: 22.10.2013).

12. Объединение Махачкалы и Каспийска в агломерацию // Сайт «DOMAY.RU». – Режим доступа: <http://domay.ru/news/economy/789-ob-edinenie-makhachkaly-i-kaspijska-v-aglomeratsiyu> (дата обращения: 24.08.2013).

13. 16 новых автобусов с сегодняшнего дня будут курсировать по маршруту «Махачкала–Каспийск» // Сайт РГВК «Дагестан». – Режим доступа: <http://www.rgvktv.ru/obshchestvo/31883> (дата обращения: 07.02.2015).

14. 1 февраля 2017 года состоялось торжественное открытие нового маршрута троллейбусной линии из Махачкалы в Каспийск // Сайт Республиканской службы по тарифам. – Режим доступа: <http://rst.e-dag.ru/press-tsentr/novosti-respubliki/1-fevralya-sostoyalos-torzhestvennoe-otkrytie-novogo-marshruta-trolleybusnoy-linii-iz-makhachkaly-v-kaspiysk-334> (дата обращения: 02.02.2017).

15. В Каспийске 1 сентября откроется самая большая на Северном Кавказе школа // Сайт «РИА Дагестан». – Режим доступа: https://www.riadagestan.ru/news/education/v_kaspiyske_1_sentyabrya_otkroetsya_samaya_bolshaya_na_severnom_kavkaze_shkola/ (дата обращения: 10.06.2017).

16. *Сефербеков Р.И.* Особенности развития городов Дагестана в постсоветский период: формирование агломераций // Четвертые Всерос. (с межд. участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Р.М. Магомедова: сб. статей. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2017. – С. 223–225.

17. Российская газета: Федеральный выпуск. – 2014. – 31 декабря. № 6571 (299). – С. 1–16.

18. Одобрена заявка Республики Дагестан по созданию в Каспийске территории опережающего развития // Сайт «РИА Дагестан». – Режим доступа: http://www.riadagestan.ru/news/company_news/odobrena_zayavka_respubliki_dagestan_po_sozdaniyu_v_kaspiyske_territorii_operezhayushchego_razvitiya/ (дата обращения: 25.10.2016).

19. Вопросы создания территорий опережающего развития обсудили в Минэкономразвития Дагестана // Сайт РИА «Дагестан». – Режим доступа: http://www.riadagestan.ru/news/tourism_events/voprosy_sozdaniya_territorii_operezhayushchego_razvitiya_obsudili_v_minekonomrazvitiya_dagestana/ (дата обращения: 07.02. 2017).

20. *Селимов М.* В Каспийске до 2025 года запланировано строительство глубоководного порта // Сайт РИА «Дербент». – Режим доступа: <https://riaderbent.ru/v-kaspijske-do-2025-goda-zaplanirovano-stroitelstvo-glubokovodnogo-porta.html> (дата обращения: 12.08.2018).

21. Проект базы Каспийской флотилии в Дагестане обойдется в 460 млн рублей // Сайт Информационного агентства «REGNUM». – :<https://regnum.ru/news/economy/2423487.html> (дата обращения: 30.05.2018).

22. *Османов А.И., Сефербеков Р.И.* Влияние процессов глобализации и модернизации на города и городскую жизнь Дагестана в постсоветский период // Материалы Всерос. историко-этнографического форума «Роль северо-кавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа», посвященного 200-летию основания г. Грозного (г. Грозный, 3 октября 2017 г.) / под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017. – С. 232–239.

23. *Сефербеков Р.И.* Модернизационные процессы в материальной культуре народов Дагестана в Новейшее время: традиции и инновации // Современная наука и инновации: научный журнал. Ставрополь: Пятигорск: ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», – 2017. – № 3 (19). – С. 331–333.

24. *Булатов Б.Б., Османов А.И., Сефербеков Р.И.* Трансформация хозяйства, быта и культуры народов Дагестана в советский и постсоветский периоды // Кавказология. – 2018. – № 1. – С. 131–156.

25. *Сефербеков Р.И., Халидова О.Б.* Периодизация исторических макропроцессов в России: этапы модернизации (на примере Дагестана) // Вопросы истории. – 2019. – № 10. – С. 163–168.

26. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. Т. 11. Сводные итоги: Официальное издание. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. – 572 с.

27. *Ибрагимов М.-Р.А., Магомедханов М.М.* Этнодемографические аспекты формирования городского населения Дагестана (вторая половина XIX – начало XXI вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. I. – СПб., 2009. – С. 247–259.

28. *Эфендиев И.И., Алиев Ш.М., Гимбатов Ш.М., Эльдаров Э.М.* Занятость и отходничество сельского населения Дагестана. – Махачкала: Наука плюс, 2009. – 200 с.

29. *Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И.* Русское население городов Дагестана: динамика численности и причины оттока в постсоветский период // Вестник Академии наук Чеченской республики. – 2018. – № 4 (41). – С. 104–111.

30. *Саркаров А.* От Каспийска до Ногайского района: взлеты и падения дагестанской демографии // Сайт «РИА Дербент». – Режим доступа: <https://riaderbent.ru/ot-kaspijska-do-nogajskogo-rajona-vzlety-i-padeniya-dagestanskoj-demografii.html?fbclid=IwAR1zoZaFg773SM0krN0rQkYeJRg5GD7KcpCvXlxlW3qOQJHtvTKzABm26VM> (дата обращения: 26.02.2020).

31. О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Дагестан: статистический сборник. – Махачкала: Дагестанстат РД, 2012. – 45 с.

3. Трансформация численности и этнического состава г. Дербента и Дагестанские Огни (2000–2010 гг.)

На территории РД проживают представители свыше 30 коренных национальностей. При этом по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. пять народов Дагестана составляли подавляющее большинство (около 80 %) населения республики: аварцы (758,4 тыс. чел., или 29,4 %), даргинцы (425,5 тыс. чел., или 16,5 %), кумыки (365,8 тыс., или 14,2 %), лезгины (336,7 тыс., или 13,1 %) и лакцы (139,7 тыс., или 5,4 %). Быстрыми темпами росла численность азербайджанцев (111,7 тыс., или 4,3 %) и табасаранцев (110,2 тыс., или 4,3 %), чеченцев (87,9 тыс., или 3,4 %), рутульцев (24,3 тыс., или 0,9 %), агулов (23,3 тыс., или 0,9 %), цахуров (8,2 тыс., или 0,3 %), в меньшей степени – численность ногайцев (36,2 тыс. или 1,4 %). Заметное сокращение численности и доли русских (120,9 тыс., или 4,7 %), армян (5,7 тыс.), татар (4,7 тыс.), украинцев (2,9 тыс.), горских евреев (1,1 тыс.) и некоторых других народов, проживающих в республике, вызвано в основном постоянным оттоком их за пределы Дагестана, а частично – естественной убылью населения из-за низкой рождаемости и высокой смертности (с. 104).

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Республике Дагестан насчитывалось 10 городов с тремя внутригородски-

ми городскими районами. Муниципальные образования состояли из 10 городских округов с 8 городскими поселениями [9, с. 51].

Города Дагестана возникли в разное время. Исходя из времени их образования, Н.Г. Волкова делила города Северного Кавказа на три группы. К первой группе она относил города, возникшие в период с середины XVIII по середину XIX в. как русские военные укрепления. Некоторые из этих городов еще до революции развились в значительные административно-экономические центры. Из дагестанских городов к этой категории относились имевший древнюю историю Дербент [10], а также Кизляр, Буйнакск (до 1922 г. – Темир-Хан-Шура) и Махачкала (до 1922 г. – Петровск). Ко второй группе, бывшие до революции сравнительно небольшими населенными пунктами и только в советское время преобразованные в города, она относил Хасавюрт (в статус города возведен в 1931 г.) и другие города Северного Кавказа. К третьей группе были отнесены города, основанные в советские годы как новые промышленные центры – Каспийск (в статус города возведен в 1947 г.), Избербаш (1949 г.) и др. [4, с. 41]. Эта классификация была продолжена М.-Р.А. Ибрагимовым и М.М. Магомедхановым, которые к четвертой группе относили, основанные в конце XX в. города Южно-Сухокумск (1988 г.) и Дагестанские Огни (1990 г.) [5, с. 247].

Итак, можно отметить, что современные города Дагестана возникли в разное время: некоторые были основаны в древности (Дербент), другие – с середины XVIII по середину XIX в. – как русские военные укрепления (Кизляр, Буйнакск, Махачкала), третьи, бывшие до революции сравнительно небольшими населенными пунктами, в советское время – преобразованы в города (Хасавюрт), четвертые – незадолго до распада СССР (Южно-Сухокумск и Дагестанские Огни).

Численность населения гг. Дербент и Дагестанские Огни по результатам переписей 2002 и 2010 гг. выглядела соответственно следующим образом [9, с. 31, 33–35, 38, 47, 48].

Таблица 1

№	Города Дагестана	Перепись 2002 г.	Перепись 2010 г.
1	Дербент	101 031	119 200
2	Дагестанские Огни	26 346	27 923

Как это видно по таблице 1, в указанных городах в период между двумя переписями наблюдается разный прирост населения. По мнению исследователей, в изучаемый период городское население Дагестана возрастало под влиянием ряда факторов [5, с. 252].

По переписям 2002 и 2010 гг. наименьший прирост населения наблюдается в г. Дербент и Дагестанские Огни. Немалую роль в этих процессах играли неконтролируемая миграция сельского населения в

города республики [12] и отток русскоязычного населения из мест их традиционного проживания [2, с. 104–111].

Этнический состав городов Дербент и Дагестанские Огни характеризуется мозаичностью. Это подтверждается результатами Всероссийской переписи населения 2010 г. Численность основных этносов в этих городах (городских округах) и их доля (в %) выглядела следующим образом [11]:

Таблица 2

Города	Аварцы	Даргинцы	Кумыки	Лезгины	Лакцы	Русские	Табасаранцы	Рутульцы
Дербент	541 0.5 %	6 692 5.6 %	473 0.4 %	40 188 33.7 %	472 0.4 %	4 450 3.7 %	18 839 15.8 %	921 0.8 %
Дагестанские Огни	-	1.835 6.57 %	-	4.986 17.86 %	-	303 1.09 %	12.901 46.20 %	-

Города	Агулы	Азербайджанцы	Цахуры	Ногайцы	Чеченцы	Горск. евреи	Армяне	Другие
Дербент	3 775 3.2 %	38 523 32.3 %	-	-	-	1 345 1.1 %	1 367 1.2 %	1 614 1.4 %
Дагестанские Огни	858 3.07 %	6.465 23.15 %	-	-	-	-	-	503 1.80 %

Как видно из таблицы 2, в Дербенте преобладают лезгины, азербайджанцы и табасаранцы; в Дагестанских Огнях – табасаранцы, азербайджанцы, лезгины и даргинцы.

Города Дербент и Дагестанские Огни можно отнести к этноконтактным зонам соприкосновения горских народов Дагестана с азербайджанцами, горскими евреями, татами, русскими и др. Эти города также являются местом контактов городского и сельского населения.

Историческое и географическое положение Дербента на западном побережье Каспийского моря во многом предопределило его богатую военно-политическими событиями историю, что, несомненно, сказалось на социально-экономическом и этнокультурном развитии города. В целом, история эволюции этнического облика этого города насчитывает более двух тысячелетий, за время которого состав его населения под влиянием переселенческой политики и ряда других факторов менялся неоднократно. Однако наиболее существенная трансформация этнического состава произошла именно в постсоветский период. Наиболее важными факторами, влияющими на трансформацию этнической структуры населения Дербента в исследуемый

период, являлись естественный прирост или убыль, миграционные процессы, а также в результате административно-территориальных преобразований.

Численность и этнический состав населения города Дербента в конце XX – начале XXI в. [8].

Таблица 3

	1989	2002	2010	1989	2002	2010
	тыс. чел.			%		
Все население (в том числе)	77,9	101,0	119,2	100,0	100,0	100,0
Аварцы	0,3	0,4	0,5	0,4	0,4	0,4
Агулы	1,1	3,0	3,8	1,4	3,0	3,2
Азербайджанцы	21,6	32,1	38,5	27,7	31,8	32,3
Армяне	1,5	1,5	1,4	1,9	1,5	1,2
Горские евреи	2,4	2,0	1,3	3,1	2,0	1,1
Даргинцы	3,2	5,6	6,7	4,2	5,5	5,6
Кумыки	0,4	0,5	0,5	0,6	0,5	0,4
Лакцы	0,5	0,4	0,5	0,6	0,4	0,4
Лезгины	17,0	32,9	40,2	21,8	32,6	33,7
Русские	7,6	5,1	4,5	9,8	5,0	3,7
Рутульцы	0,4	0,7	0,9	0,4	0,7	0,8
Табасаранцы	8,8	15,6	18,8	11,3	15,4	15,8
Таты	6,2	0,3	0,3	7,9	0,3	0,3
Прочие	6,9	0,9	1,3	8,9	0,9	1,1

Рост численности горожан Дербента был обусловлен тремя факторами: естественным приростом населения города, миграцией сельских жителей и административно-территориальными преобразованиями. В частности, в 1980-е гг. численность городского населения Дербента росла относительно невысокими темпами: рост составил 10,5 тыс. чел., что было, наряду с естественным приростом, в большей степени результатом миграционных процессов. Статистические материалы (карточки учета прибытия и убытия и др.) также зафиксировали уменьшение числа горожан за счет отъезда представителей горских евреев (около 5 тыс. чел.), русских (около 5 тыс. чел.) и других национальностей (около 6 тыс. чел.).

Первоначально столь значительный отток населения был обусловлен отсутствием достойной работы, слабым развитием инфраструктуры города и другими социально-экономическими причинами.

В то же время у других этносов отчетливо проявился обратный процесс – приток их представителей в основном южнодагестанских этносов (лезгин, табасаранцев, агулов), а также некоторой части кумыков, даргинцев и других титульных наций в г. Дербент. Это была внутренняя миграция сельских жителей преимущественно из ближайшей округи Дербента, вынужденных покинуть родные места в поисках работы и средств для содержания семей.

Некоторая стабилизация ситуации, наступившая в начале 2000-х годов, привела к значительному росту численности дербентских горожан. Так, за 10 лет она возросла на 23 тыс. чел., т. е. уже к 2002 г. перевалила за отметку в 100 тыс. чел. Однако это объясняется тем, что в этот период динамика численности населения города определялась не только естественным и миграционным приростом, но и административно-территориальными преобразованиями, в результате которых многие сельские жители, никуда не выезжая, становились «горожанами» Дербента. Одной из причин относительно высокого прироста было приращение территории города за счет включения в его состав близлежащих сельских местностей. Другая причина заключалась в более интенсивной миграции сельских жителей в город.

Анализ трансформации этнического состава города Дербент показывает, что к началу изучаемого периода преобладающим этносом в населении были азербайджанцы, составлявшие около 22 % всех жителей. Но за 20 лет их число росло гораздо медленнее, чем доля представителей южнодагестанских народов: лезгин, табасаранцев, агулов, чья численность увеличивалась не только за счет естественного прироста, но и из-за миграций сельских жителей в город. В частности, за 90-е годы XX в. число лезгин в составе городского населения выросло в 5 раз по сравнению с 1970-м годом, причем столь интенсивный прирост объясняется именно притоком из сельской местности и лишь незначительно естественным приростом. Так, к 2010 году соотношение азербайджанцев и лезгин в этнической структуре населения Дербента изменилось таким образом, что последние заняли лидерствующую позицию в этноструктуре жителей города и составили 33,7 % от общей численности, а азербайджанцы, соответственно, 32,3 %.

Анализ этнической демографии Дербента в постсоветский период показывает, что преобладающим фактором, повлиявшим на трансформацию этнической структуры населения Дербента, являются миграционные процессы, обусловленные влиянием различных социально-экономических, культурных и отчасти политических моментов. Миграции представителей русского, горско-еврейского, лезгинского населения, сопровождавшиеся динамикой в демографических процессах среди азербайджанского, кумыкского, даргинского, да и в целом всего населения Дербента не только существенно изменили числен-

ность населения, но и привели к значительной трансформации этнического состава, что, в свою очередь, преобразовало этнический облик древнего города [3, с. 110–117; 8].

Результаты переписей населения 2002 и 2010 гг. показывают трансформацию численности и этнического состава дагестанских городов Дербент и Дагестанские Огни. Немалую роль в демографических и этнических процессах этих городов играли неконтролируемая миграция сельского населения и отток русскоязычного населения. Этнический состав указанных городов характеризуется мозаичностью с преобладанием в его структуре основных дагестанских этносов. Эти города можно отнести к этноконтактным зонам соприкосновения горских народов Дагестана с азербайджанцами, горскими евреями, татарами, русскими и др., а также местом контактов городского и сельского населения. Анализ материалов Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. дает нам основание для вывода, что этнодемографическая ситуация в городах Дербент и Дагестанские Огни характеризуется в целом как стабильная и благоприятная.

instituteofhistory.ru
Литература

1. Булатов Б.Б., Гусейнов М.Ш. История города Дагестанские Огни. – Махачкала: ДГУ, 2013. – 210 с.

2. Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И. Русское население городов Дагестана: динамика численности и причины оттока в постсоветский период // Вестник АН Чеченской Республики. – 2018. – № 4 (41). – С. 104–111.

3. Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И. Дербент: этнодемографические процессы в ракурсе межкультурного взаимодействия // Региональные аспекты социальной политики. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2020. Вып. 22. – С. 110–117.

4. Волкова Н.Г. Изменения в национальном составе городского населения Северного Кавказа за годы Советской власти // Советская этнография. – 1965. – № 2. – С. 40–56.

5. Ибрагимов М.-Р.А., Магомедханов М.М. Этнодемографические аспекты формирования городского населения Дагестана (вторая половина XIX – начало XXI вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. – СПб., 2009. – Вып. I. – С. 247–259.

6. Ибрагимов М.-Р.А. Проблемы этнодемографического развития Дагестана постсоветского периода // Межд. научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»: сб. кратких содержаний докладов. Тбилиси–Гори–Батуми, 27–30 сентября 2010 г. – Тбилиси, 2011. – С. 404–405.

7. Ибрагимов М.-Р.А. Динамика численности населения городов Дагестана (вторая половина XIX – начало XXI в.) // Материалы Межд.

научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе» (18–19 сентября 2012 г., г. Каспийск, Республика Дагестан). – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 38–46.

8. *Ибрагимов М.-Р.А., Халилова А.С.* Трансформация этнической структуры города Дербента в постсоветский период // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20707> (дата обращения: 14.03.2019).

9. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в 11 т. Т. 11. Сводные итоги: официальное издание. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. – С. 572 с.

10. *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. – М.: Наука, 1982. – 176 с.

11. О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Дагестан: статистический сборник. – Махачкала: Дагестанстат РД, 2012. – 45 с.

12. *Эфендиев И.И., Алиев Ш.М., Гимбатов Ш.М., Эльдаров Э.М.* Занятость и отходничество сельского населения Дагестана. – Махачкала: Наука плюс, 2008. – 200 с.

4. Город Дагестанские Огни: история, экономические, демографические и этнические процессы (2000-2010 гг.)

Город Дагестанские Огни расположен у северо-восточного подножия Большого Кавказа, в 118 км к юго-востоку от Махачкалы и в 5 км к северо-западу от Дербента. Спутник города Дербента. В своем историческом развитии он прошел путь от небольшого поселка, основанного русскими предпринимателями на месте выхода природного газа и залежей кварцевого песка, необходимого для стекольного и бутылочного производства, до современного города.

Постановлением Верховного Совета ДАССР от 27 июля 1990 г. рабочий поселок Дагестанские Огни был преобразован в город и отнесен к республиканскому подчинению. В 1991 году в состав города был включен поселок совхоза им. Ильича, находившийся на территории Дербентского района.

История возникновения города Дагестанские Огни неразрывно связана с этапами модернизационных процессов в России и СССР, а именно с пореформенным периодом [12, с. 131–218, 299–328] и индустриализацией [1; 9, с. 82–211], благодаря которым в Дагестане на основе системы геологоразведки была сформирована собственная сырьевая база и грамотно размещены производительные силы. Они были успешно учтены при создании стекольного завода «Дагестанские Огни» [5].

Своим возникновением город обязан стекольному заводу, который является старейшим предприятием Дагестана, первым в СССР

высококомеханизированным заводом по выпуску листового стекла непрерывной лентой. На базе этого предприятия и возник город Дагестанские Огни [6, с. 7].

Основание стекольного завода «Дагестанские Огни» было связано с пореформенным периодом в России, когда со строительством железной дороги [12, с. 136–148] все больший интерес к Дагестану стали проявлять российские и иностранные предприниматели, которых сюда привлекали дешевое сырье (природный газ, кварцевый песок) и рабочая сила. Строительство стекольного завода в этой местности связано с деятельностью в 1914 г. владельцев стекольных заводов в Брянской области и на Северном Кавказе братьев А. и М. Малышевых, которые в 1914–1916 гг. построили две печи и начали выпускать оконное стекло и бутылки. Однако в связи с событиями февраля и октября 1917 г. и разразившейся затем Гражданской войной завод так и не заработал в полную силу и подвергся сильному разрушению. Старый завод частично был восстановлен только в 1922 г., когда удалось наладить выпуск бутылок и сортовой посуды. В строй, как полностью действующий, завод «Дагестанские Огни» вступил 18 января 1926 г.

Наряду со стекольным производством правительство большое внимание уделяло созданию нормальных условий жизни для рабочих и служащих завода. В 1924 г. правительством Дагестана были отпущены средства на строительство жилых зданий, на которые по проекту главного инженера завода В. Каржавина было построено три барака. В 1925–1927 гг. вокруг завода выросло еще несколько каменных жилых домов. В 1936 г. недалеко от железнодорожной станции было построено четыре каменных дома. В годы довоенных пятилеток в поселке было построено еще 12 жилых домов, школа и больница. В 1932 г. в Дагестанских Огнях проживало 1 550, в 1933 г. – 1 800, а в 1934 г. – 2 400 человек. Эти цифры говорят о непрерывном росте населения поселка. Жилищное строительство отставало от роста населения, поэтому большое внимание было уделено индивидуальному строительству. Рабочие и служащие завода стали получать от государства ссуду на это строительство. В связи с широко развернувшимся строительством поселковый совет в 1938 г. приступил к планировке поселка, созданию мощеных улиц, тротуаров, их озеленению. Строящиеся дома располагались в определенном порядке вдоль улиц.

Начавшаяся Великая Отечественная война прервала работы по благоустройству поселка. К концу войны в поселке насчитывалось 27 домов и бараков и несколько десятков индивидуальных домов, расположенных недалеко от завода. Помимо жилых построек в поселке располагались здания заводоуправления, детских яслей, магазинов, столовой, больницы и бани. Расширение производства в 1954–1955 гг. увеличило количество рабочих. Если в 1950 г. на заводе трудилось

758 рабочих, то в 1964 г. их стало 1 965. Для строительства индивидуальных домов государство отпускало рабочим и инженерно-техническим работникам ссуды на 7–10 лет с уплатой 2 % годовых, а также строительные материалы по твердым ценам, помогало с транспортом. Эти меры привели к стимулированию домостроения. На 01.01.1964 г. в поселке насчитывалось 830 индивидуальных домов. Наряду с индивидуальным строительством в поселке в широких масштабах шло возведение многоквартирных домов со всеми удобствами, а также объектов культурно-бытового назначения. Во второй половине 1960-х гг. был расширен водопровод, построены канализационные сети, продолжены работы по мощению и асфальтированию улиц. Поселок Дагестанские Огни постепенно приобретал облик города, которым он стал только в 1990 г.

В 1980-е гг. большое внимание уделялось жилищному строительству и благоустройству поселка [6, с. 16–20, 143–146].

Период с 1946 по 1980-е годы был наиболее благоприятным для развития промышленности и объектов соцкультбыта в поселке Дагестанские Огни. Повысился культурный и общеобразовательный уровень его населения [7, с. 346–349].

Период с 1985 по 1991 год был временем перестройки и развития стекольной отрасли в условиях социалистической командной системы управления в рамках единого экономического и политического пространства СССР.

1991 год завершился распадом СССР и появлением нового государства – Российская Федерация. Постсоветский период характеризуется отказом от выполнения государственных планов, финансовыми, политическими потрясениями. С появлением новых рыночных отношений экономика Дагестана переживала тяжелый кризис. По сравнению с 1990 г. объемы промышленного производства в 2000 г. сократились в 6 раз. Стекольный завод «Дагестанские Огни» оказался в тяжелой ситуации. Его продукция оказалась неконкурентоспособной. Технологические основы производства, заложенные в 1920–1930-х гг., полностью исчерпали себя. Какое-то время предприятие еще держалось на плаву благодаря выпуску стеклотары и облицовочной плитки, но вскоре более успешные конкуренты подорвали и эти отрасли производства. Завод прекратил производство продукции, были уволены рабочие и служащие. Он начал разрушаться. К 2002 г. от завода остался лишь каркас. Именно в это время к нему стали проявлять интерес инвесторы, которые выкупили его и стали восстанавливать. За короткое время в возрождение флагмана российской стекольной промышленности было вложено 10 млн дол. Был произведен капитальный ремонт комплекса дозировочных линий для цеха стеклотары, построены две стекловаренные печи производительностью 75 и

100 т в сутки, новая дымовая труба. В 2008 г. на заводе работало 4 машинные линии, выпускавшие ежемесячно по 150 тыс. м² оконного стекла [3, с. 307–308].

После создания ООО «Дагстекло», который специализировался на выпуске консервной стеклотары, бутылок и банок для пищевых продуктов, к нему стали проявлять интерес и зарубежные инвесторы. В 2009 г. Министерство промышленности РД заключило с чешской фирмой «Sklostroj» договор на сумму 10 млн евро, которые пошли на модернизацию производственных линий, что дало возможность расширить ассортимент продукции и обеспечить людей работой.

Предпринятые меры не оздоровили экономику города Дагестанские Огни, которая продолжает переживать затяжной кризис. По мнению специалистов, к приоритетным направлениям развития малых и средних городов Дагестана следует отнести реструктуризацию промышленного потенциала г. Дагестанские Огни, стимулирование развития предпринимательства и комфортной среды обитания горожан [3, с. 309–312].

Возможно, что выход из экономического кризиса и улучшение ситуации произойдет после включения города Дагестанские Огни в Дербентскую агломерацию [16].

Еще одним новшеством последних лет в развитии экономики городских поселений Дагестана следует назвать так называемые «Территории опережающего развития» – экономические зоны со льготными налоговыми условиями, упрощёнными административными процедурами и другими привилегиями, создаваемые для привлечения инвестиций, ускоренного развития экономики и улучшения жизни населения. Их деятельность регулируется Федеральным законом от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [15, с. 1]. В соответствии с этим законом территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) можно создавать в моногородах, которые отнесены к первой категории сложности. К такой категории в Дагестане были отнесены города Каспийск и Дагестанские Огни. В настоящее время Минэкономразвития России проводит работу по согласованию проекта постановления Правительства РФ о создании ТОСЭР в моногороде Каспийск. Продолжается работа по подготовке заявки моногорода Дагестанские Огни [4]. Эти меры должны стабилизировать ситуацию и создать условия для стимулирования производства в г. Дагестанские Огни.

Что касается численности населения этого города, то по результатам переписей 2002 и 2010 гг. она выглядела соответственно следующим образом: Дагестанские Огни – 26 346 и 27 923 чел. [11, с. 31, 33–35], что составляет 0,6 % прироста населения. Низкий прирост

объясняется миграционной активностью не востребовавшихся высококвалифицированных специалистов в находящейся в глубоком кризисе местной промышленности, а также оттоком русскоязычного населения [8, с. 45].

Этническая среда города Дагестанские Огни неоднородна. Это обусловлено тем, что с самого начала в строительстве завода принимали участие русские, украинцы, белорусы, дагестанцы, представители других народов СССР, а также иностранные специалисты. Они же в большинстве случаев были первыми жителями поселка «Дагестанские Огни» [3, с. 172].

По результатам Всероссийской переписи 2010 г., основными этносами, населяющими город Дагестанские Огни, являлись табасаранцы (46,20 %), азербайджанцы (23,15 %), лезгины (17,86 %), даргинцы (6,57 %), агулы (3,07 %), русские (1,09 %) [14].

Итак, как это видно, город Дагестанские Огни по национальному составу является полиэтничным. Его можно отнести к городам этноконтактной зоны, в которой происходит этнокультурное соприкосновение и взаимодействие горских народов Дагестана, дагестанских азербайджанцев и русских; городского и интенсивно мигрирующего в последние десятилетия в города сельского населения Дагестана.

Таким образом, возникший как результат модернизационных процессов в России на месте стекольного завода поселок «Дагестанские Огни» прошел значительный путь в своем развитии. В новейшее время он был преобразован в город. В изучаемое время в экономике города наметился затяжной кризис, связанный со слабой производительностью возрожденного стекольного завода. Стабилизация ситуации и создание условий для стимулирования производства возможна после включения города Дагестанские Огни в Дербентскую агломерацию, а также возникновения на территории этого моногорода территории опережающего развития.

Демографическая ситуация между двумя последними переписями населения характеризуется низким приростом, что объясняется миграционной активностью не востребовавшихся местной промышленностью квалифицированных специалистов, а также оттоком русскоязычного населения. Этнический состав населения города характеризуется как полиэтничный. Город можно отнести к этноконтактной зоне соприкосновения горских народов Дагестана, дагестанских азербайджанцев и русских, городского и сельского населения.

Литература

1. *Алиев А.И.* Исторический опыт строительства социализма в Дагестане. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. – 223 с.

2. *Балаян И.Я., Цапиева О.К.* Экономический потенциал и основные направления развития малых и средних городов (на примере Республики Дагестан) // Материалы международной научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе» (18–19 сентября 2012 г., г. Каспийск, Республика Дагестан). – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 307–312.

3. *Булатов Б.Б., Гусейнов М.Ш.* История города Дагестанские Огни. – Махачкала: ДГУ, 2013. – 210 с.

4. Вопросы создания территорий опережающего развития обсудили в Минэкономразвития Дагестана [Электронный ресурс] // Сайт РИА «Дагестан». – Режим доступа: http://www.riadagestan.ru/news/tourism_events/voprosy_sozdaniya_territoriy_operezhayushchego_razvitiya_obsudili_v_minekonomrazvitiya_dagestana/ (дата обращения: 07.02. 2017).

5. *Голубятников В.Д.* Дагестанские Огни и другие месторождения газа и нефти в Южном Дагестане (Каякент, Берикей, Дузлак, Хаш-Мензил). – М.: Л., 1927. – 110 с.

6. *Гусейнов М.Ш., Бабаев А.-М.Б., Гусейнова С.К.* Дагестанские Огни – первый высокомеханизированный стекольный завод России. – Махачкала: ДГУ, 2007. – 163 с.

7. *Гусейнов М.Ш., Гусейнова С.К.* Социальное и культурное развитие города Дагестанские Огни в 1946-1980 гг. // Материалы международной научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе» (18–19 сентября 2012 г., г. Каспийск, Республика Дагестан). – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 345–349.

8. *Ибрагимов М.-Р.А.* Динамика численности населения городов Дагестана (вторая половина XIX – начало XXI в.) // Материалы международной научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе» (18–19 сентября 2012 г., г. Каспийск, Республика Дагестан). – Махачкала: Алеф, 2012. С. 38–46.

9. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2. История Дагестана в XX веке / отв. ред. А.И. Османов. – Махачкала: Юпитер, 2005. – 664 с.

10. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. 659 с.

11. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. Т. 11. Сводные итоги: официальное издание. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013.

12. *Кидирниязов Д.С.* Значение Владикавказской железной дороги в интеграции городов Северного Кавказа в единый Всероссийский рынок // Материалы Всероссийской научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе», посвященной

150-летию г. Буйнакск (16 ноября 2016 г., г. Буйнакск, Республика Дагестан). – Махачкала: Алеф, 2017. – С. 136–148.

13. Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. – М.: Наука, 2002. – 588 с.

14. О некоторых итогах Всерос. переписи населения 2010 года в Республике Дагестан: Стат. сборник. – Махачкала: Дагестанстат РД, 2012. – 45 с.

15. Российская газета: Федеральный выпуск. – 2014. – 31 декабря. – № 6571 (299).

16. Три агломерации создадут в Дагестане // Сайт «DAG.AIF.RU». – Режим доступа: <https://yugsn.ru/tri-aglomeracii-sozdadut-v-dagestane/> (дата обращения: 29.12.2015).

5. Демографические и этнические процессы в г. Хасавюрт и Кизилюрт (2000–2010 гг.)

К числу образовавшихся в разное время и имеющих различный численный и этнический состав городов Дагестана относятся г. Хасавюрт и Кизилюрт. Дореволюционная и советская история, демографические и этнические процессы в этих городах были предметом исследования специалистов [11, с. 85–86, 87–88], чего нельзя сказать о постсоветском периоде.

2000–2010 гг. – период относительной стабилизации экономики республики и страны после «шоковой терапии» либеральных экономических реформ 90-х гг. XX в., приведших к значительному снижению жизненного уровня населения Дагестана [9, с. 353–359; 10, с. 82–89; 13, с. 406–421].

История создания города Хасавюрт связана с деятельностью русской военной администрации [3, с. 100–104; 2, с. 135–139]. Возникнув как укрепление Ярык-сув, оно в 1846 г. официально было переименовано в Хасав-Юрт (в честь его создателя – аксаевского князя Мусы Хасаева). После формирования в 1869 г. Кумыкского округа (в 1871 г. переименован в Хасавюртовский округ) Терской области возрастает политическое значение нового поселения. В 1867 г. Хасавюрту был придан статус слободы, а военное управление поселением упразднено. Постепенно он превратился в экономический центр региона. Строительство в 1890-х гг. Петровского участка Владикавказской железной дороги через Грозный, Хасавюрт, Петровск до Баку дало мощный толчок развитию слободы, 17 мая 1894 г. была открыта станция. На рубеже XIX–XX вв. Хасавюрт являлся административным, экономическим и культурным центром Засулакской Кумыкии.

В апреле 1920 г. Хасавюрт стал центром Хасавюртовского округа ДАССР, в 1928–1962 гг. – центром Хасавюртовского района, в 1963–1965 гг. – Хасавюртовского сельского района, а с 1965 г. – про-

сто района ДАССР. Постановлением ВЦИК от 10 августа 1931 г. слобода преобразована в город районного подчинения. Постановлением Дагсовнаркома от 9 сентября 1939 г. город выделен в самостоятельную административно-хозяйственную единицу, что подтверждено постановлением Президиума Верховного Совета ДАССР от 25 февраля 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 сентября 1947 г. Хасавюрт отнесен к категории городов республиканского подчинения. Ныне г. Хасавюрт – один из крупных городов Дагестана, центр торговли Северного Дагестана и Южной Чечни [4, с. 209–213].

За годы советской власти Хасавюрт стал многолюдным и мозаичным в этническом отношении городом. К 1939 г. в нем насчитывалось 23,4 тыс. жителей, к 1959 г. – 34,2 тыс., к 1970 г. – 54,3 тыс., к 1989 г. – 70,5 тыс. На 1995 г. его население составило 83,3 тыс. чел., а на 2000 г. – 86,2 тыс. чел. Сегодня Хасавюрт по численности населения среди десяти городов Дагестана занимает третье место после Махачкалы и Дербента. На начало 2000-х гг. Хасавюрт испытывал сложные социально-демографические и этнические проблемы. Имеющие место обострение межэтнических отношений были вызваны не столько этнокультурными различиями, сколько претензиями на лидерство каждой из трех примерно равных по численности этнических групп населения города: аварцы – 22,0 %, чеченцы – 26,1 %, кумыки – 35,6 % [11, с. 85–86].

Численность населения города Хасавюрт по результатам переписей 2002 и 2010 гг. выглядела соответственно следующим образом: 121 817 чел. и 131 187 чел. [7, с. 47]. Налицо, хотя и незначительное, увеличение численности населения.

По переписи 2010 г. основными этносами, населяющими Хасавюрт, были: аварцы с численностью 40 226 чел. и долей от всего населения – 30,66 %, чеченцы – 37 330 и 28,46%, кумыки – 36 883 и 28,11 %, даргинцы – 5 339 и 4,07 %, лакцы – 4 362 и 3,33 %, русские – 2 982 и 2,27 %, лезгины – 2.096 и 1,60 % [12].

За десятилетие, прошедшее между двумя переписями, численное соотношение трех основных этносов города изменилось. Если на начало 2000-х гг. в численном отношении кумыки занимали первое место (35,6 %), чеченцы – второе (26,1 %), а аварцы – третье (22,0 %), то результаты переписи населения 2010 г. фиксируют изменение этого соотношения: аварцы теперь занимают первое место (30,66 %), чеченцы остаются на втором месте (28,46 %), а кумыки переместились на третье место (28,11 %). Изменение этнической картины можно объяснить миграционной активностью и притоком сельского аварского населения в г. Хасавюрт при стабильно сохраняющейся численности других городских этносов.

Хасавюрт можно отнести к городам этноконтактной зоны соприкосновения горских народов Дагестана с кумыками и чеченцами, а также городского и сельского населения (Хасавюртовского, Новолакского и Казбековского районов).

В 1927 г. из состава села Ново-Александровка был выделен посёлок Красный (в том же году наименование уточнено в форме Кизил-Юрт) который вошел в состав Султан-Янги-Юртовского сельсовета Махач-Калинского округа [8].

Статус города Кизилюрт получил в 1963 году. В состав Кизилюрта вошли поселок с одноименным названием и расположенные поблизости поселки Чир-Юрт и Бавтугай. Интенсивное освоение этой территории связано со строительством в 1923 г. 70-километрового канала им. Октябрьской революции, обеспечившего водоснабжение г. Махачкалы. Становление Кизилюрта как города было обусловлено строительством здесь Чирюртовской ГЭС, заводов «Дагэлектромат» и фосфорных солей. Через Кизилюрт проходят автомобильная и железная дорога, соединяющая Дагестан с остальной Россией и Азербайджаном. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. в городе проживало 40,2 тыс. чел., из которых более 50 % аварцы, примерно 20 % – кумыки. За последние три десятилетия население Кизилюрта формировалось в основном за счет миграции сельского населения [11, с. 87–88].

По переписям 2002 и 2010 гг. численность населения г. Кизилюрт выглядела соответственно следующим образом: 30 264 и 32 988 [7, с. 35]. Прирост населения объясняется неконтролируемой миграцией сельского населения в города республики [14].

По результатам переписи 2010 г., основными этносами, населяющими город Кизилюрт, являются: аварцы с численностью населения 23 382 чел. и долей от всего населения 70,88 %, кумыки – 3 915 и 11,87 %, лакцы – 1 760 и 5,34 %, русские – 1 250 и 3,79 %, лезгины – 956 и 2,90 %, даргинцы – 839 и 2,54 % [12].

Как это видно в сравнении с переписью населения 1989 г., аварцы и кумыки остаются доминирующими этносами г. Кизилюрт. Однако за прошедших два десятилетия численность и доля аварцев существенно возросла при ее уменьшении у кумыков, что можно объяснить механическим приростом в результате миграции в этот город сельского аварского населения.

Так же, как и Хасавюрт, Кизилюрт можно отнести к городам этноконтактной зоны соприкосновения горских народов Дагестана с кумыками, а также городского и сельского населения.

Отмеченные нами в 2000–2010 гг. этнические и демографические процессы в гг. Хасавюрт и Кизилюрт характерны в указанный период и для всего Дагестана [6, с. 404–405].

Таким образом, демографическую ситуацию возникших в разное (дореволюционное и советское) время городов Хасавюрт и Кизилюрт в постсоветский период (2000–2010 гг.) можно охарактеризовать как в целом благоприятную и стабильную. Основной прирост населения этих городов формировался за счет механического прироста в результате миграции сельского населения. Этнический состав этих городов характеризуется мозаичностью. В изучаемое время в этих городах преобладает аварское население, что можно объяснить благоприятной демографической ситуацией и миграционными процессами. Как нам кажется, в ближайшие десятилетия эта тенденция будет сохраняться и усиливаться.

instituteofhistory.ru

Литература

1. *Волкова Н.Г.* Изменения в национальном составе городского населения Северного Кавказа за годы Советской власти // Советская этнография. – 1965. – № 2. – С. 40–56.

2. *Гарунов Н.Н.* Российские города-крепости Северо-Восточного Кавказа в интеграционной политике России в XVIII – начале XIX в. // Материалы Межд. научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе» (18–19 сентября 2012 г., г. Каспийск, Республика Дагестан). – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 135–139.

3. *Дадаев Ю.У.* Присоединение к Российской империи в XVIII – XIX веках – важнейший фактор возникновения и развития городов Северного Кавказа // Материалы Межд. научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе» (18–19 сентября 2012 г., г. Каспийск, Республика Дагестан). – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 100–104.

4. *Джахиева Э.Г.* Из истории города Хасавюрт // Материалы Межд. научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе» (18–19 сентября 2012 г., г. Каспийск, Республика Дагестан). – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 209–213.

5. *Ибрагимов М.-Р.А., Магомедханов М.М.* Этнодемографические аспекты формирования городского населения Дагестана (вторая половина XIX – начало XXI вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. Вып. I. – СПб., 2009. – С. 247–259.

6. *Ибрагимов М.Р.-А.* Проблемы этнодемографического развития Дагестана постсоветского периода // Межд. научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»: Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси–Гори–Батуми, 27–30 сентября 2010 г. – Тбилиси, 2011. – С. 404–405.

instituteofhistory.ru

7. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. Т. 11. Сводные итоги: Официальное издание. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013.

8. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года по Дагестанской АССР. Вып. 1. Список населенных мест Дагестанской АССР. – Махач-Кала: Изд-во Дагстатуправления, 1927. – 188 с.

9. *Мирзабеков М.Я., Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Культура дагестанского города XX в. – Махачкала, 2007. – 383 с.

10. *Муслимова Н.Т.* Либеральные реформы первой половины 90-х гг. XX в. и их влияние на экономику Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2016. – № 3 (47). – С. 82–89.

11. Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. – М.: Наука, 2002. – 588 с.

12. О некоторых итогах Всерос. переписи населения 2010 года в Республике Дагестан: стат. сб. – Махачкала: Дагестанстат РД, 2012. – 45 с.

13. *Османов А.И.* Население Дагестана с древнейших времен до конца XX века: историко-этнодемографическое исследование. – Махачкала: Алеф, 2011. – 448 с.

14. *Эфендиев И.И., Алиев Ш.М., Гимбатов Ш.М., Эльдаров Э.М.* Занятость и отходничество сельского населения Дагестана. – Махачкала: Наука плюс, 2008. – 200 с.

6. Русское население городов дагестана: динамика численности и причины оттока

Дагестанские русские – один из этносов [1] республики Дагестан. История заселения гребенскими и терскими казаками устья Терека, строительства русских крепостей и поселений [2] на территории Дагестана относится к XVI веку [3]. В Дагестане русские проживают в городах Кизляр, Махачкала, Каспийск, Хасавюрт, Кизилюрт, Избербаш, Буйнакск и Дербент, а также в Тарумовском, Кизлярском, Бабаюртовском, Хасавюртовском, Кизилюртовском, Буйнакском и Дербентском районах [4].

Проблемами демографии [5, 6] (в т. ч. этнической демографии) [7, 8], изучения динамики численности, естественного движения, национального состава, миграций [9, 10], оттока русскоязычного населения [11–14] на основе результатов Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г. и Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., текущих материалов Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и его территориального органа по Республике Дагестан (Дагестанстат) занимались ряд российских исследователей.

В меньшей степени эти процессы изучались по городам Дагестана. Такие исследования единичны [15, 16] и не охватывают изме-

нений, происшедших после последней переписи населения. В связи с этим возникла необходимость анализа динамики этнодемографических процессов в городах Дагестана на основе материалов трех последних переписей населения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Республике Дагестан (РД) насчитывались следующие административные единицы: районов – 41, городов – 10 с тремя городскими районами, поселков городского типа – 19, сельских населенных пунктов – 1588. Муниципальные образования состояли из 10 городских округов с 8 городскими поселениями и 41 муниципальных района с 698 сельскими поселениями [17]. Средняя плотность населения в РД составляла 52,4 чел. на кв. км (в РФ – 8,3, а в СКФО – 52) [18]. Плотность населения, многократно превышающая федеральные и даже региональные показатели, а также сосредоточение четверти населения в столице республики свидетельствует о нарастающем демографическом давлении и резко возросших темпах урбанизации населения Дагестана.

За период 1989–2010 гг. численность всего населения РД увеличилась в 1,6 раза, а численность представителей дагестаноязычных и тюркоязычных народов Дагестана возросла в 1,7 раза. Этот рост был результатом естественного прироста, несмотря на относительно высокое отрицательное сальдо миграции. При этом наибольший прирост численности зафиксирован у кумыков (1,9 раза) и лезгин (1,9), а также у малочисленных агулов (2,0 раза) и цахуров (1,9 раза) [19]. К началу 2010 г. численность населения РД составляла 2 737 300 чел. (1,9 % населения РФ, 29,6 % – Северо-Кавказского федерального округа (СКФО)). По численности населения Дагестан занимает первое место среди семи республик и краев Северо-Кавказского федерального округа и 11-е место в Российской Федерации [20]. За 2017 г. численность населения Дагестана увеличилась на 22 тыс. человек, составив на 1 января 2018 года 3 млн 64 тыс. чел. [21]. Эти данные свидетельствуют о положительной демографической динамике и неуклонном повышении численности населения республики.

По результатам переписи населения 2010 г. соотношение городского и сельского населения у наиболее многочисленных национальностей в РД выглядело следующим образом: аварцы – всего 850 011, из них городское население – 314 057, сельское население – 535 954, даргинцы – 490 384, из них городское население – 196 873, сельское население – 293 511, кумыки – 431 736, из них городское население – 216 715, сельское население – 215 021, лезгины – 385 240, из них городское население – 176 068, сельское население – 209 172, лакцы – 161 276, из них городское население – 115 092, сельское население – 46 184, азербайджанцы – 130 919, из них городское население – 61 163, сельское население – 69.756, табасараны – 118 848, из них город-

ское население – 53 375, сельское население – 65 473, **русские** – 104 020, из них городское население – 84 277, сельское население – 19 743, чеченцы – 93 658, из них городское население – 39.622, сельское население – 54 036, ногайцы – 40 407, из них городское население – 7 280, сельское население – 33 127, агулы – 28 054, из них городское население – 13 716, сельское население – 14 338, рутульцы – 27 849, из них городское население – 11 872, сельское население – 15 977, цахуры – 9 771, из них городское население – 3 365, сельское население – 6 406 [22].

Как отмечают исследователи, доля горожан среди русских очень высока и постоянно росла – 63,9 % (1959 г.), 80,8 % (1979 г.), 84,8 % (1989 г.) и 80,3 % (2002 г.) [23].

Итак, как это видно по представленным данным, наиболее урбанизированными народностями Дагестана являются русские, лакцы и кумыки, а наименее – ногайцы, цахуры, аварцы и даргинцы.

Наибольшая численность русских на территории Дагестана наблюдалась в 1959 г. – 213,8 тыс. чел., или 20,1 % в общей численности населения [24]. В 1979 г. численность русских составляла 189,5 тыс. чел. (11,7 %), в 1989 г. она сократилась до 165,9 тыс. чел. (9,2 % населения) [25, 26]. Данные переписи 2002 г. показали, что число русского населения составило уже 120,9 тыс. чел. (4,7 % населения) [27]. В последующие годы численность русских неуклонно снижалась, достигнув своего минимума в 2010 г. – 104 тыс. или 3,6 % [28].

Как отмечают исследователи, с 1970 г. началось постепенное уменьшение численности русских в Дагестане. В 1970 г. в регионе по численности русские уступали только аварцам, которых насчитывалось 349 304 чел. (русских было 209 509 чел.). Начиная с 1989 г. численность русских стала уменьшаться за счет миграционного оттока. С 1990 г., особенно после развала СССР, миграционный отток русских и других представителей славянских народов из республики усилился. Если до конца 1980-х гг. доля русских, покидающих Дагестан, ежегодно составляла 0,5 % от их численности, то в 1994 г. – 2,42 %. Наибольшее число русских, выехавших из Дагестана, было отмечено в 1995 г. (43,8 % от всех выбывших). Сальдо миграции русских за 1999 г. по сравнению с 1998 г. уменьшилось и составило минус 3 832 чел. (1998 г. – минус 4296 чел.). В основном русские уезжали из городов – Махачкалы, Кизляра, Каспийска и Хасавюрта [29].

Как видно из представленных данных, численность русских в Дагестане неуклонно снижается, несмотря на то, что правительством республики предпринимаются шаги по минимизации этого процесса. Учитывая, что предотвращение оттока и возвращение русского населения на территорию Северо-Кавказского федерального округа сегодня является одной из приоритетных задач по нормализации межэт-

нических отношений, в Дагестане принята государственная программа РД «Поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения на 2014–2017 годы» [30].

В целях предотвращения неконтролируемого массового оттока русского населения руководством Республики был предпринят ряд мер в местах компактного проживания русских. В эту деятельность вместе со специальными комиссиями были включены общественные организации, такие как Общественно-политическое славянское движение «Русь», правление Кизлярского особого приграничного округа Терского Казачьего войска, Совет ветеранов войны и труда, а также некоторые депутаты Народного Собрания. В одной из рекомендаций даже предлагалось «придать Северному региону Дагестана статус особой социально-экономической зоны с целью сохранения и развития исторически сложившегося природного, этнического, экономического расклада» [31].

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан (Дагстат), за 2017 год демографические процессы в муниципальных образованиях республики во многом сохраняют свою прежнюю динамику. Наибольший относительный прирост численности населения среди городов и муниципальных районов Дагестана в 2017 г. демонстрирует г. Каспийск. Каспийск увеличил свою численность на 3 тыс. чел., или на 2,6 % (чуть меньше показателя за 2016 г.), достигнув 116,3 тыс. чел. В абсолютном выражении Каспийск обогнала только Махачкала – 3,4 тыс., но это обеспечило прирост населения столицы лишь на 0,6 %, что оказалось даже ниже общереспубликанского показателя – 0,7 %. Численность населения Махачкалы приблизилась к 600 тыс. Прирост населения наблюдался и в остальных городах Дагестана, но самые низкие показатели отмечаются в Дербенте – 0,5 %, Дагестанских Огнях и Южно-Сухокумске – по 0,6 %. Численность населения г. Дербента увеличилась лишь на 0,6 тыс. чел., составив 123,7 тыс. Несмотря на большое количество возводящихся жилых объектов в Дербенте, его численность растет только за счет естественного прироста, а не из-за притока населения извне. Несмотря на увеличение общей численности жителей за 1989–2010 гг. на 41,3 тыс. чел., т. е. в 1,5 раза, по этому показателю Дербент уступил другим городам Дагестана, чье население за эти годы выросло почти в 1,8 раза. Столь существенные различия в динамике численности населения городов республики являются свидетельством того, что Дербент, ранее занимавший положение одного из крупных центров на Кавказе, к концу XX века постепенно потерял лидерские позиции в торгово-экономической и культурной жизни региона в связи с выходом на арену столицы республики – города Махачкалы. Постепенно снижавшийся статус сделал Дербента в ис-

следуемый период одним из слабо развивающихся городов Дагестана [32].

Существенные изменения произошли с численностью и долей русских в населении Дербента. Уже с 70-х годов XX столетия фиксируется вначале постепенное, а затем и заметное уменьшение, как численности, так и доли русского населения в этнической структуре города. В основном это было вызвано миграционным оттоком за пределы Дагестана, а также естественной убылью из-за превышения смертности над рождаемостью. Так, русские в Дербенте, к началу постсоветского периода составлявшие почти 10 % всего населения города, за 20 лет развития новой государственности под давлением целого ряда причин: отсутствия «социально-экономического благополучия – трудовой занятости, обеспеченности жильем, социальной защищенности престарелых, возможностей получения среднего и высшего профессионального образования для молодежи, а также неспокойной обстановки, связанно с происходящими на территории террористическими актами, не всегда благоприятным психологическим климатом» [33] – составили менее 4 % от общего числа жителей [34].

Итак, как это видно из представленных сведений, наибольший прирост населения между двумя переписями наблюдается в г. Избербаш, Каспийск, Кизилюрт и Махачкала, что объясняется неконтролируемой миграцией сельского населения в города республики [35], а наименьший прирост – в г. Дербент, Дагестанские Огни, Южно-Сухокумск и Кизляр. Низкий прирост населения в г. Кизляр связан с оттоком в последние десятилетия русскоязычного населения за пределы Дагестана [36, 37] в связи с общей неблагоприятной общественно-политической [38, 39], социально-экономической [40] и демографической ситуацией [41] в республике.

По данным М.-Р.А. Ибрагимова, в постсоветский период (1989–2010 гг.) возросла доля относительно крупных по численности местных этносов в этническом составе Дагестана. Особенно ярко эта тенденция проявлялась в городах РД [42].

Характерной чертой этнической структуры городского населения, наряду с его многонациональностью, является возрастание доли крупных по дагестанским масштабам этносов республики, обусловленное постоянным ростом удельного веса горожан среди населения этих народов. Все более отчетливые формы, особенно среди городского населения, приобретает постепенное снижение рождаемости и как следствие – переход к нуклеарной семье, что свидетельствует об изменениях ментальности дагестанского общества в этом плане [43].

Города Дагестана полиэтничны, особенно города этноконтактной зоны – Кизляр (дагестанские русские, аварцы и даргинцы), Хасавюрт (чеченцы-аккинцы, аварцы и кумыки), Дербент и Дагестанские

Огни (дагестанские азербайджанцы, лезгины, табасаранцы и даргинцы).

В течение постсоветского периода этнодемографическая (включая миграционную) ситуация в Дагестане существенно трансформировалась под влиянием военно-политических, социальных, демографических, этнокультурных и других факторов. Основными политическими событиями, оказавшими существенное влияние на все сферы жизни народов Дагестана (и других республик Северо-Восточного Кавказа), были военные действия на территории Чечни в декабре 1994 г.– августе 1996 г. Эти события, официально называвшиеся восстановлением конституционного порядка в Чеченской Республике, более известны как первая чеченская кампания, или первая чеченская война [44]. В период первой чеченской кампании в январе 1996 г. в Дагестане был осуществлен террористический акт по захвату незаконными вооруженными формированиями С. Радиева города Кизляра и села Первомайское Хасавюртовского района [45].

В мае 1998 г. сторонники лидера Союза мусульман России Н. Хачилаева, захватив в Махачкале Дом правительства, предприняли попытку государственного переворота в Дагестане, который закончился провалом. Эти события вызвали новую волну нерегулируемого оттока русского и русскоязычного населения из республики.

За период 1989–2002 гг. численность русского и русскоговорящего населения Дагестана (русских, горских евреев, европейских евреев, украинцев, армян, белорусов и др. народов) в основном из-за миграций сократилась на 77 тыс. человек (с 223 тыс. до 146 тыс.), а доля – на 6,7 % (с 12,4 % до 5,7 %) [46, 47]. Наибольшее число русских, выехавших из Дагестана, было отмечено в 1995 г. (43,8 % от всех выбывших). Сальдо миграции русских за 1999 г. по сравнению с 1998 г. уменьшилось и составило минус 3 832 чел. (1998 г. – минус 4296 чел.). В основном русские уезжали из городской местности – Махачкалы, Кизляра, Каспийска и Хасавюрта [48].

Наряду с военно-политическими событиями значительное влияние на усиление миграционных процессов среди представителей русских, украинцев, евреев, армян и др. народов Дагестана оказал очень высокий уровень безработицы. Другим фактором, ускорившим их миграцию, был резкий рост преступности, проявившийся в формировании криминальных групп по национальному признаку, в прямых угрозах в адрес русских и русскоговорящих с целью вытеснения их с должностей [49]. Поскольку 80 процентов промышленности в Республике было ориентировано на оборонный сектор, а русские в городах работали преимущественно на оборонных предприятиях, безработица поразила русских больше других [50].

Все это происходило на фоне массового переселения части населения из горных районов РД в районы традиционного проживания русских (г. Кизляр, Кизлярский и Тарумовский районы) [51, 52]. Переселенцами были в основном аварцы, а также даргинцы, лакцы, число которых в этом регионе выросло с 47,1 тыс. в 1989 г. до 101,4 тыс. человек в 2010 г. или 2,1 раза, и они составили более 67%. За этот же период число русских уменьшилось с 46,8 тыс. до 35,9 тыс. человек или в 1,3 раза [53, 54].

Приток населения из горных районов Дагестана сопровождался давлением на руководство русских районов со стороны полукриминальных структур, противозаконным захватом земель, образованием мононациональных анклавов. Русское население было обеспокоено ростом исламизации Кизлярского и Тарумовского районов, активным строительством незарегистрированных мечетей, передачей помещений домов культуры под медресе, в которых порой «проповедуются экстремистские идеи с применением физического насилия» [55, 56].

Русские, оказавшиеся в численном меньшинстве, не могли реализовать свои политические и гражданские права, что усиливало их отток из Дагестана. Свою роль в сокращении доли и численности русского и русскоговорящего населения сыграла также и более низкая, чем у остального населения, рождаемость [57].

Возрастающее абсолютное и относительное сокращение своей численности русское население воспринимает как его выживание с исторической территории, создает настроения недовольства, подавленности, приводит к напряженности в межнациональных отношениях. В какой-то мере эти настроения перерастают в политические. В Кизляре проводились демонстративные мероприятия (митинги, казачьи круги и т. д.). Часть русского населения видит решение своей проблемы в присоединении северной части Дагестана к Ставропольскому краю [58].

Массовый выезд русского и русскоязычного населения из Дагестана, вызвал ухудшение уровня общей квалификации, и качества трудоспособной части населения, вследствие чего существенно ограничили возможности преобразования экономики в соответствии с современными требованиями. Миграционные процессы 1990-х гг. в Дагестане способствовали ухудшению их социально-экономического положения и стагнации производственно-экономического потенциала в большей степени, чем в других регионах России. При этом система образования и здравоохранения пострадали в большей степени, чем сфера обслуживания населения. Результатом оттока русского, русскоязычного населения и креативной части местной молодежи (высококвалифицированных кадров среди рабочего класса, высшего и среднего технического управленческого персонала на предприятиях, науч-

ных и административно-управленческих кадров) стало существенное уменьшение числа носителей современного секуляризованного образа жизни. Изменения в этническом и социальном составе населения понизили готовность внедрения социальных модернистских инноваций для создания производственного потенциала, что было жизненно необходимо для общественно-политического развития Дагестана [59].

Анализ влияния военно-политических событий постсоветского времени на численность и долю русского и русскоговорящего населения Дагестана показал, что с ослаблением государства они оказались наименее защищенной категорией населения. Вместе с тем их присутствие, вклад в культуру республики являлись и остаются скрепляющим и демпфирующим элементом, а с исходом их из региона ослабла стабилизирующая роль, особенно в относительно крупных городах – Махачкале, Хасавюрте, Дербенте, Каспийске, Буйнакске, Кизляре [59, с. 114].

Таким образом, можно констатировать, что проживающие несколько столетий в Дагестане русские являются одним из наиболее урбанизированных этносов республики. Они расселены в основном в г. Кизляр, Махачкала, Каспийск, Хасавюрт, Кизилюрт, Избербаш, Буйнакск и Дербент. С ослаблением позиций государства они оказались наименее защищенной категорией населения Республики Дагестан. Начиная с 1989 г. численность этого этноса в республике стала уменьшаться, а с 1990 г. и особенно после развала СССР, миграционный отток русских и других русскоговорящих народов из республики усилился. Сокращению русского населения Дагестана способствовал целый ряд причин общественно-политического и социально-экономического характера. Учитывая огромный вклад русских в экономику и культуру Дагестана, Правительством Республики Дагестан предпринята долгосрочная программа по поддержке русского населения, которая в какой-то мере приостановила его неконтролируемый отток из Дагестана. Пребывание русских в Дагестане в определенной мере способствует поддержанию стабильных и гармоничных межнациональных отношений в республике.

Литература

1. Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. – М.: Наука, 2002. – С. 540–558.

2. *Гарунова Н.Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции: дис. ... д-ра ист. наук / ИИАЭ ДНЦ РАН. – Махачкала, 2007. – 393 с.

3. *Ризаханова М.Ш.* Дагестанские русские. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. – Махачкала, 2001.
4. *Алиева В.Ф.* Население Дагестана на рубеже веков. – Махачкала: Юпитер, 1999. – 232 с.
5. *Алиева В.Ф.* Демографические процессы в современном Дагестане. – М.: Наука, 2007. – 325 с.
6. *Ибрагимов М.-Р.А.* Проблемы этнодемографического развития Дагестана постсоветского периода // Межд. научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»: сб. кратких содержаний докладов. Тбилиси–Гори–Батуми, 27–30 сентября 2010 г. – Тбилиси, 2011. – С. 404–405.
7. *Ибрагимов М.-Р.А.* Этнодемографический аспект современных этноконфессиональных процессов в Дагестане // Исламоведение. – 2012. – № 2. – С. 47–53.
8. *Карнов Ю.Ю., Капустина Е.Л.* Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. – М.: Петербургское востоковедение, 2011. – 438 с.
9. *Мирзабеков М.Я.* Расселение населения и миграционные процессы в Дагестане в 1980–2010 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 3 (116). – С. 180–187.
10. *Алиева В.Ф.* Русское население Дагестана: Причины оттока и пути стабилизации процесса. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 66 с.
11. *Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.М.* Дагестанские русские: историко-социологическое исследование. – Махачкала: Алеф, 2015. – 320 с.
12. *Данилюк М.Ю., Халидова О.Б., Мишина Н.В.* Русское население в политической и этносоциальной структуре дагестанского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2017. – № 1. – С. 145–149.
13. *Ибрагимов М.-Р.А.* Динамика численности русского населения Дагестана (середина XIX – начало XXI в.) // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. – 2011. – № 4 (28). – С. 130.
14. *Ибрагимов М.-Р.А., Магомедханов М.М.* Этнодемографические аспекты формирования городского населения Дагестана (вторая половина XIX – начало XXI вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. Вып. I. – СПб., 2009. – С. 247–255.
15. *Ибрагимов М.-Р.А., Халилова А.С.* Трансформация этнической структуры города Дербента в постсоветский период // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 591.

16. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. Т. 11. Сводные итоги: официальное издание. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. – С. 51.

17. *Ибрагимов М.-Р.А.* Влияние миграций населения на этнополитическую ситуацию в Дагестане (конец XX – начало XXI в.) // Сб. научных статей Института социальных исследований ИнГУ / отв. ред. Сампиев И.М. – Назрань: ООО «КЕП», 2016. – С. 107–115.

18. Рост, прирост и убыль в Дагестане. Каспийск лидирует, Юг и Север в аутсайдерах // Сайт медиа-сервиса «Обзор СМИ». – Режим доступа: <http://obzor-smi.ru/centr/21881-rost-prirost-i-ubyl-v-dagestane-kaspijsk-lidiruet-yug-i-sever-v-outsajderakh.html> (дата обращения: 06.04.2018).

19. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. Т. 4, кн. 1. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – С. 441.

20. *Ибрагимов М.-Р.А.* Этническая демография русских Дагестана // Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Сб. научных статей. Северо-Кавказское обозрение ЦСРИИП ИППК при РГУ. Вып. 2 / отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. – С. 164.

21. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. – М.: Госстатиздат, 1963. – С. 324.

22. Численность и состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М.: Финансы и статистика, 1985. – С. 76.

23. Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Финансы и статистика, 1990. – С. 13.

24. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. Итоги Всерос. переписи населения 2002 г. Т. 4. – М.: Статистика России, 2004. – С. 59.

25. Итоги Всерос. переписи населения 2010 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. – М.: Статистика России, 2012. – С. 77.

26. *Мирзабеков М.Я.* Расселение населения и миграционные процессы в Дагестане в 1980–2010 гг. // Известия Волгоградского гос. педагогического университета. – 2017. – № 3 (116). – С. 182.

27. Государственная программа РД «Поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения на 2014–2017 годы» / Миннац РД. – Режим доступа: <http://www.minnaz.ru/слабо/168-государственная-программа-рд-поддержка-проживающего-и-возвращающегося-в-республику->

дагестан-русского-населения-на-2014–2017-годы (дата обращения: 15.02.2014).

28. *Паламарчук В.С.* Роль нерегулируемой миграции в экономическом и социальном развитии города Кизляра // Проблемы русского и русскоязычного населения Республики Дагестан. Материалы научно-практической конференции. – Махачкала, 1996. – С. 15.

29. *Ибрагимов М.-Р.А., Халилова А.С.* Трансформация этнической структуры города Дербента в постсоветский период // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 591.

30. *Лысенко Ю.М. и др.* Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН); кол. монография. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – С. 121.

31. *Ибрагимов М.-Р.А., Халилова А.С.* Трансформация этнической структуры города Дербента в постсоветский период // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 591.

32. *Эфендиев И.И., Алиев Ш.М., Гимбатов Ш.М., Эльдаров Э.М.* Занятость и отходничество сельского населения Дагестана. – Махачкала: Наука плюс, 2008. – 200 с.

33. *Алиева В.Ф.* Русское население Дагестана. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2001. – С. 45.

34. *Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.М.* Дагестанские русские: историко-социологическое исследование. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2015. – С. 61.

35. *Стешин Д.* Как остановить исход русских с Кавказа // Сайт «Комсомольская правда». – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26804/3839951/> (дата обращения: 13.03.2018).

36. Социально-экономическое положение Республики Дагестан. 1995 г. – Махачкала, 1996. – С. 87–88.

37. *Паламарчук В.С.* Роль нерегулируемой миграции в экономическом и социальном развитии города Кизляр // Материалы научно-практ. конференции «Проблемы русского и русскоязычного населения Республики Дагестан». – Махачкала, 1996. – С. 14.

38. О некоторых итогах Всерос. переписи населения 2010 года в Республике Дагестан: стат. сб. – Махачкала: Дагестанстат РД, 2012. – 45 с.

39. *Ибрагимов М.-Р.А.* Этнодемографические аспекты развития дагестанской семьи в Дагестане // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. – 2011. – № 1 (25). – С. 53–65.

40.

41. Организация и совершение Радуевым С.Б. акта терроризма в г. Кизляре и в с. Первомайское Хасавюртовского р-на РД 19 января

1996 года // http://bib.social/politika_890/organizatsiya-sovershenie-raduevyim-akta-43610.html.

42. Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Финансы и статистика, 1990. – С. 127–128.

43. *Мирзабеков М.Я.* Расселение населения и миграционные процессы в Дагестане в 1980–2010 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 3 (116). – С. 182.

44. *Попов Э.* Русские на Кавказе – лакмусовая бумажка российского присутствия в регионе // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36326>.

45. *Гусаев М.-С.М.* Проблемы русского и русскоязычного населения Дагестана: истоки, современное состояние, пути решения // Проблемы русского и русскоязычного населения Республики Дагестан. Материалы научно-практической конференции. – Махачкала, 1996. – С. 5.

46. *Лысенко Ю.М.* «Русские районы» Дагестана: проблемы этнодемографического развития (вторая половина XX в.) // Русский язык в истории и культуре народов Дагестана. – Махачкала, 2007. – С. 125–131.

47. *Лысенко Ю.М.* Миграция русских Кизлярщины в регионы юга России: причины, механизм, особенности // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН); кол. монография. – Махачкала, 2014. – С. 115–126.

48. Национальный состав населения городов, поселков, районов и сельских населенных пунктов Дагестанской АССР данным Всесоюзных переписей населения 1970, 1979 и 1989 г. Статистический сборник. – Махачкала, 1990. – С. 6, 71, 111.

49. Итоги Всерос. переписи населения 2010 г.: в 8 т. Т. 3: Национальный состав и владение языками, гражданство. – Махачкала: Территориальный орган федеральной службы госстатистики по Республике Дагестан, 2013. – С. 29, 38, 43.

50. *Магомедова Л.* «Не просить, а требовать»: Репортаж с выездного заседания Госсовета Дагестана в Кизляре // Газета «Новое Дело». – 2003. – 18 июля. – № 29. – С. 4.

51. *Абдулагатов З.М.* Проблемы и тенденции становления современных государственно-конфессиональных отношений в России (на примере православия и ислама). – Махачкала, 2006.

52. *Егоров В.К., Ибрагимов М.-Р.А.* Русское население Дагестана: проблемы и перспективы этнодемографического развития // Феминизм. – 2013. – № 2. – С. 166–169.

53. *Лысенко Ю.М.* Северный Дагестан 1957–2000 гг. (аспекты социально-экономического развития г. Кизляра, Кизлярского и Тарумовского районов). – Махачкала: ИД «Народы Дагестана», 2005. .

7. Миграционные процессы и эмиграция в городах дагестана в советский и постсоветский периоды

Мигрантами принято считать лиц, изменяющих свое местожительство и переезжающие в другой регион одной и той же страны [4, с. 217]. Эмигрантом же называется лицо, покинувшее страну своего гражданства или постоянного проживания и выехавшее на постоянное жительство в другое государство [5, с. 603].

В постсоветское время в городах Дагестана развернулись процессы, связанные с миграцией и эмиграцией. Миграционные процессы были связаны, во-первых, с неконтролируемым перемещением в города сельского населения, во-вторых, с оттоком из республики русскоязычного населения. Оба этих процесса изменили численный и этнический состав городов республики. Следует отметить, что миграция сельского населения происходила на всем протяжении существования советской власти в Дагестане как целенаправленная политика государства по переселению горцев на равнину [1; 2; 12; 15]. В постсоветский период она приняла неконтролируемый характер и была связана в основном с отсутствием работы и нормальных социально-бытовых условий для проживания сельского населения в горах. Это отразилось и на демографической ситуации в республике, в частности на соотношении городского и сельского населения [13, с. 180–187]. По результатам Всероссийской переписи населения 2002 г. в общей численности населения в РФ оно составляло соответственно 73,3% и 26,7 %, в СКФО – 49,0 % и 51,0 %, в РД – 42,8 % и 57,2 %. По итогам же переписи 2010 г. соотношение городского и сельского населения было следующим: в РФ – 73,7 % и 26,3 %, в СКФО – 49,2 % и 50,8 %, в РД – 45,2 % и 54,8 % [11, с. 27]. По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., общая численность населения РД составляла 2 910 249 человек, из которых 1 315 882 были горожанами и 1 594 367 – сельским населением [10, с. 89].

Итак, как показывают результаты последних переписей населения, в Дагестане наметилась тенденция выравнивания соотношений городского и сельского населений республики. Если данная тенденция сохранится и дальнейшем, то в скором времени Дагестан из аграрной республики превратится в урбанизированную.

Как отмечают исследователи, за период 1989–2010 гг. численность всего населения РД увеличилась в 1,6 раз, а численность представителей дагестаноязычных и тюркоязычных народов Дагестана возросла в 1,7 раза. Этот рост был результатом естественного прироста

ста, несмотря на относительно высокое отрицательное сальдо миграции. При этом наибольший прирост численности зафиксирован у кумыков (1,9 раза) и лезгин (1,9), а также малочисленных агулов (2 раза) и цахуров (1,9 раз) [8, с. 109-110]. К началу 2010 г. численность населения РД составляла 2 737 300 человек (1,9 % населения РФ, 29,6 % – Северо-Кавказского федерального округа (СКФО)). По численности населения Дагестан занимает первое место среди семи республик и краев Северо-Кавказского федерального округа и 11-е место в Российской Федерации [7, с. 404]. За 2017 г. численность населения Дагестана увеличилась на 22 тыс. чел., составив на 1 января 2018 г. 3 млн 64 тыс. чел. [16]. Эти данные свидетельствуют о положительной демографической динамике и неуклонном повышении численности населения республики.

Что касается оттока русского и русскоязычного населения из Дагестана, то он был тесно связан с общественно-политическими и социально-экономическими процессами, происходившими в стране и регионе после распада СССР: непродуманные «либеральные реформы» 90-х гг. XX в. [14, с. 82–89], закрытие заводов и фабрик и как следствие – массовая безработица [19; 20], коснувшаяся прежде всего русского населения; война в Чечне в 1994–1996 и 1999–2009 гг., разгул преступности [3, с. 104–111].

Эмиграция из Дагестана горских и европейских евреев в Израиль, США, европейские страны началась еще в советское время – в 1970-е и последующие годы [6; 17, с. 177–178; 18, с. 305–321]. Особенно интенсивно миграции и эмиграция происходили в г. Дербенте – городе, где традиционно обитала наиболее многочисленная диаспора горских евреев. Анализ этнической демографии Дербента в постсоветский период показал, что преобладающим фактором, оказавшим влияние на трансформацию этнической структуры его населения, являлись миграционные процессы. Они были обусловлены влиянием различных социально-экономических, культурных и отчасти политических моментов. Миграции представителей русского, горско-еврейского, лезгинского населения, сопровождавшиеся динамикой в демографических процессах среди азербайджанского, кумыкского, даргинского, да и в целом всего населения Дербента не только существенно изменили численность населения, но и привели к значительной трансформации этнического состава, что, в свою очередь, преобразовало этнический облик древнего города [9].

Как указывал М.-Р.А. Ибрагимов, специфика миграционных процессов в Дагестане состоит в том, что с середины 1990-х годов в крае фиксируется значительный отток русского и русскоязычного населения. Из года в год сокращается численность русских, украинцев, горских евреев, армян и представителей других национальностей,

в том числе, этнических дагестанцев. В связи с ростом национальной и социальной напряженности из-за войн и конфликтов на Кавказе, отсутствием личной безопасности многие горские евреи вынуждены были принять решение о репатриации. За 1990–2002 гг. из Дагестана в страны дальнего зарубежья (в основном в Израиль) выехало около 13 тыс. человек; при этом наибольшее число выбывших приходилось на 1994–1995 гг.: по 1,8–1,4 тыс. человек ежегодно [7, с. 405].

Таким образом, происходившие в Дагестане в советское и постсоветское время миграции и эмиграция были связаны с переселением горцев на равнину, эмиграцией евреев из СССР и оттоком русскоязычного населения из республики. Эти процессы были связаны с общественно-политической и социально-экономической ситуацией в стране и республике и привели к изменению численности и этнического состава населения городов Дагестана.

instituteofhistory.ru

Литература

1. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920–1945 гг.): документы и материалы: в 2 т. / отв. ред. А.И. Османов, сост. Г.И. Какагасанов и др. – Махачкала: ИД «Наука плюс», 2006 Т. 1. – 348 с.

2. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1946–1995 гг.): документы и материалы / отв. ред. А.И. Османов, сост. Г.И. Какагасанов и др.: в 2 т. – Махачкала: ИД «Наука плюс», 2006. Т. 2. – 220 с.

3. Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И. Русское население городов Дагестана: динамика численности и причины оттока в постсоветский период // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2018. – № 4 (41). – С. 104–111.

4. Васильева Т.А. Мигранты // Большая Российская энциклопедия: в 30 т. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2012. Т. 20. – 767 с.

5. Дипломатический словарь: в 3 т. – 4-е изд., переработ. и доп. – М.: Наука, 1986. Т. 3. – 750 с.

6. Еврейская эмиграция в свете новых документов / под ред. Б. Морозова. – Тель-Авив, 1998.

7. Ибрагимов М.Р.-А. Проблемы этнодемографического развития Дагестана постсоветского периода // Межд. научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»: сб. кратких содержаний докладов. Тбилиси–Гори–Батуми, 27–30 сентября 2010 г. – Тбилиси, 2011. – С. 404–405.

8. Ибрагимов М.-Р.А. Влияние миграций населения на этнополитическую ситуацию в Дагестане (конец XX – начало XXI в.) // Сб. научных статей Института социальных исследований ИнГГУ / отв. ред. Сампиев И.М. – Назрань: ООО «КЕП» 2016. – С. 109–110.

9. *Ибрагимов М.-Р.А., Халилова А.С.* Трансформация этнической структуры города Дербента в постсоветский период // *Современные проблемы науки и образования*. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20707> (дата обращения: 14.03.2019).

10. *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. Т. 1. Численность и размещение населения: Официальное издание.* – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012.

11. *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в 11 т. Т. 11. Сводные итоги: Официальное издание.* – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013.

12. *Карнов Ю.Ю., Капустина Е.Л.* Горцы после гор: миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. – СПб., 2011. – 438 с.

13. *Мирзабеков М.Я.* Расселение населения и миграционные процессы в Дагестане в 1980–2010 гг. // *Известия Волгоградского гос. пед. университета*. – 2017. – № 3 (116). – С. 180–187.

14. *Муслимова Н.Т.* Либеральные реформы первой половины 90-х гг. XX в. и их влияние на экономику Дагестана // *Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН*. – 2016. – № 3 (47). – С. 82–89.

15. *Османов А.И.* Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е годы XX в.). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000. – 335 с.

16. *Рост, прирост и убыль в Дагестане. Каспийск лидирует, Юг и Север в аутсайдерах* // Сайт медиа-сервиса «Обзор СМИ». – Режим доступа: <http://obzor-smi.ru/centr/21881-rost-prirost-i-ubyl-v-dagestane-kaspijsk-lidiruet-yug-i-sever-v-autsajderakh.html> (дата обращения: 06.04.2018).

17. *Tolts M.* Demography of the Jews in the Former Soviet Union: Yesterday and Today // *Jewish Life after the USSR* / Eds. Z. Gitelman, with M. Glants and M.I. Goldman. – Bloomington, IN. – P. 177–178.

18. *Флорсхайм Й.* Эмиграция советских евреев в 1979–1988 гг. и ее влияние на советское еврейство // *Яхадут зманену*. – 1990. – Вып. 6. – С. 305–321 (на иврите).

19. *Эскеров Д.Б.* Социально-экономические проблемы формирования рынка труда и управления занятостью в депрессивно-трудноизбыточном регионе. – Махачкала: ИСЭИ ДНЦ РАН, 2000. – 312 с.

20. *Эфендиев И.И., Алиев Ш.М., Гимбатов Ш.М., Эльдаров Э.М.* Занятость и отходничество сельского населения Дагестана. – Махачкала: Наука плюс, 2008. – 200 с.

8. Этнический и конфессиональный состав населения городов Дагестана: этноконтактные зоны взаимовлияния культур дагестанских горцев, кумыков, азербайджанцев, горских евреев, русских и чеченцев (2000–2010 гг.)

Образовавшиеся в разное время (в древности, в новое и новейшее время) города Дагестана традиционно были местом контактов (общественно-политических, социально-экономических и культурных взаимоотношений) горских народов Дагестана с кумыками, азербайджанцами, горскими евреями, русскими, чеченцами и др. В городах Дагестана мирно уживались представители трех традиционных религий края – мусульмане, христиане и иудеи. Здесь происходило взаимовлияние, взаимопроникновение и взаимообогащение материальной и духовной культур. С распадом СССР, установлением в России нового государственного и общественного строя, а также в связи с развернувшимися в мире процессами глобализации численность, этнический и конфессиональный состав городов Дагестана изменился. Определенные трансформации произошли и в сфере материальной и духовной культуры горожан. Основная цель данного исследования – выявление этнодемографических, этноконфессиональных и этнокультурных трансформаций в городах республики в относительно экономически стабильный период в истории России – 2000–2010 гг.

С 1991 по 2010 гг. для этнодемографического развития Дагестана «характерен высокий среднегодовой прирост населения республики, нарастающее увеличение доли пяти относительно крупных народов (аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин и лакцев) за счет численной массы и более высокого уровня естественного прироста» [8, с. 405; 9].

Таким образом, можно сделать вывод, что по результатам переписи населения 2010 г. этнический состав городов Дагестана характеризуется мозаичностью. В различных городах наблюдается численное преобладание определенных крупных этносов республики. Города Дагестана являются также этноконтактными зонами соприкосновения горских народов Дагестана с кумыками, азербайджанцами, горскими евреями, русскими и чеченцами.

С распадом СССР, деидеологизацией общественных отношений, государство выстроило новые отношения с верующими и религиозными организациями. Если в советское время конфессиональная деятельность в Дагестане была строго регламентирована государством [1, с. 19–23], то с началом, так называемой «перестройки» (1985–1991 гг.) наблюдается улучшение государственно-религиозных взаимоотношений. К числу позитивных последствий указанных процессов следует отнести свободу религиозной жизни, рост числа мечетей и исламских учебных заведений, совершивших хадж паломников. Если к 1987 г. в

Дагестане действовали 27 мечетей в 12 районах и 4 городах, 5 православных церквей и 3 иудейских религиозных объединений [13, с. 66, 69], то с введением в действие Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» (октябрь 1990 г.) и Закона РД «О свободе совести и религиозных организаций» (1991 г.) свобода религиозной жизни получила новое правовое обоснование, что сразу же нашло реальное проявление: стало увеличиваться число религиозных объединений, действующих конфессий, получили право законной деятельности, ранее считавшиеся запрещенными или действующие полулегально религиозные организации [5, с. 250].

По данным исследователей [1, 6, 12, 13, 19] на 01.01.2010 г. в Дагестане функционировало 2 512 религиозных объединений, из которых: исламских – 2 458, христианских – 49, иудейских – 5.

Из 2 458 исламских объединений – 2 438 суннитских (1 276 джума-мечетей, 827 квартальных мечетей, 243 молитвенных домов, 13 вузов, 76 медресе, 2 культурно-просветительских центра, 1 союз исламской молодежи) и 19 – шиитских объединений (9 центральных мечетей и 10 квартальных мечетей), а также исламская организация – Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД, возглавлял муфтий Абдулаев А.М.).

Система исламского образования на 2010 г. включала в себя 13 исламских вузов, где обучалось около 1 636 учащихся. В медресе (средние исламские учебные заведения) проходило обучение 3 364 человек. Кроме того, при 168-ми мечетях действовали *мактабы*, в которых обучалось 3 872 чел. Всего в вузах, медресе и *мактабах* республики обучалось 8 872 чел. Наибольшее количество исламских учебных заведений функционировало в Центральном, Северном и равнинном Дагестане. Наиболее авторитетными из них считались Дагестанский исламский университет им. М. Арипа в г. Махачкале, Исламский университет им. имама Шафии в г. Махачкале, Исламский университет им. С. Кади в г. Буйнакске, Исламский университет им. имама Ашъари в г. Хасавюрте.

Исламские СМИ республики были представлены несколькими изданиями. ДУМД имел свой официальный печатный орган – газету «Ассалам» (издается на 8-ми языках народов Дагестана). По содержанию к этому изданию близко примыкают еженедельник «Исламский вестник» и газета «Нур-ул ислам». Электронные версии газет «Ассалам» и «Нур-ул ислам» помещались в сети Интернет. С 2002 г. в Махачкале под эгидой ДУМД выходит журнал «Ислам». В г. Дербенте выходит ежемесячная газета «Ислам в Юждаге». Шиитская община г. Махачкалы нерегулярно издает газету «Кавсар». ДУМД два раза в неделю вело 15-минутные передачи «Мир вашему дому» на русском

языке на ГТРК «Дагестан», и через день на каналах ТНТ-Махачкала «Час размышлений», «Домашний», а также в каждую пятницу на канале «ТВ Центр-Махачкала» передачу «Путь к истине». Пропаганда ислама велась работниками ДУМД и по республиканскому радио, в том числе на языках народов Дагестана, а имамы мечетей и религиозные активисты выступали в муниципальных СМИ.

Христианство по числу своих последователей занимает в Дагестане второе место после ислама. В 2010 г. в РД действовало 49 христианских религиозных объединений, из которых 18 православных, 28 протестантских, 2 армянских религиозных общества, 1 общество старообрядцев. Общее число служителей культа православных приходов в РД составляло 23 человека. На территории РД православные приходы разделены на два округа – Махачкалинское благочиние и Кизлярское благочиние, которые входят в состав Бакинской и Прикаспийской Епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата (возглавлял епископ Александр). При православных храмах периодически функционируют воскресные школы, протестантских объединениях – библейские курсы (у адвентистов – субботние уроки, у баптистов, пятидесятников и евангельских христиан – библейские чтения, у свидетелей Иеговы – теократические школы).

На 2010 г. в Республике Дагестан действовало 5 иудейских общин в городах Махачкала, Дербент, Буйнакск, Хасавюрт, Кизляр. Совет иудейских общин республики возглавлял Ш.М. Дибияев. Иудейские общины республики входят в состав ФЕОР (Федерация еврейских общин России).

В 2010 г. в Дагестане функционировали и нетрадиционные религии (каждое объединение по 20–25 чел) – церковь последнего завета Виссариона, Международное общество сознания Кришны, церковь сайентологии, последователи учения Порфирия Иванова «Внутренний круг», Сатья Саи Баба и др. Религиозная идентичность дагестанцев, как правило, зависела от места рождения, этнической принадлежности и места проживания верующих.

Махачкала характеризуется относительно высокой степенью религиозной активности населения. В столице действовало 96 мечетей, в том числе 42 – джума-мечетей, 1– шиитская, 46 квартальных и 7 молитвенных домов. В исламских учебных заведениях (3 исламских вуза, 9 медресе, 25 мактабов) города обучалось 997 чел. На пятничную молитву в джума-мечетях города и пригородных поселках собиралось более 40 000 человек. В Махачкале действовали организации православных, адвентистов седьмого дня, баптистов, пятидесятников, евангельских христиан, свидетелей Иеговы, иудеев и небольшие группы представителей нетрадиционных религий.

В различных регионах республики (г. Избербаш, Каспийск, Буйнакск, Акушинский, Ахвахский, Буйнакский, Ботлихский, Гергубельский, Гумбетовский, Гунибский, Дахадаевский, Левашинский, Кайтагский, Карабудахкентский, Сергокалинский, Тляратинский, Хунзахский, Цумадинский, Цунтинский, Чародинский, Шамильский, Унцукульский р-ны, Бежтинский уезд) действовало 1519 исламских организаций, в т. ч. джума-мечетей – 631, квартальных – 602 и молитвенных домов – 197; 39 исламских учебных заведений: 5 вузов, 34 медресе. При 28-ми мечетях действовали мактабы. Исламу обучалось порядка 5016 человек. В г. Избербаш, Каспийске и Буйнакск функционировало 11 христианских объединений, в том числе православная церковь, общины пятидесятников, свидетелей Иеговы, адвентисты седьмого дня. В г. Буйнакске действовала община иудеев, на территории восточной части – православная часовня.

В Северном регионе Дагестана (г. Кизилюрт, Кизляр, Хасавюрт, Южносухокумск, Бабаюртовский, Казбековский, Кизилюртовский, Кизлярский, Кумторкалинский, Новолакский, Ногайский, Хасавюртовский, Тарумовский р-ны) действовало 448 исламских объединений, в т. ч. джума-мечетей – 270, квартальных – 118 и молитвенных домов – 28; 32 исламских учебных заведений: 4 исламских вуза, 28 медресе. При 59-ти мечетях действовали мактабы. Исламу обучалось около 2 478 человек. Христианских объединений – 24, иудейских объединений – 2. В Хасавюрте действовали общины православных, адвентистов и иудеев. В Кизляре и Кизлярском районе проживали старообрядцы, функционировали общины православных, армян, иудеев, адвентистов, пятидесятников, баптистов, свидетелей Иеговы, в Ногайском районе – православная община и баптисты, в Тарумовском районе – православная община.

В Южном регионе Дагестана (гг. Дербент и Дагестанские Огни, Агульский, Ахтынский, Дербентский, Докузпаринский, Каякентский, Курахский, Кулинский, Магарамкентский, Лакский, С.-Стальский, Рутульский, Табасаранский, Хивский районы) функционировало 382 мусульманских объединений, в т. ч. 291 джума-мечеть, 71 квартальная мечеть, 9 молитвенных домов; исламских учебных заведений – 11: 1 исламский вуз, 10 медресе. Исламу обучалось 383 чел., примечетских школ не было. Христианских объединений – 7, иудейских – 1. В Ахтынском районе функционировала православная часовня. В Дербенте действовали общины православных, армян, пятидесятников, свидетелей Иеговы, баптистов, адвентистов, иудеев.

Таблица 2. Динамика роста христианских и иудейских религиозных организаций по Республике Дагестан за период 1990–2010 гг.

Наименование организации	1990 – 1991	1992 – 1993	1994 – 1995	1996 – 1997	1998 – 1999	2000	2001–2003	2004–2010	Примечания
РПЦ	10	4	7	9	10	10	11+1	14+3	
Армянская община	-	-	1	1	1	1	1	2	
СЕХБ России	1	1	2	1	2	2	2+(1 гр.)	3	Религиозные группы в г. Хасавюрте
СЦ ЕХБ	-	-	-	-	2	3	4	5	
АСД	1	2	2	2	3	4	4+1	6	
ХВЕП	-	-	1	1	1	7	7(- 2)	5	
АЦ ЕХ	-	-	-	1	1	1	1	1	
Свидетели Иеговы	-	-	-	2	2	6	6	5	
Римско-католический приход	-	-	1	-	-	1	1	-	В 1998 г. распоряжением Мин. юста РД был ликвидирован
Старообрядцы	1	1	1	1	1	1	1	1	Небольшая религиозная группа
Иудаизм	3	2	4	4	4	4	4	5	

Таблица 3. Нетрадиционные религиозные организации (группы), действующие на территории Республики Дагестан

Наименование организации	1990 1991	1992 1993	1994 1995	1996 1997	1998 1999	2000	2001 2010	Примечание
Сайентологи	-	-	-	-	-	+	+	Новая организация
Церковь Последнего Завета	-	-	+	+	+	+	+	Небольшая группа (творческая интеллигенция)
Бахаи				+	+	+	+	

Международное общество Сознания Кришны	+	+	+	+	+	+	+	Контингент последователей резко сократился
«Внутренний круг» (П. Иванов)	+	+	+	+	+	+	+	Люди пожилого возраста
Последователи С. Баба	+	+	+	+	+	+	+	Группа последователей (в основном учителя)
Сатанисты	+	+	+	+	+	+	+	(«Черный дракон»; «Крысятницы»)
Последователи К. Кастанеды							+	Последователи учения «Тансегрети»
Язычники, оккультисты						+	+	Группы

Таким образом, в связи с деидеологизацией общества в постсоветское время, новых взаимоотношений между государством, верующими и религиозными организациями можно отметить возрастание влияния религии на общественную жизнь городского и сельского населения Дагестана. Большую роль в этом процессе играли исламские, христианские и иудейские религиозные организации. Этноконфессиональная картина в городах и сельских районах республики характеризовалась как стабильная с преобладанием представителей традиционных религий, хотя имелись приверженцы нетрадиционных религиозных течений (табл. 2 и 3). Она отличалась относительно высокой степенью религиозной активности населения. В целом религиозную ситуацию в Дагестане в 2000–2010 гг. можно назвать толерантной, способствующей укреплению традиционно добрососедских межнациональных и межконфессиональных отношений в мультикультурном Дагестане [16].

Развернувшиеся в годы «перестройки» и после распада СССР процессы культурной интеграции и унификации, повышения роли городов и городской культуры в развитии общества, увеличение численности городского населения в сравнении с сельским и трансляция сформировавшихся в городах культурных образцов в сельскую местность, оказали определенное влияние на бытовую культуру народов Дагестана. Наибольшее взаимовлияние культур в мультикультурном, полиэтническом и поликонфессиональном Дагестане в 2000–2010 гг. ощущалось в материальной и духовной культуре, семейном и обще-

ственном быту. Безусловно, большое влияние на эти процессы оказали глобализация и урбанизация [3].

Одним из показателей исламского постсоветского возрождения стало празднование мусульманских праздников на республиканском уровне [11, с. 1; 18]. Празднование традиционных календарных праздников весны и первой борозды в Дагестане носит стабильный и устойчивый характер не только в сельской местности, но и в условиях города. В праздновании Новруз-Байрама в г. Дербент и Дагестанские Огни, где существуют крупные азербайджанские общины, принимают участие большинство горожан этих городов [4].

В сфере материальной культуры эти процессы вылились в формировании новых стандартов в поселенческой культуре, домостроении, одежде и пище, повышении качества жизни, ориентации на новые передовые мировые образцы. Большое влияние на культуру питания горожан Дагестана сыграли русская [7] и азербайджанская кухни [10]. В то же время кухня русских Дагестана испытала влияние дагестанской [2].

Взаимовлияние культур народов Южного Дагестана и азербайджанцев особенно сильно ощущается в сфере духовной культуры (мифология, религиозные верования, календарная и семейная обрядность) и общественного быта (календарные и общественные праздники) [14, 15]. Сохранившиеся в быту традиционные элементы могут быть отнесены к значимым культурным феноменам этнической идентичности народов Дагестана в условиях глобализации [17].

Можно сделать вывод, что в 2000–2010 гг. города Дагестана характеризуются своей этнической мозаичностью с численным преобладанием определенных коренных этносов республики. Города Дагестана можно отнести к энконтактным зонам соприкосновения культур горских народов Дагестана с кумыками (в большинстве городов республики кроме г. Дербент и Дагестанские Огни), азербайджанцами (особенно в г. Дербент и Дагестанские Огни), горскими евреями (преимущественно в г. Дербент), русскими (особенно в г. Кизляр) и чеченцами (в г. Хасавюрт). Демографическую ситуацию в Дагестане в указанный период можно характеризовать в целом как стабильную и благоприятную. Религиозная ситуация в республике отличалась многообразием и пестротой с преобладанием последователей трех основных религий – ислама, христианства и иудаизма. Она отличалась относительно высокой степенью религиозной активности населения. Взаимовлияние культур основных этносов Дагестана наблюдается в материальной (особенно в пище) и духовной культуре (мифология, религиозные верования, календарная и семейная обрядность) и общественном быту (календарные и общественные праздники). В целом демографическую и религиозную ситуацию в городах Дагестана в

указанное время можно назвать мультикультурной и толерантной, способствующей интеграции различных этноконфессиональных групп при сохранении и развитии их культурных различий.

Литература

1. *Абдулагатов З.М.* Проблемы и тенденции становления современных государственно-конфессиональных отношений в России: на примере православия и ислама. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – 181 с.

2. *Атаева П.А., Сефербеков Р.И.* Современная культура питания русских города Кизляр: традиции и инновации // Россия-восток-запад: Уроки истории и новые вызовы: материалы Всерос. (с межд. участием) научно-практической конференции (г. Кизляр, 28 сентября 2018 г.). – Махачкала: Алеф, 2018. – С. 187–191.

3. *Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И.* Влияние глобализации и урбанизации на быт и культуру народов Дагестана в Новейшее время // Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного востоковедения («Буниятовские чтения»)), посвященная памяти действительного члена Национальной Академии наук Азербайджана, Героя Советского Союза Зии Мусаевича Буниятова (16–17 октября 2017 г., Баку): Тезисы. – Баку, 2017. – С. 182.

4. *Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И.* Празднование Новруз-байрама горожанами Дагестана в постсоветский период // Межд. саммит Наурыз (International nauryz summmit): i. uluslararası bahtiyar vahapzade azerbaycan tarihi – kültürü ve edebiyati sempozyumu. 20–23 mart 2018, türkiye. antalya, 2018. – С. 16–17.

5. Дагестан на рубеже веков: приоритеты устойчивого и безопасного развития / отв. ред. и сост. А.К. Алиев. – М., 1998. – 288 с.

6. *Джабраилов Ю.Д.* Современная модель государственно-конфессиональных отношений в Республике Дагестан // Власть. – 2013. – № 8. – С. 65–67.

7. *Джаватова Л.Р., Сефербеков Р.И.* Влияние русской национальной кухни на культуру питания горожан Дагестана в Новейшее время // Материалы Всерос. историко-этнографического форума «Роль северо-кавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа», посвященного 200-летию основания г. Грозного (г. Грозный, 3 октября 2017 г.) / под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017. – С. 151–155.

8. *Ибрагимов М.Р.-А.* Проблемы этнодемографического развития Дагестана постсоветского периода // Межд. научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»: сб. кратких содержаний докладов. Тбилиси–Гори–Батуми, 27–30 сентября 2010 г. – Тбилиси, 2011. – С. 404–405.

9. О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Дагестан: статистический сборник. – Махачкала: Дагестанстат РД, 2012. – 45 с.

10. Османов А.И., Сефербеков Р.И. Влияние азербайджанской национальной кухни на культуру питания горожан Дагестана в советский и постсоветский периоды // First international forum of the caucasus studies scholars 17–18 april, 2017. Baku: Scientific papers. – Baku: MIM Innovation, 2017. – С. 315

11. Поздравление президента Дагестана с наступлением месяца Рамазан // Ежедневная республиканская общественно-политическая газета «Дагестанская правда». 2011. 30 июля. № 280–281 (26428–26429). С. 1–4.

12. Рабаданов Р.М. Религиозная ситуация в Республике Дагестан и перспективы государственно-конфессиональных отношений // Исламоведение. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 45–53.

13. Религии и религиозные организации в Дагестане: Справочник / сост. К.М. Ханбабаев. – Махачкала: Дагкнигоздат, 2001. – 156 с.

14. Сефербеков М.Р., Сефербеков Р.И., Сефербекова З.Г. Наследие Ширвана: традиционная духовная культура народов Южного Дагестана в условиях глобализации // Материалы Межд. научной конференции «Путешествие из современного Азербайджана в историческое государство Ширваншахов»: архитектура, археология, этнография, эпиграфика, нумизматика, история, философия, литература (г. Баку, Республика Азербайджан. 23–24 октября 2018 г.): в 2 ч. Ч. 1. – Баку: Национальная академия наук Азербайджана, 2018. – С. 359–374.

15. Сефербеков Р.И. Мифологические персонажи традиционных верований азербайджанцев Табасарана // Материалы Межд. научного симпозиума «Историография и источниковедение средневекового Востока», посвященного 90-летию З.М. Буниятова. Баку, 7–8 мая 2012 г. – Баку: Элм, 2012. – С. 189–191.

16. Сефербеков Р.И. Мультикультурализм в Дагестане: сохранение этнической идентичности в условиях глобализации // Материалы III Межд. конгресса кавказоведов «Мультикультурализм и толерантность на Кавказе». 23–26 октября 2013 г. – Тбилиси, 2013. – С. 267, 444–445.

17. Сефербеков Р.И. Значимые культурные феномены этнической идентичности народов Дагестана в условиях глобализации // Материалы I Межд. конгресса «Пространство этноса в современном мире». 29–31 октября 2014 г. – Грозный, 2014. – С. 307–309.

18. Сефербеков Р.И. Религиозные праздники горожан постсоветского Дагестана: межконфессиональный диалог и толерантность в поликультурном пространстве // Материалы Всерос. (с межд. участием) научно-практ. конференции «Диалог культур в глобализирующ-

щемся мире» / под ред. В.Э. Манаповой, О.С. Мутиевой. – Махачкала: Алеф, 2018. – С. 132–137.

19. Халидова О.Б., Сефербеков Р.И. Процессы реисламизации в постсоветском Дагестане: проблемы и особенности (первая половина 1990-х гг.) // Вестник Кемеровского гос. университета. – 2018. – № 3. – С. 64–69.

Глава III. ТРАНСФОРМАЦИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Материальная культура горожан Дагестана: сохранение этнической идентичности в условиях глобализации

В начале XXI века в связи с процессами всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации, сближением деловой и потребительской культур разных стран мира и ростом международного общения, вытеснением или утратой национальных культурных ценностей и/или превращения их в интернациональные, на повестку дня становится проблема сохранения этнической идентичности. Эта проблема становится важной в эпоху развернувшейся в последней трети XX века глобализацией с ее интеграцией и унификацией материальной и духовной культуры. В условиях глобализации и в связи с кризисом идентичности остро стоят вопросы этнической, национальной, конфессиональной, языковой, культурной, гендерной, территориальной (ландшафтной) и др. общности.

Следует отметить, что формирование идентичности в Дагестане в современных условиях протекает в сложной обстановке на фоне общемирового экономического кризиса и политической нестабильности в России, продолжающего много лет вооруженного противостояния властей и религиозных экстремистов, военных конфликтов на Украине и Сирии, коррупции. Однако даже в этих условиях в Дагестане продолжают сохраняться и развиваться значимые культурные феномены этнической идентичности. К их числу относится в целом относительно успешное функционирование национальных языков в сельской местности (при их частичной утрате в городе) [7], сохранение традиционного женского костюма в ряде сельских районов республики (Ботлихский, Шамильский, Акушинский, Дахадаевский, Карабудакентский и др.), промыслов и ремесел (андийские бурки, ковры Табасарана, керамика Балхара, ювелирное искусство Кубачи, деревообработка Унцукуля, вязанные узорные носки и изделия из кожи и меха) [18, с. 361–368].

Следует отметить, что в городах Дагестана влияние урбанизированной культуры и глобализации на культуру и быт горожан ощущается намного сильнее: здесь компоненты этнической идентичности

сохранились хуже, чем в сельской местности. Особенно это касается элементов материальной культуры. Под материальной культурой в этнографии традиционно понимается совокупность вещей, устройств, сооружений, то есть искусственно сотворенный человеком предметный мир [12, с. 43]. В более узком, но традиционно чаще всего употребляемом смысле – материальные формы культуры, направленные на непосредственное удовлетворение витальных потребностей, то есть на жизнеобеспечение. В последнем случае в материальную культуру включаются прежде всего жилище, пища и одежда, а также утварь, мебель и т. д.» [1, с. 5–6].

Особый интерес в этой связи вызывает городское жилище. Если в сельской местности сохраняется, хоть и трансформированный, тип традиционного дагестанского жилища, то в городах, особенно со второй половины 80-х годов XX века и по настоящее время, сформировался новый тип городского жилища, который в наибольшей степени концентрирует в себе инновации в сфере строительных и отделочных материалов [14, с. 286–287]. Следует отметить, что для жилища характерно непосредственное взаимодействие города и деревни [4, с. 22]. Городское индивидуальное жилище тоже заимствует некоторые элементы традиционного горского жилища. Это проявляется в планировке, этажности (в основном – двухэтажное), устройстве лоджий, веранд, арочных проемов окон и дверей, оформлении фасада традиционной и религиозной символикой, назначении комнат и их убранстве (ковры, паласы, тахта) [19, с. 212].

Таким образом, «современное индивидуальное строительство города и села идет по линии сочетания в жилище национальной архитектуры и удобств городской жизни» [15, с. 290–291].

Одним из наиболее изменчивых элементов материальной культуры народов Дагестана является одежда. Одежда являлась важным компонентом повседневной жизни горожан Дагестана. С распадом СССР и ослаблением ограничений, связанных с выездом за границу, стали регулярными поездки дагестанцев за рубеж, в т. ч. и с целью приобретения одежды и других предметов быта. Появились новые виды и типы одежды. Особенно в молодежной среде сформировался особый тип моды, который можно охарактеризовать как «региональная дагестанская мода». Несмотря на негативное отношение к ношению хиджаба в российском обществе, в Дагестане этот тип одежды популярен у определенной части девушек и женщин, считающих его элементом национального дагестанского костюма. В то же время дагестанское общество демонстрирует довольно лояльное и толерантное отношение и к другим типам модной женской одежды.

Ношение отдельных элементов традиционного национального костюма (старинные платья *к̄абалай*, *булушка*, платки *гульменди*, ке-

лагъай и *шал*, джурабы, кожаные чувяки, серебряные украшения) наблюдается лишь в определенных ситуациях или сезонах погоды (на выход, свадьбу, в гости, зимнее время) и редко – в повседневной жизни. Учитывая то обстоятельство, что национальный костюм является одним из значимых элементов этнической идентичности [17, с. 307–309], сохранившемся в эпоху глобализации [16, с. 308], в последние годы в Дагестане возрождается неоправданно забытая дагестанская горская национальная одежда. Этнографами республики разработан комплекс рекомендаций по его использованию в современной культуре [8, с. 371–372].

Несмотря на то, что одежда горожан в меньшей степени сохранила этнокультурные особенности и этнодифференцирующие признаки, все же, имеющиеся некоторые ее функции, детали и особенности позволяют говорить о наличии дагестанской региональной моды [20, с. 337–338].

В связи с исследуемыми процессами особую значимость приобретает изучение одного из «наиболее консервативных и наименее изменчивых, подверженных стандартизации» [3, с. 362] элементов материальной культуры – пищи. В Новейшее время, независимо от типа хозяйства, в питании городского (а в индустриально развитых странах и сельского) населения повсеместно традиционно сложившиеся и этнически специфичные формы пищи в разных пропорциях и сочетаниях комбинируются с формами, преобразованными современной пищевой индустрией и вошедшими в общемировую урбанистическую культуру. Что касается этнической специфики традиционной пищи, то она, хотя и воспринимается как символ этничности отдельными этносами, на поверку очень часто носит не столько этнический, сколько региональный характер [2, с. 135].

Как известно, пища обусловлена многими факторами – географической средой, социально-экономическими условиями и этническими традициями.

Значительное место в традиционном рационе питания дагестанцев занимали мучные, молочные, мясные и растительные продукты. Ряд блюд в результате этнокультурных воздействий был заимствован дагестанцами у других народов (азербайджанцев, русских). В то же время у народов Дагестана сохранились самобытные виды пищи – хинкал, пельмени курзе и пироги чуду с разнообразными начинками, каши (в т. ч. мучные и зерно-бобовые), урбеч из семян льна и ядер абрикосовых косточек, блюда из проросшей пшеницы семени и *mlach*, мучная халва *бахъухъ*, козинаки *namluxl*, злаковые хмельные напитки *çlaçla* и буза и др. Пища являлась неотъемлемым компонентом календарных, семейных и общественных обрядов дагестанцев. При ее приготовлении применялась в основном традиционная утварь [5, с. 116].

Наибольший импульс трансформационным и модернизационным процессам в области системы питания и других компонентов материальной и духовной культуры положили события второй половины 80-х годов XX в. – начала XXI в., связанные с «перестройкой», распадом СССР и формированием новой парадигмы государственного и общественного устройства России. В наибольшей степени внедрение этих новшеств наблюдается у горожан Дагестана. Особый вид культуры питания – пища городского населения. Она несколько отличается от системы питания сельского населения, где преобладают традиционные компоненты. В Дагестане «города были центрами межэтнического общения, здесь происходило взаимовлияние культур, в том числе в такой сфере жизнеобеспечения, как питание. Сохраняя свою традиционную культуру питания, разные этнические группы горожан заимствовали некоторые элементы питания у других этнических групп» [9, с. 230]. Городская культура представляет собой сложную систему, синтезирующую «этнические традиции и урбанизированные формы» [11, с. 6]. Распространение унифицированной урбанизированной культуры стирает этническое своеобразие в материальной культуре. Однако в пище этническая специфика сохраняется несравненно более стойко и долго, нежели в других сферах материальной культуры [22, с. 5].

Изучение трансформационных процессов в пище населения Дагестана показало, что в современной системе и модели питания городского населения преобладает набор примерно одинаковых продуктов и блюд, внедрившихся в материальную культуру дагестанцев еще в советское время под влиянием русской урбанизированной культуры. Национальный компонент в питании у народов Дагестана проявляется в основном в дни праздников (весны и первой борозды, Ураза-байрам), свадеб, приеме гостей и (эпизодически) в повседневном быту. «Стержневые блюда и ритуальные понятия праздничной трапезы стали концептами, несущими широкий этнокультурный смысл и ориентированными не только в прошлое, как акт памяти, но и в будущее, как акт консолидации и причастности к традиции» [21, с. 199].

На распространенность тех или иных блюд национальной кухни оказывает влияние этническая среда городов Дагестана [13].

Следует отметить, что в результате этнического взаимовлияния за последние 20 лет в городах Дагестана сформировался определенный набор блюд, ставших общими для большинства дагестанских народностей. Таковыми следует признать: мясной, куриный, рыбный шашлык (в том числе и на шпажках), аварский пшеничный и кукурузный хинкал с отварным сушеным мясом и горской колбасой и томатно-чесночной подливой; аварские тонкие сырno-творожно-картофельные *чуду ботицал* и творожно-картофельные *чуду беркал*;

даргинские чуду и хинкал; лакские чуду *къячли*, пельмени с начинкой из яйца и буза; лезгинские и табасаранские тонкий хинкал и пироги *цликен/цликаб* и *афар* с начинками из мяса, трав, творога и тыквы; кумыкские фасолевый суп *бурчакъ-шурпа* и кукурузный хинкал *халпама*; чеченские галушки *жижиг-галнаш* и чуду с начинкой из дикого лука; азербайджанские хаш, *садж*, люля-кебаб, долма, плов, фаршированные баклажаны, пахлава; русские щи, борщ, котлеты, голубцы, блины, окрошка, холодец; суиеная горская колбаса, баранина и говядина; урбеч; разнообразные блюда из рыбы, овощные салаты, выпечка, чай и кофе, прохладительные (особенно минеральная вода «Рычалсу»), питьевая и минеральная вода, холодный чай, квас, соки, лимонад фирмы «Денеб»), алкогольные и смешанные напитки.

Особое место в системе питания горожан Дагестана занимает обрядовая пища. Проведенное нами исследование культуры питания у горожан Дагестана в постсоветский период, а также изучение в ее структуре роли и места обрядовой пищи выявило следующую картину. Пища мусульманских праздников и обрядов у горожан Дагестана состоит из определенного набора архаических блюд традиционной дагестанской кухни, отличающихся высокими питательными и вкусовыми качествами – мучная халва и козинаки, варево из смеси злаковых и бобовых культур, отварное мясо, супы, каши, хинкал, чуду, курзе и ритуальные печеные мучные изделия (лепешки и пышки), что позволяет говорить об их значимости в системе компонентов религиозной идентичности дагестанцев. Кроме этих блюд присутствуют ставшие интернациональными под влиянием урбанизации и глобализации виды пищи – голубцы, плов, блины, манты, чакчак, салаты, выпечка, фрукты и напитки (соки, компоты, чай) [10, с. 22–31].

Со второй половины 80-х годов XX в. по настоящее время под воздействием происходивших в стране социально-экономических и общественно-политических процессов, а также под влиянием глобализации и урбанизации в системе и модели питания горожан Дагестана произошли определенные изменения, связанные с появлением новых блюд, способов их обработки, консервации и доставки. В то же время в повседневном быту, при приеме гостя, на свадебных торжествах, календарных и религиозных праздниках сохраняются блюда традиционной дагестанской кухни. На распространенность тех или иных блюд национальной кухни оказывает влияние этнический состав городов Дагестана. В связи с этнокультурными взаимодействиями и взаимовлияниями, ускорением темпов урбанизации и глобализации в новейшее время наметилась тенденция к интернационализации системы питания горожан Дагестана [6, с. 13].

Подытожив представленный материал, можно сделать вывод, что, несмотря на влияние урбанизации и модернизации, в материаль-

ной культуре горожан Дагестана все еще бытуют отдельные традиционные компоненты, способствующие сохранению этнической идентичности горожан Дагестана в эпоху глобализации. В большей степени эти феномены сохранились в пище горожан, и в меньшей – в жилище и одежде.

Литература

1. Арутюнов С.А., Бенцин У., Вайнхольд Р. Введение // Материальная культура: свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1989. Вып. 3. – С. 5–7.

2. Арутюнов С.А. Пища // Материальная культура: свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3. – М.: Наука, 1989. – С. 134–136.

3. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). – М.: Наука, 1981. – 393 с.

4. Будина О.Р., Шмелева М.Н. Значение города в интеграции бытовой культуры (по материалам русского города 1970–1980 гг.) // Советская этнография. – 1991. – № 4. – С. 17–27.

5. Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И. Культура и быт табасаранцев в XIX–XX веках. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2004. – 266 с.

6. Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И. Изменение системы и модели питания горожан Дагестана в новейшее время (2-я половина 80-х гг. XX – начало XXI в.) // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 31, № 4. – С. 6–13.

7. В Махачкале обсудили проблемы сохранения народных языков Дагестана // Сайт «БЕЗ ФОРМАТА. RU». – Режим доступа: <http://mahachkala.bezformata.ru/listnews/sohraneniya-narodnih-yazikov-dagestana/66052625/> (дата обращения: 03.04.2018).

8. Гаджалова Ф.А. Проблемы сохранения и возрождения национального костюма народов Дагестана в постсоветское время // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 371–372.

9. Далгат Э.М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX начале – XX в. – Махачкала: ИД «МавраевЪ», 2015. – 256 с.

10. Зульпукарова Э.М.-Г., Сефербеков Р.И. Пища мусульманских религиозных праздников и обрядов у горожан Дагестана в постсоветский период // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 32, вып. 1. – С. 22–31.

11. Канукова З.В. Город и традиционная культура жизнеобеспечения горожан Владикавказа (вторая половина XIX – нач. XX в.) //

Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 6–37.

12. *Косыков М.А.* Материальная культура // Введение в культурологию: курс лекций / под ред. Ю.Н. Солонина, Е.Г. Соколова. – СПб., 2003. – С. 43–52.

13. О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Дагестан: статистический сборник. – Махачкала: Дагестанстат РД, 2012. – 45 с.

14. *Османов А.И., Сефербеков Р.И.* Влияние процессов модернизации на материальную культуру народов Дагестана (в новое и новейшее время) // Сб. материалов Всерос. научно-практ. конференции с межд. участием «Миротворческие процессы на Кавказе: уроки и перспективы (4-е Кадыровские чтения)», посвященной 65-летию со дня рождения первого Президента Чеченской Республики, Героя России А.А. Кадырова (г. Грозный, 8 сентября 2016 г.). – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2016. – С. 286–296.

15. *Османов М.О.* Жилище даргинцев в XIX–XX вв. (этапы развития и трансформации). – Махачкала, 2009. – 276 с.

16. *Сефербеков М.Р.* Традиционная культура народов Дагестана в условиях глобализации // Современная наука и инновации: научный журнал. – Ставрополь: Пятигорск: ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет». – 2017. – № 2 (18). – С. 305–308.

17. *Сефербеков Р.И.* Значимые культурные феномены этнической идентичности народов Дагестана в условиях глобализации // Материалы I Международного Конгресса «Пространство этноса в современном мире». 29–31 октября 2014 г. – Грозный, 2014. – С. 307–309.

18. *Сефербеков Р.И.* Праздничный календарь народов Дагестана в постсоветский период как значимый культурный феномен этнической идентичности в условиях глобализации // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 361–368.

19. *Сефербеков Р.И.* Влияние процессов модернизации на эволюцию традиционного жилища народов Дагестана в советский и постсоветский периоды // Материалы Межд. научной конференции «Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа» (к 90-летию Ингушского научно-исследовательского института). Республика Ингушетия, г. Магас, 14–16 ноября 2016 г. – Магас, 2016. – С. 209–212.

20. *Сефербеков Р.И.* Модернизационные процессы в материальной культуре народов Дагестана в новейшее время: традиции и инновации // Современная наука и инновации: научный журнал. – Ставрополь: Пятигорск: ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2017. № 3 (19). – С. 337–338.

21. Цаллагова З.Б. Традиционная и ритуальная пища осетин // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации: научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой / сост., отв. ред. Ю.А. Анчабадзе. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 199–212.

22. Этнография питания народов стран зарубежной Азии: опыт сравнительной типологии / отв. ред. С.А. Арутюнов. – М.: Наука, 1981. – 256 с.

2. Современное городское жилище Дагестана: трансформация типа и конструктивных элементов (на примере г. Буйнакса и Избербаша)

Одним из элементов материальной культуры, наиболее тесно связанным с экологией, хозяйственными занятиями, общественным и семейным бытом этноса является жилище. Жилище подвержено изменениям под влиянием общественно-политических и социально-экономических процессов. В этнографии жилище определяется как «естественное или искусственное убежище человека для защиты от непогоды, различным образом устроенное в соответствии с климатическими условиями, для удовлетворения общих человеческих потребностей в жилье (преимущественно для приготовления и приема пищи, отдыха и сна), а начиная с эпохи социальной дифференциации – и из престижных соображений» [1, с. 36].

Традиционному жилищу народов Дагестана и Северного Кавказа посвящен ряд публикаций советских и российских этнографов [2, с. 155–166; 3–5].

Современное городское жилище Дагестана слабо изучено. Особый интерес в этой связи вызывает жилище постсоветского периода.

Наибольший импульс трансформационным и модернизационным процессам в области жилища и других компонентов материальной и духовной культуры положили события второй половины 80-х годов XX в. (апрель 1985 г. – август 1991 г.), известные в истории как годы «перестройки». Последовавшие после распада СССР процессы продолжили трансформацию внешнего облика и интерьера жилища, тип которого можно характеризовать, как «постсоветское дагестанское жилище».

При описании жилища обычно за основу для классификации берутся следующие признаки: планировка, этажность, строительные материалы, тип крыши, дверей и окон, интерьер, системы отопления и вентилирования, оформление подсобных помещений (кладовка, кухня, ванная и туалет), двора, ограды, ворот и придомовой территории.

Нами будет рассмотрено жилище горожан, расположенное в разных природно-климатических зонах Дагестана – г. Буйнакс (предгорье) и Избербаш (приморская равнина).

Если в сельской местности сохраняется хоть и трансформированный тип традиционного дагестанского жилища, то в городах, особенно со второй половины 80-х годов XX века и по настоящее время, сформировался новый тип городского жилища, который в наибольшей степени концентрирует в себе инновации в сфере строительных и отделочных материалов [6, с. 286–296]. Они коснулись конструкции дома и его приусадебного участка и затронули такие параметры, как площадь жилых и подсобных помещений, величина потолков, проемов окон и дверей, оформление подвала, чердака и крыши.

Городской жилой фонд Дагестана распадается на два сектора – многоквартирные дома и индивидуальные домостроения. В советское время жилищный фонд городов Дагестана состоял из многоквартирных домов, возводимых государственными и кооперативными организациями и предприятиями, а также индивидуальных строений. По видам строительных материалов дома подразделялись на возводимые из железобетонных панелей, кирпича и бутового камня, а также каркасно-камышитовые и финские деревянные. Индивидуальные жилища возводились в основном из бутового камня, кирпича и самана.

В советское время масштабы индивидуального домостроения ограничивались государством. Эти ограничения касались площадей предоставляемого земельного участка (в основном 5–6 соток), размеров жилища и его этажности (не более двух этажей).

В постсоветское время под влиянием процессов урбанизации и глобализации, предложением промышленностью и торговлей многих видов отечественных и зарубежных строительных и отделочных материалов происходит кардинальное изменение внешнего облика и интерьера жилища. При возведении с использованием самых современных технологий и строительных и отделочных материалов одно-, полутора-, двух- или трехэтажного индивидуального жилища основное внимание уделяется комфорту и соображениям престижа. Важную роль в организации интерьера играют его планировка и освещение. Основными средствами благоустройства интерьера жилого дома являются его оборудование и оснащение бытовыми приборами, меблировка современной мебелью.

Вкратце инновации в сфере индивидуального домостроения в постсоветское время можно свести к следующему. Если в советское время основными строительными материалами были дерево, кирпич, шлакоблок и бетонная плита, то в последние десятилетия появились новые строительные и отделочные материалы. В качестве строительных, отделочных и ремонтных вспомогательных материалов стали широко применять сухие строительные смеси, а при отделке стен и потолков – гипсокартон и натяжные потолки, жидкие и фотообои,

фрески, декоративную и фактурную штукатурку («короед», «венцианская»), мраморную крошку.

Наряду с деревянными применяются стальные, алюминиевые и пластиковые входные и межкомнатные двери и окна, различные виды и типы жалюзи, в том числе – рольставни, которые устанавливаются в оконные, дверные и гаражные проёмы и предназначены для защиты помещения от взлома, неблагоприятных погодных условий, шума, пыли, света и посторонних глаз. Наравне с жалюзи для декорирования интерьера продолжают применяться традиционные шторы, портьеры, тюли и гардины.

При отделке фасада жилища применяется технология сайдинга – облицовки стен зданий, выполняющей две функции: утилитарную (защита здания от внешних воздействий дождя, ветра, снега, солнца) и эстетическую (декорирование фасада дома).

При возведении кровли используется профнастил и металлочерепица, а при настиле полов (наряду с доской из сосны и лиственницы и паркета) – ламинат, паркетная и инженерная доска. Внедрилось новшество – наливные и полусухие полы.

Как и в советское время, для отделки помещений в виде стеновых панелей и ламинированного напольного покрытия продолжают применяться фанера, МДФ (мелкодисперсная фракция дерева), ДСП (древесностружечная плита) и ДВП (древесноволокнистая плита).

Для внутренней и внешней отделки помещений (жилые комнаты, бани, сауны, лоджии, балконы, мансардные, технические и подсобные помещения) применяется вагонка (тонкая обшивочная доска, продукт деревообработки).

В последние десятилетия наряду с применявшимся в советское время кафелем, при отделке холлов, прихожих, кухонь, коридоров, а также для облицовки ванных комнат и бассейнов, полов и стен используется керамогранит.

При отделке и украшении стен и потолков используется лепка из гипса, пенопласта, полистирола и полиуретана.

Наряду с дровяными, газовыми и электрическими печами, очагами, каминами и чугунными батареями центрального отопления применяется новое оборудование – радиаторы, водонагреватели, бойлеры, конвекторы, тепловентиляторы, тепловые пушки, газовые, инфракрасные и масляные обогреватели.

Для защиты дома от воздействия влаги и сбережения тепла используются новые виды гидро- и теплоизоляции – обмазочная и оклеечная, битумно-полимерные мастики, стекло- и минеральная вата, пенопласт, экструдированный пенополистирол.

Если в советское время единственным прибором для кондиционирования и вентилирования воздуха в жилище были вентиляторы и

оконные кондиционеры, производимые Бакинским заводом бытовых кондиционеров, то в постсоветское время стали применяться зарубежные вентиляторы и кондиционеры марок Scarlett, Polaris, Samsung, LG, Gree, Mitsubishi Electric и других производителей.

Для освещения жилища применяются люстры, светильники, бра, торшеры, канделябры, настольные лампы и прочее декоративно-осветительное оборудование производства известных зарубежных (Чехия, Италия, Турция, Иран) фирм.

Внедрились новые системы охраны и безопасности жилища – домофоны и видеонаблюдение. Появилась автоматика для ворот ограды и гаражей.

Новшества затронули и оформление интерьера жилища, холла, кухню, ванны и туалета. Появились шкафы-купе, кухонные фасады, интерьерный багет, кованая и изготовленная из бамбука мебель (столы и стулья, шезлонги и кресла-качалки). Наряду со стальными и чугунными применяются акриловые ванны, а также джакузи, сауны и бассейны. Сантехническое оборудование пополнилось новыми видами и типами унитазов и биде.

Внутренний двор и придомовая территория перед воротами жилища мостятся брусчаткой и тротуарной плиткой.

Происходящие на протяжении последних 30 лет изменения в строительных материалах, технологии иметодах строительства, конструкции, планировке, интерьере, отопительной системе, освещении, погоня за комфортом, ориентация на лучшие мировые строительные и отделочные образцы в жилище приводят к унификации и утере большинства элементов традиционного дагестанского жилища.

Следует отметить, что для жилища характерно непосредственное взаимодействие города и деревни [7, с. 22]. Городское индивидуальное жилище тоже заимствует отдельные элементы традиционного горского жилища. Это проявляется в планировке, этажности (в основном – двухэтажное), устройстве лоджий, веранд, арочных проемов окон и дверей, оформлении фасада традиционной и религиозной символикой, назначении комнат и их убранстве (ковры, паласы, тахта) [8, с. 209–212]. Можно отметить, что современное индивидуальное строительство города и села идет по линии сочетания в жилище национальной архитектуры и удобств городской жизни.

Изменения в современном городском индивидуальном жилище можно проиллюстрировать на конкретных примерах. Например, – жилища жителя г. Буйнакс, горожанина во втором поколении А. Общая площадь его приусадебного участка составляет 3 сотки, а дома – 283 кв. м. Дом двухэтажный, без подвала. Строился он 3 года, начиная с 2011 г. Высота первого и второго этажа – по 3 м. Фундамент выстроен из речных булыжников на цементном растворе, а остальные

этажи – из белого силикатного кирпича. Часть второго этажа построена из саманных блоков. На первом этаже находятся прихожая и гостиная, площадью 22 кв. м, а также спальня – 20 кв. м, кухня-столовая – 30 кв. м, кладовая и совмещенные ванная и туалет. Из прихожей по кованой винтовой лестнице можно попасть на второй этаж. На втором этаже расположены гостиная, площадью 22 кв. м, а также зал – 28 кв. м, спальня – 13 кв. м, кухня – 18 кв. м.

Стены в комнатах оштукатурены, а затем покрыты шпаклевкой и покрашены эмульсионной краской. Стены обклеены обоями. Оштукатурены и наружные стены дома. Полы жилища покрыты ламинатом, а в ванной – устроены теплые полы. Ванна чугунная. Отопление в жилище паровое от котла на газе. Окна в доме пластиковые, а межкомнатные двери деревянные фабричные, шпунтованные. Двери в ваннных и туалете из алюминиевого профиля.

Двор площадью 48 кв. м покрыт тротуарной плиткой. Во дворе находятся гараж, отдельная ванная и туалет. В городе есть проблемы с питьевой воды, которая подается по графику, поэтому во дворе дома выкопан колодец на 9 т воды (для питья и хозяйственных нужд) с насосом и фильтрами.

В летнее время используется кондиционер.

Крыша двускатная с чердаком, покрыта шифером. Ворота металлические двустворчатые с калиткой и домофоном.

Рассмотрим современные жилища горожан расположенного на приморской равнине г. Избербаш. Одним из таких жилищ является дом проживающей в последние 27 лет в этом городе даргинки Н. Общая площадь ее приусадебного участка составляет 9 соток, а двухэтажного дома с подвалом – 240 кв. м. Дом строился 5 лет с 2007 по 2012 год. При строительстве жилища использован бутовый камень, облицованный снаружи (по фасаду) «мекегинским» и «лабкомахинским камнем». На первом этаже расположены кладовая и гараж. В жилые помещения первого этажа можно попасть через кованую дверь, за которой находятся прихожая, площадью 6 кв. м, а также совмещенная с кухней и столовой гостиная с камином – 50 кв. м, совмещенные ванная (с акриловым джакузи) и туалет – 12 кв. м. Полы из дубового паркета. Пол устлан большим табасаранским ковром и лезгинским сумахом. Люстры на обоих этажах бронзовые, кованные. Камин в гостиной отапливается природным газом и дровами. Мебель гостиной состоит из кожаного (с элементами текстиля) холла. Высота первого этажа составляет 3,4 м, а высота второго этажа – 3,2 м. Окна в доме пластиковые, с рулонными шторами и занавесками. Стены жилища оштукатурены. В прихожей и в ванной комнате устроены теплые полы. На второй этаж ведет дубовая с балясинами лестница, под которой расположена котельная и прачечная. На втором этаже находится при-

хожая, площадью 30 кв. метров, три (для родителей и детей) спальни, гардеробная и балкон с видом на море. Потолки натяжные. В гардеробной имеются встроенные шкафы-купе. Здесь же находится старинный сундук (из приданого). Полы устланы фабричными и табасаранскими коврами. Отопление паровое. На первом и втором этажах расположены кондиционеры.

Крыша четырехскатная, покрыта металлочерепицей. Подвал используется как кладовая. Двор устлан тротуарной плиткой. Во дворе находятся бассейн, туалет, летняя кухня (в ней, как украшение интерьера, на полке выставлены балхарские кувшины) и «зона отдыха» с мангалом и барбекю. Забор перед домом выстроен из бутового камня с облицовкой из «мекегинского камня». Высота забора из-за перепадов рельефа колеблется от 3 до 6 м. В ограде дома расположены кованые ворота и калитка с домофоном.

Другое жилище в г. Избербаш принадлежит даргинцу Н., живущему в этом городе последние 52 года. Общая площадь его приусадебного участка составляет 4,5 сотки, двухэтажного с мансардой дома – 300 кв. м, вымощенного брусчаткой двора – 200 кв. м. Дом выстроен он из бутового камня, а облицован – «мекегинским» и «лабкомахинским камнем». На первом этаже расположена гостиная, площадью 50 кв. м, а также бассейн с сауной, техническая комната с отопительным котлом на газе, резервной емкостью для воды на 2 тонны и системой трехкратной очистки питьевой воды. На второй этаж ведет каменная с балясинами, выложенная плиткой лестница. На втором же этаже находятся совмещенные ванная с туалетом, кухня со столовой, гостиная (50 кв. м), спальная (12 кв. м) и детская (12 кв. м). Межкомнатные двери дубовые, окна пластиковые, подоконники мраморные. На полу везде дубовый паркет, на который настланы турецкие и иранские ковры. Люстры бронзовые и хрустальные. Стены обклеены обоями российского и зарубежного производства. В мансарде расположены кабинет хозяина дома, баня и туалет, зал, спальня, детская. Крыша двускатная, покрыта металлочерепицей. Во дворе находится гостевой домик (площадью 100 кв. м), летняя кухня, баня и туалет, кладовая, беседка с мангалом, водопад с подсветкой. Дом и участок огорожен каменной оградой с воротами на автоматике и калиткой с домофоном.

В последнее десятилетие в домостроении произошли кардинальные изменения в планировке, строительных и отделочных материалах, оформлении двора и придомовой территории.

В городах Буйнакск и Избербаш тип «постсоветского дагестанского жилища» и его конструктивных элементов отражают происшедшие в последнее десятилетие изменения в современном домостроении горожан Дагестана.

Зональность практически не влияет на типологию и конструктивные особенности современного унифицированного городского жилища Дагестана: оно практически везде одинаково. Благодаря развитой системе торговли и сферы услуг современное городское жилище Дагестана в максимальной степени использует мировые новинки строительных и отделочных материалов. В связи с повышением уровня и качества жизни, оно нацелено и подчинено таким его характеристикам, как престижность, комфортность и защищенность. В нем практически отсутствуют элементы традиционного горского жилища. Они в незначительной степени проявляются в основном в планировке, этажности, устройстве лоджий, веранд, арочных проемов окон и дверей, назначении комнат и их убранстве.

Литература

1. *Баумгартен К.* Жилище // Материальная культура: свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1989. Вып. 3. – С. 36.
2. *Никольская З.А.* Из истории аварского жилища // СЭ. – 1947. № 2. – С. 155–166.
3. *Любимова Г.Н., Хан-Магомедов С.О.* Народная архитектура Южного Дагестана: Табасаранская архитектура. – М.: Госстройиздат, 1956. – 104 с.
4. *Кобычев В.Н.* Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. – М.: Наука, 1982. – 195 с.
5. *Османов М.О.* Жилище даргинцев в XIX – XX веках (этапы развития и трансформации). – Махачкала, 2009. – 276 с.
6. *Османов А.И., Сефербеков Р.И.* Влияние процессов модернизации на материальную культуру народов Дагестана (в Новое и Новейшее время) // Сборник материалов Всерос. научно-практической конференции с международным участием «Миротворческие процессы на Кавказе: уроки и перспективы (4-е Кадыровские чтения)», посвященной 65-летию со дня рождения первого Президента Чеченской Республики, Героя России А.А. Кадырова (г. Грозный, 8 сентября 2016 г.). – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2016. – С. 286–296.
7. *Будина О.Р., Шмелева М.Н.* Значение города в интеграции бытовой культуры (по материалам русского города 1970–1980 гг.) // Советская этнография. – 1991. – № 4. – С. 17–27.
8. *Сефербеков Р.И.* Влияние процессов модернизации на эволюцию традиционного жилища народов Дагестана в советский и постсоветский периоды // Материалы Межд. научной конференции «Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа» (к 90-летию Ингушского научно-исследовательского института). Республика Ингушетия, г. Магас, 14–16 ноября 2016 г. – Магас, 2016. – С. 209–212.

9. *Чемурзиев У.Т.* Современное ингушское жилище // Лавровский сборник: материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг.: этнология, история, археология, культурология. – СПб., 2015. – С. 235–240.

3. Современное городское жилище Южного Дагестана: типология и конструктивные особенности (на примере г. Дербент и Дагестанские Огни)

Одним из элементов материальной культуры, наиболее тесно связанным с экологией, хозяйственными занятиями, общественным и семейным бытом этноса является жилище. В этнографии жилище определяется как естественное или искусственное убежище человека для защиты от непогоды и удовлетворения общих человеческих потребностей в жилье, а начиная с эпохи социальной дифференциации – и из соображений престижа [1, с. 36].

Городское жилище Дагестана практически не изучено. Особый интерес в этой связи вызывает жилище постсоветского периода. Следует подчеркнуть, что наибольший импульс трансформационным и модернизационным процессам в области жилища и других компонентов материальной и духовной культуры положили события второй половины 80-х годов XX века (апрель 1985 г. – август 1991 г.), известные в истории как годы «перестройки». Последовавшие после распада СССР процессы продолжили трансформацию внешнего облика и интерьера жилища, тип которого можно характеризовать, как «постсоветское деревенское жилище».

Следует отметить, что для жилища характерно непосредственное взаимодействие города и деревни [2, с. 22]. Городское индивидуальное жилище также заимствует некоторые элементы традиционного горского жилища. Это проявляется в планировке, этажности, устройстве лоджий, веранд, арочных проемов окон и дверей, оформлении фасада традиционной и религиозной символикой, назначении комнат и их убранстве [3, с. 212]. Современное индивидуальное строительство города и села идет по линии сочетания в жилище национальной архитектуры и удобств городской жизни [4, с. 290–291].

Типовые индивидуальные жилища описаны нами в городах Южного Дагестана на примерах двух семей среднего достатка, проживающих в г. Дербент и Дагестанские Огни.

Дом с приусадебным участком семьи Н., состоящей из пяти человек, находится в новостройках, при въезде в город Дербент. Общая площадь участка составляет 5 соток, а площадь дома – 420 кв. м (жилая – 200 кв. м). Дом двухэтажный с подвалом и мансардой. Построен из пиленого «дербентского» камня. Высота дома – 7,7 м, при высоте

крыши – 4 м, а подвала – 3,2 м. В доме имеется эркер (полукруглый или многогранный выступ в стене здания), в котором имеется три пластиковых окна, размером 2×1,2 м.

Входная дверь первого этажа бронированная. На первом этаже расположены: прихожая площадью 5 кв. м, зал – 38 кв. м, кухня-столовая – 32 кв. м, спальня – 27 кв. м, ванная и туалет – 9 кв. м. Полы комнат устланы дубовым паркетом, а стены оклеены обоями. Они застланы фабричными и табасаранскими коврами и сумахами. Из прихожей первого этажа на второй этаж ведет дубовая лестница. На втором этаже располагаются 4 спальни (22, 25, 25, 30 кв. м), ванная и туалет. Ванна выполнена из металлопластика. В доме на обоих этажах имеется два кондиционера. Мебель (холл, спальный и столовый гарнитуры) в полном комплекте. Люстры бронзовые кованые комбинированные с вставками. На пластиковых окнах установлены жалюзи, занавески и гардины. Со второго этажа на мансарду ведет металлическая лестница. Площадь мансарды – 100 кв. м. В ней расположен кабинет хозяина дома. Сзади к дому примыкает помещение, в котором располагаются прачечная и туалет.

Крыша дома двускатная с фронтонами. На мансарде она утеплена минеральной ватой. Во дворе дома находится колодец для автономной подачи воды.

Отопление в доме паровое, котел работает на газе и рассчитан на площадь 500 кв. м.

За домом находятся сад и огород.

Дом облицован «рукельским» камнем. Площадь двора составляет 160 кв. м. Он вымощен керамогранитом. Дом огорожен каменным забором высотой 3 м с козырьком из металлочерепицы. В ограде установлены железные кованые двустворчатые ворота размером 3×3 м и калитка – 1×2,2 м с домофоном. Со двора на первый этаж можно попасть по каменной лестнице с поручнями и балясинами. Во дворе расположена клумба для цветов, деревьев и кустарников и два навеса: один для машины, а второй (примыкает к дому) – беседка. В беседке находится летняя кухня, есть просторный подвал, который оборудован в спортзал [5].

Дом Н. в городе Дагестанские Огни расположен на земельном участке в 5 соток. Его площадь 140 кв. м. Дом полутрехэтажный с мансардой. Его высота – 3 м. Он выстроен из «дербентского» пиленого камня на цементном растворе. Межэтажные перекрытия выполнены из арматурного каркаса, залитого сверху бетоном и усиленного б ригелями. На первом этаже расположены гараж, кладовая и котельная. Со двора на второй этаж можно попасть по бетонной лестнице. На втором этаже расположены жилые помещения: гостиная площадью 30

кв. м, коридор – 20 кв. м, кухня – 17 кв. м, спальня – 17 кв. м, детская – 20 кв. м, совмещенные баня и туалет – 5 кв. м.

В прихожей находится шкаф-купе. В гостиной размещен холл. Пол гостиной застелен большим фабричным ковром. На окнах шторы и гардины. Коридор и прихожая застланы табасаранскими коврами. Гостиная и коридор освещаются коваными люстрами. Пол спальни устлан фабричным ковром. На стенах обои, на окнах жалюзи, занавески и гардины.

В детской находятся кровати, столик, компьютер с проводным интернетом. На полу небольшой фабричный коврик. Стены оклеены обоями, на окнах занавески.

На кухне два холодильника, встроенная газовая плита, стиральная машина и обеденный стол с диваном. Полы покрыты кафелем. На окне жалюзи.

Из коридора на мансарду ведет обшитая сверху деревом металлическая лестница. Мансарда состоит из коридора и двух комнат – спальни, площадью 17 кв. м, и гостиной – 25 кв. м. Межкомнатные перегородки выполнены из гипсокартона. Отапливается мансарда радиаторами парового отопления. Полы в ней покрыты шпунтованной сосновой доской. В одной из ее комнат три окна, во второй комнате – одно окно, в коридор выходит чердачное окно. Выполненные под красное дерево межкомнатные двери шпунтованные. Полы в ванной и туалете покрыты напольной плиткой, стены – стеновой плиткой 25×50 см, а потолок выполнен из пластика.

Полы залиты бетонным раствором (стяжка) и покрыты ламинатом. На стенах обои. Потолок из гипсокартона. Окна пластиковые. Отопление радиаторное. Котел парового отопления на газе. Крыша жилища двускатная, утеплена минеральной ватой и покрыта профнастилом.

Площадь двора 90 кв. м. Двор вымощен тротуарной плиткой. Во дворе находятся помещение для летнего душа, навес, а также беседка, летняя кухня, оборудование для барбекю.

Окна подвала забраны коваными решетками. Площадь подвала 40 кв. м. Ограда жилища выстроена из шлакоблоков. В ограде железная калитка 2×0,9 м. Ворота железные, кованые, двустворчатые размером 3×2,5 м. За домом расположены виноградник, сад и огород, курятник. Попасть в них можно через летнюю кухню.

Городское жилище, построенное в последнее десятилетие в г. Дербент и Дагестанские Огни, можно обозначить как постсоветское городское жилище Южного Дагестана. Ориентация на лучшие мировые строительные и отделочные стандарты в жилище привела к его унификации и утере практически всех элементов традиционного даге-

станского жилища. Одним из сохранившихся элементов украшения интерьера жилища являются дагестанские домотканые ковры.

Литература

1. *Баумгартен К.* Жилище // Материальная культура: свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1989. Вып. 3.

2. *Будина О.Р., Шмелева М.Н.* Значение города в интеграции бытовой культуры (по материалам русского города 1970–1980 гг.) // Советская этнография. – 1991. – № 4.

3. *Сефербеков Р.И.* Влияние процессов модернизации на эволюцию традиционного жилища народов Дагестана в советский и постсоветский периоды // Материалы Межд. научной конференции «Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа» (к 90-летию Ингушского научно-исследовательского института). Республика Ингушетия, г. Магас, 14–16 ноября 2016 г.– Магас, 2016.

4. *Османов М.О.* Жилище даргинцев в XIX–XX вв. (этапы развития и трансформации): монография. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009.

4. Современная женская городская одежда народов

Дагестана как компонент северокавказской региональной моды

Одежда считается наиболее изменчивым элементом материальной культуры. Помимо защиты человеческого тела от неблагоприятного воздействия окружающей среды, она выполняет также знаковые и ритуальные функции. На изменение одежды влияют различные факторы – климат, географическая среда и традиционные занятия населения [15, с. 103]. Исследователи отмечают тесную связь функционального назначения одежды со спецификой природно-географических условий и хозяйственно-культурного типа Дагестана [19, с. 231–239].

Одежда, как элемент бытовой культуры, обусловлена географическими, историческими, хозяйственными условиями жизни этноса, его этнокультурными традициями и взаимодействиями, этическими нормами и эстетическими вкусами. Традиционная одежда – одно из уникальных явлений материальной культуры народов Дагестана. «Возникнув как рукотворный предмет утилитарного назначения, он обладает в то же время идейно-образным содержанием, что объясняется многообразием функций» [8, с. 11].

Традиционный костюм дагестанцев [4; 7; 17, с. 105–107] был однотипен с одеждой других кавказцев, что объясняется их генетическим родством, историческими и культурными взаимосвязями и взаимовлияниями. Например, она во многом схожа с национальной одеждой чеченцев и ингушей [9]. Материалом для производства одежды служила продукция растениеводства (волокна конопли и хлопка, при-

родные красители) и животноводства (шерсть, кожа, овчина) [4, с. 9–10].

Одежда горожан Дагестана отличалась большим разнообразием в сравнении с традиционным горским костюмом. Со второй половины XIX по начало XX в. одежда менялась более интенсивно, и это было связано с тем, что города становились более многонациональными [10, с. 213]. Основной тенденцией в развитии городской одежды была ее европеизация. На качественное изменение городской одежды повлияли подъем экономики, расцвет промышленности и торговли, появление швейной машинки [1, с. 233]. Для различных социальных, этнических и половозрастных групп городского населения была характерна разная степень трансформаций в развитии одежды. Больше всего изменилась одежда состоятельных горожан, в особенности у женщин. Более консервативной была мужская одежда, а в молодежной менее всего были заметны сословные различия» [14, с. 26].

Значительные изменения в одежде произошли в советское время в связи с распространением фабричной продукции, складыванием новых потребностей и стандартов жизни. Эти процессы привели к исчезновению многих видов национальной одежды. Традиционная одежда сохранилась у представителей старших поколений, у женщин и тех, кто был занят животноводством. Некоторые особенности в одежде подчеркивали семейное положение женщины. Имелись этические ограничения в одежде девушек. Были широко распространены вязаные и овчинные изделия. Модные типы одежды были характерны для молодежи. Влияние традиционных видов одежды ощущалось и в городе [3, с. 115; 22, с. 137–144]. По мнению З.У. Махмудовой, «главным источником привнесения новых элементов в одежду народов СССР был аморфный универсализм урбанистического типа», в котором индивидуальные и этнокультурные особенности были сведены к минимуму [18, с. 54].

После распада СССР и снятия связанных с выездом за границу ограничений, поездки дагестанцев за рубеж стали регулярными. Это повлияло на появление новых видов и типов одежды. Деидеологизация общественных отношений и постсоветский религиозный ренессанс также повлияли на одежду [11, с. 129–153]. В последние десятилетия у значительной части женского населения Дагестана стало популярной одежда, произведенная в соответствии с нормами исламского конфессионального дресс-кода [12, с. 81–86; 16, с. 67–76].

Следует отметить, что ношение хиджаба в Дагестане популярно у определенной части девушек и женщин старших возрастов, считающего его одним из видов национального дагестанского костюма. Правда, в республике имеются и противники хиджаба, считающего его нетрадиционной для Дагестана арабской одеждой. По результатам

проведенного «Новой газетой» опроса среди жителей Дагестана, Чечни и Ингушетии об этике в ношении женской одежды, предпочтение закрытых мусульманских платьев и платков на Северном Кавказе является осознанным выбором молодых женщин [5].

В то же время дагестанское общество демонстрирует довольно толерантное отношение к современной модной женской одежде.

Студенчество является особой социально-профессиональной группой молодежи, объединенной общностью интересов, групповым самосознанием, специфическим образом жизни и субкультурой. Одним из элементов этой субкультуры является костюм студента. По определению специалистов, костюм – это система определенным образом подобранных предметов одежды, обусловленная их назначением. Он дает внешнюю характеристику человеку, определяя его пол, возраст, национальность, социальный и культурный статус, эстетический уровень, характер, а подчас и психическое состояние. Костюм может дополняться гримом, татуировкой, прической, украшениями, аксессуарами и т.д. [2, с. 42].

Студенчество, как особенная социально-демографическая и профессиональная группы, в наибольшей степени концентрирует в себе новации в одежде. Исходя из этого, нами был изучен современный костюм студента города Махачкалы. Результаты исследования показывают, что за исключением некоторых нюансов он практически не отличается от одежды сверстников из других регионов России. Дагестанская молодежь в основном ориентируется на модные, стильные, брендовые типы одежды западной моды. В то же время студенты не приемлют экстравагантную и вульгарную одежду кричащих цветов, топы, мини, глубокое декольте, чрезмерно облегающую одежду.

Самыми популярными стилями одежды студенток являются городской, классический, романтический и деловой. В определенных ситуациях (на свадьбу, в гости, на день рождения) или сезонах года (в зимнее время) они используют в своей одежде отдельные элементы традиционного костюма (платья *къабалай*, *булушка*, головные платки *гульменди*, *келакъай*, *шал*, *клаз*, вязаные носки *джурабы*, серебряные украшения).

Изучение костюма студентов г. Махачкалы свидетельствует о влиянии глобализации на этот компонент материальной культуры горожан Дагестана. Как отмечают исследователи, в их костюме практически отсутствуют элементы традиционной национальной одежды, он более интернационален, ориентирован на модные западные брендовые стили одежды [2, с. 54].

Изучение дагестанского женского костюма горожанок средних и старших возрастов показало, что основу их костюма составляет современная модная одежда европейского (реже – азиатского) стиля,

приобретаемая ими в магазинах, бутиках, на вещевом рынке и по интернету. Во многих случаях это одежда из последних коллекций европейской (Франция, Италия и др.) моды и такая же обувь и аксессуары.

Повседневная одежда молодежи Дагестана – футболки с джинсами, а также классического или делового стиля платья до колен, туфли на среднем и высоком каблуке. Зимой носят кофты, жакеты, водолазки, свитера, куртки-«дутик», кашемировые или драповые пальто, дубленки, шубы, шарфы или платки, лыжные вязаные шапочки, ботинки или сапоги. Весной и осенью популярны платья и костюмы из «мокрого шелка» и штапеля, кардиган, кофта, жакет, ветровка, плащ, кашемировое пальто, кожаная куртка, туфли из кожи или замши. Летом – футболки, сарафаны, платья из шифона, хлопчатобумажных, льняных и шелковых тканей с сандалиями, тапочками и босоножками. На «выход» (в гости, в театр и кино, на прогулку, свадьбу, день рождения, соборное празднование, выезд к родственникам в селение) надевается длинное или до колен платье или же костюм неярких цветов из замши, вискозы, гипюра, шифона с туфлями на высоком и среднем каблуке. В торжественных случаях (чаще всего на свадьбы и дни рождения, а иногда и на «корпоративы») многие женщины носят доставшиеся им по наследству старинные платья *къабалай* или же национальные костюмы с серебряными украшениями (браслеты, кольца и подвески). Этот костюм дополняют старинные шелковые или шерстяные головные уборы. В повседневной жизни некоторые женщины носят современные головные платки фирм Louis Vuitton, Christian Dior, Chanel.

Классический или деловой костюм горожанки дополняют украшения (кольца и серьги, кулон, браслет) из серебра, золота с бриллиантами или полудрагоценными камнями и бижутерия. Большой популярностью пользуются косметика и парфюмерия известных во всем мире производителей – Dior, Madame Rochas, Guerlain Magie, Noire, Mascara, Max Factor, L'Oréal, Faberlic, Mexx, Mary Kay.

Практически все опрошенные в ходе исследования женщины были против нанесения на их тело татуировок, но в то же время они допускают для себя перманентный макияж (татуаж). У отдельных из них популярны *мехенди* – роспись, украшение тела (в основном рук) хной. Для большинства горожанок одежда – не главное в жизни. Однако им нравится носить красивую, дорогую и модную одежду.

Горожанки соблюдают дресс-код при выездах в селение: они надевают длинные и широкие платья с рукавами, накидывают на голову косынку, не пользуются макияжем, носят обувь на среднем и низком каблуке.

Наиболее распространенными женскими стилями у горожанок являются: классический, деловой, Шанель, гламур, романтический,

милитари, минимализм. К хиджабу исследуемая категория женщин относится с симпатией или нейтрально. Некоторые женщины предпочли бы скромный и закрытый (но не арабский) стиль одежды с обязательным ношением головного платка.

Одежда горожанок Дагестана ориентирована в основном на западную моду, иногда с отдельными элементами традиционного женского костюма, что в определенной степени способствует сбережению культурной идентичности дагестанцев [13, с. 177]. Традиционный костюм как элемент национальной идентичности [21, с. 308] сохраняется [20, с. 380], в последнее время в республике возрождается неоправданно забытая дагестанская горская национальная одежда. Этнографами Дагестана разработан целый комплекс рекомендаций по ее использованию в современной культуре [6, с. 371–372].

Одежда горожанок Дагестана в меньшей степени сохранила этнокультурные особенности и этнодифференцирующие признаки, но некоторые ее функции, детали и особенности позволяют говорить о наличии дагестанской женской моды – органического компонента северокавказской региональной моды. Ее основу составляет современная, ориентированная больше на западную моду, дорогая и со вкусом подобранная стильная и брендовая одежда, купленная в магазине, на вещевом рынке или заказанная по интернету, носимая с золотыми и серебряными украшениями и драгоценными камнями, с отдельными элементами национального костюма, дополненная аксессуарами и прической, с умеренным использованием косметики и парфюмерии известных мировых производителей. Включение некоторых сохранившихся элементов традиционного дагестанского горского костюма, а также определенные предпочтения или ограничения и запреты, отличающие ее от стиля и моды городских женщин других регионов России, придают ей этнический колорит и неповторимость и в определенной мере способствуют сохранению национальной культурной идентичности в условиях глобализации.

Литература

1. *Абдулвахабова Б.Б.-А.* Одежда в культуре повседневности до-революционного города в конце XIX – начале XX века (на примере г. Грозного) // Северокавказский город в региональном историческом процессе: материалы Межд. научной конференции (г. Каспийск, РД, 18-19 сентября 2012 г.). – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 230–235.

2. *Атаева П.А., Булатов Б.Б., Сефербеков М.Р.* Современный костюм студента города Махачкалы // Материалы Всерос. историко-этнографического форума «Роль северокавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа», посвященного 200-летию основания г. Грозного (г. Грозный, 3 октября 2017

г.) / под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017. – С. 48–54.

3. Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И. Быт и культура табасаранцев XIX–XX вв. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2004. – 263 с.

4. Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана: Историко-этнографический атлас. – Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2001. – 289 с.

5. Все больше девушек на Кавказе предпочитают хиджаб // Сайт медиа-сервиса «Обзор СМИ». – Режим доступа: <http://www.obzor-smi.ru/dagestan/21814-vse-bolshe-devushek-na-kavkaze-predpochitayut-khidzhab.html> (дата обращения: 30.03.2018).

6. Гаджалова Ф.А. Проблемы сохранения и возрождения национального костюма народов Дагестана в постсоветское время // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / под общей ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 371–372.

7. Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. – М.: Наука, 1981. – 151 с.

8. Гаджиханова Р.Г. Дагестанский костюм. – Махачкала: Эпоха, 2010. – 232 с.

9. Гарсаев Л.М. Одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX в. (история, предания и наименования). – Саратов: Саратовский источник, 2010. – 289 с.

10. Далгат Э.М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. – Махачкала: ИД «МавраевЪ», 2015. – 256 с.

11. Доде З.В. Платок и хиджаб. Папаха и чалма. О национальных и конфессиональных традициях в культуре народов Северного Кавказа // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 4. – С. 129–153.

12. Зульпукарова Э.М.-Г., Сефербеков Р.И. Особенности мусульманского дресс-кода городской молодежи Дагестана (на примере студенток Дагестанского государственного университета) // История, археология и этнография Кавказа. – 2018. – Т.14, № 1. – С. 81–86.

13. Зульпукарова Э.М.-Г., Сефербеков Р.И. Традиционный женский костюм: сохранение компонентов этнической идентичности в городах Дагестана в начале XXI века // Материалы Межд. научно-практической конференции «Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории, и религии», посвященной 80-летию Чеченского государственного университета. 25–26 сентября 2018 г., г. Грозный / отв. ред. М.Р. Нахаев. – Махачкала: Алеф, 2018. – С. 172–177.

14. Канукова З.В. Город и традиционная культура жизнеобеспечения горожан Владикавказа (вторая половина XIX – начало XX в.) //

Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 6–37.

15. *Коляков С.* Одежда // Материальная культура: свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1989. Вып. 3. – С. 103–106.

16. *Магомедов А.Дж., Гаджалова Ф.А.* Из истории формирования мусульманского женского дресс-кода в Дагестане // Исламоведение. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 67–76.

17. *Магомедов А.Дж., Гаджалова Ф.А.* Традиционные женские покрывала Дагестана: инокультурные влияния // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. № 3 (77), ч. 2. – С. 105–107.

18. *Махмудова З.У.* Урбанистический универсализм и этнические традиции в женском костюме народов Дагестана (вторая половина XX – начало XXI в.) // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации: Научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой / сост., отв. ред. Ю.А. Анчабадзе. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 48–73.

19. *Османов М.О.* Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX в.). – Махачкала, 1996. – 315 с.

20. *Сефербеков М.Р.* Традиционная культура народов Дагестана в условиях глобализации // Современная наука и инновации: Научный журнал. – Ставрополь: Пятигорск: ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2017. № 2 (18). – С. 378–383.

21. *Сефербеков Р.И.* Значимые культурные феномены этнической идентичности народов Дагестана в условиях глобализации // Материалы I Межд. Конгресса «Пространство этноса в современном мире». 29–31 октября 2014 г. – Грозный, 2014. – С. 307–309.

22. Современная культура и быт народов Дагестана / отв. ред. С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1971. – 240 с.

5. Особенности мусульманского дресс-кода городской молодежи Дагестана (на примере студенток Дагестанского государственного университета)

Одежда является одним из наиболее изменчивых элементов материальной культуры, что обусловлено природными и хозяйственными условиями жизни народа, его культурными традициями, этическими нормами и эстетическими вкусами.

В этнографии одежда трактуется как искусственные покровы человеческого тела. Одежда видоизменялась под влиянием различных факторов, в частности климата, географической среды и традиционных занятий населения [13, с. 103].

Одним из уникальных явлений материальной и духовной культуры народов Дагестана является традиционная одежда [7, с. 11]. Традиционная одежда народов Дагестана [4; 6; 9, с. 109–118; 15, с. 105–107] мало отличалась от одежды других народов Кавказа [8], что отражает их этническое родство, исторические и культурные связи и взаимовлияние.

В советское время в одежде народов Дагестана произошли значительные изменения в связи с распространением фабричной продукции, новыми потребностями и стандартами жизни, которые привели к исчезновению большинства видов национальной одежды. Традиционный облик в одежде сохранялся в основном у представителей старшего поколения, преимущественно у женщин и лиц, занятых в животноводстве. Сохранились особенности в одежде, подчеркивающие семейное положение женщины. В одежде девушек были ограничения этического плана. Остались широко (распространенными) вязаные изделия и изделия из овчины. Некоторые элементы национальной одежды можно встретить и в городе [3, с. 115].

В годы «перестройки» и особенно в постсоветский период в результате урбанизации и глобализации было утрачено большинство элементов традиционного дагестанского национального костюма даже в сельской местности. В настоящее время элементы традиционного национального костюма сохраняются только у женщин в горных районах республики: Ботлихском (андийцы), Шамильском (гидатлинцы), Акушинском (акушинцы и балхарцы), Карабудахкентском (губденцы), Дакадесском (кбачинцы).

Национальный костюм является одним из значимых элементов этнической идентичности [18, с. 308], сохранившемся в эпоху глобализации [17, с. 380]. В последние годы в Дагестане стали носить дагестанскую национальную одежду [5, с. 371–372], а также одежду по предписаниям ислама.

По данным Э.М. Далгат, одежда городских жителей Дагестана отличалась разнообразием и на протяжении второй половины XIX – начала XX в. менялась в связи с тем, что города становились все более полиэтничными [10, с. 213]. Как считает Б.Б.-А. Абдулвахабова, основной тенденцией в развитии городской одежды в конце XIX – начале XX в. была ее европеизация. Качественные изменения городской одежды были связаны с подъемом экономики, расцветом торговли и промышленности, величайшим открытием в истории мирового швейного дела – появлением швейной машины [1, с. 232]. По мнению

З.В. Кануковой, «для социальных, этнических и половозрастных групп горожан была характерна различная степень интенсивности в развитии одежды. Больше трансформации подверглась одежда (обувь, аксессуары) городской элиты, особенно женщин. Мужская одежда была более консервативной, а в молодежной были менее всего заметны сословные различия» [12, с. 26]. Как считает З.У. Махмудова, «главным источником привнесения новых элементов в одежду народов СССР был аморфный универсализм урбанистического типа» (сведение к минимуму индивидуальных, в том числе и этнокультурных особенностей человека)» [16, с. 54].

С распадом СССР и ослаблением ограничений, связанных с выездом за границу, стали регулярными поездки дагестанцев за рубеж, в том числе и с целью приобретения одежды и других предметов быта. Появились новые виды и типы одежды. В молодежной среде сформировался особый тип моды, который можно охарактеризовать как «региональная дагестанская мода».

В связи с развернувшейся деидеологизацией общественных отношений и своеобразным постсоветским религиозным ренессансом нельзя не отметить влияние ислама на одежду [11, с. 153] у определенной части женского населения Дагестана. Стал популярен костюм в соответствии с нормами исламского конфессионального дресс-кода [13, с. 67–76].

В последние годы в российском обществе разгорелись нешуточные страсти по поводу права ношения хиджаба в школах. Эта проблема обсуждалась в Конституционном суде и Верховном суде РФ и президентском Совете по правам человека. Россия присоединилась к списку стран, где женщинам запрещено носить хиджаб [19].

Несмотря на негативное отношение к хиджабу в российском обществе, в Дагестане этот тип одежды популярен у определенной части девушек и женщин. В то же время дагестанское общество довольно лояльно и толерантно относится и к другим типам модной женской одежды.

Студенчество обозначает особую социально-демографическую группу. Студенты различаются по социальному происхождению и материальным возможностям. Общая деятельность в сочетании с территориальным сосредоточением порождает у студенчества известную общность интересов, групповое самосознание, специфическую субкультуру и образ жизни. Одним из элементов этой специфической субкультуры является костюм студента. «Костюм – это система определенным образом подобранных предметов одежды, обусловленная предназначением. Костюм дает внешнюю характеристику человеку, определяя его пол, возраст, национальность, социальный и культурный статус, эстетический уровень, характер, а подчас и психическое

состояние... Еще одну средств идентификации костюма составляют украшения и аксессуары, которые играют значительную роль в создании его лаконичного образа» [7, с. 42].

Именно студенчество в силу особенностей своей социально-демографической и профессиональной группы, группового самосознания, специфической субкультуры и образа жизни в наибольшей степени концентрирует в себе новации в одежде. В студенческой среде в меньшей степени распространены знаково-престижные виды и элементы одежды [2, с. 48–54].

Наше исследование посвящено изучению носящих хиджаб студенток исторического факультета и факультета востоковедения ДГУ. Девушки в хиджабе в повседневном быту обозначаются как «закрытые».

Результаты наших исследований выглядят следующим образом: мусульманский дресс-код студенток ДГУ свидетельствует об определенном влиянии религии. Этот костюм в сравнении с традиционной дагестанской одеждой более консервативен, в меньшей степени сохраняет этнокультурные особенности и этнодифференцирующие признаки. На вопросы: *Какова Ваша повседневная, выходная, праздничная, свадебная одежда и обувь? Какая одежда является на Ваш взгляд модной и брендовой? Вы ориентируетесь на западную или восточную моду? Где Вы приобретаете одежду (в магазине, на вещевом рынке, в интернет-магазинах, в ателье) или шьете сами? Носите ли Вы дагестанскую национальную одежду? Какого стиля одежды Вы придерживаетесь? Что для Вас недопустимо в одежде? Какое место занимает одежда в системе Ваших материальных ценностей?* – были получены ответы, которые позволили сделать вывод, что отдельные элементы традиционного национального костюма (старинные платья *къабалай*, платки *гульменди*, *кIаз*, носки *джурабы*, серебряные украшения) используются лишь в определенных ситуациях (на свадьбу, мавлид, в гости). Наиболее распространенным стилем одежды у «закрытых» девушек является классический (консервативный). Результаты исследования костюма студенток ДГУ, придерживающихся мусульманского дресс-кода, свидетельствуют об особой моде, ориентирующейся на нормы и запреты ислама, касающиеся правил ношения одежды. Во всем остальном костюм этих студенток мало чем отличается от одежды их сверстниц в других регионах России.

Литература

1. *Абдулвахабова Б.Б.-А.* Одежда в культуре повседневности до-революционного города в конце XIX – начале XX века (на примере г. Грозного) // Северокавказский город в региональном историческом

процессе: материалы Межд. научной конференции (г. Каспийск, РД, 18–19 сентября 2012 г.). – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 230–235.

2. *Атаева П.А., Булатов Б.Б., Сефербеков М.Р.* Современный костюм студента города Махачкалы // Материалы Всерос. историко-этнографического форума «Роль северокавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа», посвященного 200-летию основания г. Грозного (г. Грозный, 3 окт. 2017 г.) / под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017. – С. 48–54.

3. *Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И.* Быт и культура табасаранцев XIX–XX вв. – Махачкала, 2004. – 266 с.

4. *Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева А.Г.* Одежда народов Дагестана: историко-этнографический атлас. – Пушино, 2001. – 289 с.

5. *Гаджалова Ф.А.* Проблемы сохранения и возрождения национального костюма народов Дагестана в постсоветское время // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 371–372.

6. *Гаджиева С.Ш.* Одежда народов Дагестана. – М.: Наука, 1981. – 151 с.

7. *Гаджиханова Р.Г.* Дагестанский костюм. – Махачкала: Эпоха, 2010. – 232 с.

8. *Гарсаев Л.М.* Одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX в. (история, предания и наименования). – Саратов, 2010. – 289 с.

9. *Мусаева М.К., Гимбатова М.Б.* Женский головной убор «чухта» и его разновидности у аварцев // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – № 4. – С. 107–118.

10. *Далгат Э.М.* Город и городская жизнь в Дагестане во 2-й половине XIX – начале XX в. – Махачкала: ИД «МавраевЪ», 2015. – 256 с.

11. *Доде З.В.* Платок и хиджаб. Папаха и чалма. О национальных и конфессиональных традициях в культуре народов Северного Кавказа // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 4. – С. 129–153.

12. *Канукова З.В.* Город и традиционная культура жизнеобеспечения горожан Владикавказа (вторая половина XIX – начало XX в.) // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 6–37.

13. *Коляков С.* Одежда // Материальная культура: свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1989. Вып. 3. – С. 103–106.

14. *Магомедов А.Дж., Гаджалова Ф.А.* Из истории формирования мусульманского женского дресс-кода в Дагестане // Исламоведение. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 67–76.

15. Магомедов А. Дж., Гаджалова Ф.А. Традиционные женские покрывала Дагестана: инокультурные влияния // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. № 3 (77), ч. 2. – С. 105–107.

16. Махмудова З.У. Урбанистический универсализм и этнические традиции в женском костюме народов Дагестана (вторая половина XX – начало XXI в.) // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации: научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой / сост., отв. ред. Ю.А. Анчабадзе. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 48–73.

17. Сефербеков М.Р. Традиционная культура народов Дагестана в условиях глобализации // Современная наука и инновации: Научный журнал. – Ставрополь: Пятигорск: ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет». – 2017. – № 2 (18). – С. 378–383.

18. Сефербеков Р.И. Значимые культурные феномены этнической идентичности народов Дагестана в условиях глобализации // Материалы I Межд. конгресса «Пространство этноса в современном мире». 29–31 октября 2014 г. – Грозный, 2014. – С. 307–309.

19. Уазин М. Россия запретила хиджаб // Сайт «ИНОСМИ.РУ». – Режим доступа: <http://inosmi.ru/social/20170307/238833641.html> (дата обращения: 07.03.2019).

6. Влияние этнического состава городов Дагестана на систему и модель питания горожан

В эпоху развернувшейся в последней трети XX века глобализации с ее интеграцией и унификацией материальной и духовной культуры становится важным сохранение этнической идентичности [1, с. 307–309]. Изучение влияния этих процессов на «один из наиболее консервативных и наименее изменчивых, подверженных стандартизации» [2, с. 362] элементов материальной культуры – пищу – очень важно. Как отмечает С.А. Арутюнов, в этнографии, пища рассматривается как основная жизненная потребность человека. Характер и состав основной пищи и способы ее получения являются основными параметрами, определяющими хозяйственно-культурные типы различных человеческих обществ. В быту современных крупных этносов пищевые традиции сохраняются значительно дольше, чем большинство других форм материальной культуры (одежда, жилище, утварь и др.), но и в пище наблюдается все больше иноэтнических заимствований, своеобразно преобразуемых и обживаемых каждым этносом.

В Новейшее время, независимо от типа хозяйства, в питании городского (а в индустриально развитых странах и сельского) населения повсеместно традиционно сложившиеся и этнически специфичные

формы пищи в разных пропорциях и сочетаниях комбинируются с формами, преобразованными современной пищевой индустрией и вошедшими в общемировую урбанистическую культуру [3, с. 134–136].

Этнографов «пища интересует не с точки зрения технологии ее приготовления или сравнительной питательной ценности, а как явление бытовой культуры, находящееся во взаимосвязи с другими аспектами жизни, отражающее взаимоотношения людей в обществе и нормы их поведения, формы поведения, традиционные для данного общества» [4, с. 5].

Большой исторический и культурный интерес в этой связи представляет изучение системы и модели питания этносов. Под системой питания понимается «набор основных продуктов, употребляемых в пищу, и типы блюд, приготовляемых из них, наличие характерных дополнительных компонентов типа приправ и специй, способы обработки продуктов и приготовления блюд, пищевые ограничения и предпочтения, правила поведения, связанные с приготовлением и приемом пищи». В модели питания главным является то, «за счет какого продукта (чаще всего крахмалистого) обеспечивается основная калорийность пищи и в каком виде употребляется этот продукт, а также, какими продуктами и в каком виде покрывается потребность в белках» [5, с. 4].

Пища обусловлена многими факторами – географической средой, социально-экономическими условиями и этническими традициями [6, с. 116]. Значительное место в традиционном рационе питания дагестанцев занимали мучные, молочные, мясные и растительные продукты. Ряд блюд в результате этнокультурных воздействий был заимствован дагестанцами у других народов. Например, у русских были заимствованы некоторые овощные культуры, кухонная утварь, блюда (борщ, суп с тефтелями, котлеты с гарниром из макарон и картофельного пюре, гречневая каша, холодец, винегрет, овощные салаты, окрошка, кисель и др.) [7, с. 151–155]. Народы Южного Дагестана испытали определенное влияние азербайджанской кухни, из которой заимствованы хаш, плов, долма, садж, бозбаш, довгъа, пити, чихиртма, дюшпере, пахлава и др. [8, с. 310–315]. В то же время у народов Дагестана сохранились самобытные виды пищи – хинкал, курзе и чуду с разнообразными начинками, гачи (гачи – мучные и зерно-бобовые), урбеч, блюда из проросшей пшеницы *сементи* и *млач*, мучная халва *бахлуль*, козинаки *namluxl*, хмельные напитки из злаков *члагла* и буза и др. Пища – неотъемлемый компонент календарных, семейных и общественных обрядов дагестанцев. При ее приготовлении использовалась в основном традиционная утварь [9, с. 70–75; 10].

На распространенность тех или иных блюд национальной кухни оказывает влияние этническая среда городов Дагестана [11].

Основные этносы городов Дагестана транслируют свои традиционные систему и модель питания в городских условиях – наборы продуктов, способы их приготовления и консервирования, структуру трапез, характер обрядовой пищи. Следствием этого является популярность блюд азербайджанской кухни (хаш, садж, фаршированные баклажаны, люля-кебаб, *довгъа*, пити, пахлава и др.), лезгинских/табасаранских тонкого хинкала, пирогов *цIикен/цIикаб* и *афар* в Дербенте и Дагестанских Огнях, даргинского хинкала и чуду в Избербаше, кумыкской халпамы в Буйнакске, Хасавюрте и Избербаше, чеченских галушек *жижиг галнаш* и чуду с начинкой из дикого лука в Хасавюрте, аварского хинкала и чуду *ботицал* и *беркал* в Махачкале, Каспийске, Кизилюрте, Хасавюрте, Южно-Сухокумске.

Следует отметить, что в результате этнического взаимовлияния за последние 20 лет в городах Дагестана сформировался определенный набор блюд, ставших общими для большинства дагестанских народностей. Таковыми следует признать: мясной, куриный, рыбный шашлык (в т. ч. и на шпажках), аварский пшеничный и кукурузный хинкал с отварным сушеным мясом и горской колбасой и томатно-чесночной подливой; аварские тонкие сырno-творожно-картофельные чуду *ботицал* и творожно-картофельные чуду *беркал*; даргинские чуду и хинкал; лакские чуду *къячи*, пельмени с начинкой из яйца и буза; лезгинские и табасаранские тонкий хинкал и пироги *цIикен/цIикаб* и *афар* с начинками из мяса, трав, творога и тыквы; кумыкские фасольный суп *бурчакъ-шурпа* и кукурузный хинкал *халтама*; чеченские галушки *жижиг-галнаш* и чуду с начинкой из дикого лука; азербайджанские хаш, *садж*, люля-кебаб, долма, плов, фаршированные баклажаны, пахлава; русские щи, борщ, котлеты, голубцы, блины, окрошка, холодец; сушеная горская колбаса, баранина и говядина; урбеч; разнообразные блюда из рыбы, овощные салаты, выпечка, чай и кофе, прохладительные, алкогольные и хмельные напитки.

Ставшие своеобразными дагестанскими пищевыми брендами [12], эти блюда распространены в кафе и ресторанах, банкетных залах, на национальных майданах во время различных общественных праздников. Они реализуются в розничной торговле и сети общественного питания, в т. ч. за пределами республики, в городах России, где имеются представительства Дагестана. Например, в Москве блюда дагестанской национальной кухни можно попробовать в ресторанах «Венская сказка», «Маидат», «Жи есть». Продукты, полуфабрикаты и напитки (мед, урбеч, сушеное мясо и колбаса, курдюк, кукурузная мука, компоты и соки из винограда, абрикоса и персика, вина и коньяки) из Дагестана реализуются в Москве в фирменном магазине «Кикунни» Кикунинского консервного завода, а также – «Глобус гурмэ» и др. Блюда дагестанской национальной кухни представлены в банкетных

залах на свадьбах у дагестанцев, проживающих в центральных городах России.

Таким образом, в постсоветский период под воздействием происходивших в стране социально-экономических и общественно-политических процессов, а также под влиянием глобализации и урбанизации в системе и модели питания горожан Дагестана произошли определенные изменения. Появились новые блюда, способы обработки, консервации и доставки. Распространенность тех или иных блюд национальной кухни зависит от этнического состава населения. В связи с этнокультурным взаимодействием и взаимовлиянием, ускорением темпов урбанизации и глобализации наметилась тенденция к интернационализации системы питания горожан Дагестана [13, с. 13; 14, с. 139].

Литература

1. *Сефербеков Р.И.* Значимые культурные феномены этнической идентичности народов Дагестана в условиях глобализации // Материалы I Межд. конгресса «Пространство этноса в современном мире». 29–31 октября 2014 г. – Грозный, 2014. – С. 307–309.

2. *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). – М.: Наука, 1981.

3. *Арутюнов С.А.* Пища // Материальная культура: свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1989. Вып. 3. – С. 134–136.

4. Этнография питания народов стран зарубежной Азии: опыт сравнительной типологии / отв. ред. С.А. Арутюнов. – М.: Наука, 1981.

6. *Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И.* Культура и быт табасаранцев в XIX–XX веках. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2004.

7. *Джаватова Л.Р., Сефербеков Р.И.* Влияние русской национальной кухни на культуру питания горожан Дагестана в новейшее время // Материалы Всерос. историко-этнографического форума «Роль северо-кавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа», посвященного 200-летию основания г. Грозного (г. Грозный, 3 октября 2017 г.) / под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017. – С. 151–155.

8. *Османов А.И., Сефербеков Р.И.* Влияние азербайджанской национальной кухни на культуру питания горожан Дагестана в советский и постсоветский периоды // First international forum of the caucasus studies scholars 17–18 April, 2017, Baku: Scientific papers. – Baku: MTM Innovation, 2017. – С. 310–315.

9. *Амирханова А.К.* Хлеб и хлебные изделия в обрядовой жизни тюркоязычных народов Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2013. – № 49. – С. 70–75.

10. *Мусаева М.К.* Традиционное питание роженицы и новорожденного у народов Дагестана и Северного Кавказа // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/131-23917> (дата обращения: 03.12.2015).

11. О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Дагестан: Статистический сборник. – Махачкала: Дагестанстат РД, 2012. – 45 с.

12. Дагестан заявил на всероссийский конкурс продуктов питания четыре бренда // Сетевое издание «Дагестанской правды». – Режим доступа: http://dagpravda.ru/novosti/dagestan-zaya-vil-na-vsrossijskij-konkurs-produktov-pitaniya-chetyre-brenda/?fbclid=IwAR3NEPfiSQ7M6KXVd_mQxIRnPd0R5MmcM3th6Vkwq0XyZnlv2NbmVeYzNoY (дата обращения: 04.09.2021).

13. *Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И.* Изменение системы и модели питания горожан Дагестана в Новейшее время (2-я пол. 80-х гг. XX – начало XXI в.) // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 31, вып. 4. – С. 6–13.

14. *Сефербеков Р.И.* Итоги изучения культуры питания горожан Дагестана в новейшее время (вторая половина 80-х гг. XX в. – постсоветский период) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2017. – № 3 (51). – С. 133–139.

7. Культура питания горожан дагестана (на примере г. Махачкала, Кизляр и Дербент)

Культура питания – совокупность явлений в жизнедеятельности человека, которые связаны с пищей и питанием: наборы пищевых продуктов, способы их обработки, технологии приготовления блюд и кулинарных изделий, рецептуры, традиции пищевых предпочтений или пищевых ограничений и запретов, режим питания, формы организации трапез, застольный этикет и ритуалы.

В годы перестройки и в постсоветское время система и модель питания народов Дагестана обогатилась новыми продуктами и способами их приготовления (куриные окорочка, гриль, барбекю и др.), стали популярными блюда турецкой кухни (шаурма, денэр кебаб, кёфте, чечевичный суп, лахмаджун, кофе по-турецки, айран) и итальянской (пицца), а в 2000-е гг. – узбекской (хлебная выпечка в тандыре, плов) и японской (суши и роллы). В республику в массовом порядке

стали завозиться экзотические фрукты (ананасы, бананы, киви, грейпфруты).

С 1992 г. вплоть до 2000-х гг. наблюдались серьезные кризисные явления. Они были связаны с «проводимыми без достаточного научного обоснования и прогноза, методами проб и ошибок, социально-экономическими реформами в обществе. Экономический кризис и либеральные реформы 90-х годов крайне негативно отразились на материальном благосостоянии городского населения республики, сопровождались обвальным падением жизненного уровня работников отраслей материального производства и социально-культурной сферы» [8, с. 353; 10, с. 82–89].

Анализ потребления продуктов питания на душу населения Дагестана в 1990–1999 гг. показал снижение потребления мяса и мясопродуктов, молока и молочных продуктов, яиц, масла растительного и других жиров при повышении употребления картофеля, овощей, плодов и хлебопродуктов. Вплоть до 1997 г. наблюдался кризис в розничной и оптовой торговле, сети общественного питания [8, с. 358–359]. В последующие годы наметился некоторый подъем этих отраслей народного хозяйства. По данным Х. Халилова, по доле расходов на продукты питания в бюджете семей Дагестан в последние годы определен как беднейший регион России. Он пишет: «Доля расходов на продукты питания в бюджете семей является одним из основных показателей, по которому определяется уровень жизни населения. Чем больше своих расходов люди тратят на еду – тем меньше у них остается на другие нужды. В благополучных странах доля расходов на питание не превышает 15 % общих затрат. В менее богатых странах люди тратят на еду почти половину всех своих расходов (40–50 %). В российских регионах доля продовольствия в структуре потребительских расходов может сильно различаться. Высокие расходы на продукты зафиксированы в Дагестане (58,7 %), в Крыму (48,5 %), Ингушетии (44,7 %) и Бурятии (43,7 %). Наименьшая доля таких расходов наблюдалась у жителей Ханты-Мансийского (24,1 %) и Ямало-Ненецкого автономных округов (25,1 %), а также в Татарстане и в Московской области (по 25,9 %). При этом на долю продуктовых расходов влияет не только общий уровень доходов населения, но и особенности ценообразования. К примеру, на Дальнем Востоке и Севере многие продукты (особенно овощи) дороже, чем в центральных и южных регионах» [16].

Если в советское время была слабо развита сеть общественного питания (бары, кафе и рестораны в городах Дагестана можно было пересчитать по пальцам), то со второй половины 80-х гг. XX в. и особенно в постсоветское время наблюдается значительное расширение бистро, гастрономов, магазинов кулинарии, киосков, столовых, кафе,

кафетериев, кофеен, ресторанов, пабов, пивных, коктейль- и гриль-баров, пиццерий, шаверен, выпечек, фастфудов, специализирующихся на подаче блюд быстрого приготовления (блины, пирожки, гамбургеры, сэндвичи, додстеры, хот-доги, пицца, самса, шаурма, доннер-кебаб, буррито, картофель фри) и еды из дагестанской, русской, европейской и азиатской кухонь. Для привлечения клиентов многие кафе и рестораны предлагают дополнительные услуги – караоке, кальян, бильярд, wi-fi.

В 90-х гг. XX в. в сети общественного питания появились кухни, специализирующиеся на приготовлении и доставке пищи (суши и роллы, пицца, чуду, хинкал, горячие жидкие блюда) по заказам клиентов по месту работы или на дом. Большую популярность приобрели магазины, закусочные (халяль-бургер), кафе и рестораны, торгующие продуктами, полуфабрикатами и готовящие пищу халяль.

Эти новшества наблюдаются в основном в городах. Особый вид культуры питания – пища городского населения. Она несколько отличается от пищи сельского населения, где преобладают традиционные компоненты. В Дагестане «города были центрами межэтнического общения, здесь происходило взаимодействие культур, в том числе в такой сфере жизнеобеспечения, как питание. Сохраняя свою традиционную культуру питания, разные этнические группы горожан заимствовали некоторые элементы питания у других этнических групп» [5, с. 230]. Городская культура представляет собой сложную систему, синтезирующую «этнические традиции и урбанизированные формы» [7, с. 6]. Распространение унифицированной урбанизированной культуры стирает этническое своеобразие в материальной культуре. Однако в пище этническая специфика сохраняется несравненно более стойко и долго, нежели в других сферах материальной культуры [18, с. 5].

В повседневной пище горожан преобладали блюда, не требующие значительных затрат времени для их приготовления, что облегчает наличие в продаже полуфабрикатов, приправ, готовых изделий. Основным источником продовольственных товаров являлась государственная торговля. В городских семьях общественное питание иногда заменяло домашнее, оказывало на него сильное влияние [14, с. 106, 107].

Для изучения культуры питания горожан Дагестана в постсоветский период нами было проведено исследование в городах Махачкала, Кизляр и Дербент. Результаты этого исследования выглядят следующим образом.

Блюда даргинской национальной кухни проживающей в г. Махачкале семье Н. готовятся нечасто. Примерно два раза в неделю, особенно в выходные дни, готовится даргинское чуду (*дигбала чуту*),

курзе с мясом или выдержанной в уксусе требухой (*кумбала чутне*), варится «сирисани» – вид колбасного изделия с начинкой из фарша говяжьей печени, риса, картошки, лука и тмина. Если приходит неожиданный гость, готовится тонкий хинкал. Для приглашенных гостей же готовится *сил хинкIе* – из крутого теста раскатываются длинные жгуты, от которых отрываются куски и кидаются в кипящий бульон. Даргинский хинкал и чуду популярны не только у даргинцев, но и у других народов Дагестана.

На праздники (Новый год, Ураза-байрам, 8 Марта, 23 февраля, дни рождения членов семьи) готовятся разнообразные блюда даргинской, дагестанской, русской и кухни.

В последние пять лет на Новый год запекается в духовке индюк или гусь с картофелем, а раньше запекали курицу. На праздничный стол выставляются вареная баранина, голубцы и долма, даргинский хинкал из слоенного дрожжевого теста, приправленные сметаной жареные шампиньоны с луком, салаты («Оливье», крабовый, грибной), селедка под шубой, фрукты, домашние компоты. На десерт готовится торт. Ну и какой же семейный праздничный стол без шампанского (в том числе и детского). Покупают и другие спиртные напитки – вино, коньяк, водку.

На Ураза-байрам готовятся мучная халва *бахъухъ*, пироги с курагой и орехами, плов с бараниной, луком и морковью, слоеный хинкал с вареным сушеным мясом (говядина) и горской колбасой, курзе с начинками из мяса, мелко нарезанной горской колбасы, творога, яиц (*тукъала чутне*), овощной салат, выпечка – чакчак (*латIун/натIун*), пахлава, «сигареты».

В банкетных залах на даргинских свадьбах часто подают слоенный аварский пшеничный и кукурузный хинкал с вареной горской колбасой и чесночной томатной подливой, чуду из кукурузной муки на кефире с яйцом и зеленью, чуду с начинкой из сыра, творога и вареного картофеля и с начинкой из творога и вареного картофеля, тонкие чуду с начинкой из зелени и тыквы, голубцы и долма, бараньи, говяжьи и куриные шашлыки, жаркое, овощное рагу, сладкий плов, курзе яичные и с зеленью, салаты, выпечку, фрукты, прохладительные и алкогольные напитки, чай.

В семье Н. популярны калмык-чай (2–3 раза в неделю), лезгинский тонкий хинкал и урбеч из семян льна.

Дни рождения и праздники в основном отмечаются в семейном кругу, изредка – в кафе или ресторане.

Завтрак проживающей в г. Махачкала в смешанной аваро-даргинской семье Н. состоит из вареных яиц, сыра, блинов, творога со сметаной, пышек и оладий с вареньем и сметаной. Все эти блюда запиваются калмык-чаем, зеленым или черным чаем. На обед и ужин

готовятся следующие блюда: даргинский или аварский хинкал (1 раз в неделю), чуду с разнообразными начинками (1 раз в неделю), борщ, голубцы, куриный бульон с вермишелью или лапшой, фасоловый суп с сушеным мясом, суп с тефтелями; овсяные, гречневые, пшеничные, полбяные каши.

В последние 20 лет на Новый год в духовке запекается фаршированная чесноком и морковью баранья нога или индюк. Готовят долма, мясные и рыбные закуски, холодец, винегрет, салаты «Оливье», «Неженка», селедку под шубой, крабовый салат. На десерт в магазинах кулинарии покупают торты, рулеты. Из напитков на стол выставляется шампанское, а для гостей коньяк.

Несмотря на то, что семья проживает в городе, она отмечает и сельские традиционные праздники. Так, на праздник первой борозды готовится *щабци* – варево из смеси злаковых и бобовых культур с сушеным мясом.

Семья отмечает и мусульманские праздники. На Ураза-байрам готовят долма и голубцы, даргинский хинкал и чуду, соус из баранины, в духовке запекается курица с картошкой, готовят халпamu с начинкой из рубленой крапивы, сладкий плов с курагой, изюмом и черносливом. На десерт варят мучную халву *бахъухъ* и козинаки *натлухI*, пекут пахлаву, пироги и рулеты с курагой и грецкими орехами. На столы выставляются фрукты. Напитки представлены домашними и магазинными компотами и соками, а также чаем.

На городских аварских и даргинских свадьбах, на которых чаще всего присутствует эта семья в качестве приглашенных гостей, установился примерно одинаковый набор блюд: холодные мясные и рыбные закуски, соленья, аварский хинкал из пшеничной и кукурузной муки с томатно-чесночной приправой, *ботлуцал*, *чуду* (даргинское и тонкие) и *курзе* с разнообразными (мясо, творог, зелень, тыква, яйцо) начинками, шашлык, люля-кебаб, жаркое. На десерт подается разнообразная выпечка (круасаны, сигаретки, пахлава) и торт, фруктовое ассорти (ананас, апельсины, бананы, киви, яблоки, груши, виноград). Гостей угощают разнообразными хмельными (буза), спиртными (водка, коньяк, вино, шампанское) и прохладительными напитками, соками и чаем.

В последние годы семья находит рецепты многих блюд в интернете.

Семья Н. заказывает еду на дом – даргинское или тонкие *чуду* с разнообразными начинками и пиццу. Дни рождения членов семьи иногда отмечают в ресторане.

В проживающей в Махачкале лакской семье Н. в будние дни блюда национальной кухни готовятся нечасто (1–2 раза в неделю или даже в месяц): варятся лакский хинкал (галушки в бульоне) *гъавкIури*

и мучная каша *курч*, печется чуду с творогом *буркив*. На завтрак (особенно по воскресеньям) готовится калмык-чай, которым запивают хлеб с сыром, маслом, вареными яйцами и урбечом. Для гостей готовится хинкал и чуду.

На новогодний стол запекается индюк, утка или гусь с айвой или яблоками и картофелем, а также запеканка из мясного фарша, картофеля, грибов, голландского сыра и майонеза. Варятся холодец, голубцы и долма, готовится узбекский плов (иногда с горохом *нухут*), винегрет, салаты «Оливье», морковный, крабовый, селедка под шубой. Из напитков на стол выставляется шампанское, вино, водка, соки в пакетах, минеральная вода, домашние компоты, а из фруктов – мандарины, бананы, ананасы, яблоки и груши.

На Ураза-байрам запекается курица в духовке, готовятся узбекский плов, голубцы, долма и фаршированные болгарские перцы, покупаются пироги с начинками из яблок, кураги, молотых грецких орехов, чернослива и лимона и другая выпечка – кексы, шарлотки, плюшки. Обязательно варится мучная халва *бахъухъ*, готовятся кози-наки *натлугъ*, чакчак. Покупаются фрукты, соки и компоты.

На городских лакских свадьбах гостей угощают пельменями с зеленью *мичлал хунклру*, а также пельменями *кунукрал хунклру* с начинкой из яйца, жареного курдюка и отварной мелко нарезанной горской колбасы, бузой *дукъра гъян*, аварским пшеничным хинкалом с отварной горской колбасой и томатно-чесночной приправой, чуду из кукурузной муки мучари, ботищал и другие чуду с разнообразными начинками, беляшами, шашлыками. На лакских свадьбах в г. Махачкала и Хасавюрт встречается мучная каша *курч*, смешанная с кураговым пюре и приправленная льняным урбечом.

В проживающей в г. Махачкале кумыкской семье Н. принято готовить на завтрак яичницу с помидорами (летом и осенью), хлеб со сливочным маслом, сыром и урбечом, блины и оладьи со сметаной, овсяные и гречневые каши, кофе, калмык-чай (редко), черный и зеленый чай.

Обед состоит из следующих блюд: тонкий хинкал (1 раз в неделю на выходные), борщ, суп с тефтелями, суп-лапша с курицей, уха из осетрины, судака или кутума, узбекский или откидной плов, долма и голубцы, курзе, чуду с начинкой из мяса, творога, зелени, творога, *сохта* – колбасы с начинкой из рубленой говяжьей печени и риса, котлет с гарниром из макарон, маринованной селедки или вяленого кутума с отварной картошкой, овощного салата, *бурчакъ-шурпа* – фасолевого супа из свежего или сушеного бараньего мяса, *мичари* – домашнего хлеба из кукурузной муки.

На ужин обычно готовятся вторые блюда: отварная или запеченная в духовке курица, кураговая каша с подливой из урбеча, жареная рыба, отбивные, жаркое из грибов, мяса и картошки.

При приеме гостя готовится чуду или курзе с начинкой из мясного фарша, приправленного уксусом из молочной сыворотки, а также мясо по-французски, люля-кебаб, долма.

На Новый год запекается в духовке фаршированная баранья нога, утка с яблоками (последние 30 лет) или индюк (последние 5 лет), готовятся холодные мясные и рыбные закуски, холодец, винегрет, паштет из печени. Подаются напитки: шампанское, домашний компот из кураги, клюквенный и облепиховый морс.

На Ураза-байрам для членов семьи и гостей готовятся долма и голубцы, курзе, чуду, традиционная мучная халва *ун халива*, козинаки *гъоз халива* из ядер грецких орехов, скрепленных медом, чакчак *иляшха халива*, пахлава, выставляются фрукты и напитки. На Навруз-байрам готовится варево *шабши* из смеси злаковых и бобовых культур и сушеного мяса, а также пельмени *юмурткъя курзе* с начинкой из яйца, зеленого лука, молока и жареного курдюка.

Традиционным ритуальным блюдом являются пышки *лукум* треугольной и квадратной формы и пышки *чепелек* круглой формы, которые готовят на поминки, раздают в качестве милостыни *садакъя* в четверг и пятницу. Их едят и на завтрак, обмазав сверху топленным маслом, закусывая сыром и запивая калмык-чаем.

На городских кумыкских свадьбах все еще готовят традиционную *гъарын чуду* с начинкой из бараньей или говяжьей требухи, халпаму – хинкал из кукурузной муки с отварной сушеной или свежей бараниной и чесночной подливой; чуду с открытой верхней коркой. Подают также аварский хинкал, *ботицал* и чуду с разнообразными начинками, люля-кебаб, шашлык, жаркое, креветки, бузу и др.

Из пицци других народов Дагестана в семье Н. популярны даргинское чуду (редко), калмык-чай (редко), блюда русской (борщ, отбивные, холодец, свекольник, окрошка, винегрет, котлеты, тефтели, блины, оладьи), азербайджанской (сладкий плов, люля-кебаб, кюфта, пахлава), грузинской (суп-харчо), азиатской (манты), арабской (мясо по-арабски) и французской (мясо по-французски) кухонь. В то же время у других дагестанских народностей популярны кумыкская халпама, тонкие хинкал и чуду, фасолевый суп бурчак-шурпа.

В последнее время семья заказывает еду на дом: шашлык, люля-кебаб, курзе, тонкие чуду, пиццу (редко), заимствует рецепты блюд из интернета. В ресторане обычно отмечают юбилеи членов семьи. На зиму заготавливают горскую колбасу, сушеную говядину, урбеч.

В проживающей в г. Махачкале аварской семье Н. принято готовить на завтрак манную, овсяную, гречневую каши, *куракул карц* –

мучную кашу, сваренную на кураговом отваре и в смеси с кураговым пюре с подливой из урбеча (редко), которые запиваются калмык-чаем и черным чаем. На обед и ужин семье готовят аварский хинкал (раз в две недели) и чуду *цлурал чадал*, курзе, *багларгьалил чурпа* – фасолевый суп (раз в три недели), мясной соус, узбекский плов, макароны по-флотски с подливой, лагман, долма, голубцы, манты, жульен с гарниром, печеные и жареные пирожки с начинкой из картошки, капусты, курицей и грибами.

В последние годы на Новый год запекается в духовке курица с картошкой и яблоками, готовится плов, долма, салаты «Оливье» и «Цезарь», разнообразная сладкая выпечка. Напитки представлены домашними и магазинными соками и компотами, а фрукты – мандаринами, гранатами и яблоками.

На праздник Ураза-байрам запекается курица с картофелем, готовится аварский хинкал из кукурузной или пшеничной муки с отварным сушеным или свежим говяжьим или бараньим мясом и чесночной подливой, голубцы, долма, узбекский плов, манты, курзе с разнообразными (мясной фарш, творог, зелень) начинками, чуду *цлурал чадал* с творожно-картофельной и творожной начинками.

Помимо этого вида чуду на праздник Ураза-байрам (а также на мавлиды, сватовство и свадьбы) пекутся особые лепешки – *беччун чед* из смеси кукурузной и пшеничной муки на кефире или сыворотке. Готовятся также разнообразные салаты. Десерт представлен выпечкой («орешки», «сигареты», «конвертики», пахлава, *чакчак*, козинаки *натлухл* из грецких орехов, скрепленных медом, торт «Муравейник») и фруктами по сезону. Напитки состоят из домашних соков, компотов и черного чая.

На мусульманский религиозный праздник «Ашурал-кьо» («День Ашура») варится ритуальное блюдо *музь* из смеси злаковых и бобовых культур с сушеным мясом.

Из блюд кухонь других народов Дагестана популярны калмык-чай, лакский хинкал, чеченские галушки *жижиг галнаш*, лезгинский и кумыкский тонкий хинкал, даргинское чуду, долма, пахлава (редко); блюда русской кухни (щи, борщ, отбивные, котлеты с гарниром из макарон или картофельного пюре, суп с тефтелями, винегрет и окрошка); лазанья, мясо по-арабски и по-французски.

На мавлиды и сватовство заказывают даргинское чуду, курзе, пиццу и роллы. Рецепты первых и вторых блюд, салатов и выпечки берут в Интернете. На зиму сушится телятина и горская колбаса *бакь*, делают запасы урбеча, замораживаются в холодильнике ягоды.

В проживающей в г. Махачкале даргинской (кубачинской) семье Н. едят на завтрак хлеб с сыром, сметаной и сливочным маслом, яичницу (не часто), запивая всю эту пищу сладким черным чаем. На обед

запекается в духовке курица с картошкой, готовятся *ниссала хІялуккуце* – кубачинские тонкие чуду с начинкой из перебродившего творога или же тонкие чуду *гьаналла хІялуккуце* с начинками из мяса, тыквы и зелени, а также даргинское чуду, азербайджанский или узбекский плов, даргинский, лакский или слоенный хинкал, беляши, пирожки, самса, долма или голубцы, котлеты с макаронами или картофельным пюре, борщ, куриный суп.

На ужин в семье едят то, что осталось от обеда, а также отварную картошку с сыром, сливочным маслом и сметаной, рисовую кашу со сливочным маслом и подливой из урбеча, калмык-чай с сухарями.

На Новый год запекается курица с картошкой, готовится откидной плов с подливой, а также тушеное мясо с луком и с большим количеством топленого масла, курзе *дукилла хІялуккуце* с начинкой из яиц и молока, даргинское чуду, салаты «Оливье» и селедка под шубой. Покупаются фрукты – яблоки, груши, киви, бананы, ананасы, мандарины и апельсины. Из напитков на новогоднем столе бывают шампанское, водка и вино, а также домашние компоты.

В день весеннего равноденствия обязательно готовится ритуальный *абла куц* – «весенний хинкал» с отварным сушеным или свежим мясом и горской колбасой и бульонной подливой из смеси толченого чеснока и тертого грецкого ореха.

Накануне праздника Ураза-байрам варят мучную халву *бахъухъ*, а в день праздника готовятся откидной плов, кубачинские тонкие чуду с начинкой из перебродившего творога, даргинское чуду с начинкой из мяса или тыквы, выпечку – пахлаву, «сигареты» с начинкой из тертого грецкого ореха и сахара, чакчак, бисквитные торты разных видов и «Каприз». Ритуальную мучную халву *бахъухъ* готовят и на поминки, на которых подают для пришедших на соболезнование *негъ* – бульон с мясом и картошкой, откидной плов, даргинское чуду и тонкие сырные чуду, овощное ассорти.

На День Ашура готовится разбавленное молоком ритуальное варево *квинегъ* из смеси злаковых (пшеница, кукуруза) и бобовых (фасоль, чечевица) культур с сушеным мясом.

На городской кубачинской свадьбе среди прочих блюд гостям подают запеченную в духовке курицу, *гІюшкалла хІялуккуце* – курзе с начинкой из мяса, откидной или узбекский плов, *пичля хІялуккуце* – даргинское чуду, тонкие чуду с начинкой из перебродившего творога, самсу, блинчики с начинкой из мяса, а также салаты, соленья, алкогольные и прохладительные напитки, выпечку и фрукты.

Из блюд других народов Дагестана в семье Н. популярны слоенный, лакский и кукурузный хинкал *хялтама*, азербайджанский плов, *довгъа*, пахлава, русский борщ, котлеты и тефтели, суп-лапша с курицей.

Дни рождения членов семьи отмечаются в ресторане. Заказывают на дом шашлыки, роллы и пиццу. На зиму заготавливает сушеное мясо и *биххяже* – горскую колбасу, покупают мед и грецкие орехи.

В проживающей в г. Махачкала смешанной кумыкско-русской семье Н. на завтрак готовят овсяную, рисовую, манную или гречневую кашу, оладьи или блины со сметаной, вареньем или медом; едят хлеб со сливочным маслом, сыром и творогом со сметаной. Готовят зеленый (редко), черный или травяной чай, какао и калмык-чай, черный кофе. К чаю подают варенье. Иногда варится вишневый кисель.

На обед в духовке запекают индейку или куриные грудки со стручковой фасолью, варят борщ, суп-лапшу с курицей, фасолевый суп с сушеным мясом, чечевичный суп (последние 3–4 года), жарят, запекают или тушат с овощами рыбу, готовят чуду с начинкой из творога или тыквы с тертым грецким орехом, халпаму, тонкий хинкал (больше для гостей), вареники с начинкой из вишни или творога, пельмени с начинкой из мяса или рыбы, голубцы или долма из фаршированного болгарского перца, лагман с сушеным мясом или курицей, салат из нашинкованной моркови с тертым орехом и чесноком, приправленный майонезом. Едят сало, копченый окорок, кровяную колбасу, котлеты и тефтели с разнообразными гарнирами (картофельное пюре, отварная домашняя лапша, тушеная капуста). Употребляют много огородной зелени, солений (квашеная капуста, соленые зеленые и красные маринованные помидоры и огурцы, чеснок, болгарский и горький перец, грибы), фруктов (преимущественно яблок) и домашнее мацони. Иногда готовится мамалыга и *кулага* – каша из пшеничной или кукурузной муки, приготовленная на отваре из кураги, сушеных яблок и вишни.

На ужин едят то, что осталось от обеда, а также блины, вареники, пельмени, мацони или ряженку, фрукты.

Для гостей готовятся тонкий хинкал, вареники, пельмени, тушеную или жареную рыбу.

На Новый год в духовке запекается индейка или гусь с яблоками, готовится плов с гарниром, долма, холодец, винегрет, салат «Оливье» и селедка под шубой, выпечка – ореховый или бисквитный торт. Из напитков выставляется шампанское, домашнее вино и компоты. Покупаются фрукты.

На Масленицу пекутся блины с начинкой из творога или мясного фарша, блины без начинки подаются с красной икрой, сметаной и вареньем. Готовят курник. На стол подают домашнее красное вино.

На Рождество Христово готовят кутью – отварной рис с изюмом, которым разговляются утром, а также пироги с разнообразными начинками, ватрушки, шанежки, красят яйца. Едят освященные в церкви сало, домашние колбасы, а также салтисон – начиненный ли-

вером вареный свиной желудок, который после варки кладут под гнет в холодном месте. Его готовят и на Пасху. Помимо этих блюд на столы выставляют вареное и жареное мясо, кур, голубцы, котлеты с гарниром, люля-кебаб, соленья. На Пасху пост открывают кутьей. Пекут куличи, красят яйца. Готовят те же блюда, что и на Рождество.

На Ураза-байрам готовят плов, долма, жаркое из мяса или курицы, покупают выпечку.

В семье редко заказывают еду на дом. На зиму заготавливается сушеное мясо (говядина), горская колбаса и грецкие орехи.

В проживающей в г. Кизляр русской семье Н. едят на завтрак яичницу, омлет, каши (геркулес, гречневая, рисовая – на воде и молоке), сыр, масло, колбасу, оладьи, гренки, сырники, творог со сметаной. Напитки – чай, кофе и компот.

На обед едят борщ, в т. ч. «зеленый» (из щавеля), рассольник, суп (харчо, рисовый, с вермишелью, фасолевый, гороховый, лапша с курятиной), уху, лагман, солянку, а летом – окрошку. На второе – картофельное пюре, макароны, гречневая каша с котлетами из мяса, рыбы или с тушеным мясом (гуляш); жареный или отварной картофель, жареные грибы, макароны по-флотски, фаршированные баклажаны или болгарский перец, голубцы мясные или с рыбные, отварная или жареная рыба с томатной подливой, пироги с начинкой из капусты, рыбы, грибов, соленое сало, сушеная рыба, тушеные кабачки и капуста, баклажанная или кабачковая икра.

На ужин в семье едят то, что осталось от обеда. Летом готовят вареники с клубникой, сливой или вишней.

Гостей угощают пельменями, пловом, запеченной в духовке курицей, пирогами с капустой или рыбой, домашним окороком и колбасой, кровяной колбасой, винегретом, различными салатами.

На Новый год запекается в духовке гусь или утка с яблоками, готовят холодец, пироги, голубцы, блинчики, винегрет, сырники и колбасные закусочки, различные салаты, подают к столу маринованные грибы и каперсы. Из напитков – домашнее сухое вино, водку, коньяк, покупные соки и домашние компоты.

На Рождество накрывается примерно такой же стол, как и на Новый год, но обязательно с кутьей, а также пельменями с начинкой из рыбы. На Пасху помимо прочих блюд пекутся пироги и пирожки с начинкой из курятины и картофельного пюре, а также ватрушки, «преженцы» – сладкие завитушки, куличи, красят яйца.

Обязательный атрибут Масленицы – блины со сметаной, медом, вареньем, икрой и с различными начинками (мясной фарш, печень, отварное яйцо с рисом, икра, творог).

Из блюд дагестанской национальной кухни в семье Н. популярны чуду с начинками из зелени, картошки, тыквы с ореховой травой,

курзе с начинкой из мясного фарша, манты, тонкий кумыкский хинкал и крученный даргинский хинкал, люля-кебаб, долма.

Семья редко заказывает на дом чуду, шашлык, суши и пиццу. Юбилеи членов семьи отмечаются в кафе и ресторане. На зиму семья солит огурцы, помидоры, баклажаны, кабачки и грибы, квасит капусту, варит томаты и варенья из всевозможных фруктов, готовит домашнее вино и компоты, сушит курагу и яблоки.

В проживающей в г. Дербент табасаранской семье Н. на завтрак едят домашний чурек или буханку с сыром и сливочным маслом, сметану с творогом, вареные яйца (присылают из села), черный чай с сахаром или медом.

На обед готовят тонкий хинкал, дюшпере, пити, суп с тефтелями, борщ, долму, пельмени, полбяную, гречневую или пшеничную кашу. Подают квашеную капусту и другие соленья.

На ужин готовят тонкий или слоеный хинкал, фасолевый суп и суп с тефтелями, запеканку (мясо, грибы, помидоры), вермишель, винегрет, тонкие чуду с начинкой из вареного риса, толстые чуду *цIикаб* с начинкой из мяса и картошки; *укIарин гурани* (смесь из яичницы, вареного риса и рубленной съедобной травы – «калачики»), которое подают с кефиром и толченым чесноком.

Гостей угощают хинкалом, чуду, долма, отварным мясом или запеченной курицей с картофелем, салатами, лечо.

На Новый год семья заказывает в ресторане фаршированную баранью ногу, готовит хинкал с отварной индюшатиной, фаршированной ядрами грецких орехов, долму, плов, осетинский сырный пирог, винегрет, салаты, суши и роллы. Из напитков на стол выставляют шампанское, коньяк, вино, водку, пиво, домашние компоты и соки, фрукты.

На Ураза-байрам и Курбан-байрам готовят бозбаш, плов, долму, чуду *дюгдинафар* с начинкой из риса, сладкие хлебцы *шуре*, козинаки *нитIиф*, чакчак.

В семье Н. популярны блюда азербайджанской и русской кухни – *довгъа*, бозбаш, дюшпере, айран, борщ, суп с тефтелями, гречневая каша, макароны, котлеты, винегрет, салаты.

На городских табасаранских свадьбах подают чуду *афар* и *цIикаб*, традиционный хинкал – *тIубан хинкIар* («пальчиковый хинкал») обсыпанный тертыми грецкими орехами, аварский пшеничный и кукурузный хинкал, *ботIищал*, шашлык, жареную курицу, *садж*, долма, жаркое, рулеты, яичное курзе, запеченную в духовке перепелку, семгу, фаршированные грибы, холодные закуски, прохладительные и алкогольные напитки, соленья, выпечку, фрукты.

Табасаранское чуду *цIикаб* популярно у горожан других национальностей Дербента.

На зиму семья заготавливает сушеную говядину и горскую колбасу (покупают у агульцев и даргинцев), льняной урбеч, мед, грецкие орехи, компоты и соленья. Сельские родственники присылают яйца, свежее мясо, кефир *мас*, топленое масло, мед.

В проживающей в г. Дербент азербайджанской семье Н. из блюд национальной кухни (в две недели один раз или когда приходят гости) готовят *хаш*, азербайджанский плов, долма и фаршированные болгарские перцы, помидоры и баклажаны, пельмени *юмурта хынкал* с начинкой из яиц, молока и поджаренного лука, а также чуду с тыквой.

На Новый год в духовке запекают индюка, гуся, утку, готовят мясо или курицу по-французски, азербайджанский и узбекский плов, долма и голубцы, салаты «Оливье» и «Цезарь». В полночь открывают шампанское. Гостям подают водку, вино и коньяк.

На Ураза-байрам готовят шашлыки разных видов, узбекский плов, долму и голубцы, сладкие булочки *шекярь-техья* с начинкой из тертых грецких орехов.

На городских азербайджанских свадьбах подают шашлыки разных видов (из баранины, курятины «ханош»), долма и фаршированные овощи, азербайджанский плов, *курзе* с начинкой из яйца («юмурта хынкал»), соус, чуду из тыквы, чуду разными с мясом, зеленью, творогом, салаты «Оливье», «Цезарь», «Крабовый» и др.

В семье любят даргинское чуду, борщ, голубцы и блины. Хаш, долма и фаршированные овощи, азербайджанский плов, *садж* и пахлава популярны в городе как дружба национальностей г. Дербента.

В этой семье пекут торты и пироги, готовят разнообразные салаты. Раз в месяц заказывают на дом пиццу или чуду. Юбилеи членов семьи отмечаются в кафе и ресторанах.

Проживающая в г. Дербенте еврейская семья Н. обычно ест на завтрак яичницу, хлеб с сыром и сливочным маслом, пшеничную, гречневую или рисовую кашу на молоке или воде, молоко, кефир, сметану, черный чай с сахаром, вареньем или медом.

На обед готовится *ягъни* – мясной суп с добавлением репчатого лука и поджаренной томатной пасты. К нему подается *глош* – сваренная на воде рисовая каша. Рис едят, разбавляя его супом. Это блюдо называется *глошягъни* (дословно – «каша с ягъни»).

Готовится сладкий плов с бараниной или курятиной, *епрагъи* – голубцы, долма, *дюшпере* – пельмени с говяжьим фаршем. *Дюшпере* едят, запивая бульоном, на котором он сварен, а приправой служат уксус, соль и чеснок. К голубцам *епрагъи* иногда готовят рисовую кашу *глош*. В таком сочетании это блюдо называется *глошепрагъи* («каша с голубцами»). Готовится *хоегушт* («мясо с яйцом») – тушеная с луком мелко нарезанная говядина, которое заливается взбитым сырым яйцом.

На обед варят борщ и различные супы (фасолевый с лапшой, рисовый с курятиной, с тефтелями), жарят рыбу и котлеты с различным гарниром (рис, картофельное пюре), готовят соусы и жаркое. Иногда готовится *бугьлемэ* – тушенная в собственном соку рыба с луком и зеленью. В качестве гарнира к нему подают рисовую кашу. Едят также вяленую, копченую и соленую рыбу.

С появлением съедобных трав пекут чуду из зелени. Наиболее популярными мучными изделиями являются испеченный в хлебной печи *тонун* чурек *ну*, а также *ловои ругьани* – слоеный лаваш с поджаренным луком. Вареным мучным изделием является *ингьар* – тонкий хинкал, сваренный в курином бульоне с курятиной и приправой *сир-сюрке* (смесь чеснока и уксуса). *Ингьар* обычно готовят для больных простудой.

К столу подают огородную зелень (киндза, петрушка, укроп, базилик, *шельбагI*) и соленья (соленые и маринованные помидоры, огурцы, чеснок, горький перец *фюльфюль*).

На ужин – каша, плов, котлеты с гарниром, пельмени.

Горские евреи не смешивают мясную и молочную пищу. Они не едят грибы, хищных рыб и все виды рыб без чешуи (сом, осетрину).

При приеме гостя подают *ягьни* из свежего мяса (обычно говядина), долму, пельмени с начинкой из говяжьего фарша, *бугьлемэ*, *сухтеджахь* – вяленую рыбу (кутум) с хлебом. Вяленую рыбу иногда слегка отваривают и подают с пшеничной или рисовой кашей.

На Новый год готовят шашлык из баранины или рыбы, плов с курятиной, винегрет, салат «Оливье». На десерт – выпечка и фрукты. Подается шампанское и другие алкогольные напитки, а также лимонад, домашние компоты и соки.

На религиозный праздник *Нисону* (Песах) печется *гьогьол* – маца, а для детей – печенье с яйцом *гьогьолхоеи*. В первый день праздника готовится *ягьни нисонуи* – мясной бульон, в который добавляют сырое яйцо и чернослив. Этот бульон едят, покрошив в него мацу. На третий день варится рисовая каша. Едят также жареную и вяленую рыбу. В свежем виде употребляют съедобную траву *джуурой савзи* и любые другие горькие травы как напоминание об испытаниях, которые выпали на долю ветхозаветных евреев Египта. Употребляют в пищу также смесь яблок с ядрами грецких орехов и сухим вином.

На *Рош а-Шана* (Новый год), который отмечают в конце октября – начале ноября, готовят плов с курятиной, жарят большие куски говядины, залом. Соленый залом приправляют подсолнечным маслом, луком и перцем.

На *Йом Кипур* в синагоге режут жертвенных кур и петухов по числу членов семьи. Их мясо затем раздается.

Готовят блюда из жареной или тушеной курятины.

В конце зимы – начале весны, за месяц до *Песаха*, отмечается *Пурим*. Накануне *Пурима* варят пшеничную кашу. В сам праздник варят *чи нохути* – суп с нохутом, говядиной и луком. К нему подается рисовая каша. Гостей угощают также вяленой рыбой.

Перечисленные блюда встречаются у горских евреев других городов и сел Дагестана [13]. Однако могут быть различия в их приготовлении.

Итак, в современной системе и модели питания городского населения примерно одинаковый набор продуктов и блюд, внедрившихся в материальную культуру дагестанцев еще в советское время под влиянием русской культуры – заводские хлебные изделия, борщ, супы, плов, каши, блюда из макаронных изделий, блины, оладьи, голубцы, котлеты, тефтели, компоты, соки, чай.

Блюда национальной кухни горожане Дагестана в основном готовят по праздникам (весны и первой борозды, Ураза-байрам и Курбан-байрам, День Ашура), на свадьбах, при приеме гостей. «Стержневые блюда и ритуальные понятия праздничной трапезы стали концептами, несущими широкий этнокультурный смысл и ориентированными не только в прошлое, как акт памяти, но и в будущее, как акт консолидации и причастности к традиции» [17, с. 199]

На распространенность тех или иных блюд национальной кухни оказывает влияние этническая среда городов Дагестана: Махачкала (аварцы, кумыки, лезгины, даргинцы, лакцы), Кизляр (русские, аварцы, даргинцы), Дербент (лезгины, азербайджанцы, табасаранцы, даргинцы) [11, с. 37].

Основные этносы городов Дагестана транслируют свои традиционные систему и модель питания в городских условиях. Следствием этого является популярность аварского хинкала и чуду *ботицал* и *беркал* в Махачкале, русской кухни в Кизляре и повсеместно в Дагестане, блюд азербайджанской кухни (хаш, садж, фаршированные баклажаны, люля-кебаб, довга, пити, пахлава и др.), лезгинских/табасаранских тонкого хинкала, пирогов *цIукен/цIукаб* и *афар* в Дербенте.

Со второй половины 80-х годов XX в. и по настоящее время под воздействием социально-экономических и общественно-политических процессов, а также под влиянием глобализации и урбанизации в системе и модели питания горожан Дагестана произошли определенные изменения – появились новые блюда, способы их обработки, консервации и доставки. В повседневном быту, при приеме гостей, на свадебных торжествах, календарных и религиозных праздниках сохраняются блюда традиционной дагестанской кухни. На распространенность тех или иных блюд национальной кухни оказывает влияние этнический состав городов Дагестана. В связи с этнокультурным взаи-

модействием и взаимовлиянием, ускорением темпов урбанизации и глобализации в Новейшее время наметилась тенденция к интернационализации системы питания горожан Дагестана. В то же время ряд блюд, отличающихся высокими вкусовыми качествами, стал популярен у всех горожан республики.

Литература

1. *Амирханова А.К.* Хлеб и хлебные изделия в обрядовой жизни тюркоязычных народов Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2013. – № 49. – С. 70–75.

2. *Арутюнов С.А.* Пища // Материальная культура: свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1989. Вып. 3. – С. 134–136.

3. *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). – М.: Наука, 1981. – 393 с.

4. *Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И.* Культура и быт табасаранцев в XIX–XX веках. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2004. – 266 с.

5. *Далгат Э.М.* Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX начале – XX в. – Махачкала: ИД «МавраевЪ», 2015. – 256 с.

6. *Джаватова Л.Р., Сефербеков Р.И.* Влияние русской национальной кухни на культуру питания горожан Дагестана в Новейшее время // Материалы Всерос. историко-этнографического форума «Роль северо-кавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа», посвященного 200-летию основания г. Грозного (г. Грозный, 3 октября 2017 г.) / под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017. – С. 151–155.

7. *Канукова З.В.* Город и традиционная культура жизнеобеспечения горожан Владикавказа (2-я половина XIX – нач. XX в.) // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 6–37.

8. *Мирзабеков М.Я., Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Культура дагестанского города XX в. / науч. ред. Г.Ш. Каймаразов. – Махачкала, 2007. – 384 с.

9. *Мусаева М.К.* Традиционное питание роженицы и новорожденного у народов Дагестана и Северного Кавказа // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/131-23917> (дата обращения: 03.12.2015).

10. *Муслимова Н.Т.* Либеральные реформы первой половины 90-х гг. XX в. и их влияние на экономику Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2016. – № 3. – С. 82–89.

11. О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Дагестан: Статистический сборник. – Махачкала: Дагестанстат РД, 2012. – 45 с.

12. *Османов А.И., Сефербеков Р.И.* Влияние азербайджанской национальной кухни на культуру питания горожан Дагестана в советский и постсоветский периоды // First international forum of the caucasus studies scholars 17–18 April, 2017, Baku: Scientific papers. – Baku: MTM Innovation, 2017. – С. 310–315.

13. *Рамазанова З.Б.* Пища горских евреев Дагестана (XIX – начало XX вв.): Историко-этнографическое исследование / отв. ред. М.-З.О. Османов. – Махачкала: ООО «ДИНЭМ», 2008. – 115 с.

14. *Рамазанова З.Б.* Культура питания городского населения Дагестана в конце XX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2013. – № 3. – С. 98–108.

15. *Сефербеков Р.И.* Значимые культурные феномены этнической идентичности народов Дагестана в условиях глобализации // Материалы I Межд. конгресса «Пространство этноса в современном мире». 29–31 октября 2014 г. – Грозный, 2014. – С. 307–309.

16. *Халилов Х.* По доле расходов на продукты питания в бюджете семей Дагестан определен как беднейший регион: расходы на продукты съедают все доходы дагестанцев // Сайт «DAGLIFE». – Режим доступа: <http://dag.life/2017/02/27/po-dole-rashodov-na-produkty-pitaniya-v-byudzhete-semej-dagestan-opredelen-kak-bednejshij-region/> (дата обращения: 27.02.2017).

17. *Цаллагова З.Б.* Традиционная и ритуальная пища осетин // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации: Научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой / сост., отв. ред. Ю.А. Анчабадзе. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 199–212.

18. Этнография питания народов стран зарубежной Азии: опыт сравнительной типологии / отв. ред. С.А. Арутюнов. – М.: Наука, 1981. – 256 с.

8. Культура питания горожан Дагестана (на примере кумыков г. Буйнакск и даргинцев г. Южно-Сухокумск)

Одним из наиболее консервативных элементов материальной культуры, тесно связанным с географической средой, социально-экономическими и общественно-политическими условиями и этническими традициями, является пища [7, с. 3].

Пища горожан несколько отличается от пищи сельского населения, где преобладают традиционные компоненты. В Дагестане «города были центрами межэтнического общения, здесь происходило взаимовлияние культур, в том числе в такой сфере жизнеобеспечения, как питание» [3, с. 230].

На культуру питания народов Дагестана большое влияние оказала национальная кухня азербайджанцев [5] и русских [4], а также общественно-политические и социально-экономические процессы второй половины 80-х гг. XX – начала XXI в.

Цель данного исследования – описание (на основе полевого этнографического материала, собранного у кумыков г. Буйнакск и даргинцев г. Южно-Сухокумска), современной культуры питания горожан Дагестана. Подобные сравнительные материалы интересны для этнографии в плане сопоставления современной пищи различных дагестанских этносов, горожан двух разных городов – основанного в 1834 г. как русское военное укрепление Буйнакск (с 1866 по 1922 г. – Темир-Хан-Шура) и получившего городской статус в конце XX в. Южно-Сухокумска (1988 г.).

Набор пищевых продуктов, способы их обработки, технологии приготовления блюд и кулинарные изделия, рецептура, традиции пищевых предпочтений или пищевых ограничений и запретов, режим питания, формы организации трапез представлены на основе информации горожанок Н. и А.

instituteofhistory.ru

Современная культура питания у кумыков Буйнакск

На завтрак в семье едят приготовленные на кефире пышки *чяплек*, сыр с хлебом, сливочное и топленое масло, пшеничную или гречневую кашу, вареные яйца, блины и оладьи. Запиваем завтрак калмыкчаем, черным чаем с вареньем, урбечом и сахаром.

На обед готовят гороховый суп с поджаренным курдюком, молочный суп с вермишелью и поджаренным курдюком, кукурузную кашу с подливой из урбеча или буйволиного молока, борщ, супы с картошкой и мясом, с тефтелями, халпаму из кукурузной муки и с начинкой из зелени (1 раз в неделю), хинкал (кумыкский, аварский, лакский, слоенный) с сушеным мясом и горской колбасой с томатной или кефирной чесночной подливой, манты, соус, *курзе* с начинкой из мяса, творога и зелени, чуду с разнообразными (зелени, тыквы, мяса, творога, *требухи къырын*) начинками, долму и голубцы, рагу, *бастьрма* (тушеное сушеное мясо с овощами – капустой, картошкой, морковью, болгарским перцем, зеленью – и с соусом из сметаны), жареную картошку с соленьями, разные виды плова: с мясом, курятиной, сладкий, *чляв* – с сушеным мясом и фасолью. Иногда варят *умачшурпа* – мучной суп с картофелем и мясным фаршем, выдержанным в

уксусе из молочной сыворотки («ханцI»). В него добавляют жареный на нутряном жире («созмай») лук. Если этот суп готовят без мясного фарша, то в него выливают яйцо. Раньше этот суп считался едой бедняков. Теперь его употребляют в качестве повседневного блюда. Запекают также в духовке или жарят рыбу. Десерт – чай с медом, урбечом, абрикосовым вареньем и сахаром, а также домашний компот из абрикосов с мякотью, вишни, черешни, кураги, клубники и малины.

На ужин готовятся молочный или рисовый суп, пшеничная или овсяная каша, *курега каш* – мучная каша на абрикосовом компоте с мякотью и подливой из льняного урбеча.

Гостей угощают кумыкским и слоеным хинкалом с жареным курдюком и подливой из домашнего кефира («ювурт») с толченым чесноком, жареной курицей с гарниром из отварных макарон или картофеля, пельменями, долмой, мантами и чуду.

На Новый год запекают в духовке индюка или курицу, готовят манты, салаты («Оливье», «Неженка», крабовый, с грибами, гранатовый), селедку под шубой, винегрет, холодец. Выпечка – домашний торт, пироги с орехами и курагой, лимонник. На новогодний стол ставят экзотические фрукты, яблоки и груши. Алкоголь заменен домашними компотами и соками.

На Ураза-байрам готовят разные виды халвы: *ун-гъалива* – мучную халву, *гъоз-халива* – халву из скрепленных медом грецких орехов, *иляшха-халива* – чакчак, *къурмач* – халву из кукурузных хлопьев, скрепленных медовым сиропом, *кендир аш* – козинаки из смеси скрепленных медом тыквенных семян и конопляных зерен или же – ядер абрикосовых косточек с миндалем. Готовят также шашлыки из куриных грудок на шпажках, копченую курицу, долму и голубцы, разнообразные виды чуду, кумыкский хинкал с запеченной в духовке корейкой, слоеный хинкал с отварным говяжьим языком, халпаму с начинкой из зелени, выпечку – пироги с орехом и курагой, торт «Пинчер». Во время поста для тех, кто вечером разговлялся, готовят гороховый суп с бараньей корейкой.

На Курбан-байрам запекают в духовке фаршированную баранью ногу, готовят буженину, манты, выпечку. Выставляют на стол фрукты, домашние соки и компоты, чай.

В день весеннего равноденствия на праздник *къыш чигъарабы* («проводы зимы») готовят курзе с начинкой из яйца, жареного курдюка и лука.

Пекут в хлебной печи *корюк* различные виды хлебных изделий: буханку, *явлукмек* – слоеный хлеб, *корюк аш* – лаваш, *корюк къоймакъ* – круглый хлеб с углублением, в которое заливают яичницу, кладут поджаренный курдюк, мелко нарезанное сушеное мясо и лук. Пекут

мучари – хлеб из кукурузной муки на кефире с добавлением яйца, жареного лука и масла. Его обычно подают к бурчак-шурпа.

На кумыкской свадьбе представлен следующий набор блюд: холодные мясные и рыбные закуски, куриные рулеты, блинчики с начинкой из поджаренного мясного фарша; *ичек* – колбаса из ливера, *къарын чуду* – чуду с начинками из требухи; *халтама* с начинкой из мясного фарша, творога, зелени; слоеный и аварский хинкал из кукурузной и пшеничной муки, *ботлушал*; жаркое с мясом, картошкой, болгарским перцем, морковью и грибами; люля-кебаб; шашлык, завернутый в лаваш; *садж*, фаршированные грибы, пельмени с мясом и с яйцом, тонкие и даргинские чуду, сладкий плов.

В последние годы готовят пиццу. В семье сложилась традиция – 2–3 раза в году выезжать за город на пикник (шашлыки). На зиму сушат говядину, покупают горскую колбасу, мед, грецкие орехи, урбеч из семян льна и ядер абрикосовых косточек, курагу, соленья, варенья, компоты и соки.

Современная культура питания даргинцев г. Южно-Сухокумск представлена на основе информации горожанки Н.

В будние дни готовят всевозможные супы (в т. ч. фасолевый) и каши (в т. ч. и гречневую), борщ, суп с тефтелями, голубцы, котлеты, даргинский хинкал и чуду, *курекала карц* – мучную кашу, смешанную с пюре из кураги и сваренную на кураговом отваре, салаты, винегрет, макароны и холодец (редко). Для гостей готовят хинкал и чуду.

На Новый год запекают курицу с картофелем в духовке, готовят запеканку из мяса, картофеля и грибов, даргинское чуду, салаты «Оливье», крабовый, корейский, селедка «под шубой», пирог с орехами, торт «Каприз». Из напитков – соки и домашние компоты.

На Ураза-байрам готовят плов с бараниной или курятиной, долму и голубцы, хинкал и чуду, пироги с начинкой из кураги и тертых грецких орехов, мучную халву *бахъухъ* и козинаки *натлугъ* из грецких орехов и конопляных зерен, скрепленных сахарным сиропом или медом, чакчак, фрукты, соки и компоты. Накануне этого праздника в качестве милостыни *садакъа* раздают соседям и родственникам *къвачни* – пышки, обмазанные сверху халвой *бахъухъ*. На праздник первой борзды готовят и варево *шабши*.

На даргинских свадьбах подают всевозможные закуски (включая колбасы и сыр) и салаты, аварский хинкал, *ботищал*, шашлыки, люля-кебаб, сладкий плов, даргинское чуду и тонкие чуду с начинками из творога и зелени, жареную курицу с картофелем.

Самыми популярными блюдами даргинской кухни у других национальностей являются даргинский хинкал и чуду, а из блюд других народов Дагестана – калмык-чай, аварский хинкал и *ботищал*,

лакские чуду *къячIи*, кумыкский фасолевый суп *бурчакъ-шурпа* и кукурузный хинкал *халтама*, кумыкский и лезгинский тонкий хинкал, русские борщ, котлеты, голубцы, холодец, винегрет. На дом можно заказать доставку суши (редко), пиццы, тонких и даргинских чуду.

На зиму сушат тушу барана и готовят горскую колбасу *рут*, из села заказывают урбеч из ядер абрикосовых косточек. В общественных местах г. Южно-Сухокумска установлены автоматы по продаже кофе и чая, которые особенно популярны в холодное время года.

Питание населения г. Буйнакса и Южно-Сухокумска в основном состоит из блюд традиционной национальной кухни кумыков и даргинцев с заимствованиями из азербайджанской, русской и кухни народов мира.

Блюда, способы их приготовления и консервации обнаруживают определенное сходство с таковыми у других народов Дагестана [1; 2] и Северного Кавказа [6].

Литература

1. *Атаева П.А., Сефербеков Р.И.* Современная культура питания русских города Кизляр: традиции и инновации // Россия-восток-запад: Уроки истории и новые вызовы: материалы Всерос. (с межд. участием) научно-практической конференции (г. Кизляр, 28 сент. 2018 г.). – Махачкала: Алеф, 2018. – С. 187–191.

2. *Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И.* Культура питания горожан Дагестана в постсоветский период (на примере г. Махачкала, Кизляр и Дербент) // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 33, вып. 1. – С. 6–24.

3. *Далгат Э.М.* Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX начале – XX в. – Махачкала: ИД «МавраевЪ», 2015. – 256 с.

4. *Джаватова Л.Р., Сефербеков Р.И.* Влияние русской национальной кухни на культуру питания горожан Дагестана в новейшее время // Материалы Всерос. историко-этнографического форума «Роль северо-кавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа», посвященного 200-летию основания г. Грозного (г. Грозный, 3 октября 2017 г.) / под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017. – С. 151–155.

5. *Османов А.И., Сефербеков Р.И.* Влияние азербайджанской национальной кухни на культуру питания горожан Дагестана в советский и постсоветский периоды // First international forum of the caucasus studies scholars 17–18 April, 2017, Baku: Scientific papers. – Baku: MTM Innovation, 2017. – С. 310–315.

6. *Пчелинцева Н.Д.* Основные черты системы питания народов Северного Кавказа и Дагестана // Социокультурная коммуникация у народов Кавказа. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2017. – С. 112–120.

7. Этнография питания народов стран зарубежной Азии: опыт сравнительной типологии / отв. ред. *С.А. Арутюнов*. М.: Наука, 1981. 256 с.

9. Культура питания русских г. Кизляра: традиции и инновации

Традиционная система питания дагестанских русских была описана дагестанскими исследователями [1, с. 77–81]. Ее основу составляли блюда традиционной русской кухни. Ряд блюд, овощей, продуктов и кухонная утварь в результате этнокультурных взаимодействий был заимствован дагестанцами у русских. Например, были заимствованы некоторые овощные культуры (картошка, капуста, огурцы, помидоры), продукты (сахар, чай, табак, алкогольные напитки), кухонная утварь (самовары, стеклянная и фарфоровая посуда), блюда (борщ, суп с тефтелями, котлеты с гарниром из макарон и картофельного пюре, гречневая каша, холодец, винегрет, овощные салаты, окрошка, кисель и др.) [2, с. 151–155].

В наибольшей степени система и модель питания русских и других народов Дагестана претерпели изменения в послеоктябрьский период. В СССР изменилась общая культура питания, появилось много заимствований, но ее основа и общая структура осталась традиционной. Значительное влияние на внедрение новых типов и видов пищи оказали торговля и общественное питание. Наиболее интенсивно процесс проникновения заимствованных блюд в кухню дагестанских народов проходил в послевоенные, 50–60-е годы. В эти десятилетия пища дагестанцев пополнилась новыми продуктами, они овладели новыми способами приготовления и консервирования пищи, широко применяли новую кухонную утварь и бытовую технику [3, с. 98–99].

60–80-е годы XX века – время некоторого повышения жизненного уровня, стабильности, достатка и разнообразия в питании дагестанцев.

Наибольший импульс трансформационным и модернизационным процессам в области пищи и других компонентов материальной и духовной культуры положили события второй половины 80-х годов XX века. Они были связаны с попытками реформирования общественного строя СССР. В годы перестройки и в постсоветское время система и модель питания русских и других народов Дагестана обогатилась новыми продуктами и способами их приготовления (куриные

окорочка, гриль, барбекю и др.), появились пища из кухонь других народов мира.

В культуре питания русских в Кизляре наряду с традиционными борщом, котлетами с гарниром из овсяной, гречневой, пшенной кашей, картофельным пюре, макаронами по-флотски, холодцом, сельди-соном, окрошкой, винегретом, рассольником, голубцами, кутьей, куличами, караваями, ватрушками, рулетами, блинами со сметаной, блинчиками, варениками, пирогами, пельменями, чебуреками и пирожками с разнообразными начинками, окороком, салом, смальцем, рыбными блюдами (уха, пироги, пельмени, котлеты, балык, холодец, икра, жареная, вяленая и копченая рыба), грибами, тушеной капустой, соленьями, каперсами, солянкой, квасом, киселем, компотом, домашним вином, самогоном, виноградной наливкой в последние десятилетия готовят блюда других народов Дагестана и мира.

В связи с усилением миграционных процессов, оттоком из этого города русского населения и преобладанием в нем горцев, изменением этнического состава многих сельских поселений Кизлярщины в меню повседневной и праздничной пищи русских появились исконно горские блюда: аварский хинкал из пшеничной и кукурузной муки с отварным мясом и чесночной подливкой, тонкий (кумыкский, лезгинский) и слоенный хинкал, курзе, творожно-сырные чуду *ботлуцал*, даргинское чуду, горская колбаса, урбеч из семян льна и ядер абрикосовых косточек, а также блюда азербайджанской кухни – сладкий плов, люля-кебаб, садж, долма, пахлава.

Процессы глобализации также отразились на культуре питания русских: в праздничной и повседневной пище появились новые блюда – фаршированная баранья нога, индейка в кунжуте, мясо по-французски и по-арабски, пицца, суши и роллы, разнообразные салаты, экзотические фрукты и др. [4].

О современной культуре питания русских г. Кизляра можно судить по нашим полевым материалам. Например, состав блюд и трапез повседневной и праздничной пищи русской семьи С. выглядит следующим образом [5].

На завтрак подаются яичница, омлет, каши (геркулес, гречневая, рисовая – на воде и молоке), сыр, хлеб с маслом, колбасу, оладьи, гренки, сырники, творог со сметаной, чай, кофе, компот.

В обед на первое подаются борщ красный и «зеленый» (из щавеля), рассольник, супы (харчо, рисовый, с вермишелью, фасолевый, гороховый, лапша с курятиной), уха с красной рыбой или с сазаном, лагман, солянка, а летом – окрошка. На второе – котлеты из мяса, рыбы или тушеное мясо (гуляш) с гарниром из картофельного пюре, макарон, гречневой каши; жареный или отварной картофель, жареные грибы, макароны по-флотски, фаршированный болгарский перец или

баклажаны, голубцы мясные или с красной рыбой, отварная или жареная рыба с томатной подливой, пироги с начинками из капусты, рыбы, грибов; нарезанное кусками соленое сало, сушеная рыба (вобла, черноспинка, лещ и проч.), тушеные кабачки и капуста, баклажанная или кабачковая икра.

На ужин едят то, что осталось от обеда. Летом – вареники с клубникой, сливой или вишней.

Гостей угощают пельменями, пловом, запеченной в духовке курицей, пирогами с капустой или рыбой, домашним окороком и колбасой, кровяной колбасой, винегретом, различными салатами («Оливье», овощным, селедка под шубой).

На Новый год запекают в духовке гуся или утку с яблоками, готовят холодец, пироги, голубцы, блинчики с начинкой из поджаренного мясного фарша, винегрет, сырныи и колбасные закуски, различные салаты («Оливье», селедка «под шубой» и др.), подают к столу маринованные грибы и каперсы. Напитки представлены домашним сухим вином, водкой, коньяком, покупными соками и домашними компотами.

На Рождество накрывается примерно такой же стол, как и на Новый год, но на нем обязательно присутствуют кутья и пельмени с начинкой из рыбы (сом).

На Пасху, помимо прочих блюд, пекутся пироги и пирожки с начинкой из курятины и картофельного пюре, а также ватрушки, «преженцы» – сладкие завитушки, куличи, крашеные яйца.

Меню свадебного стола состоит из горячих и холодных мясных и рыбных (балык, семга) закусок, колбас, солений (каперсы) и других блюд – отварного мяса, жареных кур, запеченного картофеля, блинов, пирогов, блинов с мясным фаршем, голубцов и фаршированного болгарского перца, холодца, разнообразных салатов, выпечки, алкогольных и прохладительных напитков.

Из блюд дагестанской национальной кухни в этой семье популярны чуду с начинками из зелени, картошки, тыквы с ореховой травой, *курзе* с начинкой из мясного фарша, манты, тонкий кумыкский хинкал и «крученный» даргинский хинкал, люля-кебаб, долма.

Нередко заказывают на дом чуду, шашлык, суши и пиццу. Из интернета рецепты блюд заимствует в основном молодежь. Дни рождения (в основном юбилеи) членов семьи отмечают в кафе и ресторане.

На зиму солят огурцы, помидоры, баклажаны, кабачки и грибы, квасят капусту. Варят томатную пасту и варенье. Готовят домашнее вино и компоты. Сушат курагу и яблоки.

Таким образом, основу повседневной и праздничной пищи русских города Кизляр составляют блюда традиционной русской кухни, в

которой имеются некоторые заимствования из кухонь горских народов Дагестана и других народов мира. Это свидетельствует о консерватизме пищи как элемента материальной культуры русских. Преобладание в современной культуре питания русских г. Кизляра блюд традиционной русской кухни вселяет определенную надежду на сохранение их этнической идентичности в эпоху глобализации.

Литература

1. *Ризаханова М.Ш.* Дагестанские русские. XIX – начало XX в.: историко-этнографическое исследование. – Махачкала, 2001. – С. 77–81.

2. *Джаватова Л.Р., Сефербеков Р.И.* Влияние русской национальной кухни на культуру питания горожан Дагестана в новейшее время // Материалы Всерос. историко-этнографического форума «Роль северо-кавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа», посвященного 200-летию основания г. Грозного (г. Грозный, 3 октября 2017 г.) / под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017. – С. 151–155.

3. Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. – М.: Наука, 1988. – 320 с.

Глава IV. ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОБРЯДОВ

1. Свадебные обряды

Современные городские свадебные обряды народов Дагестана с детальным описанием всех этапов свадьбы, учетом традиций и инноваций, общего и особенного в определенной мере были изучены исследователями на основе собранного ими в 2010–2012 гг. полевого материала [1, с. 176–205; 2, с. 69–79]. Однако ими не были учтены локальные особенности свадебных обрядов по городам республики. Целью нашего исследования является описание свадебных обрядов у горожан постсоветского Дагестана.

Традиционно в Дагестане к брачному партнеру предъявлялся целый ряд требований личностного, этического, сословного и материального порядка. Одним из критериев выбора брачного партнера, по крайней мере – в советское время, было наличие высшего образования. Жених или невеста с высшим образованием были предпочтительной партией и имели более высокий социальный статус при брачном выборе. В современных условиях экономического кризиса, высокого уровня безработицы «высшее образование желательно, но необя-

зательно, важнее, чтобы парень умел и стремился зарабатывать деньги, содержал себя» [1, с. 179–180].

В связи с деидеологизацией общественных отношений и своеобразным постсоветским религиозным «ренессансом» [4, с. 64–69], многие горожане при выборе супруга для своих детей хотят, чтобы им был мусульманин, соблюдающий религиозный дресс-код [5, с. 81–86].

Определенные требования предъявляются и к выбираемой девушке, ее родителям и тухуму. Аварцы, даргинцы-цудахарцы, северные и средние кумыки г. Хасавюрта и Кизилюрта при этом часто выясняют сословную принадлежность выбираемого партнера – не принадлежит ли он к «рабским» тухумам? Этот обычай относится к патриархально-родовому и феодальному времени. Для других дагестанских народностей (остальных даргинцев, а также лакцев и проживающих в г. Дагестанские Огни народностей Южного Дагестана) этот критерий не принципиален. Например, даргинцы-акушинцы, зная о принадлежности жениха или невесты к «рабскому» тухуму, могут вступить в брак, если он (или она) материально состоятелен и имеет высокий социальный статус. Такая же тенденция наблюдается и в некоторых современных горских обществах Аварии и у северных кумыков, что свидетельствует об определенной эрозии прежних ценностных установок и социальных предпочтений под влиянием современных глобализационных процессов. Однако этот критерий неуклонно соблюдается довольно большой общиной (более 500 хозяйств) даргинцев-цудахарцев г. Хасавюрта, что можно объяснить влиянием культуры соседних с ними аварцев Гунибского (Андалал) и Гергемильского (Койсубули) районов, где данное предпочтение (как в сельской, так и в городской среде) бытует до сих пор. В городской (Дербент и Дагестанские Огни) и сельской среде народов Южного Дагестана этот критерий несущественен. У опрошенных нами лезгин и табасаранцев в социальной лексике присутствуют понятия *лукI* («раб») и *гьураба* («чужак»), однако они затруднились ответить, имеются ли в их родовых селениях эти категории населения. В некоторых табасаранских селениях относятся отрицательно к заключению брака с представителями семей из категории *гьураба*.

Установка на эндогамный круг – одна из устойчивых традиций большинства горожан Хасавюрта и Кизилюрта.

О брачных предпочтениях горожан Хасавюрта и Кизилюрта можно судить и по нашим полевым материалам.

Инициатором знакомства, как правило, выступает юноша, но изредка, если парень отвечает критериям брачного выбора, может проявить инициативу и девушка.

Некоторые родители выступают против интернациональных браков и предупреждают об этом своих детей.

В 90-е годы XX в. девушек выдавали в основном в возрасте 21–22 года, а юноша женился в 24–27 лет. С 2000-х гг. девушек стали выдавать замуж в 16–18 лет («для родителей желательно, чтобы их дочь быстрее была замужем»), а юноши женились в 20 лет и более старшем возрасте. Студенток выдают замуж, когда они учатся на последних курсах (особенно если девушка учится в Даггосмедуниверситете). Нередки браки с возрастной диспропорцией в 10–15 лет.

У аварцев и даргинцев часто женятся на кузинах и других близких родственницах, в крайнем случае – на односельчанке или с одного района. Кумыки и чеченцы на родственницах не женятся. Аварцы, даргинцы и кумыки выясняют сословное происхождение потенциального брачного партнера. При выборе брачного партнера для юноши красота девушки остается важным критерием, как и репутация ее семьи и тухума. Ее невысокое материальное благополучие не является препятствием для брака. Для юноши обязательно наличие жилья, как и профессии (особенно ценится кафельщик или мастер по евроремонту квартир), высшее образование не обязательно. Местные русские девушки стараются выйти замуж за представителей своей национальности. Русских девушек (не из Дагестана) берут замуж, если они переходят в ислам» (аварцы, чеченцы, кумыки, русские г. Хасавюрта).

Аварцы стараются подбирать себе супруга только своей национальности. Был случай, когда в 1998 г. выдали замуж по религиозному обряду *магаьар* 15-летнюю девушку, а юноше на тот момент исполнилось 20 лет. В 2000–2010 и последующие годы девушки обычно выходили замуж в возрасте 18–20 лет, а юноши – 20–23 года. Родители старались выдать замуж свою дочь сразу же после окончания школы, но, если она поступила в вуз, то только после окончания учебы. И сами девушки предпочитали выходить замуж только после получения высшего образования. Изредка девушки выходили замуж в возрасте 30–33 года и даже в 40 лет, что объяснялось желанием сделать карьеру.

Невесту стараются подобрать из своего тухума (желательно кузину), в крайнем случае – из своего села или района. Важна красота девушки и репутация ее семьи. Юноша должен быть мусульманином. В 90-е годы наличие высшего образования у юноши было необязательным, было важным наличие у него работы и жилья, а не автомобиля. Обязательно наводили справки о сословном происхождении. Брали замуж и русских девушек, если они принимали ислам. Городские юноши женились на сельских девушках, но сельские девушки старались выйти замуж за городских парней (аварцы г. Кизилюрта).

Кумыки не так категоричны в подборе брачного партнера только своей национальности: в их среде есть масса примеров интернациональных браков. Однако и они предпочитают браки на представите-

лях своей национальности – «чтобы в семье язык общения был один». Заранее выясняют сословное происхождение будущих молодоженов. Но кумыки могут отдать девушку за богатого *кьюла* («раба»). Инициатором выбора невесты обычно выступает сторона юноши. У аварцев после знакомства публичное общение между юношей и девушкой не приветствуется, а у кумыков оно возможно. С 2000-х годов молодежь стала общаться через гаджеты. Мнение родителей в выборе супруга продолжает играть важную роль. Если юноша и девушка все-таки женятся вопреки воле своих родителей, они после свадьбы с ними не общаются, а иногда и уезжают из города» (кумыки г. Кизилюрта).

Молодежь знакомится через родственников, знакомых, на свадьбах, а с 2000-х гг. – через социальные сети и гаджеты. Если молодые познакомились сами и собираются пожениться, обязательно учитывается мнение их родителей. Последние обычно не препятствуют браку по любви и не настаивают на подобранных ими для своих детей кандидатурах, т. к. считают, что такой брак будет недолговечным. При выборе супруга отдают предпочтение кандидатуре из своего тухума, села, района, своей национальности, но не возражают и против других дагестанских национальностей (табасаранцы г. Дагестанские Огни).

И в традиционном, и «современном Дагестане мужчины по-прежнему серьезно относятся к непорочности невесты. Если обнаруживается, что невеста не целомудренна, то молодые разводятся» [1, с. 196].

Как отметила в этой связи исполнительный редактор дагестанского журнала «Свадебная легенда» Наида Устарова, «если невеста не девственница, то развод происходит через два месяца, ее отдают обратно, и если они разводятся через два месяца, то все уже понимают, почему, и это считается большим позором» [6].

В выборе супруга для горожан г. Хасавюрта, Кизилюрта и Дагестанские Огни в 2000–2010 гг. оставались важными родственные отношения, эндогамный круг, репутация, мнение родителей, религиозность, скромность и непорочность. Для юношей было важно иметь образование, профессию, работу, жилье, уметь содержать семью. Девушка должна быть красивой и скромной.

Примечательна устойчивость в брачном выборе у аварцев, даргинцев-цудахарцев и кумыков по сословной принадлежности. Материальная состоятельность в большинстве случаев не играет главной роли. В то же время для некоторых горожан этот критерий особенно важен. Если избираемый супруг материально состоятелен и занимает высокое общественное положение, ему готовы простить даже его «рабское» происхождение, что свидетельствует об определенной эрозии нравственных предпочтений и установок. Представленный мате-

риал свидетельствует о большей консервативности в вопросах женитьбы горожан аварской и даргинской национальности, их большой религиозности, неприятию публичности в общении между юношей и девушкой до брака, ухаживания.

Возраст вступающих в брак в основном совпадает со среднестатистическим, хотя вызывают тревогу случаи сговора малолетних и выдача замуж школьниц.

Нельзя не отметить усиления религиозного фактора, проявляющегося в обязательности соблюдения норм и предписаний ислама, мусульманского «дресс-кода». Переход в ислам являлся одним из обязательных условий брака с представителями недагестанских национальностей, тогда как в советское время это было необязательно. Среди инноваций предсвадебных ритуалов следует отметить, что начиная с 2000-х гг. юноши и девушки знакомятся через социальные сети Интернета.

Как известно, предсвадебные обряды проводят в несколько этапов [7; 8]. Однако в последние десятилетия в основном по материальным соображениям некоторые этапы объединяют.

Особое значение в предсвадебных обрядах последних десятилетий придается отнесению стороной жениха так называемого «чемодана» невесты и сумме денег, подаренных ей при этом женихом. В советское и постсоветское время сватовство обычно проходило в квартире или доме родителей невесты. Это не совсем удобно, особенно если сватов много, а городская квартира мала по площади.

Процедуру сватовства и обручения, сумму подаренных женихом на «чемодан» невесты денег и видов ювелирных украшений, дарообмен сторон можно проиллюстрировать на полевом материале.

«О своем выборе девушки, на которой юноша хотел бы жениться, он сообщает через маму, сестру, тетю. Девушка сообщает об этом своей матери и другим родственникам. Первый визит родителей юноши в дом родителей девушки состоит в выяснении их реакции на намерение породниться. Родители девушки положительного ответа сразу не дают, отвечают уклончиво: «она еще маленькая», «ей надо закончить учебу в вузе», «мы материально еще не готовы к свадьбе». Иногда за положительным ответом к родителям невесты ходят три раза. У аварцев выяснить намерения идет мать юноши, у кумыков и чеченцев – сестра или тетя. У аварцев в 1992 г. на «чемодан» невесты бросали 20 тыс. руб., у кумыков в 1999 г. – 15 тыс. руб. И это не считая ювелирных украшений и обручального кольца, норковой шубы и других подарков родственникам невесты. У чеченцев невеста на деньги, подаренные женихом, покупает себе одежду» (аварцы, чеченцы, кумыки г. Хасавюрта).

«Вначале родители, дяди и тети юноши шли в дом родителей девушки «взять слово» («рагИи босизе»). После получения положительного ответа сторону жениха одаривали сорочками и головными платками. На сватовство несли подносы с мучной («бахъухъ») и ореховой («натГухI») халвой, корзину с фруктами, коробки конфет, пакеты с чаем и банки с кофе. На сватовстве и обручении жених надевал на палец невесты обручальное кольцо, а его мать покрывала головной платок. Помимо денег жених дарил невесте комплект золотых с бриллиантами украшений – кольцо, серьги, браслет, кулон, а также норковую шубу» (аварцы г. Кизилюрта).

«О своем желании жениться на избранной девушке юноша обычно сообщал матери, сестре, тете. Первый этап предсвадебных обрядов назывался «сѣз алма барабыз» («слово взять пойти»). На сватовство несли подносы с мучной («илияшха халива, ун халива») и ореховой («къоз халива») халвой, сладостями, пачки чая и банки кофе» (кумыки г. Кизилюрта).

На сватовство приходили жених, его мама, тетя и другие близкие родственники. После получения от девушки и ее родителей положительного ответа жених преподносил деньги «на чемодан», ювелирные украшения и одежду. Родители девушки одаривали пришедших сладостями и головными платками» (азербайджанцы г. Дагестанские Огни).

На сватовстве и обручении предсвадебные обряды завершаются.

Таким образом, и в городских условиях сохраняются основные этапы предсвадебных обрядов, состав их участников, процедура сговора, сватовства и обручения, размеры свадебных подношений жениха невесте и дарообмена обеих сторон. Родственники со стороны жениха преподносят невесте мучную и ореховую халву.

Своеобразным переходным периодом, мостом, соединяющим предсвадебные обряды со свадебными, является время от сватовства до свадьбы. Об этом свидетельствует наш полевой материал.

«Время от сватовства до свадьбы длится от 1 месяца до 2–3 лет (у андийцев такой долгий срок в порядке вещей). Желательно, чтобы больше разрыва между этими событиями не было, но причиной затянувшегося времени может быть, например, траур по умершему близкому родственнику» (аварцы, г. Хасавюрт).

«Время от сватовства до свадьбы может в зависимости от обстоятельств длиться от одной недели до 1 года» (аварцы, г. Кизилюрт).

«Время от сватовства до свадьбы в зависимости от обстоятельств может продлиться от 1 месяца до 1–2 лет» (азербайджанка, г. Дагестанские Огни).

В основном от сватовства до свадьбы проходит от 1 месяца до 1 года, хотя многочисленны случаи сокращения или удлинения этих сроков.

Способ приглашения на свадьбу отражает нормы этикета и нравственность народа. В советское время на свадьбу приглашали по пригласительным билетам или по телефону, если приглашаемый находился далеко. В постсоветский период эти способы приглашения почти не изменились, но к ним добавились новые – через интернет и гаджеты. В 2000–2010 гг. на свадьбу приглашали лично и посредством пригласительных билетов.

Дагестанская городская свадьба – яркое и красивое многолюдное дорогостоящее семейное торжество, на котором присутствует от нескольких сотен до тысячи и более гостей – родственников, соседей, друзей, коллег, одноклассников и однокурсников решившихся породниться семей. Количество гостей зависит от материального состояния родителей жениха и невесты. Многолюдные свадьбы – предмет гордости и престижа их устроителей.

В 90-е гг. XX в. свадьбы были немногочисленны, на них приглашали только близких родственников, друзей и коллег по работе и учебе, а в относительно благополучные 2000–2010 гг. свадьбы стали более многолюдными.

Одним из важных этапов свадьбы, законодательно закрепляющим брачный союз, является его регистрация в органах ЗАГСа. Если в советское время регистрация молодоженов в ЗАГСе происходила чаще всего в первой половине дня свадьбы и изредка – после свадьбы, то в постсоветский период к ним добавилась процедура оформления брака работниками ЗАГСа прямо во время свадьбы в банкетном зале.

«В ЗАГСе молодые расписываются в основном после свадьбы до рождения ребенка» (аварцы, кумыки, г. Хасавюрт).

«Жених и невеста расписываются в ЗАГСе обычно в первой половине дня перед тем, как поехать в банкетный зал. Многие расписываются в ЗАГСе после свадьбы во время беременности, но обязательно до рождения ребенка» (аварцы, г. Кизилюрт).

Наряду с регистрацией молодоженами в органах ЗАГСа в славящемся своими давними и устойчивыми мусульманскими традициями Дагестане обязательно его религиозное оформление. Эта традиция не прерывалась даже в советское время с его негативным отношением к религии и религиозным обрядам, исполнение которых грозило партийными и комсомольским функционерам серьезными неприятностями. С деидеологизацией общественных отношений и изменением взаимодействия государства и религиозных учреждений в постсоветский период оформление брака по шариату (или венчание христиан в церкви) на дагестанской свадьбе стало обязательным. Однако большин-

ство браков в Дагестане все же заключается и в ЗАГСе, так молодожены и их родители осознают, что без такой регистрации они будут лишены государственных социальных выплат – пособия по уходу за ребенком, материнский капитал. О времени и участниках религиозного оформления брака свидетельствуют материалы наших полевых исследований.

«Магъар» обычно заключается за 1–2 дня до свадьбы (желательно в четверг). С женихом заключает «магъар» отец, брат или дядя невесты» (аварцы, г. Хасавюрт).

«Магъар» обычно заключается за месяц до свадьбы» (аварцы, г. Кизилюрт).

«Магъар» обычно заключается за 1–2 дня до свадьбы» (кумыки, г. Кизилюрт).

«Никагъ» заключается за несколько дней до свадьбы представителями («вакиль») жениха и невесты – их отцы, братья, дедушки» (табасаранцы, г. Дагестанские Огни).

Существуют определенные требования к костюму жениха и невесты.

«На свадьбе жених бывает в современном европейском костюме, в белой рубашке с галстуком, а невеста – в белом свадебном платье. На мавлидах молодые соблюдают религиозный дресс-код. В 80-х годах XX в. свадебное платье покупали, а после свадьбы хранили как реликвию. В 90-е и последующие годы свадебное платье стали брать напрокат в салонах на 1–2 дня за 30–100 тыс. руб.» (аварцы, г. Кизилюрт).

«Жених и невеста на свадьбах одевались в европейском стиле. Однако если это свадебный мавлид, то молодые соблюдали религиозный дресс-код» (табасаранцы, азербайджанцы, г. Дагестанские Огни).

Приданое обычно включает в себя имущество, выделяемое невесте её родителями и собранное ею самой для замужества. В традиционном дагестанском обществе оно обычно включало в себя постельные принадлежности, посуду, одежду, кухонную утварь и др. С течением времени размеры и состав приданого менялись. Что входило в состав приданого городской невесты в изучаемое время, можно узнать из нашего полевого материала.

«У аварцев в приданое входит вся обстановка в доме или квартире – от иголки с ниткой до мебели и бытовой техники, у кумыков – мебель, посуда, постельные принадлежности, у чеченцев приданого не бывает» (аварцы, чеченцы, кумыки, г. Хасавюрт).

«У аварцев приданое включало в себя всю мебель и другую обстановку в квартире или доме жениха» (г. Кизилюрт).

«У кумыков приданое невесты включало в себя холл, спальня, мебельный гарнитур, ковры, занавески, люстры, посуду» (г. Кизилюрт).

«У табасаранцев в приданое входили ковры, спальня гарнитур, посуда, занавески» (г. Дагестанские Огни).

Итак, с течением времени приданое невесты принципиально не изменилось и включало в себя мебель и домашнюю утварь.

В «перестроечное» и постсоветское время в городах Дагестана были распространены свадьбы трех типов: со спиртным, без него и свадебные мавлиды. «Относительно новым явлением в дагестанских семьях стало проведение свадеб в форме мавлида, хотя в дореволюционном Дагестане такие исламские свадьбы практиковались. В советский период такие свадьбы были весьма редки, но потом они прекратили свое существование в связи с известными гонениями на религию. В постсоветское время стали проводиться безалкогольные свадьбы, возникшие на волне исламского возрождения конца 1980 – начала 1990-х гг., затем стали практиковаться не только безалкогольные, но и свадьбы без музыки. Вскоре начали проводиться свадьбы в форме мавлида, когда весь сценарий свадьбы проходит по канонам ислама с исполнением нахидов, посвященных пророку Мухаммеду, чтением сур Корана, совершением *зикра* (богопоминания) и приветствий пророку Мухаммеду (салават) и др. практиками» [2, с. 72]. На таких религиозных свадьбах существовали ограничения на алкоголь; меню и сервировка столов были такими же, как и на обычной свадьбе; пища, приготовленная поварами-мусульманами, должна быть «халаль»; на свадьбах не танцевали, а слушали проповеди ведущего и песнопения религиозного содержания; существовал мусульманский дресс-код в женской одежде, мужчин за столом обслуживали официанты, а женщин – официантки [1, с. 18].

О формах проведения свадеб в изучаемое время можно узнать из нашего полевого материала.

«В 90-е гг. свадьбы играли во дворе дома, под шатрами, со спиртным, когда пищу готовили и накрывали на столы родственники жениха или невесты, с музыкантами, игравшими на традиционной зурне, гармонии и барабане, а танцевальной площадкой служил двор, который посыпался опилками. С 2000-х гг. большинство свадеб проводится без спиртного или в форме «мавлида». У чеченцев на свадьбе жених и невеста не сидят вместе в банкетном зале. Жених пирует со своими друзьями в другом помещении» (аварцы, чеченцы, кумыки, г. Хасавюрт).

«В 90-е годы большинство свадеб в Кизилюрте было со спиртным на столах. Были единичные случаи свадебных мавлидов, которые проводили дома. В 2000–2010 гг. картина изменилась и выглядела так:

50 % свадеб проходило без спиртного, 20 % – в форме свадебных мавлидов, 30 % – со спиртным на столах» (аварцы, г. Кизилюрт).

«В 90-е гг. большинство свадеб было со спиртным. С 2000-х годов свадьбы проводятся со спиртным, без спиртного и мавлиды. С 2010 г. больше свадеб без спиртного» (табасаранцы, азербайджанцы, г. Дагестанские Огни).

Итак, если в 80-е и 90-е годы XX в. и даже в 2000-е годы большинство городских свадеб проводилось со спиртным, с 2010 г. наметилась устойчивая тенденция к их ограничению: приблизительно половина свадеб в указанных городах проводится без спиртного или в форме свадебного мавлида, что связано с возрастанием влияния мусульманской религии.

В советское время свадьбы в Дагестане изредка проводились в столовых школ и техникумов или в кафе. Посуду брали в аренду в пунктах проката, а пищу для свадебного застолья готовили родственники жениха и невесты. Иногда этим процессом руководил наемный шеф-повар. Продукты закупались в магазинах и на рынке.

В советское время совместные свадьбы жениха и невесты не практиковались. Положение изменилось после распада СССР. Конечно, в тяжелые 90-е годы XX в. свадьбы были скромные и по форме проведения повторяли советский опыт. Положение изменилось с конца 90-х гг. и в 2000-е гг. в связи с относительной стабильностью и повышением уровня благосостояния населения. В эти годы в массовом порядке появляются банкетные залы, а следовательно, и вся индустрия свадебных услуг. Уже в 2010–2012 гг. «изредка стали практиковать совместные, то есть с участием сторон жениха и невесты, свадьбы» [1, с. 186].

Формы проведения свадеб описаны в полевом материале.

«В 90-х гг. XX в. свадьбы устраивали под шатрами во дворах домов, а с конца 90-х их стали проводить в банкетных залах. Нередко устраивают и совместные свадьбы (у чеченцев их не бывает вообще, т. к. у невесты свадьбы может и не быть)» (аварцы, чеченцы, кумыки, г. Хасавюрт).

«В банкетных залах свадьбы стали играть в последние 15 лет, а раньше их устраивали под шатрами во дворе дома жениха и невесты. В 90-х годах в банкетных залах свадьбы проводили только состоятельные семьи. Совместные свадьбы жених и невеста проводят редко» (аварцы, г. Кизилюрт).

«Раньше свадьбы проходили под шатрами во дворах домов, а с 2000-х гг. – в банкетном зале. Совместные свадьбы жениха и невесты проводятся редко» (табасаранцы, азербайджанцы, г. Дагестанские Огни).

Итак, в советское время и в 90-е годы большинство свадеб в городах Дагестана проводили под шатрами во дворах домов либо в школьных столовых. Были единичные случаи проведения свадеб состоятельными людьми в банкетных залах. С 2000-х гг. такая форма проведения свадеб стала преобладающей. В эти же годы стали проводить совместные свадьбы жениха и невесты в одном банкетном зале.

Свадебный торт – это не только украшение семейного торжества, красивая традиция и вкусное лакомство, но еще и эффектная финальная точка свадебного банкета. Традиционный свадебный торт – это классический белый торт, украшенный цветами, лентами или кружевом из сахарной пасты. Еще одно популярное в последнее десятилетие покрытие для свадебного торта – марципан, который имеет очень яркий вкус. Выбирая размер будущего свадебного торта, обычно исходят из собственных предпочтений и количества гостей.

О формах и начинке свадебного торта в городах Дагестана в постсоветский период свидетельствует и наш полевой материал.

«Торт на свадьбах жениха и невесты бывает обычный бисквитный с кремом» (аварцы, чеченцы, кумыки, г. Хасавюрт).

«Мода на свадебные многоярусные марципановые торты появилась в 2008–2010 гг., а до этого были обычные бисквитные торты» (аварцы, г. Кизилюрт).

«В 1990-е гг. на свадьбах подавали бисквитный торт с кремом. В 2000-е годы появились многоярусные марципановые торты» (азербайджанцы, г. Дагестанские Огни).

Появились свадебные кортежи. В советское время кортеж формировался из отечественных автомобилей во главе с «Волгой», в которой находились жених с невестой. Наиболее состоятельные молодожены арендовали «Чайку». В постсоветский период, особенно с конца 90-х гг. XX в. и в 2000-е гг., стало престижным составлять свадебный кортеж из престижных иномарок. «Чем больше в свадебном кортеже дорогих машин, тем престижнее. В последнее время стали пользоваться популярностью лимузины. Цена аренды лимузина на день от 35 тыс. руб. Сейчас появились специальные позолоченные свадебные «Мерседесы» (арендная плата от 50 тыс. руб.), а буквально в последние месяцы – запряженные тройкой лошадей красивые кареты» [1, с. 192].

О составе свадебного кортежа можно судить и по нашим полевым материалам.

«У аварцев жениха сопровождают мужчина и женщина, его двоюродные братья и сестры, друзья. Невесту сопровождает наставница (тетя по отцу или жена брата). У аварцев она называется «цадакъ ячIарай» или «бахIаральул ункъгIал», у чеченцев – «абай», у кумыков

– «абай къатун». С невестой едут также двоюродные сестры и подружки» (аварцы, чеченцы, кумыки, г. Хасавюрт).

«Специальный лимузин для жениха и невесты, арендуемый за 15 тыс. руб., появился в последние 10 лет. А в 2000–2010 гг. молодых обычно сажали в одну из дорогих иномарок белого цвета, принадлежащую родственникам или друзьям жениха» (аварцы, г. Кизилюрт).

«У кумыков невесту сопровождает ее наставница «абай къатын» и подружка. Жениха – его тетя, сестры и друзья» (кумыки, г. Кизилюрт).

По поводу стрельбы на свадьбах у дагестанских этнографов нет единого мнения. Одни считают, что это исторический обряд для избавления новобрачных от злых сил, другие – традиция сообщать выстрелами о том, что жена оказалась не девственницей. По мнению М.-Р.А. Ибрагимова, стрельба – это традиционный элемент, который был характерен для свадеб не только в Дагестане, а на Северном Кавказе и в Закавказье. Она имела магический смысл – оградить молодых от плохих джинов, нечистых сил, шайтанов, которые могли повредить молодой семье, в частности навредить жениху, как бы препятствовать созданию семьи. М.К. Мусаева считает, что «стрельба хоть и являлась для Дагестана обычным явлением, но нельзя все традиции переносить на современную почву». Она отмечает, что «у аварцев стреляли, когда невесту везли в дом жениха. Процессия передвигалась на лошадях, и вестник должен был сообщить о том, что невеста едет или приехала. Он стрелял, чтобы оповестить всех, что невеста прибыла по месту назначения» [6].

Этнолог А. Ярлыкапов полагает, что «часть кавказской молодежи стреляет совсем не из-за обряда, а для куража». Член-корр. РАН С. Арутюнов не считает эту традицию опасной, если оружие применяется аккуратно и выстрелы никому не мешают. «Так, в дагестанских горных селах ни один праздник не проходит без салютования. Если же говорить о населенных пунктах с большей концентрацией жителей, то тут все сильно зависит от местной власти: если стрельба не ведется на центральной улице, то, как правило, полиция не вмешивается», сказал эксперт. В относительно крупных кавказских городах, таких, как Махачкала или Грозный, салютование – редкий случай», – заверил Арутюнов» [9].

О стрельбе на городской свадьбе свидетельствует и наш полевой материал.

«В 1990–2000-е гг. на свадьбах стреляли часто, а сейчас – редко» (аварцы, чеченцы, кумыки, г. Хасавюрт; аварцы, г. Кизилюрт; табасаранцы, азербайджанцы, г. Дагестанские Огни).

Свадьба – это событие, которое семейная пара будет вспоминать и обсуждать в течение всей своей жизни, и очень важно, чтобы это со-

бытие всегда вспоминалось в хорошем ключе. Для того чтобы воспоминания были яркими, положительными и незабываемыми, их принято фиксировать на фото- и видеоаппаратуру. Фотосессия и видеосъемка устраивается дома у невесты до ее выхода из дома, во время усаживания с женихом в лимузин, в городе по пути следования в банкетный зал и в самом зале.

Эту свадебную услугу, основываясь на полевом материале 2010–2012 гг., приводят и другие исследователи: «В день свадьбы невеста с подругами до выхода из дома устраивает фотосессию. Заказывается фотоальбом с индивидуальной обложкой. Вся свадьба фиксируется видеосъемкой» [1, с. 192–193].

Информацию о данной услуге можно получить и по материалам наших полевых исследований.

«С 2000-х гг. на свадьбы стали нанимать профессиональных фотографов и видеографов. В 2000-х гг. фотосессию по пути в банкетный зал жених и невеста устраивали у городского фонтана, а сейчас – в парке «Фэмили». Иногда фото-сессию устраивают в чьем-либо роскошном доме» (аварцы, чеченцы, кумыки, г. Хасавюрт).

– «В 90-е годы не везде на свадьбах была профессиональная фото- и видеосъемка: их выполняли на любительском уровне родственники и друзья жениха и невесты. Профессиональные фотографы и видеографы в банкетных залах появились с начала 2000-х гг. Фотосессии проводились в городском парке, у ресторана «Парнас», у реки Сулак в 5 минутах езды от города» (аварцы, г. Кизилюрт).

Большую роль в свадебной церемонии играет ее ведущий – тамада. Обычно он приглашается на свадьбу родителями новобрачных. В обязанности тамады входит установление порядка речей и тостов, организация и контроль выступлений артистов, выступающих на свадьбе. На исламских свадьбах (мавлид) также бывает тамады, от таланта и умения которого зависит атмосфера семейного торжества. Тамада присутствовал на свадьбе и в советское время. Тогда старший родственник жениха и невесты или друг их родителей. Положение изменилось в постсоветское время, особенно с начала 2000-х гг., когда в городах республики в массовом порядке появились банкетные залы и индустрия свадебных услуг. Появились профессиональные тамады.

Профессиональный тамада присутствует на свадьбах и в других республиках Северного Кавказа. Например, на свадьбах в Нальчике «в зависимости от того, чья это свадьба, тамада говорит на русском, кабардинском или балкарском языках» [10].

Полевой материал о роли тамады на городских свадьбах Дагестана:

«В 90-х гг. тамадой на свадьбах бывал старший родственник или друг отца жениха. Профессиональный тамада появился позднее. У че-

ченцев на свадьбах тамады не бывает» (аварцы, чеченцы, кумыки, г. Хасавюрт).

«Профессиональный тамада появился в последние сравнительно недавно, раньше его роль исполнял кто-либо из родственников или друзей родителей молодых, и их одаривали за услуги» (аварцы, г. Кизилюрт).

«В 90-х гг. тамадой на свадьбах обычно был старший родственник жениха. С 2000-х гг. стали нанимать профессионального тамаду» (табасаранцы, азербайджанцы, г. Дагестанские Огни).

Ни одна дагестанская свадьба не обходится без музыкантов, певцов и танцевальных групп. Если в советское время на свадьбах преобладала музыка на традиционных инструментах (зурна, кларнет, гармонь, аккордеон, барабан, бубен) и лишь изредка приглашались группы, играющие на электромузыкальных инструментах, то в постсоветский период, с появлением индустрии свадебных услуг на это торжество стали приглашать профессиональных музыкантов, певцов и танцоров.

О том, как менялся состав музыкантов, певцов и танцевальных групп, можно выяснить и из материалов наших полевых исследований.

«В 90-х гг. на свадьбах музыканты еще играли на традиционных инструментах – зурне, барабане, гармонии. В 2000-е гг. их вытеснили электромузыкальные инструменты. Тогда же стали нанимать профессиональные ансамбли музыкантов и певцов, коллективы танцоров. На свадьбах исполняются дагестанские, русские и зарубежные («Диско-тека 80-х») музыка, песни и танцы и даже еврейский танец 7.40. У чеченцев исполняются только традиционные песни и танцы» (аварцы, чеченцы, кумыки, г. Хасавюрт).

«Музыкальный и песенный репертуар приглашаемых ансамблей самый разнообразный – дагестанская, русская музыка и песни» (аварцы, г. Кизилюрт).

«У кумыков в 1990–2000-е гг. на свадьбах музыканты еще играли на национальных музыкальных инструментах – аккордеоне, барабане, зурне и скрипке (редко)» (кумыки, г. Кизилюрт).

Немаловажная экономическая сторона свадьбы – денежные подношения гостей, которые в какой-то мере возмещают расходы на ее проведение. Часть этой суммы идет на формирование семейного благосостояния молодой семьи. С советских времен на свадьбе принято дарить деньги в конвертах. Каждый гость в зависимости от степени родства и дружбы кладет в эти конверты определенную сумму денег. Если устроители свадьбы ранее уже были на свадьбах своих гостей, то те обычно дарят им равноценную сумму. «Обычные гости кладут в

конверт 1–2 тыс. руб., верхний предел свадебных взносов зависит от степени родства, а суммы могут достигать до 30 тыс. руб.» [1, с. 195].

О суммах денежных подарков можно узнать и из нашего полевого материала.

«В 90-х гг. на свадьбах гости дарили молодым в конвертах в среднем 200–500 руб., в 2000-е гг. – 1–2 тыс. руб. (аварцы, кумыки, г. Хасавюрт).

«В 90-е годы свадьбы были скромные. В 1995–1999 гг. гости дарили молодым 200–500 руб., в 2000-е гг. в зависимости от степени родства и близости от 1 до 5 тыс. руб., близкие родственники по 30–50 тыс. руб.» (аварцы, г. Кизилюрт).

«В 2010 г. гости дарили 1–2 тыс. руб., близкие родственники по 10–20 тыс. руб.» (табасаранцы, азербайджанцы, г. Дагестанские Огни).

Свадьба – очень важное семейное мероприятие в Дагестане. Достойно женить сына и выдать дочь замуж – дело чести и престижа любого дагестанца, его семьи и тухума. Поэтому подготовку к свадьбе в дагестанских семьях начинают задолго до нее. Для того, чтобы, отказывая себе во многом, на высоком уровне провести свадьбу, родители откладывают деньги, одалживают их у родственников, друзей и знакомых, а зачастую берут в долг под проценты в банке. Расходы на свадьбу складываются из следующих платежей: деньги, которые тратятся при сватовстве на подарки, «чемодан» и ювелирные украшения невесты, ее приданое, аренду банкетного зала, оплату лимузина, продуктов на свадьбу, тамаду, шеф-повара и его бригаду поваров и официантов, музыкантов и танцоров и др. Денежные подарки гостей во многом компенсируют эти расходы. Однако бывает и так, что расходы не окупаются и семье приходится потом выплачивать эти долги. В 90-е годы большинство свадеб были скромные. Со стабилизацией экономического положения в стране с конца 90-х гг. и связанным с этим улучшением благосостояния дагестанской семьи возросли и расходы на свадьбу.

О расходах на свадьбу у родителей молодых можно узнать из нашего полевого материала.

«В 2000–2010 гг. расходы на свадьбу обходились родителям молодых в сумму от 300 тыс. до 1 млн руб.» (аварцы, кумыки г. Хасавюрт и Кизилюрт; табасаранцы, азербайджанцы г. Дагестанские Огни).

Если в советское и первое постсоветское десятилетие, когда свадьбы в большинстве своем проходили под шатрами во дворах домов, готовили блюда для нее в основном родственники, то с появлением в 2000-е гг. банкетных залов пищу стали готовить бригады во главе с шеф-поваром. Часто они являлись служащими банкетного за-

ла, в котором проходила свадьба, но бывали и самостоятельные поварские бригады. С шеф-поваром согласовывают перечень закупаемых продуктов и набор свадебных блюд. Обычно бригада поваров работает совместно с официантами.

О времени появления профессиональных бригад поваров и меню свадебного стола можно узнать из нашего полевого материала.

«С 2000-х гг. на свадьбы стали нанимать бригады профессиональных поваров во главе с шеф-поваром. Продукты закупались на рынке и в специализированных магазинах. С этого же времени на свадьбах был приблизительно одинаковый набор блюд: аварский хинкал (у чеченцев *жигжиг галнаш*), *ботИшчал*, манты, курзе, жаркое из мяса и овощей, жареная курятина, сладкий плов, мясо по-французски и по-арабски, пиццу, мороженое, фондю» (аварцы, чеченцы, кумыки г. Хасавюрт).

– «В 90-е годы, когда большинство свадеб играли под шатрами во дворах домов, пищу для свадебного стола готовили родственники жениха и невесты. В 2000-х гг. появились бригады профессиональных поваров и официантов во главе с шеф-поваром. Продукты на свадьбу закупаются в специализированном магазине «Фаворит». Меню свадебного стола: аварский хинкал из пшеничной и кукурузной муки, тонкие сырно-творожные чуду «*ботИшчал*», пельмени с начинкой из яйца и поджаренных кусочков курдюка и лука, садж, шашлык в лаваше, люля-кебаб и т. п.» (аварцы г. Кизилюрт).

«С 2010 г. кумыкскую халпamu и *къарын* чуду – тонкие пироги с начинкой из ливера на свадьбах стали готовить редко» (кумыки г. Кизилюрт).

«До появления в городе банкетных залов свадьбы проводили во дворах домов или в школьных столовых. Там обычно пищу готовили родственники жениха и невесты, но руководил процессом нанятый шеф-повар» (табасаранцы, азербайджанцы, г. Дагестанские Огни).

Спецэффекты (светомузыка, тяжелый дым, мыльные пузыри, стрельба из пушки конфетти, фейерверк, салют, искусственный снег, огненные водопады, шоколадный фонтан, дорожка из фонтанов и др.) делают свадьбу яркой и запоминающейся. Как это видно из полевого материала, в основном спецэффекты стали применять с 2000-х гг.

«С 2008 г. на свадьбах стали применять спецэффекты (гелиевые шарики, тяжелый дым, стрельба конфетти из пушки, бенгальские огни)» (аварцы, чеченцы, кумыки, г. Хасавюрт).

«С 2003 г. на свадьбах в банкетных залах стали стелить ковровую дорожку и применять спецэффекты – искусственный снег, фейерверк, тяжелый дым, конфетти» (аварцы, кумыки г. Кизилюрт).

«Спецэффекты в банкетных залах стали применять с 2005 г.» (табасаранцы, азербайджанцы г. Дербент).

Одним из кульминационных моментов свадьбы является танец жениха и невесты. Обычно он бывает в середине свадьбы и ближе к ее концу, перед тем как молодые покинут гостей свадьбы. Молодожены танцуют национальный медленный танец, а родственники и друзья жениха бросают на невесту деньги, которые поступают в ее распоряжение. Иногда после этого танца друзья жениха подбрасывают его вверх.

Танец жениха и невесты в различных городах Дагестана описывается в нашем полевом материале.

«В 2000-х гг. в середине свадьбы жених и невеста исполняли национальный танец, в ходе которого родственники и друзья жениха осыпали ее 200–500-рублевыми купюрами. После этого танца друзья жениха часто подбрасывали его вверх. У чеченцев жених и невеста вместе не танцуют» (аварцы, чеченцы, кумыки, г. Хасавюрт).

«В середине свадьбы молодых приглашали на национальный танец, во время которого родственники и друзья жениха осыпали невесту 200–500-рублевыми купюрами. Нередко после этого танца друзья жениха подбрасывали его вверх» (аварцы, кумыки г. Кизилюрт).

«В 2000-е гг. незадолго до ухода из банкетного зала жених и невеста танцуют. Во время их танца невесту осыпали 200–500-рублевыми купюрами и больше» (табасаранцы, азербайджанцы г. Дагестанские Огни).

Одним из новых элементов торжества является свадебная арка. Это один из наиболее часто используемых атрибутов во время выездной церемонии венчания и фотосессии. Свадебные арки закрепились не во всех городах. В Хасавюрте свадебная арка появилась в 2008 г. Она устанавливалась у входа в банкетный зал» (аварцы, чеченцы, кумыки г. Хасавюрт).

Среди новых обычаев городской свадебной обрядности горожан Дагестана в последние десятилетия можно отметить ритуал бросания невестой букета. Традиция пришла к нам из Америки и стала одним из эмоциональных обычаев современного свадебного торжества. Считается, что невеста вместе со своим букетом передает незамужним подругам частичку своего счастья, а словившая его девушка в скором времени непременно выйдет замуж. В соответствии со стандартным обычаем невеста должна стать спиной к незамужним девушкам и, не оглядываясь, бросить букет назад. Самая быстрая и удачливая подруга должна сохранить пойманный букет подольше, чтобы сбылась примета.

«Невеста стала бросать букет у кумыков Хасавюрта с 2013 г.» (кумыки г. Хасавюрт).

«Букет невеста стала бросать на свадьбах с 2008 г., хотя единичные случаи были в 90-е и последующие годы» (аварцы, г. Кизилюрт).

Обычай приготовления молодой женой хинкала для друзей мужа на следующее после первой брачной ночи утро относится к числу устойчивых традиционных свадебных ритуалов и в городских условиях. Устраивается угощение и для тех, кто помогал в организации и проведении свадьбы. У народностей Южного Дагестана этого обычая нет.

«У аварцев и даргинцев-цудахарцев (с. Куппа) невеста готовит друзьям жениха аварский хинкал, у русских и кумыков – кумыкский хинкал, у гунибских аварцев – курзе. Невесту заставляли раскатывать тесто карандашом или бутылкой» (аварцы, даргинцы, кумыки, русские г. Хасавюрт).

«На следующий после первой брачной ночи день невеста по традиции готовит хинкал для друзей жениха. Ее умение приготовить это блюдо проверяют, усложняя – требуется нарезать тесто на хинкал топором, а раскатать его – бутылкой» (аварцы г. Кизилюрт).

Завершают послесвадебные обряды визиты новобрачных к родителям невесты, приглашение молодых родственниками обеих сторон. Обычно во время таких визитов молодых одаривают деньгами и предметами домашнего быта.

Особенности проявления послесвадебных гостевых визитов можно проследить и на материалах наших полевых исследований.

«На следующее после свадьбы утро родители и близкие родственники жениха в соответствии с обычаем *рорчлами кьезе* («утреннее приветствие») поздравляют невестку со свадьбой и с тем, что она стала членом их семьи и одаривают ее деньгами и подарками. Через несколько дней после свадьбы молодых приглашают в гости родственники обеих сторон, где одаривают деньгами и другими подарками» (аварцы, г. Хасавюрт).

«На второй день свадьбы сторона жениха приглашает в гости родителей невесты. Через неделю после свадьбы молодожены едут с ответным визитом к родителям невесты. В течение 2–3 месяцев после свадьбы молодых приглашают в гости их родственники и дарят деньги, комплекты постельного белья, посуду, бытовую технику, ювелирные украшения (кольцо, браслет, цепочку)» (аварцы, г. Кизилюрт).

«У азербайджанцев родители невестки приглашают в гости молодых, родителей и родственников жениха через неделю после свадьбы. Затем молодых приглашают в гости родственники обеих сторон и дарят им деньги, золотые украшения, посуду, бытовую технику» (азербайджанцы, г. Дагестанские Огни).

Послесвадебные взаимные визиты родителей молодоженов, а также приглашение новобрачных в гости родственниками обеих сторон призваны закрепить родственные отношения между новыми род-

ственниками, социализировать молодых в новой родственной среде, оказать материальную помощь молодой семье.

Взаимоотношения невестки со старшими родственниками ее мужа (свекор, деверь) относятся к числу сохранившихся до нашего времени [11, с. 73–75] послесвадебных избеганий и этикета, прекращаемых только после обрядовых снятий запретов [12, с. 54]. В современной городской свадебной обрядности этот обычай наблюдается только у тюркских народностей и чеченцев Дагестана.

«У кумыков в 1999 г. (у чеченцев – и в более позднее время) еще бытовал обряд «развязывание языка невесты». Во время свадьбы ей предлагали воду. Невеста угощала этой водой свекра и деверя, за что те дарили ей подарки. У кумыков раньше этот обряд проводился ночью дома, а у чеченцев – в банкетном зале. С этого момента она могла свободно общаться с родственниками мужа. У кумыков невеста на второй или третий день свадьбы отправлялась домой к своим родителям. Она ночевала у себя дома. Затем сторона ее мужа приглашала невестку и ее родителей в гости. С этого дня родители мужа называли ее своей дочерью» (кумыки, чеченцы г. Хасавюрт).

«Невестка начинает разговаривать со свекром и деверями на 2–3-й день после свадьбы. На 2-й день свадьбы проводится обряд «узачан» («открытие лица невесты»). После открытия лица невестки ее родственники приглашаются в гости стороной жениха. Родители невестки приходят в гости со сладостями. В последние годы невеста уже на свадьбе сидит с открытым лицом, но обряд все равно проводится» (аварцы, чеченцы г. Дагестанские Огни).

У кумыков, азербайджанцев и чеченцев в послесвадебной обрядности сохраняются относящиеся к этикету рудименты избеганий невестки со старшими мужскими родственниками мужа.

С середины 1960-х гг. в основном в городской среде было модным и престижным совершать свадебное путешествие в Москву, Ленинград, Прибалтику. В настоящее время новобрачные отправляются в ставшие популярными места отдыха в Грецию, Египет, Турцию [5, с. 325–326].

«С 2005 г. молодые отправляются в свадебное путешествие в Турцию, ОАЭ, Тунис» (аварцы, чеченцы, кумыки г. Хасавюрт).

«В 80-е годы в свадебное путешествие обычно ездили в Москву и Ленинград. Теперь молодые отправляются в Турцию, ОАЭ, на Мальдивы» (аварцы г. Кизилюрт).

«В свадебное путешествие молодожены стали отправляться с 2010 г. В основном едут в Турцию, ОАЭ, Египет» (азербайджанцы г. Дагестанские Огни).

«Сейчас, к сожалению, характерное для традиционной свадьбы гармоничное соединение песни, танца и обряда, превращающее ее в

красочное действо, почти разрушено. Люди старшего поколения хотят видеть невесту и жениха в национальных свадебных нарядах. Современная городская дагестанская свадьба не представляет собой того красочного театрализованного фольклорно-обрядового действия, какой она была 30–40 лет назад. Многие этапы свадьбы, обрядовые действия, свадебные «чины», «шахи», «ханы», ряженые и другие персонажи свадебного торжества исчезли. Особенно активно этот процесс идет с конца XX – начала XXI в. Это коснулось не только городских, но и сельских жителей» [2, с. 71–72].

В обществе доминируют не соответствующие национальным традициям установки об успешности, престиже, материальном благополучии [1, с. 196]. Расходы на свадьбу растут из года в год; при этом значительная часть семей вынуждена брать деньги в долг, чтобы провести свадебные торжества на должном уровне [2, с. 71].

Наблюдающийся с начала 2000-х гг. рост расходов на свадьбу связан с повышением качества жизни большинства дагестанских семей, изменением их ценностных установок, соображениями престижа.

В 2010–2012 гг. лучше сохранились традиционные свадебные элементы в г. Дербент, Дагестанские Огни, Избербаш, Кизилюрт и Хасавюрт [1, с. 197]. Больше всего свадебных инноваций в Махачкале, Каспийске и Кизляре, что можно объяснить столичным статусом Махачкалы и преобладанием в этих городах русского населения.

Анализ полевых исследований позволяет сделать вывод о разной степени трансформации компонентов семейно-бытовых обрядов, сохранности в них традиционных элементов, внедрения и закрепления инноваций у горожан различных по этническому составу городов. В Махачкале внедрение инноваций и трансформационные процессы в семейной обрядности проходят более интенсивно, а в провинциальных городах (г. Хасавюрт, Кизилюрт, Дагестанские Огни), где сильны традиции, они закрепляются в культуре с некоторым опозданием. Близость сельских районов и непрекращающаяся миграция горцев в города с трансляцией их культуры на новом месте проживания также вносит определенный колорит в семейно-бытовую обрядность. Как справедливо отмечают исследователи, «развитие бытовой культуры происходит в постоянном взаимодействии традиционных, новых и смешанных форм. В этом сложном процессе традиции, как правило, постепенно трансформируются (или совсем исчезают из быта народа), а инновации, обычно через компромиссные формы, превращаются в традиции» [3, с. 4].

Изучение такой свадебной обрядности у горожан г. Хасавюрт, Кизилюрт, Дагестанские Огни в 2000–2010 гг. позволяет сделать некоторые выводы и обобщения. Современная городская свадьба представляет собой синтез традиционных и новых обрядов и обычаев, ко-

торые гармонично сосуществуют, придавая ей особый шарм и колорит.

К числу сохранившихся традиционных элементов следует отнести:

- структуру свадьбы, деление ее на предсвадебные, свадебные и послесвадебные обряды;

- основные этапы предсвадебных обрядов, состав их участников, процедуру сговора, сватовства и обручения, размеры свадебных подношений жениха невесте и дарообмена обеих сторон;

- эндогамный круг, репутацию, мнение родителей, религиозность, скромность, непорочность;

- предпочтительность для юноши наличия образования, профессии, работы и жилья;

- в брачном выборе аварцев, даргинцев-цудахарцев, средних и северных кумыков г. Хасавюрт и Кизилюрт все еще играет важную роль такой институт патриархально-родового и феодального общества, как сословная принадлежность избираемого партнера;

- в вопросах брачного выбора горожане аварской и даргинской национальности г. Хасавюрт и Кизилюрт отличаются большей консервативностью и религиозностью, чем другие народности Дагестана, в их среде не приветствуется публичность в общении между юношей и девушкой в добрачном ухаживании;

- усиление религиозного фактора, проявляющегося при выборе брачного партнера (как одно из условий – обязательность соблюдения норм и предписаний ислама, мусульманский «дресс-код»), перехода в ислам иноверцев при их вступлении в брак с мусульманином, в обязательности религиозного оформления брака («магьар», «никягь»), распространении свадебных мавлидов, тенденции к ограничению или отказа от спиртного на свадебных столах;

- свадьбы трех видов: со спиртным, без спиртного и свадебные мавлиды;

- сохранение традиционного состава сопровождающих невесту и жениха наставников, родственников и друзей;

- обычай стрельбы в воздух в момент выхода жениха и невесты из лимузина перед их входом в банкетный зал;

- традиционный музыкальный, песенный и танцевальный репертуар городской дагестанской свадьбы, хотя в нем присутствуют музыка, песни и танцы русской и зарубежной эстрады;

- сумма денежных подношений гостей свадьбы в городах Дагестана примерно одинакова и зависит от степени родства и дружбы с женихом и невестой;

- одна из устойчивых традиций городской свадьбы – танец жениха и невесты;

– обычай приготовления молодой женой хинкала для друзей мужа на следующее после первой брачной ночи утро;

– послесвадебные взаимные визиты родителей молодоженов, приглашение новобрачных в гости родственниками обеих сторон;

– в послесвадебной обрядности кумыков и чеченцев г. Хасавюрт и Кизилюрт, азербайджанцев г. Дагестанские Огни сохраняется этикетное избегание невесткой старших родственников мужа.

К новым элементам свадьбы следует отнести:

– знакомство и добрачное общение юноши и девушки через социальные сети Интернета;

– возрастание пределов свадебного дарообмена сторон жениха и невесты, связанное с соображениями престижа, изменением стандартов качества жизни и повышения материального благосостояния населения;

– проведение большинства свадеб с 2000-х гг. в банкетных залах и нередко – совместных свадеб жениха и невесты;

– появление на свадьбе профессионального тамады, певцов, артистов, музыкальных, песенных и танцевальных коллективов, исполняющих (нередко под фонограмму) песни под музыку на современных электромузыкальных инструментах и вытеснивших такие же группы, игравшие в 80–90-х гг. в основном на традиционных для Дагестана музыкальных инструментах;

– осуществление профессиональными фотографами и видеографами фото- и видеосъемок семейного торжества;

– появление с начала 2000-х гг. на свадьбах шеф-повара с бригадой поваров и официантов, хотя их нанимали и в 80–90-е гг., когда шеф-повар руководил процессом приготовления свадебных блюд родственниками жениха и невесты;

– широкий ассортимент свадебных спецэффектов в банкетном зале;

– аренда свадебных платьев в специализированных салонах;

– появление свадебной арки, используемой на выездной церемонии венчания и фотосессии;

– появление обычая бросания невестой букета.

Таким образом, в исследуемое время свадебная обрядность горожан Дагестана представляла собой синтез традиций и инноваций, связанных с происходившими в стране социально-экономическими и культурными изменениями. Большое влияние на них оказали процессы глобализации, а также относительная стабилизация экономики и повседневного быта после «либеральных реформ» 90-х гг. Бытующие в современной свадебной обрядности горожан Дагестана многочисленные традиционные элементы вселяют определенную уверенность в сохранении их этнической и культурной идентичности в эпоху глобализации.

Литература

1. *Алимова Б.М., Мусаева М.К., Магомедханов М.М.* Современная дагестанская городская свадьба // *Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде.* – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 176–205.
2. *Алимова Б.М., Ибрагимов М.-Р.А.* Новые тенденции в развитии семейной обрядности народов Дагестана // *Вестник Института истории.* – 2016. – № 2. – С. 69–79.
3. *Халидова О.Б., Сефербеков Р.И.* Процессы реисламизации в постсоветском Дагестане: проблемы и особенности (первая половина 1990-х гг.) // *Вестник Кемеровского государственного университета.* – 2018. – № 3. – С. 64–69.
4. *Зульпукарова Э.М.-Г., Сефербеков Р.И.* Особенности мусульманского дресс-кода городской молодежи Дагестана (на примере студентов Дагестанского государственного университета) // *История, археология и этнография Кавказа.* – 2018. – Т. 14, № 1. – С. 81–86.
5. Свадьбы в Дагестане: традиции утрачены, а стрельба наводит на подозрения // Сайт «РИА Новости». – Режим доступа: <https://ria.ru/20121003/765368431.html> (дата обращения: 03.10.2012).
6. *Омаров И.И., Сефербеков Р.И.* Брак и свадебные обряды даргинцев-цудухарцев сел. Куппа. – Махачкала, 1999. – 24 с.
7. *Алигаджиева З.А.* Современная свадебная обрядность аварцев: традиции и инновации. – Махачкала, 2015. – 210 с.
8. *Краснов О.* Антропологи рассказали, как традиция стрельбы на кавказских свадьбах стала эпатажем // Сайт «Кавказский Узел». – Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/324021/> (дата обращения: 10.08.2018).
9. *Алнаут Р.* Свадебная индустрия меняет кавказцев? // Сайт «Кавказ. Реалии. – Режим доступа: <https://www.kavkazr.com/a/svadebnaya-industriya-menyayet-kavkaztsev/28454816.html> (дата обращения: 28.04.2017).
10. *Алигаджиева З.А.* Обычай избегания в традиционной и современной свадебной обрядности аварцев // *Теория и практика общественного развития.* – 2015. – № 2. – С. 73–75.
11. *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1985. – 360 с.
12. *Варданян Л.* Оформление брака у армян в условиях современного общества // Межд. научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»: сб. кратких содержаний докладов. Тбилиси–Гори–Батуми, 27–30 сентября 2010 г. – Тбилиси, 2011. – С. 325–326.

2. Обряды, связанные с рождением ребенка

Традиционная семейная обрядность и этнография детства у народов Дагестана и Северного Кавказа достаточно хорошо изучены исследователями [13; 17; 35]. Их неотъемлемой частью являются обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка [3, с. 55–72; 15, с. 106–116; 16; 33, с. 18–19; 36, с. 35–42]. В какой-то мере они исследованы и применительно к советскому времени [10, с. 160–175; 12]. Однако обряды, связанные с рождением ребенка у горожан, Дагестана практически не изучены. Наше исследование, основанное на собранном в последние годы в городах Дагестана полевом материале и направленное на выяснение влияния ислама на обрядность, а также степени сохранности традиционных элементов и внедрения инноваций, в какой-то мере восполняет этот пробел.

По сложившейся на Кавказе традиции рождение сына, как продолжателя тухума, считается и теперь желанным для многих отцов, особенно если это первенец или в семье до этого рождались одни девочки. В наше время рождение девочки не воспринимается так болезненно, как это было в прошлом, но рождение сына остается желанным у большинства отцов. Иногда, когда в семье рождаются только девочки, их родители ходят на зидраты [28, с. 7], где в молитвах просят Всевышнего послать им сына. Авары г. Кизилюрта в этом случае посещают популярную у народов Северо-Западного Дагестана гору Ахульго близ с. Ашильта Унцукульского района Дагестана, где в годы Кавказской войны была одна из главных битв горцев Дагестана и Чечни с царскими войсками и находятся захоронения павших за веру шахидов [7, с. 296–297]. Проживающие в различных городах (особенно в г. Дербент и Дагестанские Огни) представители лезгинской этноязыковой общности с этой целью посещают пир [1] на могиле святого – шейха Сулеймана, находящийся у дороги на почитаемую в Южном Дагестане гору Шалбуздаг [14, с. 76–83].

Традиция торжественной выписки матери и новорожденного из роддома зародилась еще в советское время. Роженицу и ее красиво укутанного в одеяльце ребенка у дверей роддома встречал с букетом цветов отец ребенка. Для их доставки домой заказывалось такси или автомобиль родственников и друзей. Дома по этому поводу устраивалось торжественное угощение. Этот обычай с некоторыми инновациями сохранился и в постсоветское время. Как и прежде, мать и новорожденного сейчас торжественно встречают у дверей роддома отец ребенка и близкие родственники и друзья. При этом нередко заказывается лимузин, производится фото- и видеосъемка события, организовывается угощение для родных и близких дома, в кафе или ресторане.

Азербайджанцы г. Дербента сразу же после выписки роженицы из роддома домой, в соответствии с обычаем *гуймаг еен* («кашу кушать»), угощают ее особой сладкой мучной кашей *гуймаг*, аварцы городов Хасавюрт, Кизилюрт, Буйнакск, Кизляр – сваренной на бульоне из кураги мучной кашей «курак карш», а большинство горожан Дагестана – мучной кашей с топленным маслом, медом и урбечом.

Один из важных родильных ритуалов – укладывание ребенка в люльку. В традиционном Дагестане ребенка укладывали в горскую люльку, туго перетягивали лентами, чтобы зафиксировать его тело. В люльке был предусмотрен специальный сток для отвода мочи ребенка. По мнению горцев, такая люлька более предпочтительна для здоровья ребенка, так как она способствует правильной его осанке. Однако в советское время большое распространение получила детская кроватка, в которой ребенок не перетягивался лентами, а лежал свободно, что, по мнению детских врачей, психологов и воспитателей, более благотворно отражается на его здоровье.

Несмотря на массовое распространение в городах в советское и постсоветское время детских кроваток, там все еще немало приверженцев традиционных горских люлек. Например, часть аварцев г. Махачкала, Каспийск, Буйнакск, Хасавюрт продолжает укладывать своих младенцев в традиционные люльки *кини*, кумыков г. Буйнакск, Кизилюрт – в люльки *бешик*, чеченцев г. Хасавюрт – люльки *ага*.

Проживающие в г. Махачкала даргинцы-акушинцы укладывают ребенка в люльку *тахъа*. По этому случаю устраивается традиционное празднество – *тахъала мехъ* («праздник люльки»): бабушка ребенка со стороны матери с большой группой родственников приходит в гости к новорожденному, где их уже поджидает сторона отца ребенка с его родней. Родственники матери ребенка одаривают ребенка комплектами детской одежды и обуви, а также деньгами (1–2 тыс. руб.). Мать ребенка также получает от своих родственников дорогие подарки – золотые браслеты и кольца, а также деньги (от 30 до 100 тыс. руб.). Отцу ребенка дарят дорогой костюм.

Традиционно мавлид устраивался по случаю дня рождения пророка Мухаммеда [29, с. 163]. Однако в Дагестане мавлиды устраиваются и по случаю постройки дома и покупки новой квартиры, приезда сына из армии, свадьбы и рождения ребенка. У одних народностей Дагестана мавлид по случаю рождения и наречения ребенка проводится через неделю после его выписки вместе с матерью из роддома, у других – через месяц, у третьих – через 40 дней. У лакцев г. Махачкала в соответствии с обычаем *ниттичлан* («к матери») маму с новорожденным ребенком из роддома забирают на 40 дней к себе домой ее родители. На 40-й день по случаю рождения ребенка устраивается мавлид.

Важным событием в семейной обрядности народов Дагестана и Северного Кавказа является наречение ребенка [5, с. 273–278]. С усилением позиций ислама в постсоветское время в городах Дагестана [4] и Северного Кавказа [31] принято давать в основном мусульманские имена. Популярных в советское время интернациональных имен почти никто нет. Имя ребенку дается сразу же после его рождения в роддоме или в первые семь дней после этого события, «пока имя ему не дал шайтан». Мулла, отец или дедушка ребенка произносит имя ребенку ему в ухо. У мусульман Дагестана в последние десятилетия популярны в основном исламские мужские и женские имена: Мухаммад (в честь Пророка) [21, с. 178–182], Абубакр (в честь первого праведного халифа) [8, с. 8–9], Али (в честь двоюродного брата и зятя пророка Мухаммада) [25, с. 18–19], Абдурахман, Абдулла, Сайпула, Саид, Рустам, Хабиб, Ахмад, Шамиль, Халид, Ислам, Мавлет; Хадижа (в честь первой жены пророка Мухаммада) [23, с. 261–262], Фатима (в честь дочери пророка) [30, с. 253], Ясмينا, Сафия, Амина, Алия, Асия, Аиша. У азербайджанцев г. Дербент популярны следующие имена: Мухаммад, Али, Хасан (в честь старшего сына Али и Фатимы, внука пророка Мухаммада) [26, с. 276], Хусейн (в честь младшего сына Али и Фатимы, внука пророка Мухаммада) [27, с. 285], Джамал, Надыр; Айна, Айшат, Зейнаб, Хадижа, Фатима, Кемаля, Эмира, Сафия, Сунаханым.

Табасаранцы из г. Каспийска, в семье у которых было три дочери, очень хотели сына. Они совершили в 2018 г. паломничество к пиру на могиле шейха Сулеймана и на гору Шалбуздаг, где дали обет Всевышнему, что в случае рождения у них сына они назовут его Мухаммадом в честь Пророка. Вскоре у них родился сын, которого они назвали Мухаммадом.

У аварцев г. Каспийска во время мавлида по случаю наречения ребенка сохраняется обычай обмазывать лоб младенца сажеей для того, чтобы уберечь его от сглаза.

По исламским установлениям, на седьмой день после рождения ребенка желательнее произвести обрезание и сбрить утробные волосы. По случаю бритья утробных волос закалывается жертвенное животное *гЛакъикъ* (неправильно называемое в народе *хЛакъикъат*): при рождении мальчика режутся два барана, а при рождении девочки – один.. Варить мясо этих баранов нужно целиком, не ломая кости. Мясо желательнее подавать к столу со сладостями. Одну барана рекомендуется отдавать повивальной бабке.

Обычно стрижет волосы ребенку его отец, а держит его на руках во время этой процедуры – мать младенца. У лакцев г. Махачкала ребенка могут постричь и бабушки по отцовской и материнской линии.

У чеченцев г. Хасавюрт ребенка бреет дядя жены, а у кумыков – дядя отца.

Сбритые волосы, состриженные ногти и крайнюю плоть ребенка после обрезания не выбрасывают, а хранят дома в укромном месте. По случаю сбривания утробных волос, мать ребенка раздает сладости соседям.

Некоторые городские семьи все еще соблюдают старинные обычаи сбривания у ребенка утробных волос: их взвешивают, уравновешивая по весу золотом или серебром. По стоимости этих драгоценных металлов покупают сладости и раздают их как садакъя [6, с. 202].

Несмотря на предписания ислама, горожане Дагестана стригут утробные волосы ребенку в различные сроки: сразу же после выписки из роддома (аварцы г. Кизляр), на 7-й день его рождения (аварцы г. Хасавюрт и Каспийск; чеченцы и кумыки г. Хасавюрт), через две недели после рождения (лакцы г. Махачкала), на 40-й день (аварцы г. Кизилюрт; даргинцы г. Махачкала), в первую пятницу по окончании 40 дней после его рождения (аварцы г. Махачкала).

Появление первого зуба и выпадение молочных зубов – также знаменательные события в жизни ребенка. Если первое событие традиционно обставлялось обрядами, то второе отмечалось скромнее. Например, у табасаранцев «тот, кто первым увидел прорезавшийся зуб, должен был сразу же порвать рубашонку (от груди до пояса) ребенка, а затем, вывернув ее наизнанку, зашить и надеть снова. Этот же человек дарил ребенку новую одежду. Видимо, этот обычай был направлен на то, чтобы магическим путем «помочь» ребенку преодолеть болезненный процесс и стимулировать появление новых зубов» [10, с. 167–168]. У аварцев при появлении у ребенка первого зуба варили пшеницу, кукурузу и горох с жиром и раздавали на улице встречным. Первый выпавший зуб они бросали в мышиную норку со словами: «Чтобы зубы были острые, как у мыши!» [2, с. 92].

Обычай выбрасывать выпадающие у ребенка молочные зубы с известными приемами и произнесением определенных формул встречается у многих народов мира. У русских и западноевропейских народов выпавший зуб перебрасывали через голову назад, а затем бросали его в огонь или в угол [37, с. 163–164].

По установившейся в Дагестане традиции при появлении первого зуба у ребенка варили ритуальное злаково-бобовое блюдо с сушеным мясом, им угощали пришедших на торжество гостей и раздавали его соседям и родственникам. Эта традиция сохранилась и в современном городе: аварцы г. Махачкала и Буйнакск варят и раздают варево *мугь*, лакцы г. Махачкала – варево *хьхьахьхьари*, а также мучную халву *курч*, кумыки г. Буйнакск и Хасавюрт и даргинцы г. Буйнакск – варево *шабши*. У азербайджанцев г. Дербент тот, кто первым увидит

появившийся молочный зуб ребенка, покупает и дарит ему новую одежду красного цвета. По этому случаю варится злаково-бобовое блюдо *хадиг*.

Определенные обряды выполняются при выпадении первого молочного зуба. Например, даргинцы г. Избербаш еще в начале 90-х гг. XX в., по традиции, забрасывали этот зуб на крышу своего дома и раздавали по этому случаю сладости родственникам и соседям. Впрочем, под влиянием глобализации с 2000-х гг. по настоящее время среди определенной части горожан столицы Дагестана получил популярность традиционный для англоязычных стран сказочный персонаж Зубная фея, которая давала ребенку небольшую сумму денег или подарок вместо выпавшего и положенного под подушку молочного зуба. В Махачкале дети, у которых выпал молочный зуб, называют своим родителям желанный подарок, который они хотели бы получить от Зубной феи взамен выпавшего зуба. Родители приобретают этот подарок и кладут его под подушку или у изголовья ребенка, который и обнаруживает его утром.

Обрезание является, по мнению некоторых исламских богословов, одним из близких к обязательному (ваджиб), по мнению других – желательным (мустахаб) обрядом. Так или иначе это является частью сунны пророка Мухаммада [22, с. 214]. Обязательной даты обрезания не существует, но желательно совершить его в раннем детстве. По мнению исламских богословов, наиболее предпочтительным является седьмой день после рождения ребёнка, так как сам пророк Мухаммад совершил обрезание своих внуков – Хасана и Хусейна – в этот день. Имамы Шафиитского масхаба рассматривают обрезание как обязательное действие для всех мусульман [18].

В советское время в Дагестане эту процедуру обычно выполняли пожилые мужчины («сунатата»), которые ходили по улицам городов и предлагали свои услуги. В постсоветское время обрезание за плату производит детский хирург (часто в медицинском учреждении). Сроки проведения обрезания варьируются в пределах от 1 недели до 3 лет. Это событие в жизни мальчика-мусульманина считается важным, и по этому случаю, его родители устраивают торжественное угощение или мавлид и раздают садака. Виновнику торжества дарят деньги и игрушки.

Одним из важных событий в жизни ребенка были его первые шаги, которые обставлялись определенными обрядами. Например, у аварцев, когда ребенок вставал на ноги, пекли тонкие лепешки (иногда в рост малыша), смазывали их халвой и раздавали соседям [2, с. 92]. Схожие обряды при первых шагах ребенка существовали и у других народов Северного Кавказа [35, с. 72].

В постсоветский период в городах Дагестана первые шаги ребенка обычно отмечают семейным праздником, в ходе которого проводятся древние обряды. Даргинцы г. Избербаш специально для этого события пекут из муки в смеси с молоком или кефиром и яйцами три лепешки *хИулруме* («колеса»). Эти лепешки прокатывают меж ног ребенка, а затем вместе со сладостями раздают родственникам и соседям. Аварцы г. Буйнакс и Кизилюрт вплоть до 2000-х гг. пропускали меж ног ребенка чурек, а затем, разломав его на куски, раздавали соседям. Кумыки г. Кизилюрт в начале 90-х годов XX в., если ребенок не начинал вовремя ходить, проводили обряд «перерезать веревку». У русских г. Кизляр при первых шагах ребенка его родными устраивается угощение, на которое приглашают крестных, родственников и друзей. Крестная мать символически режет ножницами (иногда их имитируют двумя пальцами) «путы», якобы связывающие ноги ребенка.

Обычай праздновать дни рождения детей в традиционном Дагестане не существовало, т. к. мусульмане этот день не отмечают. Однако в советское послевоенное время, видимо, под влиянием русских этот обычай внедрился в быт городского населения. Несмотря на усиление влияния исламской религии, этот обычай сохранился и в постсоветское время. Для именинника и его друзей накрывается праздничный стол с тортом, другими сладостями и фруктами. Естественно, виновнику торжества дарят подарки. В последние 10 лет дни рождения часто отмечают в кафе.

В связи с усилением влияния мусульманской религии Новый год частью горожан Дагестана, считающих этот праздник неискламским, не отмечается.

Рудименты древних верований и ритуалов в обрядах, связанных с рождением и воспитанием ребенка, были предметом всестороннего исследования дагестанских этнографов [9; 11; 34, с. 132–139]. Несмотря на влияние глобализации, они бытуют в сельской местности и городах Дагестана и в настоящее время [32, с. 378–383]. Это объясняется устойчивостью традиционных верований и особенностями менталитета дагестанцев. Соблюдение традиционных ритуалов и запретов, применение оберегов, объясняется необходимостью предохранения детей от порчи, сглаза и козней джиннов и шайтана [19, с. 66; 20, с. 81–82; 24, с. 289].

К числу обрядов и запретов можно отнести следующие. До исполнения ребенку 40 дней его никому из посторонних не показывают и на улицу не выносят. Если все же была необходимость выйти с ребенком на улицу (особенно вечером), ему в пеленки как оберег клали кусочек хлеба. Ребенка в зеркало не показывают. Для защиты ребенка от сглаза и козней шайтана и для того, чтобы он не пугался во сне, под его подушку в люльке кладут серебряные монеты, нож (мальчику) или

ножницы (девочке), маленький Коран, амулет в виде треугольного кожаного футляра (*сабаб*, *хИайкал*), вовнутрь которого помещают аяты из Корана. У аварцев г. Буйнакск аяты из Корана для этого амулета пишет мужчина, а помещает его в треугольный кожаный футляр – девственница.

Аварцы г. Махачкалы, даргинцы г. Избербаш, азербайджанцы г. Дербент до исполнения ребенку 40 дней в комнату, где он находится, не вносят сырое мясо, и к нему не допускают людей, бывших до этого на кладбище.

Аварцы г. Каспийск для того, чтобы уберечь ребенка от сглаза и злых духов, пришивают к левому плечу на его одежде прутик айвы или амулет (*сабаб*) в виде треугольника из кожи, внутри которого находится листочек с аятами из Корана.

Даргинцы г. Избербаш для того, чтобы ребенка не сглазили, кладут у его изголовья стакан с водой, куда опускается сырое яйцо. Спустя 40 дней яйцо меняют на новое. Для того чтобы пришедшие в дом гости не сглазили ребенка, его лоб и щеки мажут сажей или глиной.

Лакцы г. Махачкала для защиты ребенка от сглаза и козней шайтана мажут его лоб сажей, на чепчик прикрепляют булавку с бусинкой, а перед сном читают ему вслух молитвы. Вывешенные на веревке для сушки пеленки вечером обязательно снимают и заносят домой, т. к. в противном случае ими якобы может завладеть шайтан.

Аварцы г. Буйнакск для защиты ребенка от сглаза и нечистой силы прикалывают к его одежде серебряную булавку, навязывают на его запястье нитку, в которую вдет бусинка. Кожаный амулет в виде треугольника (*хИайкал*), в который помещен листочек с аятами из Корана, прикрепляют к люльке ребенка или надевают на шею младенца.

Аварцы г. Кизилорт сразу же после рождения ребенка мажут сажей между его бровями. Для защиты младенца от шайтана у изголовья люльки кладут маленький Коран, а под подушку – спички, хлеб, нож (мальчику) или ножницы (девочке), привешивают ему на шею или прикалывают булавкой к левому плечу на его одежде амулет *хИайкал* (у кумыков он называется *битык*).

У чеченцев г. Хасавюрт детей на улицу не выносят до того, как мальчику не исполнится 40 дней, а девочке – 35. В качестве оберега от сглаза к шапке или одежде ребенка булавкой прикалывают треугольный амулет *сабаб*, а на запястье навязывают бусинку или красную нитку.

Азербайджанцы г. Дербент для защиты ребенка от сглаза и козней нечистой силы в качестве оберегов используют булавку и амулет в форме маленькой руки («рука Фатимы»), которые прикалывают к одежде ребенка.

Итак, в Новейшее время в семейно-бытовой обрядности горожан Дагестана все еще бытуют традиционные верования, являющиеся синтезом домотеистических и исламских поверий и табу. Они направлены на защиту ребенка от сглаза и козней нечистой силы. Их бытование в городе в начале XXI века объясняется устойчивостью самих традиционных верований и особенностями менталитета дагестанцев.

Исследование связанных с рождением ребенка обрядов у горожан Дагестана показало, что они представляют собой причудливую смесь старых традиций и новых обычаев. Рождение ребенка (особенно сына) остается важным и желанным событием для дагестанской семьи. Торжественная встреча матери и новорожденного знаменуется проведением мавлида и угощением в кругу их родных и близких. Матери ребенка сразу же после выписки из роддома дают попробовать быстро восстанавливающие силы и укрепляющие здоровье традиционное блюдо (обычно – мучная каша с топленным маслом, медом и урбечом). У части горожан все еще популярна традиционная горская люлька, при укладывании в которую также проводятся особые обряды. Мавлид проводится не только по случаю рождения ребенка, но и при наречении его именем. Значимым является обряд стрижки у ребенка утробных волос и принесения по этому случаю в жертву животного – *гакъикъ*. Остаются важными ритуалы обрезания мальчиков, появления первого зуба и выпадения молочных зубов, первые шаги ребенка.

В начале XXI века у горожан Дагестана все еще бытуют традиционные (синкретические) верования, направленные на защиту ребенка от сглаза и козней нечистые силы. Устойчивость традиционных верований в эпоху глобализации объясняется особенностями менталитета дагестанцев. Следует отметить возрастание в постсоветский период влияния мусульманской религии на семейно-бытовую обрядность, в частности на родильные обряды.

В советское и постсоветское время появились новые обряды. Некоторые советские инновации с течением времени закрепились в семейном быту и стали устойчивыми традициями. Рождение дочери сейчас так же желанно, как и рождение сына. Бытует торжественный ритуал встречи матери и ее ребенка при их выписке из роддома. Он фиксируется на фотоаппарат и видеокамеру. Этот обряд обставляется сейчас более красочно и торжественно, чем прежде. Влияние глобализации ощущается появлением в детском городском фольклоре Дагестана такого популярного на Западе сказочного персонажа англоязычных стран, как Зубная фея. Хотя в исламской культуре не принято отмечать дни рождения детей, эта традиция существует сейчас во всех городах Дагестана. В последние десятилетия новогодняя елка для де-

тей устанавливается дома не у всех горожан Дагестана, что связано с влиянием мусульманской религии.

Современные обычаи и обряды горожан Дагестана имеют синкретический характер и представляют собой смесь традиционных (домонотеистические), усиливающихся исламских и новых элементов.

Литература

1. *Абашинов С.Н.* Пир // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь; в 5 вып. / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: «Вост. лит.» РАН, 1999. Вып. 2. – 167 с.

2. *Алигаджиева З.А.* Пережитки домонотеистических верований и обрядов у аварцев-андалальцев в XIX – начале XX в. – 2-е доп. изд. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2012. – 172 с.

3. *Алимова Б.М.* Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка у кайтагских кумыков (конец XIX – нач. XX в.) // Быт сельского населения Дагестана (XIX – нач. XX в.). – Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1981. – С. 55–72.

4. *Багомедов М.Р.* Словарь даргинских личных имен. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. – 169 с.

5. *Бесаева Т.З.* Обряд наречения именем у некоторых народов Северного Кавказа // Ономастика Кавказа. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1976. – С. 273–278.

6. *Боголюбов А.С.* Садака // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 202.

7. *Боголюбов А.Б.* Шахид // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 296–297.

8. *Большаков О.Г.* Абу Бакр ас-Сиддик // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 8–9.

9. *Булатов А.О.* Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. – 264 с.

10. *Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И.* Быт и культура табасаранцев в XIX–XX веках. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2004. – 266 с.

11. *Гаджиев Г.А.* Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. – М.: Наука, 1991. – 182 с.

12. *Гаджиева С.Ш.* Формирование и развитие новой обрядности в Дагестане. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1979. – 58 с.

13. *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. – М.: Наука, 1985. – 359 с.

14. *Гусенова Д.А.* Шалбуздаг – исламская святыня Дагестана: аргументы «за» и «против» // Исламоведение. – 2013. – № 2. – С. 76–83.

15. *Мусаева М.К.* Традиционные обычаи и обряды у народов Южного Дагестана, связанные с бесплодием // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2006. – № 4. – С. 106–116.
16. *Мусаева М.К.* Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – 221 с.
17. *Мусаева М.К.* Этнография детства народов Дагестана (Народы Равнинного и Южного Дагестана). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 252 с.
18. Обрезание у мужчин // Сайт «IslamDag.ru». – Режим доступа: <http://www.islamdag.ru/vse-ob-islame/26228> (дата обращения: 11.02.2012).
19. *Пиотровский М.Б.* Джинн // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
20. *Пиотровский М.Б.* Иблис // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 81–82.
21. *Пиотровский М.Б.* Мухаммад // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 178–182.
22. *Пиотровский М.Б.* Ас-Сунна // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
23. *Пиотровский М.Б.* Хадиджа // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 261–262.
24. *Пиотровский М.Б.* Шайтан // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
25. *Прозоров С.П.* Али б. Аби Талиб // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 18–19.
26. *Прозоров С.П.* Ал-Хасан // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
27. *Прозоров С.П.* Ал-Хусайн // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
28. *Резван Е.А.* Зийара // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 77.
29. *Резван Е.А.* Маулид // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
30. *Резван Е.А.* Фатима // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
31. Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа / отв. ред. Р.Ю. Намитокова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 584 с.
32. *Сефербеков М.Р.* Традиционная культура народов Дагестана в условиях глобализации // Современная наука и инновации: научный

журнал. – Ставрополь: Пятигорск: ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2017. № 2 (18). – С. 378–383.

33. Сефербеков Р.И. Обряды, связанные с рождением ребенка у табасаранцев // Женщина Дагестана: журнал для семейного чтения. – 1990. – № 5. – С. 1–11.

34. Сефербеков Р.И. Из демонологии табасаранцев (типологическая классификация и характеристика) // Дагестанский этнографический сборник, посвященный памяти С.Ш. Гаджиевой. – Махачкала, 2006. Вып. 2. – С. 132–139.

35. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. – М.: Наука, 1983. – 263 с.

36. Хасбулатова З.И. Некоторые традиционные обычаи и обряды чеченцев и народов Дагестана, связанные с родами // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2012. – № 4. – С. 35–42.

37. Энциклопедия суеверий / сост. Э. и М. Рэдфорд, Е. Миненок. – М.: Миф: Локид, 1995. – 560 с.

3. Похоронно-поминальные обряды

Одним из элементов культуры и быта этносов являются семейно-бытовые обряды. В этнографии семейно-бытовые ритуалы относятся к обрядам перехода человека из одного онтологического состояния в другое [12, с. 155]. Наиболее консервативными из всех обрядов семейного цикла являются похоронные обряды. Исследователи объясняют это тем, что их исполнителями выступают придерживающиеся старых традиций люди старших поколений [11, с. 29]. Похоронные обряды тесно связаны с погребальным культом, включающим в себя комплекс представлений, обычаев, обрядов, норм поведения, способов обращения с умирающими и умершими. Этот комплекс основан на верованиях о смерти, посмертном перевоплощении души, о мертвецах, потустороннем мире, связи живых и умерших [10, с. 154].

Современные похоронные обряды в определенной степени были исследованы дагестанскими этнографами [4, с. 69–79; 16, с. 112–121]. Наше небольшое исследование, основанное на полевом материале, направлено на изучение локальной специфики похоронных обрядов и выяснение в них традиционных и новых элементов и обычаев.

Похоронный обряд в Дагестане и в сельской местности, и в городе проводится по мусульманским религиозным канонам. Однако в городских условиях он имеет свои особенности и специфику. Несмотря на влияние глобализации и усиление в последние десятилетия позиций ислама [30, с. 64–69], в городских похоронных обрядах все еще встречаются реликты прежних религиозных верований. Как отмечают в этой связи исследователи, связанные с основными обрядами жиз-

ненного цикла похоронно-поминальные ритуалы занимают в них важное место. Они жестко регламентированы руководством мусульманских священнослужителей и исламских религиозных установлений. Несмотря на то, что ислам серьезно потеснил сформировавшиеся еще в древности языческие ритуалы, в современной похоронной обрядности еще сохранились прежние верования и компоненты доисламских обрядов [16, с. 113–114].

Обряды похоронного цикла принято подразделять на 4 этапа: предпохоронный период; сами похороны; послепохоронный период; траур и поминки [10, с. 139–140; 12, с. 155]. Придерживаясь этого порядка и основываясь на собранном нами полевым материале, опишем эти обряды у горожан Дагестана в постсоветский период с учетом локальных особенностей и выяснения мусульманской религиозной обрядности, традиционных верований и новых обычаев.

Полевой этнографический и этносоциологический материал о духовной культуре (связанные с похоронами обряды, обычаи и верования) и семейном быте (похоронно-поминальный ритуал) у городского населения ряда этносов Дагестана собран методами экспедиционных исследований, экспертного опроса, индивидуального и группового интервьюирования респондентов в различных городах Дагестана.

Предпохоронные обычаи обряды предваряют особые приметы, предвещающую смерть человека. Приметами считаются различные знаки и предзнаменования, будто бы сообщающие людям волю богов и духов относительно тех или иных жизненных событий и судеб людей. Приметы и их символические толкования зависят от особенностей образа жизни и культуры этноса [14, с. 167]. В соответствии с имеющимися у горожан Дагестана религиозными представлениями, существуют приметы, предвещающие скорую смерть человека. Некоторые из этих примет связаны со сновидениями. По бытующим поверьям, предвестниками скорой смерти являлись необычные сновидения. Например, сон, в котором видели упавшую лестницу и центральный столб жилища, разрушившуюся крышу дома, был приметой кончины мужчины. Сны, в которых присутствовали грязная вода, ветка без коры, сырое мясо, выпавший с кровью зуб, были приметой смерти родственника [16, с. 115].

У аварцев связанными с покойником считались сны, в которых видели выпавший зуб, обнаженного человека, сырое мясо, материю белого цвета, развалившуюся крышу и разрушившийся угол жилища [2, с. 94]. В верованиях русских также сны о выпавшем с кровью зубе были приметой потери близкого человека [34, с. 163].

Все эти основанные на сновидениях приметы исходят из ассоциаций: голый человек и сырое мясо вызывают представление о трупе, мутная вода – с водой, которой его омывают, а выпавший зуб, вет-

ка без коры и разрушившиеся краеугольные конструкции жилища – о кончине, завершении жизненного пути человека.

У горожан Дагестана приметой, предвещающей скорую смерть кого-либо из членов семьи, считался сон, в котором видели выпавший передний зуб, свежее мясо, обнаженный участок тела, грязную воду. Верили, что если снятся умершие близкие, то это к беде, к несчастью, к смерти кого-либо из родственников. Для того чтобы плохой сон не сбылся, аварцы г. Кизилюрта, обращаясь к горам и небу, произносили следующие слова: «Гъораца аги, цадаца айги, ракъуца айги, мугрузда гъоразда биххун айги!» («Да унесут их ветра, да унесут их дожди, да поглотит их земля, да рассыплются они по горам и рекам!»). Такой же плохой приметой у аварцев г. Кизилюрт считалось, если снились умершие близкие родственники, которые подзывали тебя к себе следующими словами: «Ма дуге рукъалбул къулал, рилъа цадахъ!» («На тебе ключи от нашего дома, пойдем с нами!»). Отзываться во сне на это призыв было нельзя – «к близкой смерти».

Как считают исследователи, образы и само явление сновидений оказали влияние на формирование представлений о душах умерших, предпосылок для зарождения религиозных верований [28, с. 196], потустороннем мире: являясь в сновидениях, обитатели иного мира предупреждают об опасностях, направляют поступки живых [12, с. 85].

Беспричинный вой дворовой собаки или карканье вороны у дома также считались предвестниками беды. Заслышав карканье вороны, аварцы г. Хасавюрт обычно говорят: «Мунго дуге батаги!» («Да обратится на тебя же [твое карканье]!»).

У горожан Дагестана сохраняются традиционные и основанные на ассоциациях представления и приметы о смерти.

В соответствии с установлениями шафиитской правовой школы, которой придерживается подавляющее большинство мусульман-суннитов Дагестана, признаками отделения души человека от его тела, являются вялость ног, деформация формы носа и щек. О наступлении смерти свидетельствуют неподвижный взгляд, слабость нижней челюсти и других частей тела, остановка сердца [27, с. 155, 161].

По существующим у горожан Дагестана поверьям, о приближении скорой смерти человека свидетельствовали следующие признаки: несвязная речь, изменение цвета лица и кожи, похолодание конечностей, частое или, наоборот, редкое дыхание, хрипы, изменение походки, заострение черт лица; если больной все время смотрит в одну точку и не реагирует на других людей.

В народе считается, что умирающий человек осознает свою приближающуюся кончину. По существующим в шафиитском *масхабе* правовым нормам, перед кончиной больному предписывается (*сунна*) наладить взаимоотношения с близкими в семье, соседями,

друзьями, коллегами по работе. Нужно, надеясь на прощение, благодарить Всевышнего. Особенно это касается тех, у кого началась предсмертная агония» [27, с. 146].

В соответствии с традиционно сложившимися в Дагестане морально-этическими и религиозными установлениями, бытуют представления о легкой и тяжелой смерти. Умиравший, осознав приближение своей кончины, прощается с близкими, просит у них прощения за нанесенные обиды, наставляет младших как им вести в семье после его ухода из жизни. Легкой считается смерть во время совершения намаза, в месяц мусульманского поста рамадан, мгновенная смерть у себя дома во сне, в постели, в окружении своих близких родственников. Хорошим знаком считается, если покойник после смерти улыбался и если его голова повернута в правую сторону (в направление Каабы) [24, с. 136]: по шафиитскому обряду тело после смерти (перевернув на правый бок или на спину) следует обратить в сторону Киблы [27, с. 163].

Тяжелой считается насильственная, мучительная смерть, вне дома, в больнице, от тяжелой болезни, в длительной агонии, со вскрытием в морге (у шафиитов запрещено вскрывать тело и изымать из него органы [27, с. 204]), без прочтения молитвы «Ясин». Если агония затягивалась, то кумыки г. Кизилюрт резали барана, «чтобы душа умирающего быстрее отошла в иной мир».

В соответствии с существующими у древнего человека поверьями причиной смерти считалось отделение души от тела [12, с. 155].

Существующие у горожан Дагестана представления о том, как из умирающего человека выходит душа, основаны на мусульманских религиозных установлениях [13, с. 200] и аятах Корана, повествующих о сотворении Аллахом человека и наделении его душой (сура «Аль-Хиджр», аят 29). В соответствии с ними, человек состоит из двух разных субстанций души. Одна из них – особая, вечная, свойственная только человеку, обладающая разумом и знанием душа, другая – смертная, свойственная и людям, и животным, обладающая физической способностью – движением, биологическая душа [27, с. 32, 36].

Каким же образом душа выходит из тела человека и сколько дней она остается в доме? По сведениям наших респондентов, «душа выходит из человека через рот и остается у тела до его похорон» (аварцы г. Буйнакск), «после смерти душа остается в доме в течение 40 или 52 дней» (аварцы г. Каспийск, азербайджанцы г. Дербент).

По представлениям мусульман Дагестана, душа человека после его смерти выходит через рот и остается у тела до его похорон либо остается в доме в течение 40 или 52 дней.

Когда человек близок к смерти, его близкие собираются вокруг него, чтобы момент кончины не был для них неожиданностью. К умирающему приглашают муллу, который читает молитву «Ясин» до тех пор, пока тот не умирает. Если он умер с открытыми глазами, «значит, хотел еще пожить» или «хотел кого-то видеть перед смертью, однако не успел» [9, с. 176].

Относительно трактовки этого обстоятельства имеются различные суждения: если человек умер с открытыми глазами, «значит, хотел еще пожить», «остались незавершенными дела», «кого-то хотел видеть перед смертью, но не успел», «ждал кого-то», «не насытился жизнью».

Древние представления о нечистоте трупа предписывают табуированию все, связанное с телом покойника [12, с. 156].

Сразу же после смерти человека его близкие родственники производят в его комнате или доме определенные действия профилактического характера. Как только человек умрет, в доме открывают все окна, занавешивают фотопортреты, телевизор и зеркала, «чтобы душа, увидев свое отражение в зеркале, не испугалась». В комнате покойника зажигают свет и не выключают до тех пор, пока его не похоронят (лакцы г. Махачкала, аварцы гг. Буйнакс, Кизилюрт, Каспийск); свет в комнате покойного не выключают в течение 40 (азербайджанцы г. Дербент), 52 дней (аварцы г. Хасавюрт) или даже 1 года (чеченцы г. Хасавюрт) после его похорон. В комнате, где лежал покойник, белят стены. Лакцы г. Махачкалы производят уборку в доме покойного на третий день после его похорон: вдовы моют полы в комнатах.

Момент смерти человека сопровождается громким плачем и криками родственников умершего. Сидя вокруг покойника, женщины оплакивают его, восхваляя достоинства умершего. Больше всего жалеют умерших безвременно молодых и погибших в результате несчастного случая. При этом женщинам запрещается рвать на себе волосы, слишком сильно жалеть покойника. Тайком оплакивают умершего и мужчины [9, с. 178]. В исламской похоронной традиции запрещено громко оплакивать умершего [20, с. 58]. Таких плакальщиц выпроваживают из дома. Запрещено также причитать, придавая не присущие умершему человеку качества. В то же время не возбраняется тихо плакать по усопшему. Являются запретными громкий плач и рыдания, которые слышны на улице [27, с. 164–165, 319, 382].

М.К. Мусаева описывает оплакивание в городах Дагестана: мужчины переносят горе молча, и лишь кумыкам плакать не возбраняется. Несмотря на строгие предписания и запреты ислама, нередко при оплакивании своих безвременно умерших братьев их сестры рвут на себе волосы и истязают себя. Обычай оплакивать умершего с самоистязанием имеет древнее происхождение, который ислам так и не

смог искоренить. Считалось неприличным, когда жена чрезмерно горюет по умершему мужу. Плакать мужчину должны были его дочери и сестры [16, с. 117].

Известный российский и советский этнограф Л.Я. Штернберг указывал, что плач и громкие крики с самоистязанием восходят к первобытным временам. Цель этих действий – побудить покойника вернуться к своим близким [32, с. 204].

Как свидетельствуют наши респонденты, «мужчины скорбят по умершему более сдержанно, чем женщины, а если и плачут, то не на людях; женщинам громко рыдать, рвать на себе волосы и царапать лицо нельзя» (аварцы г. Каспийск, Буйнакск, Кизилюрт), «по ребенку, молодой жене, не женатому юноше и не вышедшей замуж девушке тоскуют, печалются, скорбят больше и громче, чем по пожилым людям; плачут по умершему и мужчины, и их за это никто не осуждает; рвать на себе волосы и царапать лицо нельзя, это осуждается, мужчины ругают таких скорбящих и останавливают их следующими словами: «Покойник на том свете в воде мокнет, ему холодно» (лакцы г. Махачкала). Примечательно, что одним из видов мук ада *джаханнам* в мусульманской эсхатологии является «жгучий холод» [17, с. 63].

Как считают аварцы и чеченцы г. Хасавюрта, рыдать по покойнику нельзя – «могила заполнится водой». Иногда покойник вскоре после его смерти снится своим родственникам и просит не плакать по нему слишком громко, т. к. он на том свете «весь в воде». Не принято слишком убиваться по умершему, этим как бы выражается несогласие с волей Господа.

У азербайджанцев г. Дербента мужчины плачут тайком, а женщины иногда рвут на себе волосы.

У горожан Дагестана обнаруживается определенное сходство представлений об этике оплакивания умершего. Существующие запреты основаны на ассоциациях: громкий плач и обилие слез связываются с тем, что покойник на том свете «в воде мокнет», «он весь в воде», «ему холодно». В то же время процедура оплакивания с самоистязанием выходит из рамок ислама и, видимо, является рудиментом прежних форм религиозных форм.

В похоронных обрядах народов Дагестана существует связанная с их религиозными представлениями о потустороннем мире традиция передавать с покойником вести ранее умершим. Обычно женщины, у которых кто-либо ранее умер, в плачах и причитаниях при оплакивании просят покойника передать вести своим умершим родственникам (например, племянник родился, сестру замуж выдали, дом построили и т. п.).

Имеющие обрядовое происхождение и связанные с погребальным ритуалом перехода (перемена места и социального статуса) при-

читания – это особый язык, при помощи которого происходит общение с умершим [15, с. 105]. Обычай передавать в плачах и причитаниях вести с покойником ранее умершим до сих пор бытует и в городах Дагестана. Лакцы г. Махачкалы помнят, как еще в начале 90-х гг. близкие родственники покойника просили его присмотреть на том свете за их ранее умершими детьми. У аварцев г. Буйнакск и Кизилюрт с покойником передают приветствие («салам») и вести ранее умершим. Одна из аварок г. Кизилюрт поведала нам, как в 1991 г. в саван покойнику положили колбу, в которую, «как оберег от ада», вложили листочек с молитвой и кусочек красивой ткани. Согласно установлениям шафиитского масхаба, кроме тела, завернутого в саван, в могилу ничего класть нельзя. Запрещено класть в могилу вместе с телом листочки, на которых написаны аяты из Корана или Имена Аллаха так, чтобы они соприкасались с нечистотами. Однако дозволено писать такие листочки с текстами, поместив их в какое-нибудь керамическое, стеклянное или свинцовое приспособление, и класть их так, чтобы они не соприкасались с нечистотами [27, с. 217, 218].

В соответствии с традиционным воспитанием и мусульманскими религиозными установлениями дагестанец всегда помнил о смерти и готовился к ней. После 40 лет каждому мужчине предписывалось подготовить завещание, саван. При неожиданной смерти саван брали у близких родственников. В наше время нет никаких проблем с приобретением погребальных принадлежностей: их можно заранее купить в специальных магазинах при мечетях [16, с. 114].

Пожилые люди заранее готовят завещание, саван и другие похоронные принадлежности – белую и зеленую материю, покрывало, ковер (его после похорон жертвуют мечети), ореховую траву, вату, которые приобретаются в специализированных магазинах у мечетей. Если имеется письменное завещание (*васият*), то оно оглашается в присутствии родственников умершего и двух свидетелей. Исполнителями воли покойного, выраженной в завещании, выступают «васиятчи» – его ближайшие родственники.

Предписанное Кораном и содержащее последнюю волю на случай смерти завещание [6, с. 47], как и действия душеприказчика (*васий*) – доверенного лица, которому завещатель перед смертью поручает исполнение завещания [27, с. 137–142], достаточно хорошо описаны в исламоведческой литературе. В Коране приводятся два аята, касающиеся завещания. Составление завещания является настоятельно рекомендуемой сунной. Каждый человек, достигший совершеннолетия, должен составить завещание. В хадисе повествуется о тех, кто умер, не оставив завещания.

Как свидетельствует наш полевой материал, старики еще при жизни откладывают деньги на свои похороны. Эти деньги идут на

оплату услуг тех, кто обмывает покойника в мечети, читает мусульманские молитвы на кладбище, закупку продуктов на поминки и для раздачи заупокойной садака. У чеченцев г. Хасавюрт приветствуется дарение похоронных принадлежностей мечети – «этим ты отодвигаешь смерть от членов своей семьи».

Итак, у горожан Дагестана совпадают правила о подготовке еще при жизни завещания, похоронных принадлежностей и откладывании денег на похороны.

Важно сообщать о смерти мусульманина тем, с кем он был знаком, но не напоказ и не в корыстных целях, а с целью собрать как можно больше людей на заупокойный намаз [27, с. 164].

По существующей традиции извещением о смерти, организацией похорон, поминальной трапезы занимаются близкие родственники (обычно сыновья) умершего или те, кого он уполномочил на это в своем завещании.

Согласно шариату выражение соболезнования (в течение трех дней) является сунной [27, с. 303, 308]. Процедура обычно происходит во дворе дома умершего. Пришедшие на соболезнование мужчины выражают там соболезнование родственникам умершего, а женщины – находящимся в доме или квартире родственницам покойного. В то же время шариат не одобряет разговоры о мирском [27, с. 382].

Место для приема соболезнования (*тазият*) устраивается во дворе дома умершего. У лакцев г. Махачкалы это место называется *кӀуру къатта*. Его закрывают на третий день после похорон покойника. В г. Кизилюрт в джума-мечети и при четырех квартальных мечетях этого города устроены специальные помещения для *тазията*, что удобно для родственников умерших и пришедших на соболезнование.

Место для приема соболезнования и его процедура одинаковы везде в городах Дагестана и лишь в Кизилюрте в последние 5 лет для *тазията* при мечетях устроены специальные помещения. Вероятно, этот обычай распространится и в других городах республики.

Для руководства похоронными обрядами и чтения Корана обычно приглашается мулла из мечети. Иногда эти функции выполняет кто-либо старший из родственников умершего, знающий похоронный обряд и умеющий читать Коран. В г. Кизилюрт для чтения молитв и руководства похоронным ритуалом большинство горожан приглашает муллу из мечети. Услуги приглашенного из мечети священнослужители оплачиваются. Это не противоречит шариату – человек имеет право вознаградить любого за благое деяние, будь то молитва, пост, паломничество, милостыня, прочитанный Коран [27, с. 357].

Умершего мусульманина, включая и ребенка, необходимо обмыть, обернуть в саван, совершить заупокойную молитву и похоронить. Выполнение этих требований является коллективной обязанно-

стью (*фарз аль-кифая*), налагаемой на мусульманскую общину. Мужчины обмывают покойника мужского пола, а женщины – женского [27, с. 186, 193, 206].

Как свидетельствуют наши респонденты, если покойник умер в частном доме, то его, как правило, обмывают там же. Если же он жил в многоквартирном доме, то его обмывают в мечети, откуда уносят хоронить на кладбище. В Кизилюрте всех покойников обмывают в квартальных мечетях. В других городах покойника обмывают дома или в мечети.

По существующей в Дагестане традиции [27, с. 163] захоронить покойного надлежит как можно скорее. Однако до его похорон принято ждать находящихся на чужбине близких родственников умершего (сыновей и дочерей, братьев и сестер). Летом в жару этого правила не придерживаются, т. к. труп начинает быстро разлагаться.

В шариате не одобряется откладывать похороны покойного до тех пор, пока не приедет издалека его родственник [27, с. 384]. Аварцы г. Кизилюрт хоронят сразу же после смерти, т. к. «тело страдает и просит, чтобы его быстрее захоронили в земле». Они хоронят покойников даже вечером при свете костров. Это новшество несколько расходится с общепринятыми в исламе правилами погребения усопших: «Если смерть наступила утром, погребение должно состояться в тот же день (предпочтительно до захода солнца), но, если человек умер днем или ночью, его хоронят на следующий день» [20, с. 58]. В то же время шариат считает неверным мнение о том, что якобы нельзя совершать похороны ночью. Разрешено хоронить умершего и после захода солнца [27, с. 163, 277].

Можно отметить некоторое расхождение похоронных обычаев относительно ожидания находящихся на чужбине близких родственников умершего и правил шариата. Горожане хоронят покойников по-разному: часть – в своих родовых селениях, а часть – на городском кладбище или на кладбищах близлежащих поселений. При этом обнаруживается локальное этническое своеобразие. Так, живущие в г. Махачкала выходцы из с. Ругуджа до 80-х гг. XX в. всех умерших из этого села старались хоронить в селении, *яс* (*буклон*) устраивался там же. В последние годы хоронят на городском кладбище (преимущественно в Ленинкенте) или в селении, но *яс* организуют по месту проживания, в городе [16, с. 118].

Похороны на городском кладбище удобны для родственников покойного его близостью, что важно при проведении различных поминальных обрядов в сакральные для мусульман дни и во время мусульманских религиозных праздников.

Проживающие в г. Каспийске аварцы Гунибского района стараются хоронить умерших в своих родовых селениях. Лакцы г. Махач-

калы и аварцы г. Буйнакск хоронят покойников там, где они завещали себя похоронить. Пожилые люди обычно просят похоронить их на кладбище в родовом селении. Есть и те, кого хоронят на городском кладбище, и в этом есть свой резон: горожанам удобнее ухаживать за могилой на городском кладбище, навещать ее в дни мусульманских религиозных праздников и во время раздачи заупокойного садака в четверг и пятницу.

Аварцы г. Кизилюрт раньше хоронили только на кладбищах в родовых селениях, а в последние 10 лет – на городском кладбище и кладбищах с. Султан-Янгиюрт, Бавтугай, совхоза «Комсомолец».

Кумыки и чеченцы г. Хасавюрт хоронят на кладбищах в родовых селениях, там, где похоронены их близкие родственники. Аварцы и даргинцы г. Хасавюрт хоронят умерших на кладбищах родовых селений, но могут похоронить и на городском кладбище или на кладбищах близлежащих к городу поселений – Дылым, Аксай и др.

Азербайджанцы г. Дербент чаще всего хоронят на городском кладбище и реже – в селениях.

Итак, строго установленного порядка похорон в городах Дагестана в последние десятилетия не существует: покойников хоронят как на кладбищах родовых селений, так и на городских кладбищах.

Тухумная, соседская, общесельская взаимопомощь – одна из устойчивых дагестанских традиций, перенесенная и в город. Естественно, моральная и материальная поддержка оказывается и во время такого скорбного события, как похороны покойника [33, с. 81–85]. Похороны и поминки – это один из тех важных событий в жизни семьи, когда она ощущает довольно большую помощь и поддержку со стороны родственников, соседей и односельчан [19, с. 101], – отмечают исследователи.

Обычно во время похорон и поминок продуктовую (мука, сахар, макаронны, подсолнечное масло, минеральная вода, конфеты) и денежную помощь родственницам покойного оказывают женщины. Родственники помогают продуктами, необходимыми для приготовления пищи на поминки и раздачи предусмотренной Кораном заупокойной милостыни [8, с. 202]. В связи с тем, что первые три дня в доме умершего пищу не готовят, ее приносят родственники и соседи. Пришедшие на соболезнование женщины из числа родственников и друзей дают близким родственницам умершего деньги (обычно от 500 руб. до 1 тыс. руб., а близкие родственники – от 5 тыс. до 20 тыс. руб.). У азербайджанцев г. Дербент на родственники помогают семье умершего деньгами.

В прошлом в течение трех дней после похорон пищу в доме покойного не готовили, т. к. по шарияту является нежелательным готовить еду и есть ее в течение трех дней в том месте, где умер человек

[27, с. 307]. Пришедших на соблезнование и поминки обычно угощали пищей, приготовленной у родственников и соседей. В последние десятилетия этот запрет в городе утратил свое религиозное значение, и родственники покойного угощают соблезнующих едой сразу же после похорон. Особое место в поминальной пище занимает ритуальная мучная халва, которая обязательно готовится родственниками покойного сразу же после его смерти. Аварцы г. Каспийск за исключением ритуальной мучной халвы *бахъухъ* пищу в доме умершего не готовят. Халву варят сразу же после смерти человек и раздают всем пришедшим на соблезнование до его похорон. Кумыки г. Буйнакск так же до похорон готовят два вида мучной халвы *ун гъалива* (обычная мучная халва) и *тар гъалива* (жидкая мучная халва). Пекут *чапелек* – тонкие лепешки на топленом масле. Аварцы г. Буйнакск называют их *панкъ* и обмазывают сверху мучной халвой *бахъухъ*. Аварцы г. Кизилюрт в 90-е гг. XX в. кроме мучной халвы *бахъухъ* никакой пищи в доме покойного до его похорон не готовили. С 2000-х гг. пришедших на соблезнование и поминки угощают пловом, соус, выпечкой, салатами. Чеченцы г. Хасавюрт обязательно варят мучную халву *хловла*. Помимо нее в последние годы соблезнующих угощают мясной шурпой и пловом. Готовят пищу в доме умершего в последние годы и азербайджанцы г. Дербент.

По установившейся в городах Дагестана традиции в доме умершего кроме ритуальной халвы пищу не готовили. Пищу в доме умершего начали готовить с 2000-х гг., что связано с повышением материального благосостояния горожан Дагестана. Традиция приготовления ритуальной мучной халвы до сих пор устойчиво сохраняется.

Главным обрядом, совершаемым в память об умершем, является коллективная трапеза непосредственно после погребения и в определённые сроки поминовения родственниками в доме покойного или на кладбище [29, с. 168]. Исламская традиция выделяет 3-й, 7-й и 40-й день после смерти для поминовения усопшего [20, с. 59].

У горожан Дагестана нет твердо установленных сроков проведения поминок. У проживающих в г. Каспийск аварцев с. Куяда Гунибского района поминки устраиваются на третий день после похорон и каждый четверг, после полудня, в течение полугода. В пятницу утром мужчины ходят на кладбище читать молитвы у могилы, а женщины идут туда в помянь. До 2013 г. поминки отмечали и на 52 день после похорон.

У лакцев г. Махачкалы поминки устраиваются на 3-й (*шанкухху*), 40-й (*мукъцал*) и 52-й (*хлоцаликлуку*) день после похорон дни. После принятия мужчинами поминальной пищи, один из старших мужчин читает молитву (дуа) «Альхам» и произносит фразу: «Ругьурен бучи банду!» («Чтоб эта съеденная пища пошла во благо

душам умерших предков!»)), после которой присутствующие расходятся. Лакцы г. Хасавюрт устраивают поминки на 40-й день после похорон.

Аварцы устраивают поминки на 3-й (г. Хасавюрт), 7-й (гг. Хасавюрт, Буйнакск, Кизилюрт), 52-й день (гг. Буйнакск, Кизилюрт) и в годовщину смерти (г. Хасавюрт).

Чеченцы г. Хасавюрт поминают на 52-й день после похорон и в этот же день по покойнику читают молитву «Ясин».

У азербайджанцев г. Дербент поминки устраивают на 3, 7 и 40-й день. Часто 40-й день смерти покойного отмечают в мечети.

Итак, как это видно, строго установленных для всех горожан Дагестана сроков поминок нет: они проводятся на 3, 7, 40, 52-й день и в годовщину смерти.

Для многих городских семей поминки обременительны. Респонденты предлагают упростить поминальные обряды, «например, отмечать или 40-й или 52-й день в связи с тем, что в последние 5–10 лет многие дагестанцы стали отмечать оба эти дня» [4, с. 73]. Обеспеченные семьи проводят поминальные обряды в городах скромнее, чем люди среднего достатка. За это их никто не осуждает, и общественное мнение воспринимает это как проявление скромности. Они обычно совмещают те или иные обряды и сокращают количество приглашаемых на 52-й день, на годовщину, на мавлид [4, с. 76].

Примечательно, что в шариате порицается проведение собраний с намерением отметить именно 7, 40, 52-й или любой другой день и год после захоронения человека. Это не является ни сунной (деянием, рекомендованным религией), ни *фарзом* (обязательным требованием религии) [27, с. 376, 382–383].

В Дагестане бытовал обычай прижизненных поминок. К нему обычно прибегали люди, не имевшие родственников. Они еще при жизни устраивали по себе поминки, а после смерти сельская община хоронила их и раздавала садака [9, с. 184–185]. Этот обычай сохранился и в городе: некоторые пожилые люди, не имеющие наследников или близких родственников, составляли завещание (*васият*) по поводу устройства поминок. Одиноким людям с достатком, еще при жизни устраивали по себе поминки, отправляя садака в мечеть [16, с. 119].

Единичный случай прижизненных поминок нам удалось зафиксировать у аварцев г. Буйнакск. Люди, у которых не было родственников, еще при жизни раздавали садака (мясо и рис), а после смерти такого человека его хоронили соседи и представители квартальной мечети.

Что касается современной поминальной трапезы в городах Дагестана, то она в корне отличается от традиционной разнообразием и качеством подаваемых блюд и сервировкой столов. Иногда набор

блюдо на поминках соперничает со свадебным меню. Только мучная халва, которая, как правило, еще не подается на свадебные столы, и жидкие блюда (бульоны с мясом, супы с фрикаделями, борщи, которые пришли на смену соусам с мясом) напоминают о поминках. Поминальная трапеза обязательно заканчивается чтением молитв и благопожеланиями [16, с. 118].

Состав блюд поминальной трапезы у различных этносов в городах Дагестана в какой-то мере совпадает, хотя имеются и локальные различия. Например, лакцы г. Махачкалы пришедших на поминки угощают чечевичным супом (*гьюлюль накь*). Он состоит из сваренных отдельно мяса, чечевицы, домашней лапши, картошки, моркови и лука. Все эти ингредиенты супа затем в тарелке заливают бульоном и посыпают сверху зеленью. Пекутся также особые тонкие лепешки (*кьюля чат*), которые обмазываются сверху сливочным маслом и подаются с сыром. Обязательно варится мучная халва (*бахьухь*). Каждый четверг, а также на 40 и 52-й день, «чтобы получился запах» (*кьанкь дуккандан*) пекут пышки и лепешки и раздают их соседям.

Аварцы г. Каспийск угощают пришедших на поминки отварным мясом, соусом, пловом, голубцами, курзе, чуду с разнообразными начинками, салатами, выпечкой, мучной халвой *бахьухь*, фруктами, арбузом, прохладительными напитками, чаем.

Азербайджанцы г. Дербент угощают пришедших на поминки халвой, мясным супом «бозбаш» и пловом.

Поминальная пища в последние годы отличается разнообразием и высокими вкусовыми качествами, что связано с повышением материального благосостояния горожан Дагестана. В ее составе обязательно присутствует традиционная мучная халва.

Зикр (араб. *ذکر* – поминание) – исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Бога. Она совершается после завершения *намаза*, во время мавлидов, собраний (маджлисов) или в любое удобное для этого время [1, с. 77; 3, с. 218].

Зикр в разных городах Дагестана устраивается в различные сроки: как до, так и после похорон умершего.

Лакцы г. Махачкала устраивают *зикр* ежедневно три дня подряд после похорон. Аварцы г. Каспийск проводят этот обряд ежедневно в течение недели после похорон. Аварцы г. Буйнакск проводят *зикр* еще до похорон покойника. На него приглашают мужчин и женщин, которых одаривают деньгами. На третий день после похорон *зикр* устраивается еще раз. Аварцы г. Хасавюрт проводят *зикр* в доме умершего сразу же после его похорон, а также на 3 и 7-й день после этого. У аварцев г. Кизилюрт *зикр* устраивается дома сразу же после похорон, на 3 и 7-й день, а также каждый четверг в течение 52-х дней.

Твердо установленных сроков проведения зикра в городах Дагестана не существует, его проводят в разные дни: до похорон, сразу же после похорон, на 3 и 7-й день и в каждый четверг в течение 52-х дней; ежедневно три дня подряд и в течение недели после похорон.

В последние годы в городах Дагестана, вероятно, в связи с повышением уровня материального благосостояния, появился обычай одаривания близкими умершего участвовавших в обряде зикр и пришедших на поминки продуктовыми наборами. Аварцы г. Каспийск одаривают их пачками чая, макарон, риса, сахара, бутылками с подсолнечным маслом, лакцы г. Махачкалы – пакетами с рисом и конфетами, которых должно быть нечетное количество.

Аварцы г. Буйнакск одаривают пришедших на поминки и на зикр мучной халвой, пакетами с сахаром и рисом, а аварцы г. Кизилюрт – 5-килограммовыми пакетами сахара, 3-килограммовыми пакетами риса, пачками макарон. Аварцы г. Хасавюрт одаривают участников зикра пакетами с рисом, солью, пачками сахара, макарон, чая. Азербайджанцы г. Дербент участников зикра ничем не одаривают.

У большинства горожан (кроме азербайджанцев г. Дербента) появился обычай одаривать участвовавших в обряде зикр и пришедших на поминки различными продуктовыми наборами.

Под трауром понимается форма внешнего выражения горя, вызванная утратой близкого человека. Предписанный обычаями он имеет разную продолжительность и выражается в ношении одежды особого цвета, отпускании бороды и т. п. [31, с. 732].

Как известно, в исламе траур длится три дня. Однако в Дагестане сроки соблюдения траура колеблются в зависимости от степени родства и возраста умершего. По молодым, безвременно умершим он был длиннее (до года и больше), по старикам – короче (до 40 дней), по младенцам – не более 9 дней. Женщины в течение всего периода траура носят траурную одежду, в которую облачаются сразу же после смерти родственника еще до похорон. Ее носят порой до года, а у некоторых народов и дольше. Лезгины вообще не носили траурную одежду, но сейчас в городах стали ее носить. Наиболее строго соблюдают траур кумыки. Черную одежду носят только самые близкие родственники, остальным достаточно темной. По умершему сыну мать нередко носит траур до конца своих дней. Особые правила траура соблюдаются вдовой.

Траур подчеркивается и особой манерой поведения: сдержанность в проявлении веселья и, наоборот, демонстрация скорби и печали, что считалось наиболее предпочтительным. Для мужчин траур состоит повсеместно в том, что они в продолжение 40 или 52 дней не бреются [16, с. 119–120].

В соответствии с шариатом, женщине, даже если умер ее отец, брат, сын, запрещено носить траур более трех дней, кроме случаев, когда умер ее муж. Такая женщина по шариату обязана соблюдать траур в течение четырех месяцев и десяти дней [27, с. 377]. Отпускание бороды является сунной пророка Мухаммада. Однако шариат не поощряет ее отпускание, связав это именно со смертью человека [27, с. 377].

О сроках и форме проявления траура у горожан Дагестана можно узнать из нашего полевого материала.

У аварцев г. Каспийска мужчины в знак траура в течение 40 дней не бреются, а женщины – близкие родственницы носят черное в течение одного года. Траур по молодым длится дольше. Мать носит траур по умершему ребенку всю свою жизнь.

Лакцы г. Махачкалы соблюдают траур в течение 52 дней. По умершему сыну мать носит траур всю свою жизнь.

Аварцы г. Буйнакск соблюдают траур 52 дня, а если умер молодой человек – 1 год. Мужчины-родственники покойного сбривают бороду на 3-й день после похорон. Умершего младенца хоронят в могиле его деда, что не противоречит шариату [27, с. 293].

Аварцы г. Кизилюрт во время траура не бреются 7 дней, а иногда и месяц. Женщины 40 дней носят одежду черного цвета. По молодым траур длится дольше, а по старикам – меньше. По ребенку траур не соблюдают вообще. Вдова держит траур 1 год и 4 месяца (т. е. период *идда* [7, с. 89]). Муллы не приветствуют долгий траур.

У аварцев и чеченцев г. Хасавюрт в 80-е гг. XX в. мужчины держали траур и не брились соответственно 40 и 52 дня. Аварцы сейчас держат траур неделю, а женщины год носят черную одежду, а чеченцы – светлую одежду.

У азербайджанцев г. Дербент 40 дней близкие умершего соблюдают траур: мужчины не бреются, а женщины носят черное.

Несмотря на предписания шариата, строго установленных сроков траура в городах Дагестана нет: его соблюдают 7, 40, 52 дня, 1 месяц, 1 год. Во время траура мужчины не бреются, женщины носят черное, они не посещают увеселительных мероприятий. По молодым траур длится дольше, а по старикам – меньше.

Если вдова желает выйти замуж, то при этом руководствуются правовой и бытовой исламской нормой *идда* – определенным промежуток времени, в течение которого свободная женщина после развода или смерти мужа не должна вступать в половые отношения. Это правовое состояние женщины связано с необходимостью определения возможной беременности, что важно для установления отцовства. В зависимости от *мазхаба идда* колеблется от 4 до 20 недель [7, с. 89].

У лакцев г. Махачкалы спустя определенный срок вдова обычно выходит замуж. Ей даже рекомендуют выйти замуж, особенно если она молодая. Вдова с детьми замуж обычно не выходит. У аварцев г. Каспийск и Кизилюрт после оговоренного мусульманской религией срока (3 месяца и 10 дней) вдова может выйти замуж. Имеющая детей вдова замуж обычно не выходит, а если она нарушает это правило – ее осуждают. У азербайджанцев г. Дербент вдова выходит замуж редко.

Вдова через установленный шариатом срок может выйти замуж. Однако вдова, имеющая детей, по этическим соображениям, замуж не выходит.

Исламские религиозные авторитеты запрещают как-либо отмечать могилу, хотя широко распространены надмогильные камни с именем покойного, датами его рождения и смерти, *айатами* из Корана [20, с. 59]. Шариат разрешает устанавливать надмогильные плиты, чтобы люди знали, что это могила, и не ходили по ней, а также для того, чтобы можно было узреть могилу близкого человека [27, с. 329]. Установление над могилой роскошной мраморной плиты порицается. Особенно порицается, когда на плите рисуют или закрепляют портрет, фотографию покойного [27, с. 38].

В Дагестане принято устанавливать надмогильный памятник. В сельской местности мастера изготавливают его из местного камня. В последние десятилетия памятник заказывают в районных центрах, где имеются мастерские по их изготовлению. В городе памятник изготавливали из известняка, гранита, мрамора и заказывали в специализированных мастерских. В советское время на нем изображали имя и фамилию покойного, дату его рождения и смерти, а нередко фотопортрет. Часто покойный, особенно на мраморных памятниках, изображался в полный рост. Последние четверть века стали ставить высокие и широкие надмогильные камни из гранита и мрамора, преимущественно черного цвета, с портретами, иногда с изображением на их задней части известных мечетей, аятов из Корана. В годы возвращается традиция устанавливать стелы без портретов [16, с. 120].

Лакцы г. Махачкалы устанавливают памятник на могиле на 40-й или 52-й день после похорон. Памятник заказывается из гранита или горного камня. Памятник из мрамора не устанавливают – это порицается. На памятнике указывают фамилию, имя, отчество, дату жизни и смерти. Фотографию покойного не устанавливают – это осуждается.

Аварцы г. Каспийск устанавливают памятник спустя 1–2 месяца после похорон. На лицевой стороне памятника прикрепляют фотографию покойного (изображение лица анфас, по плечи), указывают дату рождения и смерти, чей он сын или дочь. Табасаранцы Каспийска стараются установить памятник на могиле умершего до исполнения 52 дней после его смерти.

Аварцы г. Буйнакск устанавливают памятник на 40-й день после похорон. Мраморный памятник не устанавливают.

Аварцы г. Кизилюрт устанавливают памятник на могиле умершего в день похорон, на 3, 7 или 40-й день. Обычно это памятник из гранита или местного песчаника. Состоятельные люди устанавливают памятник из черного мрамора. В Кизилюрте нет специализированных мастерских, поэтому памятники заказывают в Султан-Янгиюрте, Зубутли-Миатли или Хасавюрте. На памятнике устанавливают фотографию покойного, вырезают дату его рождения и смерти и чей он сын (на русском и аварском языках). Фотографию делают по плечи или по пояс, в полный рост – запрещено.

Аварцы г. Хасавюрт устанавливают памятник на могиле умершего на 7 или 52-й день. Приобретаются памятники в специализированных мастерских, которые обычно располагаются вблизи кладбища. На памятнике высекаются даты рождения и смерти покойного и чей он сын или дочь. Фотографию покойного на памятниках сейчас не устанавливают (чеченцы ее никогда не устанавливали).

У азербайджанцев г. Дербент памятник на могиле умершего устанавливается на 40-й день после похорон. На памятнике указывают имя и фамилию покойного, закрепляют его фотографию (иногда в полный рост).

Общепринятой даты установки памятника на могиле умершего в городах Дагестана нет: его устанавливают и в день похорон, и на 3-й, и на 7-й, и на 40-й, и на 52-й день или даже через 1–2 месяца после погребения. Памятники из дагестанского горного камня, гранита или мрамора заказываются в местных специализированных мастерских или приобретаются в других городах. Некоторые состоятельные горожане устанавливают памятники из мрамора, хотя это порицается в шариате. На памятнике обычно высекаются имя и фамилия покойного, даты его рождения и смерти, чей он сын или дочь, фотография (по плечи, по пояс или в полный рост). В постсоветский период многие горожане, видимо, под влиянием усилившихся позиций мусульманской религии, воздерживаются от установления на памятнике фотографии покойного или его изображения на нем.

Представления о свойствах души, нуждающейся в пище, питье, дарах, увеселениях и молитвах, восходят к культу предков [5, с. 166]. В соответствии с религиозными традициями перенесен в город обычай «кормления» душ умерших запахом пищи. Исследователи указывают, что в дни религиозных праздников и в каждый четверг (до 1 года) покойников поминают, раздавая соседям заупокойную милостыню («долю умершего»). Души умерших принято «кормить запахами»: выпекают лепешки и раздают их. С этой же целью на край печи кладут маленький кусочек нутряного жира или курдюка, посыпают ще-

потку муки и добавляют капельку меда. Как только по комнате распространяется запах, открывают дверь и окна и спрыскивают горящий жир водой. Читают молитвы и просят Всевышнего, чтобы этот запах дошел до всех когда-либо живших в этом доме умерших родственников. Верят, что запах от сжигаемых продуктов доходит до покойников [16, с. 119].

Лакцы г. Махачкалы верят, что душа покойного посещает свой дом в течение 40 дней после похорон, поэтому, чтобы она насытилась запахом пищи, каждый четверг на раскаленную сковороду кидают шепотку сахара или муки.

У аварцев г. Каспийска вплоть до 90-х гг. XX в. сохранялась традиция каждый четверг «кормить» души умерших, которые, по поверьям, являются в облике голубей. Для этого на сковородке поджаривали кусочек жира, чтобы «создать запах», от которого, по общепринятому мнению, насыщались души умерших. Существует представление, что душа умершего каждый четверг посещает свой дом в надежде насытиться запахом пищи. Женщинам в этот день следует прикрывать волосы платком. В противном случае в этот дом не войдут ангелы, которые «боятся неприкрытых волос».

Аварцы г. Буйнакска считают, что душа умершего приходит в дом в течение 52 дней после похорон покойника. Весь этот период, каждый четверг после полудня, на сковороду кидают кусочек старого жира, «чтобы этим запахом насытилась его душа».

У горожан г. Хасавюрта принято каждый четверг в течение 52 дней (а иногда и до 1 года) после похорон выпекать *панкъл* (у аварцев), *чепелек* (у кумыков) и *чепалг* (у чеченцев) – лепешки, поджаренные на топленом масле, и раздавать их соседям. В четверг же на раскаленную сковородку аварцы кидают кусочек жира, а чеченцы – кусочек масла, чтобы создать запах, от которого якобы насыщаются души умерших.

У азербайджанцев г. Дербента каждый четверг в течение 40 дней (а иногда и до 1 года) после похорон в доме покойного собираются его близкие родственники и соседи и готовят мясной суп «бузбаш» и плов. После наступления 40 дней родственники покойного идут на кладбище и раздают там сладости и рис.

В городах Дагестана сохранилась традиция кормления душ умерших запахом брошенных на раскаленную сковородку кусочков жира, масла, щепотку муки, меда или сахара в каждый четверг в течение 40, 52 дней или даже до 1 года.

В соответствии с шариатом и сунной мужчины сопровождают тело умершего на кладбище. Женщинам следовать за похоронной процессией нежелательно [27, с. 226]. Теоретически женщины в исламской традиции не должны участвовать в похоронной процессии

[20, с. 58] – «Аллах проклял женщин, посещающих кладбища» [27, с. 342]. В соответствии с этим, женщины вместе с мужчинами на кладбище в Дагестане в день похорон не ходят. Они посещают кладбище отдельно от мужчин в другие – обычно в пятницу [21, с. 68]) и праздники Ид ал-Адха [22, с. 88–89] и Ид ал-Фитр [23, с. 89]. Во время праздника Ид ал-Фитр принято посещать могилы предков, где раздают пищу беднякам, читают суры Фатиха [26, с. 254], Йасин [18, с. 119].

У лакцев г. Махачкалы женщины ходят на кладбище отдельно от мужчин по пятницам. У аварцев г. Каспийск женщины ходят на кладбище по пятницам и на праздник Ураза-байрам (Ид ал-Фитр). У аварцев г. Буйнакса женщины посещают кладбище редко, в основном на мусульманские праздники. У аварцев г. Кизилюрта женщины идут на кладбище на 7-й день после похорон. В пути раздают встречным конфеты и печенья. В последние 10 лет женщины на кладбище ходят чаще, чем прежде, особенно если они видели покойного близкого родственника во сне. У аварцев и чеченцев г. Хасавюрта женщины ходят на кладбище в пятницу до полуденной молитвы. У чеченцев женщины раньше вообще на кладбище не ходили. У азербайджанцев г. Дербента женщины ходят на кладбище на 40-й день после похорон.

Посещение женщинами могил умерших ограничивается определенными днями: пятницей, 7-м и 40-м днями после похорон, а также днями мусульманских праздников.

По мнению исследователей, традиция ходить на кладбище к родственникам в дни их рождения является сугубо городской [16, с. 119]. В последние годы обычай посещать могилы покойников в дни их рождения и смерти стал повсеместным в городах Дагестана. Аварцы г. Каспийск и лакцы г. Махачкалы посещают могилы своих умерших родных в дни их рождения и смерти. Аварцы г. Кизилюрта и азербайджанцы г. Дербента посещают могилы своих покойников в дни их рождений. У аварцев г. Хасавюрта в день рождения покойника его родные раздают соседям поминальное угощение, а у чеченцев – его родственники собираются в доме умершего и читают «Ясин». Аварцы г. Буйнакса не посещают могилы умерших в дни их рождений.

В последние годы у горожан Дагестана появился обычай навещать могилы умерших в дни их рождения и смерти.

Одной из старинных традиций, перенесенных в город, является обычай посещать могилы умерших накануне и в дни мусульманских праздников. По пути на кладбище и при посещении могил принято раздавать встречным садака. Лакцы г. Махачкалы накануне праздника «Ураза-байрам», в так называемую «Большую ночь», посещают могилы умерших родственников, сыплют на их могилы рис, кладут конфе-

ты. Конфеты как «садака раздают и встречным по пути на кладбище. У азербайджанцев г. Дербента принято посещать могилы умерших родственников накануне праздника Ураза-байрам. Аварцы г. Кизилюрта посещают их накануне и в дни праздника Ураза-байрам, а аварцы Хасавюрта – еще и в Курбан-байрам.

Традиция посещать могилы умерших родственников накануне и в дни мусульманских праздников и раздачи при этом садака существует во всех городах Дагестана.

Изучение похоронно-поминальной обрядности горожан постсоветского Дагестана привело нас к следующим выводам и общениям. Несмотря на идеологический пресс и гонения в советский период, влияния в последние десятилетия глобализации, в них по-прежнему доминируют мусульманские религиозные установления. Они проявляются в строгом регламенте похоронного ритуала, руководстве им мусульманским священнослужителем, языке богослужения, сроках и порядке траура и поминок, предпочтении хоронить на кладбище в родовом селении, проведении обряда *зикр*, раздаче заупокойной милостыни, оформлении надмогильного памятника по определенным стандартам, посещении могил умерших на кладбище в сакральные для мусульман дни, накануне и во время религиозных праздников.

В советское время появилась традиция устанавливать памятники с фотографией покойного. Растут обременительные для родственников покойного расходы на похороны и поминки. Здесь неопределима материальная помощь родственников и друзей умершего.

Несмотря на доминирование в похоронном ритуале мусульманских религиозных правил, в нем сохранились следы прежних верований. К ним следует отнести сохранившиеся и в городе, основанные на сновидениях, приметы о скорой смерти, о внешних ее признаках, а также представления о легкой и тяжелой смерти; о том, что означает то обстоятельство, если человек умер с открытыми глазами; о том, как человека покидает душа и сколько дней она остается у тела человека; предпринимаемые родственниками покойника сразу же после его смерти меры религиозно-профилактического характера; оплакивание и существующие запреты; традиция передавать вести с покойником ранее умершим; обязательность мучной халвы в составе поминальной пищи ритуальной; «кормление» душ умерших запахом брошенных на раскаленную сковороду продуктов; обычай отпускания бороды мужчинами и ношения траура женщинами; ограничение посещения женщинами кладбища; обычай прижизненных поминок.

К новым городским обычаям следует отнести процедуру обильного угощения пришедших на соболезнование и поминки, одаривание продуктовыми наборами участвовавших в *зикре* и пришедших на соболезнование, отмечать дни рождения и смерти умершего.

У горожан Дагестана нет строго определенных сроков проведения обряда зикр, поминок, соблюдения траура и установки надмогильного памятника. Они проводятся в различные дни.

Похоронно-поминальные обряды горожан Дагестана в постсоветский период имеют синкретический характер и представляют собой синтез господствующих мусульманских канонических традиционных верований и новых обычаев. Этот синтез был обусловлен как внешними (глобализация), так и внутренними (усиление позиций ислама) причинами, а также живучестью традиционных верований.

instituteofhistory.ru
Литература

1. *Акимушкин О.Ф.* Зикр // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.

2. *Алигаджиева З.А.* Пережитки домонотеистических верований и обрядов у аварцев-андалальцев в XIX начале – XX в. – Махачкала, 2012. – 172 с.

3. *Али-заде А.А.* Зикр // Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007. – 396 с.

4. *Алимова Б.М., Ибрагимов М.-Р.А.* Новые тенденции в развитии семейной обрядности народов Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2016. – № 2 (46). – С. 69–79.

5. *Басилов В.Н.* Предков культ // Религиозные верования: свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1993. Вып. 5. – С. 163–167.

6. *Боголюбов А.С.* Васийа // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.

7. *Боголюбов А.С.* Идда // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.

8. *Боголюбов А.С.* Садака // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.

9. *Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И.* Быт и культура табасаранцев в XIX–XX веках. – Махачкала, 2004. – 266 с.

10. *Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н.* Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации. – М.: Наука, 1982. – 236 с.

11. *Гаджиев Г.А.* Пережитки древних представлений в похоронно-погребальных обрядах лезгин // Семейный быт народов Дагестана в XIX–XX вв. – Махачкала, 1980. – С. 29–46.

12. *Грачева Г.Н.* Погребальный культ // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1993. Вып. 5. – С. 154–158.

13. *Ибрагим Т.К., Сагадеев А.В.* Рух // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 200.

instituteofhistory.ru

14. *Краснодембская Н.Г.* Приметы // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1993. Вып. 5. – С. 167–168.
15. *Кузнецова В.П.* Причитания // Народные знания. Фольклор. Народное искусство: Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1991. Вып. 4. – С. 105–106.
16. *Мусаева М.К.* Похоронно-поминальная обрядность народов Дагестана в современных городских условиях // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2017. – № 4 (52). – С. 112–121.
17. *Пиотровский М.Б.* Джаханнам // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
18. *Пиотровский М.Б.* Йа Син // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
19. *Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т.* Этнокультурные традиции и семейно-родственные взаимоотношения в полиэтничных районах Грузии // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизация: научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 91–111.
20. *Резван Е.А.* Джаназа // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 58–59.
21. *Резван Е.А.* Джума // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
22. *Резван Е.А.* Ид ал-Адха // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 88–89.
23. *Резван Е.А.* Ид ал-Фитр // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
24. *Резван Е.А.* Ал-Кибла // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 136–137.
26. *Резван Е.А.* Фатиха // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
27. Сущность смерти и похоронный обряд: по *мазхабу* имама аш-Шафи'и: учебное пособие для студентов теологических и филос. специальностей. – Махачкала: Ин-т теологии и межд. отношений, 2009. – 394 с.
28. *Токарев С.А.* Сновидения // Религиозные верования: свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1993. Вып. 5.
29. *Толстая С.М.* Поминки // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. – 656 с.
30. *Халидова О.Б., Сефербеков Р.И.* Процессы реисламизации в постсоветском Дагестане: проблемы и особенности (первая половина 1990-х гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 64–69.

31. Штернберг Л.Я. Траур // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб., 1901. Т. XXXIII. – С. 732–735.

32. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1936. – 572 с.

33. Эльмурзаева А.Д. Обычай взаимопомощи у народов Дагестана в XIX – начале XX в. – Махачкала, 2008. – 128 с.

34. Энциклопедия суеверий. – М.: Миф: Локид, 1995. – 560 с.

Глава V. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА

1. Общественные праздники

Праздники – неотъемлемая часть общественного быта. Решающую роль здесь играют политические, социально-экономические и культурные преобразования. Этим в значительной степени объясняется динамизм праздников, проявляющийся в изменении их состава, содержания и структуры, а также соотношения и традиционных элементов [58, с. 3].

Вплоть до 1991 г. населением Дагестана праздновались советские, календарные и религиозные праздники. Советские, «родились как политические и идеологические» [58, с. 3]: праздник в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября); праздник международной солидарности трудящихся (1 мая); праздник Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (9 мая); праздник в честь образования Советской армии и Военно-морского флота (23 февраля); Международный женский день (8 марта).

К календарным праздникам относился заимствованный и отмечаемый с с 1947 г. в ночь с 31 декабря на 1 января Новый год по григорианскому календарю. К ним же относились отмечавшиеся в советское время, но нерегулярно и не во всех районах Дагестана, праздники первой борозды и весны («Оц бай», «Хьубуркье», «Интнил хьхью», «Яран сувар», «Эбелцан», «Эр», «Кьыш гюйдюров» и др.), первого дня зимы («Хасел чIараб сордо»), праздники цветов (у лезгин), черешни (у лезгин и табасаранцев), сбора съедобных трав (у лезгин, табасаранцев, даргинцев, аварцев и др.), сенокоса, жатвы, уборки урожая; игра-способ зимнего времяпровождения «Подбрасывание пирога» (у даргинцев, табасаранцев и рутульцев) [7; 9].

Мусульманские религиозные праздники – отмечаемый по завершении поста в Священный месяц Рамадан Праздник разговения *Ид аль-Фитр* (в Дагестане известен больше как Ураза-байрам), Праздник жертвоприношения *Ид аль-Адха* (Курбан-байрам), День Ашура – в со-

ветское время официально не праздновались, а отмечались лишь верующими.

Празднование христианских и иудейских праздников членами КПСС, комсомольцами, пионерами и октябрятами не допускалось и порицалось.

С распадом СССР ушли в прошлое идеологические советские праздники. В России были учреждены и объявлены всенародными выходными днями новые государственные праздники: праздник весны и труда (отмечаемый, как и прежде, 1 мая), День Победы (9 мая), День России (12 июня), День народного единства (4 ноября), Новый год (31 декабря – 1 января), День защитника Отечества (23 февраля) и Международный женский день (8 марта).

17 июля 1992 г. Верховный Совет РФ принял закон № 3328-1 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР». Однако Президент РФ, не согласившись с отдельными его положениями, касающимися перечня праздничных дней, воспользовался правом, предоставленным ему статьей 117 Конституцией РФ, и вернул указанный закон на повторное рассмотрение. 25 сентября 1992 г. Верховный Совет РФ повторно принял данный закон, учтя ряд поправок, внесенных Президентом РФ. Согласно части первой статьи 65 КЗОТ РСФСР (в новой редакции закона РФ от 25 сентября 1992 г. за № 3543-1) работа на предприятиях, в учреждениях, организациях не производилась в следующие праздничные дни: 1 и 2 января – Новый год, 7 января – Рождество Христово, 8 марта – Международный женский день, 1 и 2 мая – Праздник весны и труда, 9 мая – День Победы, 12 июня – День принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации, 7 ноября – годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

Из советского прошлого остались популярными у большей части населения России и Дагестана праздники, отмечаемые 1 и 2 января, 23 февраля, 8 марта, 1, 2 и 9 мая. В то же время появились новые праздники – Рождество Христово (7 января) и День принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации (12 июня).

Постановлением Президиума Верховного Совета РФ от 13 июля 1992 г., подписанным ее председателем Р.И. Хасбулатовым, был установлен новый российский праздник – День памяти защитников Отечества. В постановлении говорилось: «В память о всех поколениях российских солдат, погибших в боях за честь и независимость Отечества установить: 22 июня – день начала Великой Отечественной войны – Днем памяти защитников Отечества» [30, с. 1].

Перейдем к более подробному рассмотрению праздничного календаря (календарные, религиозные, идеологические, российские,

республиканские, локальные, нетрадиционные праздники) горожан Дагестана в постсоветский период.

Одним из календарных праздников россиян является Новый год. До 1947 года 1 января в СССР продолжало оставаться рабочим днём. 23 декабря 1947 года указом Президиума Верховного Совета СССР 1 января стало праздничным и выходным днём. По закону от 25 сентября 1992 года в России и 2 января стало выходным. С 2005 года в России с 1 по 5 января установлены новогодние каникулы (ранее – только 1 и 2), и эти дни объявлены нерабочими. С 2013 года в России новогодние каникулы увеличились до 8 дней (с 1 по 8 января).

Отмечают этот праздник и многие горожане Дагестана. Его воспринимают в качестве традиционного семейного праздника: накрывается праздничный стол (часто с шампанским, московским салатом, винегретом, холодцом, мандаринами) с приглашением гостей из числа родственников, соседей и друзей, для детей устраивается елка с подарками и (нередко) приглашением Деда Мороза и Снегурочки. Елки с Дедом Морозом и Снегурочкой устраивают в государственных и частных организациях и учреждениях, вузах, общеобразовательных и детских дошкольных учреждениях, кафе и ресторанах.

Отдельные верующие и Духовное управление мусульман Дагестана, особенно салафиты, не признают этот праздник, считая его немусульманским и языческим. Так, была подожжена елка в 2012 г. на центральной площади г. Кизилюрта, а в 2013 г. – г. Хасавюрта. В городах Дагестана елки на общественных площадях в последние годы круглосуточно охраняются нарядами полиции. Поджигают елки и в других мусульманских регионах Кавказа [22].

Вопросы безопасности в период проведения новогодних и рождественских праздников обсуждаются в республике на самом высоком уровне – например, на заседаниях Антитеррористической комиссии и оперативного штаба Дагестана.

Некоторые верующие-родители из религиозных соображений не отмечают Новый год, но не запрещают своим детям в детских дошкольных учебных заведениях и общеобразовательных школах участвовать в его праздновании.

Проблеме Нового года и других праздников на Кавказе в постсоветское время была посвящена и онлайн-дискуссия «Веселья час и час разлада: о праздниках на Кавказе», организованная интернет-СМИ «Кавказский узел».

По данным Зелимхана Харачоевского, Рамзан Кадыров потребовал вести учёт детей и их родителей, которые отказываются принимать участие в праздновании Нового года по религиозным соображениям. Отказ участвовать в празднике, который даже по христианским канонам считается языческим, объявлен терроризмом [75].

Неприятие Нового года наблюдается и в других регионах Кавказа, и это связано с влиянием ислама. Как считают эксперты, необходим разумный компромисс. Недопустимо как навязывание этого праздника, так и активное противодействие ему.

Празднование традиционных календарных праздников весны и первой борозды в Дагестане носит стабильный и устойчивый характер не только в сельской местности, но и в городе. Их празднование как в советское время, так и в последние годы способствует сохранению этнической идентичности народов Дагестана в условиях глобализации.

Хотя у каждой народности Дагестана праздник имеет свое наименование, в республике традиция его называют по-азербайджански «Новруз/Навруз».

С разъяснением истоков этого древнего праздника, его смысла и значения для традиционной духовной культуры народов Дагестана на страницах республиканской газеты выступила доктор исторических наук А.Г. Булатова [8, с. 1].

Несмотря на проводимые в последние десятилетия экономические реформы, кризис, сложную политическую ситуацию, Навруз/Новруз всегда отмечался в Дагестане. С 2000 г. он отмечается на республиканском уровне. Так, по сложившейся традиции в г. Махачкале вечером с 21 на 22 марта горожане-лакцы и других национальностей Дагестана отмечают «Ночь весны» – «Интнил хьхьу».

Все постсоветские годы отмечают праздник начала весны в г. Каспийске. Практически в каждом дворе этого города, на детских площадках многоэтажных домов дети и подростки разжигают большие костры.

Праздник «Эбелцан» отмечают с 1991–1992 гг. и по настоящее время табасаранцы Махачкалы, Каспийска, Дербента и Дагестанских Огней. Помимо разжигания костров и перепрыгивания через них, практикуется хождение в гости к соседям и родственникам с угощением традиционными блюдами – варевом *кьюяр* и *дангу*, блинами *гьванжрар*, пирогами *члергьни галар*, *афар*, *цликаб*, вареными яйцами. Традиционно для жителей этих городов табасаранским профессиональным театром устраивается праздничное представление «Эбелцан» [6, с. 216].

В 2016 году в Дербенте, по инициативе Историко-культурного центра «Дербент», объединенный праздник «Новруз-Байрам – Яран Сувар – Эбелцан» прошел 18 марта на территории музея-крепости «Нарын-Кала».

Следует отметить, что лезгинский праздник «Яран Сувар» отмечают не только горожане республики, но и дагестанцы, проживающие в других городах нашей страны, в частности в Москве [21] и Санкт-Петербурге [42].

Между тем как в Дагестане, так и за его пределами имеются противники празднования праздника весны, как языческого [2]. В частности, в марте 2016 г. религиозными радикалами был подожжен дом-музей Сулеймана Стальского в отместку за празднование сельчанами праздника наступления весны «Яран Сувар», который по исламу является кощунственным [18].

Запретили праздновать «Новруз-байрам» в 2016 г. и власти Турции, несмотря на то, что этот праздник является для турков традиционным [68, с. 71–80].

Ураза-Байрам – один из главных праздников исламского календаря, знаменующий завершение поста, который длится в течение священного месяца рамадан. Традиция празднования дня разговения ведёт своё начало со времён пророка Мухаммеда, с 624 года [62, с. 89].

Если в советское время конфессиональная деятельность в Дагестане была строго регламентирована государством [1, с. 19–23], то с началом перестройки наблюдается улучшение государственно-религиозных взаимоотношений.

С введением в действие Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» (октябрь 1990 г.) и Закона РД «О свободе совести и религиозных организаций» (1991 г.) свобода религиозной жизни получила новое правовое обоснование, что сразу же нашло реальное проявление: стало увеличиваться число религиозных объединений, действующих конфессий, получили право законной деятельности ранее считавшиеся запрещенными или действующие полулегально религиозные организации. Это свидетельствует о том, что в Дагестане обеспечено право каждого гражданина свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения, исповедовать любую религию и создавать религиозные объединения [28, с. 250].

Одним из показателей исламского постсоветского возрождения в республике стало празднование мусульманских праздников. Следует отметить, что празднование Ураза-байрама и Курбан-байрама в Дагестане приобрело характер общенародных праздников. Стало традицией, когда верующих с праздником поздравляет глава республики [57, с. 1].

Наряду с Ураза-байрамом другим главным для мусульман праздником является праздник жертвоприношения – *Курбан-Байрам*. Он отмечается на десятый день месяца зуль-хиджа, 12-го месяца мусульманского лунного календаря, и знаменует собой завершение хаджа – паломничества в Мекку в Саудовской Аравии.

Накануне праздника принято соблюдать пост. Наступает Курбан-Байрам с восходом солнца и длится три-четыре дня, первый из которых в некоторых регионах РФ (Дагестан, Чечня, Ингушетия, Татарстан и др.) является нерабочим. Мусульмане совершают полное

омовение, надевают новую одежду и направляются в мечеть к утренней молитве. В этот же день принято ходить в гости и обмениваться подарками, а также посещать кладбища, чтобы у могил молиться за умерших. В знак служения Богу проводится обязательный обряд жертвоприношения. Мясо делят на три части: одну отдают бедным, из второй готовят угощение для родных, соседей, друзей, а третью оставляют своей семье [46].

В соответствии с указом Государственного Совета Республики Дагестан от 15 марта 2000 г. № 67 «Об объявлении дня мусульманского праздника Курбан-Байрам нерабочим днем» день праздника является выходным. Иногда выходными днями в дни праздника объявляется несколько дней [33].

В последние годы власти республики заблаговременно определяют площадку для забоя жертвенных животных. В 2015 г. для проведения ритуала был выбран ипподром, где были установлены загоны для животных, помещения для совершения омовения и намаза, пункты питания. Накануне праздника организовываются сельскохозяйственные ярмарки [14].

Отмечают Курбан-Байрам и мусульмане других городов России, например, Москвы [54].

Таким образом, в связи с деидеологизацией общественных отношений в постсоветское время, новых взаимоотношений между государством и религиозными организациями, можно отметить возрастание влияния религии на общественную жизнь населения республики. Большую роль в этом играют исламские религиозные праздники, которые приобрели характер государственных и общенародных праздников среди мусульманского населения России и Дагестана.

Наряду с Рождеством Христовым одним из самых важных христианских праздников является *Пасха, Воскресение Христово, Светлое Христово Воскресение*. Непосредственно перед Пасхой верующие собираются в храме, откуда в полночь начинается крестный ход с громким пением стихиры праздника. Затем шествие подходит к дверям храма и начинается богослужение пасхальной утрени [38, с. 414–423]. В Дагестане, праздник с давних пор отмечает большинство верующих христиан в Кизляре, Махачкале, Каспийске и других городах республики [64, с. 155].

Корреспондент сайта «Кавказская политика» Г. Арифмезова: «Казалось бы, специфический для Дагестана праздник – православная Пасха, на самом деле отмечается здесь еще с советских времен. Дагестанцы-мусульмане, естественно, не участвуют в церковном регламенте, но охотно раздают сладости детям, милостыню – нищим, и посещают могилы своих родных и близких, как традиционно это делают православные. По-настоящему широко праздник отмечается в районах

с преобладающим количеством русскоязычного населения – Кизлярщина, Тарумовский район.

Власти Дагестана на дни пасхальных праздников предпринимают повышенные меры безопасности, силовые структуры переводятся на усиленные режимы ведения службы» [4]. К сожалению, принятые меры оказались недостаточными, и не предотвратили трагедии, произошедшей в Кизляре 18 февраля 2018 г., когда в последний день Масленицы религиозным экстремистом было убито пятеро прихожан церкви г. Кизляр [55].

Ежегодно христиане, проживающие в республике, а также все желающие приглашаются на празднование светлого дня Воскресения Христова. 14 апреля 2015 г. в Русском театре г. Махачкалы в организации праздничного концерта приняли участие Министерство культуры Дагестана, Республиканский Дом народного творчества РД, а также Махачкалинская и Грозненская епархии, Комитет по свободе совести. Верующих поздравил епископ Махачкалинский и Грозненский Варлаам [59].

Практически все горожане-дагестанцы, исповедующие ислам, обязательно поздравляют с пасхой своих друзей и соседей-христиан.

Можно отметить значимость для верующих христиан республики праздника Пасхи, к которому толерантно относятся и представители других конфессий Дагестана. Все это позволяет утверждать об общенародном характере этого праздника в республике.

С давних пор [3, с. 71] иудеи Дагестана отмечают *Песах*. В последние годы иудейский *Песах* отмечается как республиканский праздник. Например, в 2015 г. в Национальной библиотеке им. Р. Гамзатова состоялось праздничное мероприятие, посвященное иудейской Пасхе – *Песах*. Мероприятие было организовано Комитетом по свободе совести, взаимодействию с религиозными организациями РД и Советом иудейских общин республики при содействии Минкультуры, Минобразования и Минтруда РД и прошло в рамках республиканского фестиваля татской традиционной культуры «Шори Ники» («Голос вечности»). По завершении мероприятия гостей пригласили попробовать традиционные праздничные блюда, основным из которых является маца (пресная лепешка) [56]. Поздравить с этим главным праздником горских евреев по традиции приходят представители других народностей и вероисповеданий республики. Это свидетельствует о том, что *Песах* также становится общенародным для всего Дагестана.

Перешли в новый российский календарь советские праздники – День защитника Отечества (23 февраля) и Международный женский день (8 марта). В последние годы немало дагестанцев в знак солидарности с чеченцами, ингушами [77] и балкарцами [20] не празднуют эти праздники, т. к. эти дни календаря являются скорбными датами в

истории репрессированных и депортированных народов. Не одобряют эти праздники и представители мусульманского духовенства, считающие их неисламскими.

1 мая – Праздник весны и труда – один из наиболее популярных и любимых праздников горожан Дагестана. Многие дагестанцы еще помнят первоначальное название этого праздника – День международной солидарности трудящихся. Как бы ни называли этот майский день, «для многих 1 мая традиционно символизирует возрождение и приход весны. Большой эмоциональный заряд, который он несет в себе, связан не только с ощущением весеннего пробуждения природы, но и с восприятием 1 мая как общего торжества, сплачивающего всех россиян» [60].

9 мая – праздник Победы. В Дагестане, несмотря на распад СССР и сложную общественно-политическую ситуацию, традиция празднования Дня Победы не прерывалась никогда. Об этом свидетельствует принятое 18 апреля 1992 г. постановление Президиума Верховного Совета Республики Дагестан «О праздновании 47-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [29, с. 1]. Этот праздник до сих пор популярен у всех горожан Дагестана без различия их национальности и вероисповедания [11; 17].

Праздник в честь Великой Октябрьской социалистической революции. В результате событий августа 1991 года КПСС потеряла власть и была запрещена, поэтому 7 ноября 1991 года официальных мероприятий по случаю годовщины Октября уже не проводилось. Тем не менее, в этот день на Красной площади и во многих городах проводились неофициальные многотысячные митинги сторонников социализма и советской власти. С 1992 г. в России 8 ноября стал рабочим днём.

В 1996 г. по указу Президента РФ вместо годовщины Великой Октябрьской социалистической революции стал отмечаться День согласия и примирения. Этот праздник просуществовал до 2004 года. С 2005 года в связи с учреждением нового государственного праздника – Дня народного единства – 7 ноября перестал быть выходным днём. Это вызвало неоднозначную реакцию в Дагестане: были как сторонники этого шага [24, с. 1], так и ярые противники его [51, с. 1].

Этот праздник отмечают функционеры и люди старшего поколения. Например, 7 ноября 2016 г. в Кизляре в парке возле памятника В.И. Ленина состоялся митинг, посвящённый 99-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции [44].

Дни рождения и смерти В.И. Ленина и И.В. Сталина. Несмотря на деидеологизацию общественных отношений, многопартийность и плюрализм, коммунистические идеи, классики марксизма-ленинизма довольно популярны в постсоветском Дагестане. Годовщины со дня

рождения и смерти В.И. Ленина и И.В. Сталина отмечают в основном члены КПРФ и сочувствующие этой партии, а также люди старшего поколения.

Новые государственные праздники России. День России (День независимости России). В 1994 году 12 июня был объявлен государственным праздником. Формально это самый главный из современных государственных праздников в стране. От этой даты можно вести отсчет начала становления новой российской государственности, основанной на принципах конституционного федерализма, равноправия и партнерства [23]. Однако этот праздник неоднозначно воспринимается общественностью России. Есть и ярые противники этого праздника, считающие Ельцина государственным преступником, 12 июня – черным днем календаря, а День России – днем катастрофы, измены Родине руководства России, захвата страны врагом, днем зависимости России, днем национального позора и траура [5; 47; 72].

Что касается празднования этого общероссийского государственного праздника в Дагестане, то большинство горожан республики не могут понять смысла этого праздника, а также того, по какому поводу он празднуется. Жители республики выходной день, установленный в связи с этим праздником, посвящают отдыху, общению с семьей и друзьями, а также домашним делам.

День народного единства России – это государственный праздник, который ежегодно отмечается 4 ноября. В честь дня Казанской иконы Божьей матери и славной победы русской армии над польскими интервентами президент РФ В. Путин в 2005 г. подписал указ об учреждении в России нового государственного праздника – Дня народного единства [36]. Дагестанцы отмечают этот праздник со всей страной со дня его провозглашения [34, с. 1].

Имеются противники и праздника Дня народного единства России [61]. С обоснованием своей позиции неприятия Дня единства на страницах «Комсомольской правды» в 2016 году выступила журналист Ульяна Скобейда [67]. Как и по всей стране, в Дагестане есть как симпатизирующие этому празднику [26, с. 1], так и ярые противники его, считающие, что этим праздником власти пытаются подменить и вытравить из памяти 7 ноября – день Великой Октябрьской социалистической революции [49, с. 1].

У горожан Дагестана отношение к этому государственному празднику такое же, как и к предыдущему, – не понимая смысла этого праздника, подменившего привычный им праздник, они рады еще одному выходному дню.

День единства народов Дагестана – праздник достаточно новый. Впервые он отмечался в республике 15 сентября 2011 г. стал официальным выходным днём. В декабре 2010 г. на III съезде народов

Дагестана было принято решение ввести в республике новый праздник – День единства народов Дагестана [31]. Указом Президента Республики Дагестан от 6 июля 2011 г. было постановлено отмечать его 15 сентября – в день, когда дагестанская армия повергла в бегство полчища Надир-шаха. Целью праздника провозглашались единение и консолидация многонационального народа Дагестана [32].

В республике День единства народов Дагестана воспринимается неоднозначно. Многие горожане задаются вопросом – а разве мы до этого праздника не были едины? В этот праздник жители республики отдыхают в кругу семьи.

Нетрадиционные для России и Дагестана праздники. День Святого Валентина – праздник, который отмечается 14 февраля во многих странах мира. Предположительно он назван по имени одного из двух раннехристианских мучеников с именем Валентин – Валентин Интерамнский и Валентин Римский [37, с. 522]. В России этот праздник носит светский характер и отмечается с начала 90-х годов XX века [43]. Отношение католической и православной церквей к этому празднику неоднозначное [45, с. 1]. Неодобрительно относятся к празднику некоторые иерархи Русской Православной Церкви [70]. Отношение исламского духовенства к этому празднику негативное [35; 71].

Хэллоуин. Истоки этого праздника берут начало в кельтской культуре Ирландии и Шотландии. Отмечался он 31 октября в канун Дня всех святых [25, с. 70–94]. С конца XX века мода на атрибутику Хэллоуина появилась также в неанглоязычных странах Европы, некоторых государствах Азии. Дети стали наряжаться в костюмы чудовищ и ходить по соседским домам, выторговывая сладости. Устраивались маскарады, а в окно выставлялась полая тыква с вырезанными глазами и ртом и со свечкой внутри, чтобы отпугнуть злых духов.

Попытки культивирования этого праздника в России встречают ожесточенное сопротивление со стороны государственных структур, общественных организаций, христианского и мусульманского духовенства и отдельных граждан [27].

В Дагестане *Хэллоуин* стали отмечать с середины 90-х гг. XX в. в основном учащиеся (в рамках уроков английского языка) и студенты (в основном филологического факультета и факультета иностранных языков ДГУ и ДГПУ), а также представители творческой интеллигенции и неформальная часть общества (просоциальные группы). Подтверждение этому – костюмированное шоу в одном из столичных кафе» [76]. Такое же костюмированное представление со светильниками из тыкв, конкурсами, танцами, стихами о вампирах имело место в г. Махачкале, в анти-кафе «Место» 31 октября 2014 г. В нем принимало участие около 30 человек разных возрастов (от 30 до 70 лет) и про-

фессий [40]. 31 октября 2015 г. этот праздник отмечали студенты Дагестанской медакадемии. Публикация фотографий этого праздника в ДГМА на Фэйсбуке вызвало шквал негативных откликов (106 публикаций и 57 комментариев к ним) дагестанцев и других россиян, осуждающих празднование этого языческого кельтского праздника в Дагестане [52].

С осуждением навязывания населению праздника *Хэллоуин*, «как попытки девальвировать наши духовные ценности, в том числе общегосударственные праздники, являющиеся скрепами единой, неделимой державы, символами патриотизма», выступил журналист Дагестанской правды» А. Магомедов. Он отметил, что «для либералов и псевдопатриотов российский патриотизм вроде осинового кола нечистой силе. Иначе бы в канун 4 ноября они заговорили об историческом величии России, а не о каком-то Хэллоуине, абсолютно инородном явлении, которое они пытаются имплантировать в сознание не только школьников, но даже воспитанников детских садов» [50, с. 1].

Фестиваль красок. В последние годы в Дагестане предпринимаются попытки внедрения нетрадиционных для России праздников. Одним из них явился индийский Фестиваль красок Холи [73]. Попытка его празднования в августе 2016 г. в Махачкале вызвала шквал негодования дагестанцев [15; 39], в результате чего он был отменен. Правда, были и защитники праздника [53]. Противники и защитники этого праздника активно обсуждали его в социальных сетях. Например, обсуждение этого праздника 8 августа 2016 г. в социальной сети Instagram вызвало 632 комментария пользователей [72].

Таким образом, попытки внедрения в культурную среду Дагестана нетрадиционных для страны и республики праздников (День Святого Валентина, Хэллоуин, Фестиваль красок и др.) встречают негативное отношение к ним со стороны большей части населения республики [65; 66].

Общей тенденцией праздничной календарной обрядности современного Дагестана является усиление позиций мусульманских религиозных праздников и ослабление позиций, а иногда игнорирование и прямой бойкот светских (новых российских праздников), языческих (праздник первой борозды и весны), христианских (*Новый год* и *День Святого Валентина*) и нетрадиционных (*Хэллоуин*, *Фестиваль красок*) праздников. В то же время дагестанцы в целом толерантно относятся к празднованию русскоязычным населением Дагестана христианских и иудейских праздников. Имеют своих сторонников возникшие как идеологические и перешедшие в новый российский праздничный календарь старые советские праздники (годовщины Великой Октябрьской революции, дни рождения В.И. Ленина и И.В. Сталина).

Литература

1. *Абдулагатов З.М.* Проблемы и тенденции становления современных государственно-конфессиональных отношений в России: на примере православия и ислама. – Махачкала, 2006.

2. *Алимчулов М.* Навруз – неисламский праздник // Сайт «Islam.ru». – Режим доступа: <http://www.islam.ru/content/obshestvo/41106> (дата обращения: 21.03.2018).

3. *Анисимов И.Ш.* Кавказские еврей-горцы. – М.: Наука, 2002. – 190 с.

4. *Арифмезова Г.* Как отмечают Пасху в Дагестане: «Традиционный русский праздник в многонациональном Дагестане давно стал общедагестанским» // Кавполит. – Режим доступа: http://kavpolit.com/articles/kak_otmechajut_pashu_v_dagestane-3423/ (дата обращения: 20.04.2014).

5. *Аршинов К.* Не мой праздник // Сайт «Гвоздика – Новости мира». – Режим доступа: <http://gvozd.su/?p=29284> (12.06.2016).

6. *Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербекво Р.И.* Быт и культура табасаранцев в XIX–XX веках. – Махачкала, 2004. – 266 с.

7. *Булатова А.Г.* Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX – нач. XX в. – Л.: Наука, 1988. – 199 с.

8. *Булатова А.Г.* Праздник весны: истоки и традиции // Дагестанская правда. – 1992. – 26 марта. – № 61 (20413). – С. 1–4.

9. *Булатова А.Г.* Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 288 с.

10. В Дагестане во время празднования Дня Победы подрались 500 человек // Сайт «Лента. RU». – Режим доступа: <http://www.46tv.ru/line/russia/004792/> (дата обращения: 10.05.2012).

11. В Дагестане началась подготовка к празднованию Дня Победы // Сайт «VIPERSON». – Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/v-dagestane-nachalas-podgotovka-k-prazdnovaniyu-dnya-pobedy> (дата обращения: 17.04.2006).

12. В Дагестане не будут отменять празднование Дня Победы из-за теракта // Сайт «РИА Новости». – Режим доступа: <https://ria.ru/society/20120505/641808667.html> (дата обращения: 05.05.2012).

13. В Дагестане открыли бюст Сталина // Авторский блог редакции «Завтра». – Режим доступа: <http://zavtra.ru/blogs/v-dagestane-otkryili-byust-stalina> (дата обращения: 24.05.2012).

14. В Дагестане подготовились к празднику жертвоприношения // Сайт «RRNEWS.RU». – Режим доступа: <http://rrnews.ru/note/u-10545/2015/09/23/124397> (дата обращения: 23.09.2015).

15. В Дагестане после угроз отменен фестиваль красок Холи // Сайт «Медиазона». – Режим доступа: https://zona.media/news/2016/07/08/kraski_05 (дата обращения: 07.08.2016).
16. В Дагестане произошел теракт во время празднования Дня победы // Сайт «TUT.BY». – Режим доступа: <http://news.tut.by/society/15153.html> (дата обращения: 09.05.2002).
17. В Дагестане прошли конные скачки в честь празднования Дня Победы // Сайт «Интердаг». – Режим доступа: <http://www.interdag.ru/news/9415/v-dagestane-proshli-konnye-skachki-v-chest-prazdnovaniya-dnya-pobedy> (дата обращения: 10.05.2016).
18. В Дагестане сгорел дом-музей поэта Сулеймана Стальского // Сайт информационного агентства «REGNUM». – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/2103668.html> (дата обращения: 23.03.2016).
19. В Дагестане 9 мая 2012 г. были ранены семь полицейских // Сайт «LENTA.RU». – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2012/05/10/holiday/> (дата обращения: 10.05.2012).
20. В Кабардино-Балкарии 8 марта отметят 70-летие депортации балкарского народа // Сайт Информационно-аналитического агентства «NatPress». – Режим доступа: <http://www.natpressru.info/index.php?-newsid=8800> (дата обращения: 07.03.2014).
21. В Москве отметили «Яран Сувар» // Сайт «SKFO.RU». – Режим доступа: http://skfo.ru/article/item/423_V_Moskve_otmetili_YAran_Suvar_300/ (дата обращения: 25.03.2015).
22. В Панкиси елки загораются иначе // Сайт «Эхо Кавказа». – Режим доступа: <http://www.ekhokavkaza.com/content/article/27458124.-html> (дата обращения: 30.12.2015).
23. *Верещагина С.* 12 июня в России отмечается День России // Сайт [www.inmoment.ru](http://www.inmoment.ru/holidays/day-russia). – Режим доступа: <http://www.inmoment.ru/holidays/day-russia> (дата обращения: 12.06.2016).
24. *Гайдаров Г.* Отмененный праздник // Дагестанская правда. – 2005. – 14 декабря. – № 277 (24007). – С. 1–4.
25. *Гроздова Н.Н.* Народы Британских островов // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: летне-осенние праздники. – М.: Наука, 1978. – С. 70–94.
26. *Громов А.* Понять и принять // Дагестанская правда. – 2005. – 8 ноября. – № 245 (23975). – С. 1–4.
27. *Гуров А.* Давайте не будем позориться – в России нет праздника Хэллоуин // Фэйсбук. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=883262001806595&set=a.199681470164655.49117.100003684112410&type=3&theater> (дата обращения: 25.10.2016).

28. Дагестан на рубеже веков: приоритеты устойчивого и безопасного развития / отв. ред. и сост. А.К. Алиев. – М., 1998.

29. Дагестанская правда. – 1992. – 18 апреля. – № 73 (20425). – С. 1–4.

30. Дагестанская правда. – 1992. – 8 августа. – № 153 (20505). – С. 1–4.

31. Дагестанская правда. – 2010. – 15 декабря. – № 434–435 (26106–26107). – С. 1–4.

32. Дагестанская правда. – 2011. – 12 июля. – № 237–238 (26385–26386). – С. 1–4.

33. Дагиев А. В Дагестане в честь Курбан-байрама объявлено три выходных дня // Сайт «Российской газеты». – Режим доступа: <https://rg.ru/2013/10/10/reg-skfo/kurban-anons.html> (дата обращения: 10.10.2013).

34. Дейнега А. День народного единства: 4 ноября дагестанцы вместе с россиянами впервые отметили новый государственный праздник // Дагестанская правда. – 2005. – 8 ноября. – № 245 (23975). – С. 1.

35. Десаи И. Почему нельзя праздновать день Валентина? // Сайт «ASKIMAM.RU». – Режим доступа: <http://askimam.ru/fatwa-istoriya/pochemu-nelzya-prazdnovat-den-sv-valentina/> (дата обращения: 14.02.2009).

36. Добрыкина М. День народного единства в России – 4 ноября 2016, все о празднике // Сайт «Pozdrav.A-angel.ru». – Режим доступа: <http://pozdrav.a-angel.ru/prazdniki/den-narodnogo-edinstva.html> (дата обращения: 04.11.2016).

37. Зайцев Д.В., Бугаевская Л.А. Валентин // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: в 42 т. – М.: Православная энциклопедия, 2003. Т. 6. – С. 522.

38. Иванов М.С., Лукашевич А.А., Квливидзе Н.В. Воскресение Иисуса Христа // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. IX. – С. 414–423.

39. Индуистский Фестиваль красок Холи в Махачкале отменен после протестов жителей Дагестана // Информационно-аналитический портал «OnKavkaz». – Режим доступа: <http://onkavkaz.com/novosti/855-induistskii-festival-krasok-holi-v-mahachkale-otmenen-posle-protestov-zhitelei-dagestana.html> (дата обращения: 08.08.2016).

40. Кадиев Р. Хэллоуин в Махачкале // Фэйсбук. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=933045343399352&set=a.193251087378785.36615.100000816845919&type=3&theater> (дата обращения: 31.10.2015).

41. Кадыров проклял Сталина за депортацию чеченского народа // Сайт Информгентства «Национальная служба новостей». – Режим доступа: <http://nsn.fm/hots/kadyrov-proklyal-stalina-za-deportaciyu-chechenskogo-naroda.html> (дата обращения: 23.02.2018).

42. *Каинбеков Н.* Лезгины Санкт-Петербурга отметили «Яран Сувар» // Лезгинский информационный портал «ЛезгиЯр». – Режим доступа: http://lezgiyar.ru/news/lezginy_sankt_peterburga_otmetili_jaran_suvar_foto/2016-03-24-4206 (дата обращения: 24.03.2016).

43. *Калинина Н.* День Святого Валентина: история, легенды, подарки // Сайт «Великая эпоха». – Режим доступа: <http://www.epochtimes.ru/content/view/57220/81/> (дата обращения: 20.01.2012).

44. Коммунисты Кизляра отметили 99-ю годовщину Великой Октябрьской революции // Сайт «Дагестанского рескома КПРФ». – Режим доступа: <http://kprfrd.ru/main/269-kommunisty-kizlyara-otmetili-99-yu-godovschinu-velikoy-oktyabrskoy-revolyucii.html> (дата обращения: 08.11.2016).

45. *Куряев А.* 14 февраля – День Святого Валентина? // Православие в Татарстане. – 2009. – 14 февраля. – С.1–4.

46. Курбан Байрам // Сайт «Islam-today». – Режим доступа: http://islam-today.ru/islam_v_mire/kurban-bajram/?yclid=7218126020233664774 (дата обращения: 31.07.2015).

47. *Легейда А.* Две даты несовместимые... // Сайт «prometej.info». – Режим доступа: <http://prometej.info/blog/diskussiya/dve-daty-nesovmestnye/> (дата обращения: 12.06.2016).

48. Лезгины столицы вновь собрались в «Королевском» зале, чтобы вместе отметить любимый праздник «Яран сувар» // Сайт «Лезги газет». – Режим доступа: <https://lezgigazet.ru/archives/24096> (дата обращения: 19.03.2018).

49. *Магомедов А.* С праздником, господа-товарищи! // Дагестанская правда. – 2005. – 8 ноября. – № 245 (23975). – С. 1–4.

50. *Магомедов А.* Истоки нашей мощи и единства // Дагестанская правда. – 2016. – 3 ноября. – № 314-315 (28957-28958). – С. 1–4.

51. *Магомедов М.* Этот праздник не отменить // Дагестанская правда. – 2005. – 27 декабря. – № 289-291 (24019-24021). – С. 1–4.

52. *Магомедов Р.* Хэллоуин в ДГМА // Фэйсбук. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=887924481315051&set=a.811343852306448.1073741827.100002925232945&type=3&theater> (дата обращения: 02.11.2015).

53. *Маширикова К.* Разврат – в ваших головах // Сайт «Молодежь Дагестана». – Режим доступа: http://www.md-gazeta.ru/articles/-obshchestvo/razvrat_v_vashikh_golovakh/ (дата обращения: 12.08.2016).

54. Мусульмане по всему миру с завершением хаджа празднуют Курбан-байрам // Сайт «ТАСС». – Режим доступа: <https://news.-mail.ru/society/27078596/?social=fb> (дата обращения: 12.09.2016).

55. *Ниналов С.* Трагедия в Кизляре // Сайт «МКРУ». – Режим доступа: <http://mkala.mk.ru/articles/2018/02/22/tragediya-v-kizlyare.html> (дата обращения: 22.02.2018).

56. Пейсах в Дагестане // Сайт «Информ-агентства «Дагестан Сегодня». – Режим доступа: <http://dagestan-today.com/culture/4649-peysah-v-dagestane.html> (дата обращения: 06.04.2015).

57. Поздравление президента Дагестана с наступлением месяца Рамазан // Дагестанская правда. – 2011. – 30 июля. – № 280–281 (26428–26429). – С. 1–4.

58. *Полищук Н.С.* У истоков советских праздников // Советская этнография (далее – СЭ). – 1987. – № 6. – С. 3.

59. Православная Пасха в Дагестане // Информ-агентство «Дагестан Сегодня». – Режим доступа: <http://dagestan-today.com/culture-/4758-pravoslavnaya-pasha-v-dagestane.html> (дата обращения: 12.04.2015).

60. Праздник весны и труда // Сайт «Calend.ru». – Режим доступа: <http://www.calend.ru/holidays/0/0/37/1/> (дата обращения: 01.05.2016).

61. *Разин С.* Потребность в праздниках народного единства появляется тогда, когда это единение отсутствует // Сайт интернет-издания «Накануне.RU». – Режим доступа: <https://www.facebook.-com/photo.php?fbid=291061564626772&set=a.108987699500827.1073741827.100011687915354&type=3&theater> (дата обращения: 04.11.2016).

62. *Резван Е.А.* Ид ал-Фитр // Ислам: энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С. 89.

63. Республика Дагестан: ко дню рождения В.И. Ленина // Сайт «Дагестанского рескома КПРФ». – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/regnews/141741.html> (дата обращения: 21.04.2015).

64. *Ризаханова М.Ш.* Дагестанские русские. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. – Махачкала, 2001. – 263 с.

65. *Сефербеков М.Р.* Роль социальных сетей в бойкоте концертов и праздников – феномен современной городской культуры Дагестана // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред. М.Ю. Мартынова. – М.; Казань: ИАЭ РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – С. 69–70.

66. *Сефербеков М.Р.* Обрядовые практики в пространстве современного дагестанского города // Материалы Межд. научно-практ. конференции «Дагестан в XX – начале XXI века: проблемы социально-экономической и культурной модернизации», посвященной 100-летию образования ДАССР, 90-летию открытия ДГУ и 60-летию осво-

ения космоса (г. Кизляр, 12 апреля 2021 г). – Кизляр: ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» филиал в г. Кизляре; Муниципальное образование «г. Кизляр», 2021. – С. 242–246.

67. *Скобейда У.* Почему я отмечаю День Великой Октябрьской Социалистической революции, а не день вашего единства // Сайт «Комсомольской правды». – Режим доступа: <http://www.stav.kp.ru/daily/26603.4/3619653/> (дата обращения: 06.11.2016).

68. *Тенищева А.Э.* Празднование *Невруза* и *Хыдыреллеза* в Турции // СЭ. – 1991. – № 6. – С. 71–80.

69. *Тикаева Ф.* Депортация без права на родину: в Нальчике отмечают 72-ю годовщину геноцида балкарского народа // Сайт «Кавполит». – Режим доступа: http://kavpolit.com/articles/deportatsija_bez_prava_na_rodinu-24041/ (дата обращения: 08.03.2016).

70. *Тимова М.В.* День Святого Валентина: история праздника // Новостной портал «NEWS». – Режим доступа: <http://news.bcm.ru/society/2010/2/03/4073/1> (дата обращения: 03.02.2010).

71. *Туаев М.* Жители Дагестана и Чечни отказываются от празднования Дня святого Валентина // Сайт ленты новостей «Кавказский узел». – Режим доступа: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/277620/#.-VsD_N3BDIYE.twitter (дата обращения: 15.02.2016).

72. Фестиваль красок // Instagram. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/VIxC0saBPG> (дата обращения: 08.08.2016).

73. Фестиваль красок в Махачкале // Видеохостинг «Youtube». – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=a3DYMRAHkdU> (дата обращения: 21.08.2015).

74. *Фурсов А., Кирякова Е., Рычков Е.* День России в Ельцин Центре // Сайт «Накануне.RU». – Режим доступа: <http://dobarhistory.blogspot.ru/2016/06/yeltsin-center.html> (дата обращения: 10.06.2016).

75. *Харачоевский З.* Игнорирующие Новый год объявлены в Чечне преступниками // Сайт информационно-аналитического портала «OnKavkaz». – Режим доступа: <http://onkavkaz.com/blogs/1622-ignoriruyuschie-novyi-god-objavleny-v-chechne-prestupnikami.html> (дата обращения: 01.01.2017).

76. Хэллоуин теперь празднуют и в Дагестане // Сайт РГВК. – Режим доступа: <http://rgvktv.ru/news/10884> (дата обращения: 01.11.2011).

77. 23 февраля – день депортации вайнахов. «Это был день тьмы и плача...» // Сайт Интернет-СМИ «Кавказский узел». – Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/1927/posts/23892> (дата обращения: 21.02.2016).

Глава VI. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДОВ ДАГЕСТАНА

1. Топонимическая система современных дагестанских городов

Урбанонимический фрагмент языковой картины мира, отраженный в сознании носителей языка, представляет собой открытую многослойную полифункциональную систему топонимов, так называемый лингвистический ландшафт географического объекта. Топосистема уникальна для каждого лингвокультурного географического контекста, поскольку отражает социокультурные и исторические аспекты его формирования. Топоним есть имя собственное, то есть явление в большей степени социальное, включающее в свой состав механизмы и закономерности формирования, как собственно-языкового, так экстралингвистического характера. Соответственно основные пути формирования и становления топосистемы любого региона во многом схожи и аналогичны.

Республика Дагестан является уникальным регионом, который называют *современным Вавилоном*: на относительно небольшом географическом отрезке проживают больше трех десятков народностей, функционируют 14 письменных и 18 бесписьменных языков. Дагестан выступает ценнейшим источником для проведения ономастических, социо- и этнолингвистических исследований.

В состав республики входят 10 городов – Махачкала, Дербент, Каспийск, Кизляр, Кизилюрт, Хасавюрт, Южно-Сухокумск, Дагестанские Огни, Буйнакск, Избербаш.

Современный дагестанский город характеризуется своим динамичным развитием, территориальным ростом и постоянным появлением новых имен на городской карте. Синхронный аспект урбанонимической системы позволяет выявить современный социоллингвистический климат, состав и мотивировку наименований, семантическую и словообразовательную структуру топонимических единиц. Синхронное изучение урбанонимии дагестанского города определяется рассмотрением ее на уровне последних двух десятков лет. При этом необходимым является и привлечение диахронического анализа, т. к. отдельные аспекты урбанонимии, как и системно-комплексное описание ее невозможно осуществить без исторической перспективы.

Исследование лингвистического ландшафта дагестанских городов представляет особый интерес, так как может позволить выявить, описать и понять языковые контакты, повседневное существование языков и языковой политики, схему распределения языков по выполнению ими различного рода функционально-коммуникативных задач в таком поликультурном и полиязыковом пространстве, как Дагестан.

Русский и национальные языки являются государственными языками, составляя основу лингвистического городского ландшафта. Однако на деле языки народов Дагестана не выполняют функции языка-дублера русского в наименованиях государственных учреждений, на вывесках и дорожных указателях, как, например, татарский язык в Казани или чеченский язык в соседней республике. В первую очередь, это связано с тем, что Дагестан не является мононациональной республикой как Татарстан, и практически реализовать такую задачу, имея 14 государственных языков, весьма проблематично. Тем не менее, этот факт создает уникальный и самобытный поликультурный фон, специфическую языковую эклектику, получившую отражение и в городском ономастиконе.

Столица Республики Дагестан – город *Махачкала* – представляет собой уникальное явление смещения русской и дагестанской лингвокультур, которые соединились в единое целое. Современная Махачкала берет свое начало с 1844 года, когда было заложено укрепление *Петровское* (позже – *Петровск*, *Морш*, *Петровск*) на холмистом взгорье *Анджи-Арка*, названное в память о пребывании в 1722 г. в этих местах Петра Первого во время Персидского похода. Интенсивное развитие города приходится на конец XIX – начало XX в. Свое современное название столица Дагестана, в которой сегодня проживает почти миллион человек, получила 14 мая 1921 г. в честь дагестанского революционера *Махача Дахадаева*: *Махач* (имя собст.) + *кала* («крепость»). Сегодня это современный, многонациональный, мультикультурный и поликультурный город.

Дербент – один из самых древних городов нашей страны и самый южный город Дагестана, богатый своей архитектурой, историей и культурой. Наименование города произошло от персидского *دربند* *Дарбанд*, что означает «закрытые (связанные) врата». Сегодня Дербент один из главных туристических центров Дагестана. Он включен в Федеральную целевую программу Министерства культуры РФ «Сохранение древних городов России».

Самым молодым дагестанским городом являются *Дагестанские Огни* (1990). Город вырос из поселка, построенного в 1914 г. при стекольном заводе. Получил населенный пункт свое название от горючего природного газа, который использовался в качестве источника энергии.

Анализ урбанистической системы показал, что основная часть современного языкового ландшафта дагестанских городов, представленная *годонимами* (топоним для обозначения улиц, проспектов, проездов переулков и т. п.) и *эргонимами* (названия коммерческих объектов предприятий), в целом соответствует общей тенденции глобализации, характерной российским городам. При этом активное использо-

вание англицизмов, типичное для уличных вывесок, сочетается с репрезентацией этнического компонента в виде наименований, рекламы на национальных языках.

Топонимическую систему можно отнести к наиболее устойчивым лексическим системам, но при этом подверженным трансформациям в результате общественно-политических изменений, языковых контактов, словотворчества и окказионализации, речевой экономии и др. Не всегда изменения в топонимических наименованиях могут носить официальный характер. Иногда название населенного пункта/топонимического объекта не меняется, а в устной речи горожан бытует прочно закрепившийся вариант топонима. Например, активно функционируют махачкалинские микротопонимы в виде таких упрощенных, укороченных и понятных, как правило, только жителям города названий, как *Редуха* и *Сипарка* (Редукторный и Сепараторный поселки – спальные районы Махачкалы), *Нефтегородок* (микрорайон возле Парка Ленинского комсомола), *Пятый поселок* и *Первуха* (микрорайоны города), *Собачий парк* (парк 50-летия Октября), *Узбекгородок* (район небольшого продуктового рынка и прилегающие к нему дома, магазины), *Джигит* (Памятник воину-освободителю), *Площадь* (Центральная площадь) и т. д. Подобного рода трансформация топонимов характеризуется этнокультурной спецификой исследуемой лексики, что обусловлена в большей мере экстралингвистическими факторами.

Топонимы, как правило, характеризуются поликомпонентной словообразовательной структурой.

Махачкала: проспекты *Гамидова*, *Акушинского*, улицы *Агачаульская*, *Рустамова*, *Чаринова* и т. п. Представлены и трехчленные модели топонимических наименований: улицы *1-я Интернациональная*, *Петра Первого*, *Азиза Алиева*, проспект *Аметхана Султана* и др.

Дербент: улицы *Вокзальная*, *Южная*, *Хизроева*, *Оскара*, *Нариманова*, *Махачкалинская* и т. п. Встречаются и многокомпонентные топонимы: улицы *3-го Интернационала*, *Генерала Араблинского*, *Сухая Речка*, *Трасса Ростов–Баку*, *Патриса Лумумбы*, переулки *25 лет Октября*, *1-й Красноармейский* и др.

Аналогичная картина наблюдается и в других дагестанских городах.

Каспийск: переулок *Дачный*, улицы *Гамзатова*, *Гаджиева*, *Двигательстрой*, *Западная*, *Заводская*, *Ермака*, *Гастелло*, *Гагарина*, *Гунибская*;

Амет-хан Абубакара, *Безымянная 2-я*, *Весна СНТ линия 1-9*, *Гамзата Цадасы*, *Каспийское шоссе* и др.;

Буйнакск: улицы *Дударова*, *Казали*, *Кирова*, *Колхозная*, *Энергетиков*, *Кадырага Кадарского*, *шейха Узун-Хаджи Салтынского*, *1-я*

Медиков; переулки Зульпукарова, Сенной, Казали Джанмурзаева, Муртазали Гаджиева и др.;

Кизилюрт: улицы Абдуллаева, Базарная улица, Вишневого, Восточная, Кавказская, Красная, Кооперативная, Пограничная, Кооперативная, Лесная, Пионерская, Верхняя Мостовая, Нижняя Мостовая, 6-я Линейная, Расула Гамзатова и др.;

Кизляр: улицы Аверьяновская, Баумана, Грибоедова, Дахадаева, Дружбы; проезд Леваневского; 12 Декабря, 2-я Садовая, 40 лет ВЛКСМ, им. Кизлярских воинов-интернационалистов, им. Бархударова Георгия Герасимовича, им. Бельского М.Е., им. Паламарчука Степана Яковлевича, Латышских Стрелков и др.;

Хасавюрт: улицы Автобусная, Автострада, Айтемирова, Батырая, Береговая, Грозненская, Горная, 40 лет Октября, Бамматюртовское шоссе, Братьев Джавбатыровых, Ветеранов войны, Идриса Эфенди, Народного ополчения; переулок Аварский; проезды Айнодина Гамзалаева, 10-й проезд и др.;

Южно-Сухокумск: улицы Абдулманапова, Багратиона, Бестужева, Гагарина, Жукова, Матросова, Муталимова, Тургенева, 26 Бакинских комиссаров, 30 лет Октября и др.

Названия улиц могут быть образованы от основ существительных при помощи суффиксов *-ск-*, *-инск-*: Кизилюртовская, Кизлярская, Горская, Солдатская, 3-й Хивский проезд, 3-й Вузовский тупик (**Махачкала**); Махачкалинская, Хазарская, Винзаводская, Прикаспийская, Приморская, Октябрьский проезд, Хуторской тупик (**Дербент**); Комсомольская, Ленинградская, Пивзаводская, Пионерская (**Буйнакск**); Кавказская, Октябрьская, Первомайская, Пионерская, Хунзахская, Сулакская (**Кизилюрт**); Заводская, Дагестанская, Дербентская, Армянская (**Кизляр**); Владикавказская, Гудермесская, Гумбетовская, Дагестанская, Дербентская, Избербашская, Гвардейская (**Хасавюрт**).

От основ существительных при помощи суффикса *-н-*: улицы Скульптурная, Созидательная, Спортивная, Степная, Созидательная (**Махачкала**); Карьерная, Колхозная, Крепостная, Молодёжная, Огородная, Озёрная, Окружная, Проектная (**Дербент**); Индустриальная, Колхозная, Овражная, Озерная, Кирпичный переулок (**Буйнакск**); Дорожная, Базарная, Восточная, 6-я Линейная, Южная, Станционная, Спортивная (**Кизилюрт**); Магистральная, Аэродромная, Радужная (**Южно-Сухокумск**); Автобусная, Аллейная, Бульварная, Бригадная, Горная, Виноградная (**Хасавюрт**).

Встречаются прилагательные с суффиксами *-ов*, *-ев*: улицы Береговая, Берёзовая, Гранатовая, Персиковая, Родниковая, Садовая, Штормовая (**Дербент**); Мостовая, Межевая, Мостовая, Почтовая (**Кизилюрт**); Лозовая, Луговая, Мостовая, Садовая (**Хасавюрт**) и др.

Названия образуют по модели «порядковое прилагательное + существительное», в роли существительного часто выступает термин: *1-й Сергокалинский тупик, 1-й Скульптурный тупик, 1-й Хивский проезд, 5-й Вузовский тупик, 2-й Бакинский проезд (Махачкала)*; улицы *3-го Интернационала, 1-й Красноармейский переулок, 1-й Магал, 1-я Продольная улица, 6-я Линия (Дербент)*; *1-я Медиков, 2-я Медиков (до 9-й), 1-я Темир-Таш, 2-я Темир-Таш, 3-я Темир-Таш (до 14-й) (Буйнакск)*; *Балюрт 1–13-я, 1-й проезд Воинов-интернационалистов, Западная улица 1-й проезд, Западная улица 2-й проезд, Кандаураульская улица 1-й проезд, Кандаураульская улица 10-й проезд, Лесные поляны 1-я улица, Лесные поляны 12-я улица (Хасавюрт)*.

Большинство топонимов представлено в виде двухсловных конструкций, в которых проприальный элемент – имя существительное в родительном падеже, как правило, с окончаниями *-а, -ого, -ов, -ой*: улицы *Пушкина, Айдынбекова, Алиевой, Давыдовой, Космодемьянской, Бестужева-Марлинского, Громаковского, Самурского, Ветеранов, Энергетиков, переулок Чапаева (Дербент)*; *Айвазовского, Азизова, Акушинского, Агасиева, Абубакарова, Белинского, Воинов-Интернационалистов, братьев Нурбагандовых, Лизы Чайкиной, Леваневского, Крупской (Махачкала)*; *Алиева, Малагусейнова, Мусаева, Полежаева, Абдуллаева, Абубакарова, Абдулмеджидова (Кизилюрт)*; *Буденного, Жуковского, Баумана, Глинки, Дахадаева, Декабристов, Багратиона (Кизляр)*; *26 Бакинских комиссаров, Ветеранов войны, Батырмурзаева, Казбекова, Королева, Курчатова, Космонавтов, Нефтяников, Самурского (Хасавюрт)*; *Мухаммада, Дзержинского, Есенина, Жукова, Малогусейнова, Маяковского, Ворошилова, Кошевого, Рокоссовского, Строителей, Циолковского, Терешковой (Южно-Сухокумск)*; *Калугского, Фрунзе, Леваневского, Казиева, Гусейнова, Сталина, Мамаева, Жукова, Чкалова, Суворова, Рыбникова (Дагестанские Огни)*.

Топонимы можно классифицировать по лексико-семантическому признаку:

1) *Названия, связанные с персоналиями, содержащие в своей структуре антропоним*. Топонимикон дагестанского города мемориален. Улицы и городские объекты обнаруживают связь с именами представителей культурной элиты как дагестанской, так и русских и даже зарубежных классических литераторов, поэтов и писателей: улицы *Цадасы, Стальского, Авшалумова, Пушкина, Лермонтова, Толстого, Некрасова, Гоголя, Горького, Есенина, Некрасова, Грибоедова, Низами-Гянджяви, Шекспира, Дюма и др. (Дербент)*; *Батырая, Грибоедова, Гоголя, Добролюбова, Достоевского, Герцена, Етим Эмина, Крылова Лермонтова, Горького, Ломоносова, Некрасова, Маяковского и др. (Махачкала)*; улицы *Гоголя, Цадасы, Лермонтова, Расула*

Гамзатова и др. (**Кизилюрт**); Добролюбова, Грибоедова, Демьяна Бедного, Жуковского, Достоевского, Герцена, Лермонтова, Крылова, Некрасова и др. (**Кизляр**); Батырая, Цадасы, Гоголя, Грибоедова, Ирчи Казака, Лермонтова, Маяковского, Некрасова, Стальского и др. (**Хасавюрт**); А.Абубакара, Грибоедова, Добролюбова, Достоевского, Есенина, Жуковского, Лермонтова, Крылова и др. (**Южно-Сухокумск**); Пушкина, Герцена, Чехова, Одоевского, Гюльбике Омаровой, Ирчи Казака, Паустовского, Толстого, Горького, Чернышевского, Гоголя, Некрасова и др. (**Дагестанские Огни**); Герцина, А. Абубакара, Дюма, Цадасы, Есенина, Крылова, Шолохова, Маяковского, Некрасова и др. (**Избербаш**); Батырая, Амет-хан Султана, Абубакара, Гамзата Цадасы, Лермонтова, Л. Толстого, Пушкина, Радищева, С. Стальского, Чернышевского и др. (**Каспийск**).

Представлены и годонимы, мотивированные именами деятелей искусства и науки: улицы *Готфрида Гасанова, Курачева, Крамского, Менделеева, Мичурина, Сурикова, Тахо-Годи (Махачкала); Вишневского, Кара Караева (Кизилюрт); Циолковского (Южно-Сухокумск); Алферова, Акулиничева, Мичурина, Тимирязева (Каспийск); Айвазовского, Павлова, Репина, Чайковского (Избербаш)* и др.

Достаточно большая группа наименований связана с советским прошлым. Например, в честь революционеров, активных участников борьбы за становление советской власти в Дербенте названы улицы *Бешенцева, Кандаки, Эрлиха, Мамедбекова, Дрожжина, Пугина, Таги-заде, Кирова, Маркуса, Кобякова*. В ономастиконе каждого города представлены подобные топонимы, являясь, как правило, первыми претендентами на переименование.

2) Названия, образованные от других топонимов, ойконимов (названий населенных пунктов):

Махачкала: *1-й Хивский проезд, 1-й Сергокалинский тупик, улицы Кизлярская, Кизилюртовская, Карабудахкентская, Красноярская, Кумторкалинская, Ленинградская, Миатлинская, Северо-Осетинская, Ташкентская, Харьковская, Хаджалмахинская* и др.

Дербент: *улицы Махачкалинская, Порт-Петровская, Прикаспийская, Крымская, Можайская* и др.

Хасавюрт: *улицы Андийская, Бакинская, Бабаюртовская, Буртунайская, Владикавказская, Волгоградская, Гумбетовская, Гудермесская, Дагестанская, Грозненская, Дербентская, Кизилюртовская, Изберабашская* и др.

Каспийск: *улицы Дербентская, Дагестанская, Гунибская, Махачкалинская, Кизилюртовская, Каспийская* и др.

Избербаш: *улицы Дербентская, Борвиха, Дагестанская, Каспийская, Кизлярская, Кизилюртовская, Каякентская, Российская, Хасавюртовская* и др.;

Дагестанские Огни: улицы *Каспийская, Дербентская Кавказская, Дагестанская, Махачкалинская* и др.

Кизляр: улицы *Железноводская, Дагестанская, Дербентская, Грозненская, Каспийская, Кизлярская, Махачкалинская, Моздокская, Нижегородская* и др.

Кизилюрт: улицы *Кавказская, Хунзахская, Сулакская*.

3) **Названия, отражающие трудовую деятельность и повседневную жизнь горожан:**

Махачкала: 2-й Декоративный тупик, 1-й Скульптурный тупик, Дачный квартал, Индустриальный переулок, Заводской переулок, квартал Перестройка, улицы *Автомобилистов, Газопроводная, Проектная, Промышленная, Созидательная, Сепараторная* и др.

Дербент: улицы *Фермерская, Фабричная, Парниковая, Огородная, Заводская, Градостроительная, Арендаторов, Дачников* и др.

Каспийск: улицы *Заводская, Карьерная, Рабочая, Рыбхозовская, Связная, Производственная, Промышленная, Трудовая, Строительная* и др.

Избербаш: улицы *Архитектурная, Заводская, Индустриальная, Карьерная, Инженерная, Нефтяников, Профсоюзная, Строительная* и др.

Дагестанские Огни: улицы *Заводская, Железнодорожная, Рабочая* и др.

Буйнакс: улицы *Медиков, Индустриальная, Колхозная* и др.

Кизляр: Депутатский проезд, улицы *Ветеринарная, Автомобильная, Колхозная, Земледельческая* и др.

4) **Названия по объектам природной микропонимии** (как правило, в основе топонима лежат объекты природного происхождения, определяющие характер местности), физико-географическим объектам, названия по относительному местоположению:

Махачкала: улицы *Времена года, Вузовское озеро, Майская, Морская, Приморская, Родниковая, Степная, Проселочная, Восточная, Загородная, Тупиковая* и др.

Дербент: улицы *Озерная, Луговая, Приморская, Проселочная, Речная, Родниковая, Стеной переулок, Хуторской тупик, Восточная, Загородная, Наклонная, Подгорная, Южная, Крайний переулок, Средний переулок* и др.

Избербаш: улицы *Озерная, Карьерная, Набережная, Надгорная, Загородная, Магистральная, Песчаная, Приморская, Степная, Береговая, Звездная* и др.

Каспийск: улицы *Пляжный проезд, Южный переулок, улицы Карьерная, Западная, Озерная, Пригородная, Морская, Приморская, Южная* и др.

Дагестанские Огни: улицы *Восточная, Звездная, Полевая, Луговая* и др.

Хасавюрт: улицы *Аллеяная, Береговая, Бульварная, Горная, Дачная, Заречная, Западная, Завокзальная, Лесная, Луговая, Подгорная, Подорожная, Полевая, Садовая, Речная, Привокзальная, Северная, Степная, Юго-Западная* и др.

Кизляр: улицы *Базарная, Восточная, Вокзальная, Дачная, Горская, Загородная, Западная, Лесная, Луговая, Морская, Набережная, Пригородная, Озерная, Полевая, Огородная, Южная* и др.

Кизилюрт: улицы *Полевая, Восточная, Дачная, Карьерная, Лесная, Базарная, Южная, Юго-Восточная, Северо-Восточная, Верхняя Мостовая* и др.

Южно-Сухокумск: улицы *Восточная, Заречная*.

Буйнакск: *Восточный микрорайон*, улицы *Болотная, Лесная, Овражная, Речная, Привокзальная, Озерная* и др.

5) Названия по характерному признаку или впечатлению. Это названия-определения, характерные для традиционного топонимикона, и к этой группе можно отнести и урбанонимы с фитонимическим компонентом, с символическим значением:

Махачкала: *1-й Хвойный тупик, Квартал Тюльпан*, улицы *Виноградная, Рубиновая, Радужная, Декоративная* и др.

Каспийск: *Зеленый переулок*, улицы *Абрикосовая, Яблочная, Грушевая, Безымянная, Молодежная* и др.

Дербент: *Короткий переулок, Сквозной переулок*, улицы *Абрикосовая, Берёзовая, Виноградная, Гранатовая, Цветочная, Яблочная, Зеленая* и др.

Дагестанские Огни: улицы *Аллея Дружбы, Мира, Зеленая, Солнечная, Сиреневая* и др.

Хасавюрт: *Вишневый переулок*, улицы *Дружбы, Зеленая, Крайняя, Линейная, Лозовая, Виноградная, Новая, Набережная, Мостовая* и др.

Избербаш: улицы *Конечная, Линейная, Тупиковая, Центральная, Цветная, Солнечная* и др.

Кизляр: переулки *Безымянный, Малый, Новый, Средний, Тихий*, улицы *Виноградная, Дружбы, Армянская, Грузинская, Кумыкская, Зеленая, Короткая, Прохладная, Обильная, Раздольная, Ремесленная, Садовая, Фруктовая, Топольская*.

Кизилюрт: улицы *Линейная, Поперечная, Межевая, Новая, Красная, Центральная* и др.

Южно-Сухокумск: улицы *Юбилейная, Радужная*.

6) Названия объектов, повторяющие названия соседних объектов. В топонимической системе это довольно распространенный прием номинации посредством воспроизведения годонима с измене-

нием порядкового номера, который позволяет называть ряд линейно расположенных улиц, проездов и т. п. Это группа урбанонимов с числовым, порядковым обозначением:

Махачкала: улицы *Акушинского 1-я линия, Акушинского 2-я линия, Акушинского 3-я линия (по 19-ю), Магистральная 4-я, Магистральная 13-я, Магистральная 11-я, Магистральная 10-я и др., Батырая 1-й тупик, Батырая 2-й тупик - Батырая 2-й тупики* др.

Дербент: *1-й Магал, 2-й Магал, 3-й Магал, 4-й Магал, 5-й Магал, 6-й Магал, 7-й Магал, 8-й Магал, 9-й Магал; 1-я Линия, 2-я Линия, 3-я Линия, 4-я Линия, 5-я Линия, 6-я Линия, 7-я Линия; 1-я Продольная улица, 2-я Продольная улица; 1-й Красноармейский переулок, 2-й Красноармейский переулок, 3-й Красноармейский переулок, 4-й Красноармейский переулок* и др.

Избербаш: улицы *Магистральная 1-я, Магистральная 2-я, Магистральная 3-я, 1-я Индустриальная, 2-я Индустриальная, 4-я Приморская, 3-я Приморская* и др.

Каспийск: улицы *Весна СНТ Линия 1–15, Авангард СНТ Линия 1 – Авангард СНТ 15, Линия 2 – Авангард СНТ Линия 15, Безымянная, Безымянная 1-я, Безымянная 2-я, Спортивная 5-й тупик – Спортивная 1-й тупик* и др.

Дагестанские Огни: улицы *Железнодорожная 1-я, Железнодорожная 2-я, Железнодорожная 3-я.*

Хасавюрт: улицы *Балюрт 1-я – Балюрт 13-я, Ветеран 1-я – Ветеран 21-я, Глубинная улица 1-й проезд – Глубинная улица 4-й проезд, Кандаураульская улица 1-й проезд – Кандаураульская улица 17-й проезд, Народная 1-я – Народная 23-я, Садовая 1-я – Садовая 22-я* и др.

Буйнакск: улицы *1-я Медиков – 10-я Медиков, 1-я Темир-Таш – 14-я Темир-Таш.*

7) **Символические названия улиц.** В основе номинации – отголоски советской идеологии и мифологии, репрезентирующие трудовые и воинские подвиги, коммунистические идеологемы и пр. Именно годонимы данной группы чаще всего подвергаются переименованиям:

Махачкала: улицы *Майская, Солдатская, Героев Дагестана, квартал Дружба* и др.;

Дербент: улицы *3-го Интернационала, 345-й Дагестанской стрелковой дивизии, Советская, переулок 25 лет Октября, переулок Красноармейский, проезд Октябрьский* и др.

Избербаш: улицы *Интернациональная, Краснофлотская, Комсомольская, Майская, Октябрьская, Мира, Советская, Пионерская, Победы, Пролетарская, Свободы, Партизанская, 60 лет Дагестана* и др.

Каспийск: улицы *Красноармейская, Комсомольская, Мира, Советская, Первомайская, Пионерская, Октябрьская* и др.

Дагестанские Огни: улицы *Владимира Ильича Ленина, Пролетарская, Пионерская, Красноармейская, 8 Марта, 26 Бакинских Комиссаров, Революции* и др.

Хасавюрт: улицы *26 Бакинских Комиссаров, 9 Мая, 40 лет ДАССР, 40 лет Октября, 40 лет ВЛКСМ, Ветеранов Войны, Воинов Интернационалистов, Дружбы, Октябрьская, Народная, Пионерская, Победы, Первомайская, Победы, Советская* и др.

Кизляр: *Победовский тупик, улицы 40 лет Дагестана, 12 Декабря, 8 Марта, 40 лет ВЛКСМ, Интернациональная, Красноармейская, Партизанская, Пролетарская, Советская, Фронтовиков* и др.

Кизилюрт: улицы *Площадь героев, Октябрьская, Первомайская, Пионерская, Комсомольская, Советская* и др.

Южно-Сухокумск: улицы *Мира, Первомайская, Пролетарская, Победы, Пионерская, 30 лет Октября, 26 Бакинских Комиссаров* и др.

Буйнакск: улицы *Краснооборонная, Комсомольская, Пионерская*.

Топонимическая история города всегда обнаруживает в своих ономастических слоях идеологические «качели» общественно-политического развития и становления. Это наглядно отслеживается на непрекращающихся процессах переименования улиц. Надо сказать, что к практике замены названий горожане относятся скорее отрицательно, даже усматривают в этом попытку лишить исторической памяти, вытеснить из массового сознания воспоминания об истории страны, республики, города. Так, дагестанский исследователь Ш.Ш. Гасанов пишет: «Такая масштабная акция одновременных замен названий наряду с их содержанием говорит не о каких-то форс-мажорных обстоятельствах, а о тенденции по вытравлению из сознания людей имен исторических личностей и реальных событий. При этом нередко ссылаются на аналогичные действия властей Москвы. Смешной аргумент. Во-первых, не всегда и не все действия Москвы достойны подражания. Во-вторых, московские власти не переименовывали улицы и проспекты, а восстановили их исторические названия: *улица Горького – Тверская, К. Маркса – Охотный ряд, Ленинские горы – Воробьёвы горы* и множество других примеров. Не стали же они называть *Ленинский проспект* именем его политического и идеологического оппонента – *Керенского*» [14].

Но все же этот процесс вполне естественен и неизбежен, поскольку отражает общественно-политический уклад и идеологические установки того или иного исторического отрезка. «Переименование топонимических названий есть процесс искусственный, за которым стоит желание социума изменить или скорректировать уже сформиро-

ванный образ географического концепта, наполнить его другой (новой) системой ценностей, придать значимость топонимическому объекту и связать с исторической родиной» [58].

Первичные топонимы образуются, как правило, посредством ассоциативных связей, когда пространственный концепт вербализуется под влиянием стереотипа регионального мышления. Топонимическая переноминация – процесс сложный и искусственный и, как мы уже отметили, характерный для русской топонимической системы, связан с политико-идеологическими факторами. Например, дербентская улица *Асеевская*, названная в честь военного губернатора Дербента *генерала Асеева*, была переименована в *Голицынскую*, а после Октябрьской революции – *У. Буйнакского* (в честь революционера); улица *Губернаторская – III Интернационала – Э. Пашабекова* (с 2017 г.); *Лобачевский переулок – ул. Гагарина* (названная в честь военного губернатора Дербентской губернии генерал-лейтенанта князя А.И. Гагарина); *ул. Церковная – Коммунар – Курбанова*; *Малютинский переулок – ул. Казибека*; *ул. Барятинская – Ленина*; *ул. Советская – ул. Г. Алиева* (в честь азербайджанского президента); *Морская – Коркмасова*; *Зональная – Вавилова*; *Железнодорожная – Атаева*; *Комсомольский переулок – Азиза Гильядова*; *Базовая – Давыдовой*; *5-я Нагорная – Богатырева*; *2-я Набережная – Далгата*; *ул. 2-я Комендантская – Воронцово-Дашковская – Таги-Заде*. На улице *Таги-Заде* расположен интересный архитектурный памятник советской эпохи – *Пассаж* или *Крытый рынок госсовета*, построенный в 1927 году. На фасаде название дублируется на *аджаме* (письменность на основе арабского алфавита), который дагестанские языки использовали до перехода на латиницу, а затем кириллицу.

На практике часто наблюдается длительное параллельное функционирование в речи горожан нового и старого топонима, например: *Комсомольская – Гамзатова*, *Кирова – Гамидова*, *Маркова – Даниялова*, *Виноградная – Гаджиева*, *Мира – Аскерханова*, *Калинина – Шамиля*, *Советская – Коркмасова*, *26 Бакинских Комиссаров – Ярагского* и т. д. (**Махачкала**).

Исключением могут быть случаи, характерные в большей степени для Кавказского региона. Когда на этот процесс могут влиять и воздействовать отдельные националистические и узкоклановые интересы: городские объекты, улицы называются или переименовываются в честь своих предков или родственников. Так, в 2017 г. инициативная группа дагестанцев обратилась к Главе РД с просьбой переименовать улицу *Котрова* в Махачкале в улицу *братьев Хачилаевых* в память об их миротворческой роли, но улицу переименовали в честь *Ахмата Кадырова*. Так в столице появилось две улицы имени Ахмата Кадырова: ранее улица *Орджоникидзе* была переименована в улицу *Мирзабе-*

кова, затем часть улицы *Мирзабекова* получила имя в честь бывшего президента Чечни. Естественно, такой «собственнический» подход оказывает разрушительное действие на складывающуюся веками топонимическую систему города и наносит ущерб как его исторической памяти, так и современному облику.

Таким образом, языковой ландшафт города всегда коррелирует не только с историческими этапами развития, но и социальным запросом и этническими доминантами населенного пункта. Спецификой структурно-семантической организации урбанистической системы является многокомпонентная структура ономастических единиц с полиязычной наполненностью. Исторические аспекты формирования региона, социальный статус основных групп населения, этнокультурные особенности, полиязыковая среда, опыт общегосударственного номинирования, влияние моды могут считаться ключевыми факторами формирования топонимической системы города.

2. Эргонимы в лингвистическом пространстве дагестанского города

Помимо топонимов в урбанистической системе представлены такие обязательные элементы ономастики, как эргонимы. Они составляют значительный пласт урбанонимов.

Процесс эргонимизации имеет нелинейный характер и опирается на современные тенденции и сложившуюся традицию номинации. Наблюдается отход от традиции использования одного языка номинации (русского), переход к дву- и полиязычию эргонима. Заметно актуализируются в урбанистическом пространстве этноспецифические лингвокультурные маркеры.

Эргонимы могут быть представлены структурно однокомпонентной, комбинированной и многокомпонентной структурой. Широко представлены однословные названия. Например:

Банкетные залы: *Гияр, Моряна, Хаял, Элит, Триумф, Оазис, Океан, Кристалл, Созвездие, Джамия, Дагестан, Маракеш, Европа, Россия* и др.

Супермаркеты: *Панорама, Гермес, Арбуз, Подсолнух, Магнус, Гурман, Тефи, Центральный, Орфей, Ясмينا* и др.

Салоны красоты: *Аристократ, Красотка, Элегант, Стиль, Жасми, Виктория, Афродита, Грация, Креатив, Шанель, Адель, Нега, Южанка, Империял* и др.

Аптеки: *Целитель, Айболит, Марина, Марьям, Здоровье* и др.

Продуктивными являются и дву- и многокомпонентные наименования: *Золотое кольцо*, ветеринарная клиника *Доктор Вит, Азбука вкуса, ManStyle, Golden, Магнит плюс, Арбат Beauty*.

Язык улиц функционален, поскольку подчинен определенным практическим задачам, даже декоративная составляющая городского ландшафта здесь подчинена той же функции. При создании эргонима необходимо «наличие ясной целеустановки «направленный» учет свойств объекта, индивидуальность авторства (в широком смысле)» [11]. «Эргоним должен обладать определёнными качествами для эффективной и успешной реализации коммуникации. А именно – должен легко запоминаться и привлекать внимание, вызывать позитивный ассоциативный ряд и ориентироваться на широкий круг потребителей» [51]. К основным способам образования эргонимической лексики относятся деривация, семантические переносы, словосложение, образование составных наименований, заимствования из других языков. При этом можно говорить о 2 типах номинации – реальной и символической. В первом случае мы имеем дело с объективно мотивированными наименованиями, репрезентирующими род, характер деятельности коммерческого объекта, предлагаемой продукции или услуг, местоположение или личность владельца. Эргонимы с символической мотивировкой опосредованно отражают реальные признаки, например, через аббревиацию или метафору.

Названия городских объектов могут быть мотивированы: **антропонимами** (мужские и женскими имена, исторические деятели, известные личности, мифические персонажи): *Джамиля, Марьям, Марина, Лейла, Севиля, Орфей, Гермес, Афродита, Леди Ди, Коко Шанель, Гиппократ* и др.; **топонимами**: *Дагестан, Марракеш, Кавказ, Россия, Европа, Агул, Хучни* и др.; **астронимами**: *Меркурий, Луна, Венера, Денеб* и др.; **родом деятельности**: *Целитель, Айболит, Адвокат, Консультант* и др.; **принадлежностью к определенному социальному классу или этнической группе**: *Baron, VIP, Аристократ* и др.; **названиями знаменитых брендов**: *Adidas, Lacoste, Chanel* и др.; **названиями флоры и фауны**: *Жасмин, Лилия, Арбуз, Подсолнух, Аист* и др.; **кулинарными названиями**: *Донер-Кебаб, Хинкальная, Шаурма Пахлава, Щербет, Пицца* и др.; **обозначениями национально-культурных восточных реалий**: *Чайхана, Казан-Мангал, Кунацкая*.

Часто эргонимы образуются посредством контаминации, то есть соединением двух слов или частей слов, создавая таким словообразовательным приемом элементы языковой игры, обыгрывания смыслов. Например, *Мамазин* (мама + магазин), *Дагбургер* (Дагестан + Гамбургер). Наименования могут быть построены на комбинации с междометными, звукоподражательными компонентами: чайхана *Пах-пах*, *Шашлык-машлык* и др.

Эргонимы нередко репрезентируются в виде креолизованных текстов, когда семантический образ дополняется графическим обыгрыванием с помощью варьирования размером, шрифтовыми выделе-

ния и стилем, включением символики и идеографики: такси *ОПЕЛЬ-син*, магазин одежды *PRAvDA*, пивбар *ВЕЕРлога*, *Еврокухни*, *7Я* и др.

Следует отметить, что в лингвистическое пространство современных городов активно проникает сельская топонимика (наряду с региональными топонимами, встречаются и «Москва», «Маракеш», «London», «Европа», «Пальмира», «Азия» и др.) в виде наименований коммерческих объектов (магазинов, салонов, предприятий и т. п.). Например, возникший в 2000-х годах *Цумадинский рынок*, магазины «Ботлих», «Согратль», «Местерух», «Чарода», «Рапак», «Кадар», «Шихинали», «Кубачи», «Кадар». На окраине Махачкалы появились улицы *Ботлихская*, *Кумухская*, *Гунибская*, *Левашинская*, *Хучнинская*, *Хушетская* и др.

Следует признать, что сельский ресурс в городской среде во многом обуславливает городское пространство и облик, играет важную роль и в социально-экономическом аспекте. Понятие *джамаат* ассимилировало и активно функционирует и в городской общине. Облик современной Махачкалы узнаваемо и живописно представлен в повести Алисы Ганиевой «Салам тебе, Далгат»: «Дома так и норовили съезть тротуар вместе с наваленными кучками мусора. Кто обнес себе двор забором прямо по проезжей части, кто проглотил трансформаторную будку и дерево, кто на маленькой пяди земли возвел себе длинную, в шесть этажей башню. Забыв, что растут на плоскости, дома по горской привычке лепились друг к другу. Квартирные многоэтажки со всех сторон обрастали огромными пристройками и застекленными лоджиями, а частные саманные хаты упрямо и нудно обносились высокой стеной из модного желтого кирпича». Массовый приток сельских жителей в город не мог не повлиять на атмосферу города его облик и уклад. Не раз звучали претензии о разрушении городского культурного компонента и разговоры о поглощении города селом, его захвата или даже убийства.

На территории Дагестана как на государственном, так и на бытовом уровне сосуществует несколько десятков языков. При этом лингвокультурное пространство открыто и для иностранных языков. Дагестанской эргономии характерна тенденция к расширению иноязычного корпуса терминологии, на лингвистической карте представлены наименования иноязычного происхождения.

Сегодня повсеместно можно наблюдать видимость и нарастание английского языка в урбанистическом пространстве. Такая поликультурная и полиязыковая основа создает самобытный и особенный речевой портрет современного дагестанского города. Основной «удар» иноязычной лексики принимают на себя эргонимы. Их образование, как правило, сводится к двум основным способам – *транслитерация*

(побуквенная передача слов одной графической системы средствами другой графической системы: *Дабл Ю, Смайл*) и *переключение кодов*.

Это довольно большой пласт ономастикона, представленный англицизмами, и в меньшей степени – словами тюркской, арабской и кавказской этимологий. Иноязычные эргонимы могут быть полностью или частично ассимилированы и адаптированы к коммуникативному окружению: *Relax, Elle, WoW, Ny, Sabi, Lady, Exclusivy, ManStyle, Intizar, Angel, Belle, BeautyHouse, Этуаль, ВИП, Арбам Beauty* и др. (названия салонов красоты).

Наблюдается активное использование иноязычной орфографии, т.е. внедрение в русский текст букв латинского алфавита, которое в научной литературе нередко обозначают такими терминами, как «варваризмы», «иноязычные вкрапления». Исследователь Е.О. Филинкова с точки зрения структурной характеристики классифицирует подобные иноязычия в тексте на три группы: 1) слова с единичными латинскими буквами; 2) сложения с одним компонентом в латинице; 3) слова, полностью оформленные латиницей.

В языковом пространстве дагестанского города представлены все обозначенные типы иноязычной орфографии. Языковой корпус собранного материала составил более 300 единиц. Картотека языкового материала содержит названия деловых, коммерческих, культурных и спортивных объектов, которые получены методом сплошной выборки из текстов рекламы и СМИ. Например, *IKAR* (автозаправка), *MIRA* (магазин женского белья), *diviZион* (салон связи), *ceson05.ru* (компания по продаже и производству бассейнов) и мн.др.

Подобного рода наименования довольно часто встречаются и не вызывают трудности восприятия. Но во многих случаях отсутствует семантическая связь между наименованием фирмы и сферой ее деятельности, что, на наш взгляд, свидетельствует об использовании англоязычной лексики лишь с целью повышения социального престижа своей компании. Об этом свидетельствует и такая красноречивая ошибка в написании махачкалинского эргонима, как *RIM* вместо *ROME*, или написание «кафе» на английском *kafe* вместо *cafe*.

Названия коммерческих организаций могут представлять собой транскрипцию или транслитерацию английских слов на кириллице: «*Инсайд*», «*Фьюджен*», «*Вип*», «*Эстет Бьюти*», «*Айкрафт*», «*Амвэй Офис*», «*Эстель*». Встречаются и случаи транслитерации русских слов, написанных латиницей: «*Krasota*», «*Dagestan*», «*Vera*», «*Gorec*». Особый интерес представляют такие специфичные самобытные наименования, представляющие собой сочетания русских, английский и дагестанских слов: «*Нур-пласт*», «*Махачкала-сити*», «*Анжи-банк*» и др.

Таким образом, как показало исследование, наблюдается тенденция роста/увеличения англицизмов в лингвистическом пространстве города. Это явление вполне естественное отражающее активизацию экономических, политических, культурных и общественных связей и взаимоотношений России с другими странами. Включение заимствований в речевой портрет города осуществляется такими средствами, как *калькирование, транслитерация, контаминация исконных заимствований*.

Следует отметить, что орфография современного города существенно отличается от орфографии в советский период. Это связано, в первую очередь, с внеязыковыми факторами: изменения политической ситуации и строя в стране, повлекшие преобразования во всех сферах общественной жизни. Характерная демократизация русского языка сказалась на русской орфографии как положительно, так и отрицательно. И к последствиям такого процесса можно отнести возможность использования иноязычной графики в тексте русского языка, креолизации текста, варьирование и вольное обращение с языковыми нормами, что повлекло, в свою очередь, появление множества ошибок.

В языковом пространстве города находят отражение графико-орфографическое иноязычие, использование букв дореформенного письма и иконики/креолизации (комбинации вербальных и изобразительных средств). Следует отметить, что в дагестанских городах, в отличие от городов других российских регионов, многочисленные вывески и рекламные щиты редко задействуют буквы дореформенного русского письма: **Ъ** («ер»), **Ѣ** («ять»), **і** («И десятеричное») и др. Репрезентация их ограничивается единичными случаями. Например: *Петровскъ* (название гостиницы), *Газпромъ* (названия автозаправочной станции), *Мавраевъ* (полиграфические услуги). И если в первом случае, употребление **Ъ** мотивированно, т. к. это сокращение от *Порт-Петровск* – старого названия Махачкалы, то во втором и третьем случаях **Ъ** выполняет скорее декоративную функцию.

Интересный факт, что в Махачкале в надписи на памятнике Льву Толстому, представляющему копию титульного листа раритетного издания повести «Хаджи-Мурат», которое было выпущено в типографии товарищества Р. Голике и А. Вильборга в Петрограде 1918 году, допущена ошибка: на конце слова *Петроград* вместо **Ъ** написано **Ь**. Это свидетельствует о том, что «лишние» буквы выполняли функцию стилизации, нередко, в ущерб нормативной стороне их употребления.

Встречается и некорректное употребление эргонимов, когда наименования может вызывать неположительный ассоциативный ряд: магазины *Титаник* (затонувшее 15 апреля 1912 г. пассажирское суд-

но), *Ладан* (выражение *дышать на ладан* – значит, находиться в крайне тяжелом состоянии, при смерти).

Текстами улиц называют уличные надписи, которые могут быть представлены как одно слово на вывеске магазина, как афиша или даже листовка. Тексты улицы могут носить информационный (то есть содержать информацию о мероприятиях, событиях, товарах и услугах), рекламный и идеологический, пропагандистский (т. е. реклама может быть пропагандой определенного образа жизни, стиля, времяпрепровождения) характер. Таким образом, реклама не только экономический инструмент, но и инструмент идеологический, популяризируя социальные ценности, воспитывая потребительские массы, соответственно, и обладать манипулятивным характером.

Использование особых лексических единиц, метафор, жаргонизмов, необычных словосочетаний, фразеологизмов выступает важным лингвистическим инструментом воздействия, что в полной мере реализуется в городской рекламе. Эмоционально-оценочная коннотация может достигаться за счет использования жаргонизмов, слэнга, разговорной лексики (например, *Физд*) – прямой языковой игры, которая, как правило, ориентирует адресата, указывая, намекая на род деятельности (*SIMпатия* – продажа готовых телефонов, *ЦРУ* (центр рилтерских услуг), графическая экзотика (например, смешение кириллицы и латиницы). Нередко план выражения наименования подкрепляется и на иконическом, графическом уровне, например, название медицинского центра *Ибн-Сина* стилизовано под арабскую вязь.

Эргомим, как вид рекламного дискурса, представленный креолизованными текстами, полностью отвечает требованиям данного типа коммуникации. Особенность креолизованных текстов дагестанской рекламы является однозначная ориентированность на местного потребителя, что сказалось в апеллировании к национально-коммуникативному фону, являющегося актуальным только для дагестанской аудитории. Формирование дагестанских эргонимов, как правило, в большей мере подвержено языковой моде и влиянию как английского, так и дагестанских языков, что приводит к смешению структуры и семантики наименований.

С точки зрения семантико-стилистического аспекта можно выделить и такие тексты рекламного дискурса, как нейтральные («*Новая заря*», «*Домашний текстиль*», «*Кит*», «*Времена года*» и др.), региональные («*Шамиль*», «*Агул*», «*Кизлярская зорька*», «*Рисалат*», «*Нарын-кала*», «*Мадина*», «*Курбан*», «*Шах-Даг*» и др.) и комбинированные («*Roотцентр*», «*Зона*», пицца «*Roma*», «*Хамам ра*», «*Halal*», «*Евроклимат*» и др.). Наметилась и такая тенденция – обезличенные наименования номенклатурного характера: *Продукты*, *Хозтовары*, *Аптека*, *Молоко*, *Мясо*, *Хлеб*, *Обувь*.

XXI в. – это век высоких технологий и инновационных средств, что породило и определенный пласт лексики, обслуживающей данную сферу: *гаджеты, нанотехнологии, нанороботы, нанокосметика, девайсы*. И это в свою очередь стало основанием для появления новых эргонимов – наименований объектов сбыта инновационных продуктов: *Магазин инноваций, Магазин инновационных товаров красоты, Магазин инновационных аксессуаров для фототехники, электроники и мобильных устройств*.

«Нововведением» современного времени стало появление такой новой формы в сфере услуг, как *антикафе*. Это «тип» общественных заведений социальной направленности», свободное пространство, в котором посетители оплачивают только время пребывания, например, поминутно или по часам. Клиент сам может принести еду и напитки, а заведение предоставляет место, бесплатный доступ в интернет через Wi-Fi, технику (при запросе). Синонимами *антикафе* служат такие эргонимические термины, как *свободное пространство, тайм-кафе, тайм-клуб, тайм-кофейня*. В Махачкале на сегодняшний день действуют 6 антикафе: *TimeClubFriendZone, антикафе Место (2 точки в городе), тайм-клуб Френдзона, антикафе FriendZone, Женский годекан*.

В идеале эргоним должен стремиться к созданию индивидуального названия, омонимия крайне нежелательна. Названия должно быть также благозвучным и при этом не содержать ложных ассоциаций о роде деятельности. Нежелательно, по мнению маркетологов, чрезмерно увлекаться иностранной лексикой и обязательно учитывать своеобразие региона. Например, удачно подобрано название для тайм-кафе – *Женский годекан*, которое не только имеет этноспецифическую направленность, но и ориентировано на определенную потребительскую аудиторию.

Расположение коммерческих объектов в топонимическом пространстве города, как показал анализ, весьма неоднородно. В так называемых спальных районах города их количество в несколько десятков будет уступать торговым районам. Например, на улице *Ярагского* – старейшей и центральной улице Махачкалы расположены 75 магазинов одежды и белья, 54 заведения общепита (кафе, рестораны), 22 салонов красоты и столько же салонов сотовой связи и компьютерных клубов. На улице *Коркмасова* расположены 23 – свадебных салона, 12 салонов красоты, 26 кафе/ресторанов, 31 салон сотовой связи и 28 магазинов одежды, а на *Дахадаева* – 15 свадебных салонов, 14 кафе, 14 магазинов одежды. Таким образом, количественное соотношение коммерческих объектов напрямую связано с локацией.

Одним из активных способов создания современных эргонимов выступает контаминация, т. е. «объединение в речевом потоке струк-

турных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональности или семантической близости». Такие эргонимы-контаминанты представляют особый интерес, часто обнаруживая в себе элементы языковой игры. Среди эргонимов Махачкалы имеются следующие контаминанты: *ДагСервис, Экономстрой, Дагресурс, Аквамаг, АрхиДом*.

В целом, следует отметить возрастающий интерес к изучению лингвистического ландшафта современного города и городским наименованиям, что обусловлено обилием языкового материала и перспективами его разноаспектного изучения.

Анализ лингвистического ландшафта дагестанских городов продемонстрировал как универсальные механизмы топообразования, так и специфические, репрезентирующие особенности регионального менталитета. Ономастикон современного дагестанского города характеризуется разнообразной, нередко непоследовательной языковой практикой применения русского, английского и дагестанских языков, что свидетельствует о мультязычном и социокультурном пространствах города. Сфера прагматики функционирования русского, дагестанских и иностранных языков обусловлена общественно-политическими и экономическими факторами, влияющими на изначально полилингвальный Дагестан. Этот процесс находится в развитии и требует отдельного дальнейшего синхронического и диахронического описания, определения степени воздействия русского, дагестанского и иностранного языков на этническую идентичность дагестанцев. Дальнейшие наблюдения за изменениями в лингвистическом ландшафте современного дагестанского города позволят глубже понимать социолингвистические процессы, протекающие в полиэтничном российском обществе.

Литература

1. *Гасанова М.А., Шихалиева С.Х.* Табасаранская разговорная речь в современном городском пространстве: этническое и лингвистическое // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 4 (71). – С. 468–470.

2. *Гасанова М.А., Шихалиева С.Х.* Языковой ландшафт дагестанского города как концепт культуры (пилотные исследования кейс-технологического проектирования) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2018. – Т. 12, № 1. – С. 82–88.

3. *Гасанова М.А.* Лингвистический ландшафт современной Махачкалы // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 33, вып. 2. – С. 57–62.

4. *Гасанова М.А., Шабанова З.Ш.* Эргонимы в лингвистическом пространстве Махачкалы // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 34, вып. 3. – С. 49–54.

5. *Гасанова М.А.* Лингвистический ландшафт современного Дербента // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 5 (84). – С. 308–310.

6. *Gasanova M.A., Bulatov B.B., Zulpukarova E.M.-G., Seferbekov R.I.* Linguistic landscape of modern Dagestan city // *Astra Salvensis*. – 2019. – Т. 7, № 1 (13). – С. 389–398.

7. *Гасанов Ш.* Переименования: вакханалия продолжается // Журнал «Дагестан». – 2006. – № 1 (22).

8. *Матвеев А.К.* Тезисы о топонимике 1–2 // Вопросы ономастики. – Свердловск, 1974. Вып. 7. – С. 5–18.

9. *Путина С.А.* Особенности образования топонимов и микро-топонимов с позиций когнитивной лингвистики // Вопрос когнитивной лингвистики. – 2017. – № 1. – С. 53–59.

10. *Филинкова Е.О.* Особенности графического оформления рекламных текстов // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. – 2009. – № 3 (26). – С. 264–268.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ результатов, полученных в ходе исследования, позволил нам сделать ряд выводов и обобщений относительно влияния глобализации на трансформацию компонентов культуры и быта горожан Дагестана в постсоветский период. Процессы культурной интеграции и унификации, повышения роли городов и городской культуры в развитии общества, увеличение численности городского населения по сравнению с сельским и трансляция сформировавшихся в городах культурных образцов в сельскую местность, развернувшиеся после распада СССР, оказали определенное влияние на трансформацию бытовой культуры горожан Дагестана.

Периодизация происшедших за последние 150 лет в России и на Северном Кавказе эволюционных и революционных исторических макропроцессов, представлена нами в виде пяти взаимосвязанных этапов, с которыми связаны трансформации, отразившиеся на хозяйстве и бытовой культуре россиян. Особенно важным представляется последний – пятый этап, выпадающий на постсоветский период, с которым связаны наиболее системные изменения в экономике, политике и социальных отношениях, происшедшие под влиянием глобализации и модернизации. Следует отметить разную степень интенсивности

протекания этих процессов: они были незначительны во второй половине 80-х – 90-е гг. XX в., начали набирать обороты с конца 90-х гг. XX в. и в 2000-е гг., а с 2010 г. и по настоящее время приняли необратимый характер. Особое место в предложенной периодизации занимают 1992–1997 гг., на которые приходится пик так называемых «либеральных рыночных реформ», негативных явлений в экономике, общественной и социальной жизни Дагестана и России, после чего наступает стабилизация, относительный рост и позитивные изменения в производстве и жизненном уровне населения депрессивно-трудоизбыточного региона.

К числу позитивных последствий указанных процессов следует отнести деидеологизацию общественных отношений, улучшение государственно-религиозных взаимоотношений, выразившихся в свободе религиозной жизни. В сфере материальной культуры эти процессы вылились в формировании новых стандартов в поселенческой культуре, домостроении, одежде и пище, повышении качества жизни, ориентации на новые передовые мировые образцы. К негативным процессам глобализации и урбанизации в Дагестане следует отнести кризис села, неконтролируемую миграцию в города сельского населения с забрасыванием сельскохозяйственных угодий в горах, стремительный рост городского населения, не сопровождаемый достаточным числом рабочих мест, возникновение экологических проблем, рост межнациональной напряженности на равнине, деградацию национальных языков в городах.

Изучение постсоветской истории, общественно-политической и социальной жизни образовавшихся в разное время и имеющих различный этнический и конфессиональный состав дагестанских городов показало, что они являлись местами этнокультурного и социокультурного взаимодействия горожан республики.

Этнический состав городов Дагестана характеризуется мозаичностью, что подтверждается результатами Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. Как видно из материалов переписей, наиболее крупными и преобладающими в городах Дагестана этносами являются: в Махачкале – аварцы, кумыки, даргинцы, лезгины и лакцы; в Хасавюрте – аварцы, чеченцы и кумыки; в Дербенте – лезгины, азербайджанцы и табасаранцы; в Каспийске – лезгины, даргинцы, аварцы, лакцы, кумыки и русские; в Буйнакске – аварцы, кумыки, русские, лакцы и даргинцы; в Избербаше – даргинцы, кумыки и лезгины; в Кизляре – русские, аварцы и даргинцы; в Кизилюрте – аварцы и кумыки; в Дагестанских Огнях – табасаранцы, азербайджанцы, лезгины и даргинцы; в Южно-Сухокумске – аварцы, даргинцы, лезгины и лакцы. Наиболее урбанизированными народностями Дагестана являются

русские, лакцы и кумыки, а наименее – ногайцы, цахуры, аварцы и даргинцы.

Города Дагестана не только полиэтничны, они также являются этноконтактными зонами: Кизляр (дагестанские русские, аварцы и даргинцы), Хасавюрт (чеченцы-аккинцы, аварцы и кумыки), Дербент и Дагестанские Огни (дагестанские азербайджанцы, лезгины, табасаранцы и даргинцы).

По данным Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. городское население Дагестана возросло под влиянием нескольких составляющих: 1) естественного прироста среди горожан; 2) перемещения сельского населения в города; 3) преобразования индустриализованных сельских пунктов в поселки городского типа, возникновения новых городов, включения в городскую черту пригородных территорий; 4) притока в города населения из других республик. Наибольший прирост населения между двумя переписями наблюдается в г. Избербаш, Каспийск, Кизилюрт и Махачкала, что объясняется неконтролируемой миграцией сельского населения в города республики, а наименьший прирост – в г. Дербент, Дагестанские Огни, Южно-Сухокумск и Кизляр. Низкий прирост населения в г. Кизляр связан с оттоком в последние десятилетия русскоязычного населения за пределы Дагестана в связи с общей неблагоприятной общественно-политической, социально-экономической и демографической ситуацией в республике.

Проживающие несколько столетий в Дагестане русские являются одним из наиболее урбанизированных этносов республики. Они расселены в основном в г. Кизляр, Махачкала, Каспийск, Хасавюрт, Кизилюрт, Избербаш, Буйнакск и Дербент. С ослаблением позиций государства они оказались наименее защищенной категорией населения Республики Дагестан. Начиная с 1989 г. численность этого этноса в республике стала уменьшаться, а с 1990 г. и особенно после развала СССР, миграционный отток русских и других русскоговорящих народов из республики усилился. Сокращению русского населения Дагестана способствовал целый ряд причин общественно-политического и социально-экономического характера. Учитывая огромный вклад русских в экономику и культуру Дагестана, Правительством Республики Дагестан предпринята долгосрочная программа по поддержке русского населения, которая в какой-то мере приостановила его неконтролируемый отток из Дагестана. Пребывание русских в Дагестане в определенной мере способствует поддержанию стабильных и гармоничных межнациональных отношений в республике.

В постсоветское время в городах Дагестана развернулись процессы, связанные с миграцией и эмиграцией. Миграционные процессы были связаны, во-первых, с неконтролируемым перемещением в горо-

да сельского населения, а, во-вторых, оттоке из республики русских и русскоязычного населения. Оба этих процесса изменили численный и этнический состав городов республики.

Эмиграция из Дагестана горских и европейских евреев в Израиль, США, европейские страны началась еще в советское время – в 1970-е и последующие годы. Особенно интенсивно миграции и эмиграция происходили в г. Дербенте – городе, где традиционно обитала наиболее многочисленная диаспора горских евреев.

В городах Дагестана влияние урбанизированной культуры и глобализации на культуру и быт горожан ощущается намного сильнее: здесь компоненты этнической идентичности сохранились хуже, чем в сельской местности. Особенно это касается элементов материальной культуры, направленной на непосредственное удовлетворение витальных потребностей, то есть на жизнеобеспечение – поселения, жилища, одежду и пищу. Одним из компонентов материальной культуры являются поселения. Особенностью развития градостроительства в Дагестане в постсоветский период является формирование агломераций (Махачкала–Каспийск, Дербент–Дагестанские Огни), призванных быть рациональной формой территориальной организации городского хозяйства. Еще одно новшество в развитии экономики городских поселений Дагестана – «Территории опережающего развития» – экономические зоны со льготными налоговыми условиями, упрощенными административными процедурами и другими привилегиями, создаваемые для привлечения инвестиций, ускоренного развития экономики и улучшения жизни населения (Каспийск, Дагестанские Огни).

Одним из элементов материальной культуры, наиболее тесно связанным с экологией, хозяйственными занятиями, общественным и семейным бытом этноса является жилище. Со второй половины 80-х годов XX в. формировался новый тип городского жилища, который в наибольшей степени концентрирует в себе инновации в сфере строительных и отделочных материалов. Они коснулись конструкции дома и его приусадебного участка и затронули такие параметры, как площадь жилых и подсобных помещений, величины потолков, проемов окон и дверей, оформление подвала, чердака и крыши, устройство двора, забора, ворот, сада и огорода, придомовой территории. В постсоветское время под влиянием процессов урбанизации и глобализации, предложением промышленностью и торговлей многих видов отечественных и зарубежных строительных и отделочных материалов происходит кардинальное изменение внешнего облика и интерьера жилища. При возведении с использованием самых современных технологий и строительных и отделочных материалов одно-, полутора-, двух- или трехэтажного индивидуального жилища основное внимание

уделяется комфорту и соображениям престижа. Важную роль в организации интерьера играют его планировка и освещение. Основными средствами благоустройства интерьера жилого дома являются его оборудование и оснащение бытовыми приборами, меблировка современной мебелью. Происходящие на протяжении последних 30 лет изменения в строительных материалах, технологии и методах строительства, конструкции, планировке, интерьере, отопительной системе, освещении, погоня за комфортом, ориентация на лучшие мировые строительные и отделочные образцы в жилище приводят к унификации и утере большинства элементов традиционного дагестанского жилища. Для жилища характерно непосредственное взаимодействие города и деревни. Городское индивидуальное жилище тоже заимствует некоторые элементы традиционного горского жилища. Это проявляется в планировке, этажности, устройстве лоджий, веранд, арочных проемов окон и дверей, оформлении фасада традиционной и религиозной символикой, назначении комнат и их убранстве. Современное индивидуальное строительство города и села идет по линии сочетания в жилище национальной архитектуры и удобств городской жизни. Эволюция городского жилища тесно связана с изменениями в политическом строе, хозяйственно-бытовом укладе, занятиях, образе жизни и менталитете городского населения Дагестана.

Наиболее изменчивым элементом материальной культуры является одежда. Она обусловлена природными и хозяйственными условиями жизни народа, его культурными традициями, этическими нормами и эстетическими вкусами. С распадом СССР и ослаблением ограничений, связанных с выездом за границу, в т. ч. с целью приобретения предметов быта, появились новые виды и типы одежды. В связи с развернувшейся деидеологизацией общественных отношений и своеобразным постсоветским религиозным ренессансом нельзя не отметить влияние ислама на одежду. В последние десятилетия у значительной части женского населения Дагестана популярна женская одежда, произведенная в соответствии с нормами исламского конфессионального дресс-кода.

Мужской костюм горожан Дагестана, в большей степени ориентированный на европейскую моду, практически не претерпел особых трансформаций. Изучение современной городской женской одежды в контексте северокавказской региональной моды с фиксацией общего и особенного, хозяйственно-культурных, этнокультурных, гендерных, демографических, конфессиональных и профессиональных особенностей, предпочтений и ограничений, включая групповую и специфическую субкультуру, дресс-код, а также сохранившихся элементов традиционного национального горского костюма, показало, что ее основу составляет современная, ориентированная больше на западную моду,

дорогая и со вкусом подобранная стильная одежда, носимая с золотыми и серебряными украшениями и драгоценными камнями, с отдельными элементами традиционного национального костюма, дополненная аксессуарами и прической, с умеренным использованием косметики и парфюмерии известных мировых производителей. Несмотря на то, что одежда горожанок Дагестана в меньшей степени сохранила этнокультурные особенности и этнодифференцирующие признаки, все же, имеющиеся некоторые ее функции, детали и особенности позволяют говорить о наличии дагестанской региональной женской моды. Включение в состав этой одежды некоторых сохранившихся элементов традиционного дагестанского горского костюма, а также определенные предпочтения или ограничения и запреты, отличающие ее от стиля и моды городских женщин других регионов России, придают ей этнический колорит и неповторимость, и в определенной мере способствуют сохранению национальной культурной идентичности в условиях глобализации.

Большие изменения произошли в культуре питания горожан Дагестана. Это связано с появлением новых блюд, способов их обработки, консервации и доставки. В то же время в повседневном быту, при приеме гостей, на свадебных торжествах, календарных и религиозных праздниках сохраняются блюда традиционной дагестанской кухни. На распространенность тех или иных блюд национальной кухни оказывает влияние этнический состав городов Дагестана. В связи с этнокультурными взаимодействиями и взаимовлияниями, ускорением темпов урбанизации и глобализации в новейшее время наметилась тенденция к интернационализации системы питания горожан Дагестана. В то же время ряд блюд (хинкал, чуду, курзе, *ботлуцал*, урбеч), отличающихся высокими вкусовыми качествами, стали популярными у всех горожан республики (в том числе и проживающих за ее пределами в центральных городах России) и претендуют на роль пищевых брендов Дагестана.

В разной степени трансформировались компоненты семейно-бытовых обрядов. Близость сельских районов и миграция горцев в города с трансляцией их культуры на новом месте проживания оказывает влияние на семейно-бытовую обрядность. Этнические контакты горцев Дагестана с кумыками, русскими и азербайджанцами сопровождаются этнокультурным взаимовлиянием.

Среди новых способов знакомства и общения молодежи с начала 2000-х гг. следует отметить контакты через Интернет. Считается желательным выбирать невесту и жениха из своего тухума, села. Некоторые горожане все еще выясняют сословную принадлежность потенциальных жениха и невесты.

В последние десятилетия одним из требований для вступающих в брак юношей и девушек стала их религиозность. Красота и целомудрие, репутация юноши и девушки, их семей и тухумов, как и

прежде актуальны. Для юношей считается предпочтительным наличие высшего образования, профессии, работы, жилья, а иногда и престижной иномарки.

Браки регистрируются как по мусульманскому (*магьар/никагь*) или христианскому (венчание) обряду, так и в ЗАГСе. Оповещает гостей свадьбы обычно отец жениха лично, при помощи пригласительных билетов, а в последнее время – через гаджеты и по Интернету (социальная сеть WhatsApp). У горожан Дагестана распространены свадьбы трех видов: со спиртным, без спиртного и свадебные мавлиды. С конца 90-х гг. XX в. все свадьбы в городах Дагестана проводятся в банкетных залах с приглашением тамады, музыкантов, певцов, танцоров, видеографов и фотографов, шеф-повара и его команды (повара и официанты). Для жениха и невесты заказывается лимузин, который сопровождает кортеж автомобилей из престижных иномарок.

В последние годы в Махачкале перед свадьбой проводят «мальчишники» и «девичники». Появились свадебные агентства, глянецовые журналы и специальные передачи на местном телевидении. По пути следования к банкетному залу проводятся фотосессии молодоженов: в Махачкале – в парке им. Ленинского комсомола и на Родопском бульваре, в Каспийске – в городском парке на набережной, в Кизляре – в городском парке, у банкетного зала «Рояль», у ресторана «Загородный», в Дербенте – на смотровой площадке у крепости Нарын-Кала и на набережной.

На современную свадьбу заказывают многоярусный торт, устраивается горка (пирамида) из фужеров шампанского и шоколадный фонтан, применяются спецэффекты. В Махачкале появился обычай: невеста бросает букет своим незамужним подругам. По существующей традиции на следующее после первой брачной ночи утро невеста готовит хинкал для жениха и его друзей. Если в советское время некоторые молодожены отправлялись в свадебное путешествие в основном по столичным городам страны (Москва и Ленинград), то в последнее время они направляются в Турцию, ОАЭ, европейские страны, круизы.

Среди отрицательных свадебных нововведений следует отметить обременительные расходы на сватовство (которое нередко проводится в ресторане), предсвадебные подношения жениха невесте (деньги на «чемодан», ювелирные украшения), проведение свадьбы в банкетном зале.

В родильной обрядности закрепился новый обычай торжественной встречи матери и новорожденного при их выписке из роддома, когда заказывается лимузин, производится фото- и видеосъемка и организовывается угощение для родных и близких дома, в кафе и ресторане.

В городских условиях все еще сохраняются связанные с рождением ребенка традиционные обычаи и обряды: имянаречение (нарека-

ет старший родственник малыша или мулла в течение недели после родов иногда даже в стенах роддома), бритье первых волос (до 40 дней после рождения), обрезание мальчиков-мусульман (с начала 90-х гг. эту процедуру производит детский хирург часто в медицинском учреждении), появление первого зуба, первые шаги ребенка (между его ног прокатывается круглый хлеб, который затем разламывается и раздается присутствующим как милостыня *садакья*). Во многих городских семьях ребенка все еще укладывают в люльку.

Даже в городских условиях во многих семьях до определенного времени (до 40 дней, до 1 года) все еще соблюдаются запреты: не показывать ребенка в зеркало, не сажать на стол. К нему не заходят после кладбища и с сырым мясом. Выходя вечером с малышом на улицу, в его пеленки или одежду обязательно кладут кусочек хлеба как оберег. Для защиты ребенка от сглаза и нечистой силы под его подушку кладут нож (мальчику) и ножницы (девочке). Большое внимание уделяется наречению новорожденного.

Стало доброй традицией торжественно отмечать дни рождения ребенка в кафе и ресторане с приглашением его друзей и сверстников. Во многих городских семьях для детей устраивается новогодняя елка с приглашением Деда Мороза и Снегурочки.

Наиболее консервативными семейно-бытовыми обрядами являются похоронно-поминальные ритуалы, которые проводятся в основном по мусульманским религиозным канонам и установлениям, учитывая возросшее влияние религии на общество со второй половины 80-х гг. XX в. В них все еще встречаются элементы прежних верований: приметы, якобы предвещающие скорую смерть человека. Предпочтительной и легкой считается смерть без агонии, во сне. Если человек умер с открытыми глазами, считается, что он кого-то хотел еще увидеть. После смерти человека пищу в доме не готовят – ее приносят соседи и родственники; в комнате, где находится покойник, занавешивают зеркала, портреты, телевизор, включают свет или зажигают лампу, а перед похоронами не моют.

У горожан Дагестана принято заранее составлять завещание, откладывать деньги на похороны, приобретать саван и другие похоронные принадлежности в специализированных магазинах у мечети. Если человек жил в частном доме, то после смерти его чаще всего обмывают там же, а умершего в городской квартире – в мечети и оттуда несут на кладбище. Хоронят обычно в день смерти, в крайнем случае – на следующий день. Сохранился обычай передавать с покойником вести ранее умершим. *Тазият* (место для выражения соболезнования родным умершего) устраивается во дворе дома, где проживал покойный. Хоронят умерших по-разному: в родовом селении или на городском кладбище.

Поминки в городах также устраиваются в разные дни: на 3, 7, 52-й день, на годовщину. На поминках помимо других блюд пришед-

ших обязательно угощают мучной халвой. Сразу же после смерти, а также после похорон и на поминки устраивается обряд «зикр». Пришедших на «зикр» и соболезнование родственники умершего одаривают пакетами с сахаром, рисом, макаронами, пачками чая, носками.

Траур по покойному соблюдают в разные дни: 3, 7, 40, 52 дня, 1 год. Траур по безвременно умершим молодым длится дольше. Мужчины весь период траура не бреют бороды. Сейчас по рекомендации мусульманских священнослужителей не бреются только первые 7 дней. Женщины носят черную траурную одежду. Во время траура родственники умершего не посещают увеселительных мероприятий. Памятник на могиле устанавливается на 3, 7, 40 и 52-й день после похорон. Появился обычай навещать могилу умершего в день его рождения и смерти.

В целом в семейном быту городского населения Дагестана произошли разной степени интенсивности трансформационные процессы, приведшие к утрате отдельных компонентов традиционной культуры и внедрению инноваций. Особенно восприимчивым к инновациям оказался свадебный обряд, а наиболее консервативным – похоронный ритуал. Наиболее интенсивно эти процессы происходят в столице республики Махачкале, а также в г. Каспийск и Кизляр, что вероятно, связано с влиянием русской культуры.

Неотъемлемой частью общественного быта, в развитии и совершенствовании которого решающую роль играют политические, социально-экономические и культурные преобразования, являются общественные праздники. Вплоть до 1991 г. населением Дагестана праздновались советские, календарные и религиозные праздники. С распадом СССР ушли в прошлое идеологические советские праздники. В России наряду с некоторыми сохранившимися старыми праздниками были учреждены новые государственные праздники, которые были объявлены всенародными выходными днями.

Праздничный календарь горожан Дагестана в постсоветский период состоял из календарных, религиозных, идеологических, новых российских и республиканских, локальных и нетрадиционных праздников. Анализ постсоветских праздников горожан Дагестана привел нас к выводу, что общей тенденцией праздничной календарной обрядности является усиление позиций мусульманских праздников и ослабление позиций, а иногда игнорирование и прямой бойкот светских (новых российских и республиканских праздников), языческих (праздник первой борозды и весны), христианских (Новый год и День Святого Валентина) и нетрадиционных (Хэллоуин, Фестиваль красок и др.) праздников. В тоже время дагестанцы в целом толерантно относятся к празднованию русскоязычным населением Дагестана христианских и иудейских праздников. Имеют своих сторонников возникшие как идеологические и перешедшие в новый российский празд-

ничный календарь старые советские праздники (годовщины Великой Октябрьской революции, дни рождения В.И. Ленина и И.В. Сталина).

Анализ лингвистического ландшафта дагестанских городов продемонстрировал как универсальные механизмы топообразования, так и специфические, репрезентирующие особенности регионального менталитета. Топонимическая система характеризуется разнообразной, нередко, непоследовательной лингвистической практикой применения русского, английского и дагестанских языков, свидетельствует о мультязычном и социокультурном пространстве города. Сфера прагматики функционирования русского, дагестанского и иностранного языков обусловлена общественно-политическими и экономическими факторами, влияющими на изначально полилингвальный дагестанский город. Этот процесс находится в развитии и требует дальнейшего синхронического и диахронического описания, определения степени воздействия русского, дагестанских и иностранных языков на этническую идентичность дагестанцев. Наблюдения за изменениями в лингвистическом ландшафте современного дагестанского города позволяют глубже понимать социолингвистические процессы, протекающие в полиэтническом российском обществе.

Таким образом, исследование антропологии дагестанского города в контексте влияния глобализации на трансформацию культуры и быта горожан Дагестана в постсоветский период показало, что он представляет собой сложное социокультурное пространство, имеющее свои особые культурные символы и культурные образы. Структурная перестройка экономики, обусловившая коренное изменение функций крупных российских городов, превратила их из центров производства и распределения материальных ресурсов и товаров в центры управления, обмена информацией и предоставления услуг. Миграционные процессы в дагестанских городах резко ускорили темпы урбанизации и привели к появлению ряда крупных агломераций и интенсификации этнических процессов в них. Влияние глобализации и урбанизации, трансформационные процессы наиболее интенсивно ощущаются и протекают в столице республике Махачкала, его спутнике – Каспийске и в Кизляре, а также в приграничных (Чечня, Азербайджан) городах, которые одновременно являются этноконтактными зонами – Хасавюрт и Дербент. Сложившиеся веками и десятилетиями исторические традиции и этническая мозаичность придают городам Дагестана узнаваемость, неповторимый колорит и своеобразие. Несмотря на интенсивное внедрение инноваций, бытовая культура горожан Дагестана все еще содержит в себе немало традиционных элементов, и это вселяет определенную надежду на сохранение этнической и культурной идентичности дагестанцев в эпоху глобализации [1, с. 43–50].

Литература

1. *Абачараев М.М., Дагларов Р.Н.* Мой город родной: публицистика / под ред. Г.В. Кириленко. – Махачкала: Эпоха, 2009. – 416 с.
2. *Абдулагатов З.М.* Проблемы и тенденции становления современных государственно-конфессиональных отношений в России: на примере православия и ислама. – Махачкала, 2006. – 182 с.
3. *Абдулвахабова Б.Б.-А.* Одежда в культуре повседневности до-революционного города в конце XIX – начале XX века (на примере г. Грозного) // Северокавказский город в региональном историческом процессе: Материалы Межд. научной конференции (г. Каспийск, РД, 18–19 сент. 2012 г.). – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 230–235.
4. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920–1945 гг.): Документы и материалы / отв. ред. А.И. Османов, сост. Г.И. Какагасанов и др.: в 2 т. – Махачкала: Наука плюс, 2006. Т. 1. – 348 с.
5. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1946–1995 гг.): документы и материалы / отв. ред. А.И. Османов, сост. Г.И. Какагасанов и др.: в 2 т. – Махачкала: ИД «Наука плюс», 2006. Т. 2. – 220 с.
6. *Алиева В.Ф.* Население Дагестана на рубеже веков. – Махачкала: Юпитер, 1999. – 232 с.
7. *Алиева В.Ф.* Русское население Дагестана: причины оттока и пути стабилизации процесса. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 66 с.
8. *Алиева В.Ф.* Демографические процессы в современном Дагестане. – М.: Наука, 2007. – 325 с.
9. *Алигаджиева З.А.* Пережитки домонотеистических верований и обрядов у аварцев-андалальцев в XIX – начале XX в. – 2-е доп. изд. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2012. – 172 с.
10. *Алигаджиева З.А.* Современная свадебная обрядность аварцев: традиции и инновации. – Махачкала, 2015. – 210 с.
11. *Алигаджиева З.А.* Обычай избегания в традиционной и современной свадебной обрядности аварцев // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 2. – С. 73–75.
12. *Алимова Б.М.* Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка у кайтагских кумыков (конец XIX – нач. XX в.) // Быт сельского населения Дагестана (XIX – нач. XX в.). – Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1981. – С. 55–72.
13. *Алимова Б.М., Мусаева М.К., Магомедханов М.М.* Современная дагестанская городская свадьба // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 176–205.

14. *Алимова Б.М., Ибрагимов М.-Р.А.* Новые тенденции в развитии семейной обрядности народов Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2016. – № 2 (46). – С. 69–79.
15. *Амирханова А.К.* Хлеб и хлебные изделия в обрядовой жизни тюркоязычных народов Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2013. – № 49. – С. 70–75.
16. *Анисимов И.Ш.* Кавказские еврей-горцы. – М.: Наука, 2002. – 190 с.
17. *Анчабадзе Ю.Д.* От составителя // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизация. Научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой / сост., отв. ред. Ю.А. Анчабадзе. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 5–7.
18. *Арутюнов С.А., Бенцин У., Вайнхольд Р.* Введение // Материальная культура: свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1989. Вып. 3. – С. 5–7.
19. *Арутюнов С.А.* Пища // Материальная культура: свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1989. Вып. 3. – С. 134–136.
20. *Атаева П.А., Булатов Б.Б., Сефербеков М.Р.* Современный костюм студента города Махачкалы // Материалы Всерос. историко-этнографического форума «Роль северокавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа», посвященного 200-летию основания г. Грозного (г. Грозный, 3 октября 2017 г.) / под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017. – С. 48-54.
21. *Атаева П.А., Сефербеков Р.И.* Современная культура питания русских города Кизляр: традиции и инновации // Россия-восток-запад: уроки истории и новые вызовы: материалы Всерос. (с межд. участием) научно-практ. конференции (г. Кизляр, 28 сентября 2018 г.). – Махачкала: Алеф, 2018. – С. 187–191.
22. *Багомедов М.Р.* Словарь даргинских личных имен. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. – 169 с.
23. *Балаян И.Я., Цапиева О.К.* Экономический потенциал и основные направления развития малых и средних городов (на примере Республики Дагестан) // Материалы Межд. научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе» (18–19 сентября 2012 г., г. Каспийск, Республика Дагестан). – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 307–312.
24. *Баумгартен К.* Жилище // Материальная культура: свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1989. Вып. 3. – С. 36.
25. *Бесаева Т.З.* Обряд наречения именем у некоторых народов Северного Кавказа // Ономастика Кавказа. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1976. – С. 273–278.

26. *Бижанов М.А.* Оставить след на земле: сб. воспоминаний. – Махачкала: Юпитер, 2002. – 208 с.

27. *Боголюбов А.С.* Садака // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 202.

28. Большая Российская энциклопедия: энциклопедический словарь / отв. ред. С.Л. Кравец. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2011. – 1519 с.

29. *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). – М.: Наука, 1981. – 393 с.

30. *Будина О.Р., Шмелева М.Н.* Значение города в интеграции бытовой культуры (по материалам русского города 1970–1980 гг.) // Советская этнография. – 1991. – № 4. – С. 17–27.

31. *Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И.* Быт и культура табасаранцев в XIX–XX веках. – Махачкала, 2004. – 265 с.

32. *Булатов Б.Б., Гусейнов М.Ш.* История города Дагестанские Огни. – Махачкала: ДГУ, 2013. – 210 с.

33. *Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И.* Изменение системы и модели питания горожан Дагестана в Новейшее время (2-я половина 80-х гг. XX – начало XXI в.) // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 31, вып. 4. – С. 6–13.

34. *Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И.* Влияние глобализации и урбанизации на быт и культуру народов Дагестана в новейшее время // Межд. научная конференция «Актуальные проблемы современного востоковедения («Буниятовские чтения»)), посвященная памяти действительного члена Национальной Академии наук Азербайджана, Героя Советского Союза Зии Мусаевича Буниятова (16–17 окт. 2017 г., Баку): тезисы. – Баку, 2017. – С. 182.

35. *Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И.* Празднование Новруз-байрама горожанами Дагестана в постсоветский период // Межд. саммит Наурыз (international nauryz summmit): i. uluslararası bahtiyar vahapzade azerbaycan tarihi – kültürü ve edebiyati sempozyumu. 20–23 mart 2018, türkiye. – Antalya, 2018. – С. 16–17.

36. *Булатов Б.Б., Османов А.И., Сефербеков Р.И.* Трансформация хозяйства, быта и культуры народов Дагестана в советский и постсоветский периоды // Кавказология. – № 1. – Нальчик, 2018. – С. 131–156.

37. *Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И.* Культура питания горожан Дагестана в постсоветский период (на примере г. Махачкала, Кизляр и Дербент) // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 33, вып. 1. – С. 6–24.

38. *Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И.* Русское население городов Дагестана: динамика численности и причины оттока в постсоветский

период // Вестник АН Чеченской Республики. – 2018. – № 4 (41). – С. 104–111.

39. Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана: историко-этнографический атлас. – Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2001. – 289 с.

40. Васильева Т.А. Мигранты // Большая Российская энциклопедия: в 30 т. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2012. Т. 20. – 767 с.

41. Волкова Н.Г. Изменения в национальном составе городского населения Северного Кавказа за годы Советской власти // Советская этнография. – 1965. – № 2. – С. 40–56.

42. Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н. Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации. – М.: Наука, 1982. – 236 с.

43. Гавров С.Н. Модернизация // Социокультурная антропология: история, теория, методология: энциклопедический словарь. – М.: Академический проект: Константа, 2012. – С. 821–830.

44. Гаджалова Ф.А. Проблемы сохранения и возрождения национального костюма народов Дагестана в постсоветское время // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 371–372.

45. Гаджиева С.Ш. Формирование и развитие новой обрядности в Дагестане. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1979. – 58 с.

46. Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. – М.: Наука, 1981. – 151 с.

47. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1985. – 360 с.

48. Гаджиханова Р.Г. Дагестанский костюм. – Махачкала: ИД «Эпоха», 2010. – 232 с.

49. Гарсаев Л.М. Одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX в. (история, предания и наименования). – Саратов: Саратовский источник, 2010. – 289 с.

50. Гарунова Н.Н. Российские города-крепости Северо-Восточного Кавказа в интеграционной политике России в XVIII – начале XIX в. // Материалы Межд. научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе» (18–19 сентября 2012 г., г. Каспийск, Республика Дагестан). – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 135–139.

51. Гасанова М.А., Шихалиева С.Х. Табасаранская разговорная речь в современном городском пространстве: этническое и лингвистическое // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 4 (71). – С. 468–470.

52. Гасанова М.А., Шихалиева С.Х. Языковой ландшафт дагестанского города как концепт культуры (пилотные исследования кейс-технологического проектирования) // Известия Дагестанского госу-

дарственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2018. – Т. 12, № 1. – С. 82–88.

53. *Гасанова М.А.* Лингвистический ландшафт современной Махачкалы // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 33, вып. 2. – С. 57–62.

54. *Гасанова М.А., Шабанова З.Ш.* Эргонимы в лингвистическом пространстве Махачкалы // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 34, вып. 3. – С. 49–54.

55. *Гасанова М.А.* Лингвистический ландшафт современного Дербента // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 5 (84). – С. 308–310.

56. *Gasanova M.A., Bulatov B.B., Zulpukarova E.M.-G., Seferbekov R.I.* Linguistic landscape of modern Dagestan city // *Astra Salvensis*. – 2019. – Т. 7, № 1 (13). – С. 389–398.

57. *Грачева Г.Н.* Погребальный культ // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1993. Вып. 5. – С. 154–158.

54. *Гроздова Н.Н.* Народы Британских островов // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Летне-осенние праздники. – М.: Наука, 1978. – С. 70–94.

55. *Гусейнов М.Ш., Бабаев А.-М.Б., Гусейнова С.К.* Дагестанские Огни – первый высокомеханизированный стекольный завод России. – Махачкала: ДГУ, 2007. – 163 с.

56. *Гусейнов М.Ш., Гусейнова С.К.* Социальное и культурное развитие города Дагестанские Огни в 1946–1980 гг. // Материалы Межд. научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе» (18–19 сентября 2012 г., г. Каспийск, Республика Дагестан). – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 345–349.

57. Дагестан на рубеже веков: приоритеты устойчивого и безопасного развития / отв. ред. и сост. А.К. Алиев. – М., 1998. – 285 с.

58. *Дадаев Ю.У.* Присоединение к Российской империи в XVIII – XIX веках – важнейший фактор возникновения и развития городов Северного Кавказа // Материалы Межд. научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе» (18–19 сентября 2012 г., г. Каспийск, Республика Дагестан). – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 100–104.

59. *Далгат Э.М.* Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. – Махачкала: МавраевЪ, 2015. – 256 с.

60. *Данилюк М.Ю., Халидова О.Б., Мишина Н.В.* Русское население в политической и этносоциальной структуре дагестанского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2017. – № 1. – С. 145–149.

61. *Джабраилов Ю.Д.* Современная модель государственно-конфессиональных отношений в Республике Дагестан // *Власть.* – 2013. – № 8. – С. 65–67.

62. *Джаватова Л.Р., Сефербеков Р.И.* Влияние русской национальной кухни на культуру питания горожан Дагестана в новейшее время // *Материалы Всерос. историко-этнографического форума «Роль северо-кавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа», посвященного 200-летию основания г. Грозного (г. Грозный, 3 октября 2017 г.)* / под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017. – С. 151–155.

63. *Джахиева Э.Г.* Из истории города Хасавюрт // *Материалы Межд. научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе» (18–19 сентября 2012 г., г. Каспийск, Республика Дагестан).* – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 209–213.

64. *Дипломатический словарь: в 3 т. – 4-е изд., переработ. и доп.* – М.: Наука, 1986. Т. 3. – 750 с.

65. *Доде З.В.* Платок и хиджаб. Папаха и чалма. О национальных и конфессиональных традициях в культуре народов Северного Кавказа // *Этнографическое обозрение.* – 2013. – № 4. – С. 129–153.

66. *Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю.* Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного процесса. – *Пятигорск, 2014.* – 72 с.

67. *Еврейская эмиграция в свете новых документов / под ред. Б. Морозова.* – Тель-Авив, 1998.

68. *Егоров В.К., Ибрагимов М.-Р.А.* Русское население Дагестана: проблемы и перспективы этнодемографического развития // *Федерализм.* – 2013. – № 2. – С. 166–169.

69. *Зульпукарова Э.М.-Г., Сефербеков Р.И.* Пицца мусульманских религиозных праздников и обрядов у горожан Дагестана в постсоветский период // *Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки.* – 2017. – Т. 32, вып. 1. – С. 22–31.

70. *Зульпукарова Э.М.-Г., Сефербеков Р.И.* Особенности мусульманского дресс-кода городской молодежи Дагестана (на примере студентов Дагестанского государственного университета) // *История, археология и этнография Кавказа.* – 2018. – Т. 14, № 1. – С. 81–86.

71. *Зульпукарова Э.М.-Г., Сефербеков Р.И.* Традиционный женский костюм: сохранение компонентов этнической идентичности в городах Дагестана в начале XXI века // *Материалы Межд. научно-практической конференции «Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории, и религии», посвященной 80-летию Чеченского государственного университета.* 25–26 сентября 2018 г., г.

Грозный / отв. ред. М.Р. Нахаев. Грозный: ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». – Махачкала: Алеф, 2018. – С. 172–177.

72. *Ибрагимов М.-Р.А.* Этническая демография русских Дагестана // Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Сб. научных статей. Северо-Кавказское обозрение ЦСРИиП ИППК при РГУ. Вып. 2 / отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001.

73. *Ибрагимов М.-Р.А., Магомедханов М.М.* Этнодемографические аспекты формирования городского населения Дагестана (вторая половина XIX – начало XXI вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. Вып. I. – СПб., 2009. – С. 247–259.

74. *Ибрагимов М.Р.-А.* Проблемы этнодемографического развития Дагестана постсоветского периода // Межд. научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»: сб. кратких содержания докладов. Тбилиси–Гори–Батуми, 27–30 сентября 2010 г. – Тбилиси, 2011. – С. 404–405.

75. *Ибрагимов М.-Р.А.* Динамика численности населения городов Дагестана (вторая половина XIX – начало XXI в.) // Материалы Межд. научной конференции «Северо-кавказский город в региональном историческом процессе» (18–19 сентября 2012 г., г. Каспийск, Республика Дагестан). – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 38–46.

76. *Ибрагимов М.-Р.А.* Влияние миграций населения на этнополитическую ситуацию в Дагестане (конец XX – начало XXI в.) // Сб. научных статей Института социальных исследований ИнГГУ / отв. ред. Сампиев И.М. – Назрань: ООО «КЕП», 2016. – С. 107–115.

77. *Ибрагимов М.-Р.А., Халилова А.С.* Трансформация этнической структуры города Дербента в постсоветский период // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20707> (дата обращения: 24.07.2018).

78. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. – М.: Наука, 2004. – 627 с.

79. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2. История Дагестана в XX веке. – Махачкала: Юпитер, 2005. – 664 с.

80. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией: К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. – 752 с.

81. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 659 с.

82. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. Т. 1. Численность и размещение населения: официальное издание. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012.

83. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. Т. 11. Сводные итоги: Официальное издание. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. – С. 572 с.

84. *Каймаразов Г.Ш.* Культурное строительство в Дагестанской АССР (1920–1940 гг.). – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. – 183 с.

85. *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 2007. – 464 с.

86. *Канукова З.В.* Город и традиционная культура жизнеобеспечения горожан Владикавказа (вторая половина XIX – нач. XX в.) // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 6–37.

87. *Карнов Ю.Ю., Карнов О.Л.* Горды после гор: миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. – СПб., 2011. – 438 с.

88. *Кидирниязов Д.С.* Значение Владикавказской железной дороги в интеграции городов Северного Кавказа в единый Всероссийский рынок // Материалы Всероссийской научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе», посвященной 150-летию г. Буйнакса (16 ноября 2016 г., г. Буйнакс, Республика Дагестан). – Махачкала: Алеф, 2017. – С. 136–148.

89. *Кириленко Г.В.* Рассекреченный город. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2011. – 48 с.

90. *Кириленко Г.В.* Ты юность наша вечная... (Воспоминания учеников и учителей школ г. Каспийска о школе, о себе и о встрече «50 лет спустя»). – М., 2005. – 228 с.

91. *Кириленко Г.В.* О школе и о себе: 50 лет спустя (в воспоминаниях учеников и учителей школ г. Каспийска 1938–1956 гг.). – М., 2004. – 254 с.

92. *Кобычев В.Н.* Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. – М.: Наука, 1982. – 195 с.

93. *Коськов М.А.* Материальная культура // Введение в культурологию: курс лекций / под ред. Ю.Н. Солонина, Е.Г. Соколова. – СПб., 2003. – С. 43–52.

94. *Крадин Н.Н.* Проблемы периодизации исторических макропроцессов // История и математика: модели и теории / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. – М.: ЛКИ/URSS, 2008. – С. 166–200.

95. *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. – М.: Наука, 1982. – 176 с.

96. *Лысенко Ю.М.* Проблемы развития малых и средних городов Дагестана в XX веке (на примере г. Кизляр) // Северо-кавказский го-

род в региональном историческом процессе: материалы Межд. научной конференции (Каспийск, 18–19 сентября 2012 года). – Махачкала, 2012. – С. 218–221.

97. *Лысенко Ю.М.* Изменение внешнего облика Махачкалы в конце XX – начале XXI века // Северо-кавказский город в региональном историческом процессе: материалы Всерос. научной конференции, посвященной 150-летию г. Буйнакск (Буйнакск, 16 ноября 2016 года). – Махачкала: Алеф, 2017. – С. 239–244.

98. *Магомедов А.Дж., Гаджалова Ф.А.* Из истории формирования мусульманского женского дресс-кода в Дагестане // Исламоведение. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 67–76.

99. *Магомедов А.Дж., Гаджалова Ф.А.* Традиционные женские покрывала Дагестана: инокультурные влияния // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 3 (77), ч. 2. – С. 105–107.

100. Материалы Всерос. научной конференции «Трансформация социально-экономических отношений на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в.», посвященной 100-летию крестьянской реформы 1913 г. в Дагестане (29 октября 2013 г.). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, Алеф, 2014. – 146 с.

101. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года по Дагестанской АССР. Вып. 1. Список населенных мест Дагестанской АССР. – Махач-Кала: Изд-во Дагстатуправления, 1927. – 188 с.

102. *Махмудова З.У.* Урбанистический универсализм и этнические традиции в женском костюме народов Дагестана (вторая половина XX – начало XXI в.) // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации: научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой / сост., отв. ред. Ю.А. Анчабадзе. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 48–73.

103. *Мирзабеков М.Я., Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Культура дагестанского города XX в. – Махачкала, 2007. – 384 с.

104. *Мирзабеков М.Я.* Расселение населения и миграционные процессы в Дагестане в 1980–2010 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 3 (116). – С. 180–187.

105. *Мусаева М.К.* Традиционные обычаи и обряды у народов Южного Дагестана, связанные с бесплодием // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2006. – № 4. – С. 106–116.

106. *Мусаева М.К.* Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – 221 с.

107. *Мусаева М.К.* Этнография детства народов Дагестана (Народы Равнинного и Южного Дагестана). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 252 с.

108. *Мусаева М.К.* Традиционное питание роженицы и новорожденного у народов Дагестана и Северного Кавказа // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/131-23917> (дата обращения: 03.12.2015).

109. *Мусаева М.К.* Похоронно-поминальная обрядность народов Дагестана в современных городских условиях // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2017. – № 4 (52). – С. 112–121.

110. *Мусаева М.К., Гимбатова М.Б.* Женский головной убор «чухта» и его разновидности у аварцев // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – № 4. – С.107–118.

111. *Муслимова Н.Т.* Либеральные реформы первой половины 90-х гг. XX в. и их влияние на экономику Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2016. – № 3 (47). – С. 82–89.

112. Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. – М.: Наука, 2002. – 588 с.

113. О некоторых итогах Всерос. переписи населения 2010 года в Республике Дагестан: стат. сб. – Махачкала: Дагестанстат РД, 2012. – 45 с.

114. *Омаров И.И., Сефербеков Р.И.* Брак и свадебные обряды даргинцев-цудахарцев сел. Куппа. – Махачкала, 1999. – 24 с.

115. *Османов А.И.* Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е годы XX в.). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000. – 335 с.

116. *Османов А.И.* Население Дагестана с древнейших времен до конца XX века: историко-этнодемографическое исследование. – Махачкала: Алеф, 2011. – 448 с.

117. *Османов А.И., Сефербеков Р.И.* Влияние процессов модернизации на материальную культуру народов Дагестана (в Новое и Новейшее время) // Сб. материалов Всерос. научно-практ. конференции с международным участием «Миротворческие процессы на Кавказе: уроки и перспективы (4-е Кадыровские чтения)», посвященной 65-летию со дня рождения первого Президента Чеченской Республики, Героя России А.А. Кадырова (г. Грозный, 8 сентября 2016 г.). – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2016. – С. 286–296.

118. *Османов А.И., Сефербеков Р.И.* Влияние процессов глобализации и модернизации на города и городскую жизнь Дагестана в постсоветский период // Материалы Всерос. историко-этнографического форума «Роль северо-кавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа», посвященного

200-летию основания г. Грозного (г. Грозный, 3 октября 2017 г.) / под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017. – С. 232–239.

119. *Османов А.И., Сефербеков Р.И.* Влияние азербайджанской национальной кухни на культуру питания горожан Дагестана в советский и постсоветский периоды // First international forum of THE Caucasus studies scholars 17–18 April, 2017. – Baku: Scientific PAPERS. Baku: MTM Innovation, 2017. – С. 310–315.

120. *Османов М.О.* Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX в.). – Махачкала, 1996. – 315 с.

121. *Османов М.О.* Жилище даргинцев в XIX–XX вв. (этапы развития и трансформации). – Махачкала, 2009. – 276 с.

122. *Питина С.А.* Особенности образования топонимов и микро-топонимов с позиций когнитивной лингвистики // Вопрос когнитивной лингвистики. – 2017. – № 1. – С. 53–59.

123. *Подвойский Д.Г.* Модернизация // Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С.Л. Кравец. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2012. Т. 20. – 767 с.

124. *Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т.* Этнокультурные традиции и семейно-родственные взаимоотношения в полиэтничных районах Грузии // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизация: Научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 91–111.

125. *Пчелинцева Н.Д.* Основные черты системы питания народов Северного Кавказа и Дагестана // Социокультурная коммуникация у народов Кавказа. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2017. – С. 112–120.

126. *Рабданов Р.М.* Религиозная ситуация в Республике Дагестан и перспективы государственно-конфессиональных отношений // Исламоведение. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 45–53.

127. *Рамазанова З.Б.* Пища горских евреев Дагестана (XIX – начало XX в.): Историко-этнографическое исследование / отв. ред. М.-З.О. Османов. – Махачкала: ООО «ДИНЭМ», 2008. – 115 с.

128. *Рамазанова З.Б.* Культура питания городского населения Дагестана в конце XX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. – 2013. – № 3. – С. 98–108.

129. Религии и религиозные организации в Дагестане: справочник / сост. К.М. Ханбабаев. – Махачкала: Дагкнигиздат, 2001. – 156 с.

130. *Ризаханова М.Ш.* Дагестанские русские. XIX – начало XX в.: историко-этнографическое исследование. – Махачкала, 2001. – 192 с.

131. Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа / отв. ред. Р.Ю. Намитокова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 584 с.

132. *Сефербеков М.Р.* Традиционная культура народов Дагестана в условиях глобализации // Современная наука и инновации: научный журнал. – Ставрополь: Пятигорск: ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2017. № 2 (18). – С. 378–383.

133. *Сефербеков М.Р.* Роль социальных сетей в бойкоте концертов и праздников – феномен современной городской культуры Дагестана // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред. М.Ю. Мартынова. – М.; Казань: ИАЭ РАН, КФУ, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – С. 69–70.

134. *Сефербеков Р.И.* Обряды, связанные с рождением ребенка, у табасаранцев // Женщина Дагестана: журнал для семейного чтения. – 1990. – № 5. – С. 18–19.

135. *Сефербеков Р.И.* Мультикультурализм в Дагестане: сохранение этнической идентичности в условиях глобализации // Материалы III Межд. конгресса кавказоведов «Мультикультурализм и толерантность на Кавказе». 23–26 октября 2013 г. – Тбилиси, 2013. – С. 267, 444–445.

136. *Сефербеков Р.И.* Праздничный календарь народов Дагестана в постсоветский период как значимый культурный феномен этнической идентичности в условиях глобализации // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 361–368.

137. *Сефербеков Р.И.* Влияние процессов модернизации на эволюцию традиционного жилища народов Дагестана в советский и постсоветский периоды // Материалы Межд. научной конференции «Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа» (к 90-летию Ингушского научно-исслед. ин-та). Республика Ингушетия, г. Магас, 14–16 ноября 2016 г. – Магас, 2016. – С. 209–212.

138. *Сефербеков Р.И.* Итоги изучения культуры питания горожан Дагестана в Новейшее время (вторая половина 80-х гг. XX в. – постсоветский период) // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. – 2017. – № 3 (51). – С. 133–139.

139. *Сефербеков Р.И.* Особенности развития городов Дагестана в постсоветский период: формирование агломераций // Четвертые Всероссийские (с межд. участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Р.М. Магомедова: сб. статей. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2017. – С. 223–225.

140. *Сефербеков Р.И.* Модернизационные процессы в материальной культуре народов Дагестана в Новейшее время: традиции и инновации // Современная наука и инновации: научный журнал. – Ставрополь, Пятигорск: ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет». – 2017. – № 3 (19). – С. 331–338.

141. *Сефербеков Р.И., Халидова О.Б.* Влияние Октябрьской революции 1917 г. на хозяйство, быт и культуру народов Дагестана // Вопросы истории. – 2018. – № 3. – С. 137–142.

142. *Сефербеков Р.И.* Религиозные праздники горожан постсоветского Дагестана: межконфессиональный диалог и толерантность в поликультурном пространстве // Материалы Всерос. (с межд. участием) научно-практической конференции «Диалог культур в глобализирующемся мире» / под ред. В.Э. Манаповой, О.С. Мутиевой. – Махачкала: Алеф, 2018. – С. 132–137.

143. *Сефербеков Р.И.* Современный похоронный обряд горожан Дагестана: синкретизм ислама, традиционных верований и новых обычаев // Исламоведение. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 76–90.

144. *Сефербеков Р.И.* Периодизация модернизационных и трансформационных процессов в Дагестане в Новейшее время // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2020. – № 1 (48). – С. 66–71.

145. *Сефербеков Р.И.* Этнокультурные процессы в городах Дагестана в контексте социокультурных трансформаций в России в конце XX – начале XXI века // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2021. – № 1. – С. 43–50.

146. *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. – М.: Наука, 1983. – 263 с.

147. Современная культура и быт народов Дагестана. – М.: Наука, 1971. – 237 с.

148. *Согрин В.В.* Концепция современной российской модернизации: идеология и историография // Проблемы исторического познания / под ред. Г.Н. Севастьянова. – М.: Наука, 1999. – С. 191–197.

149. *Тенищева А.Э.* Празднование Невруза и Хыдыреллеза в Турции // Советская этнография. – 1991. – № 6. – С. 71–80.

150. *Толстая С.М.* Поминки // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. – 656 с.

151. Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. – М.: Наука, 1988. – 320 с.

152. *Халидова О.Б., Сефербеков Р.И.* Процессы реисламизации в постсоветском Дагестане: проблемы и особенности (первая половина 1990-х гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2018. – № 6. – С. 64–69.

153. *Халип Д., Покорский Н.* Рожденный у моря. – Махачкала: Юпитер, 1988. – 230 с.

154. *Хатизов Ш.М.* Перепись-2010 и национальный вопрос // Региональные аспекты социальной политики. – Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2010. Вып. 12. – С. 68–77.

155. *Хатизов Ш.М.* Перепись-2010 и «мертвые души» Дагестана // Региональные аспекты социальной политики. – Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2011. – Вып. 13. – С. 67–76.

156. *Хасбулатова З.И.* Некоторые традиционные обычаи и обряды чеченцев и народов Дагестана, связанные с родами // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2012. – № 4. – С. 35–42.

157. *Цаллагова З.Б.* Традиционная и ритуальная пища осетин // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации: научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой / сост., отв. ред. Ю.А. Анчабадзе. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 199–212.

158. *Чемурзиев У.Т.* Современное ингушское жилище // Лавровский сборник: материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг.: этнология, история, археология, культурология. – СПб., 2015. – С. 235–240.

159. *Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.М.* Дагестанские русские: историко-социологическое исследование. – Махачкала: Алеф, 2015. – 320 с.

160. Экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – 2-е изд. – М.: Институт новой экономики, 2009. – 1152 с.

161. *Эльмурзаева А.Д.* Обычай взаимопомощи у народов Дагестана в XIX – начале XX в. – Махачкала, 2008. – 128 с.

162. *Эскеров Д.Б.* Социально-экономические проблемы формирования рынка труда и управления занятостью в депрессивно-трудноизбыточном регионе. – Махачкала: ИСЭИ ДНЦ РАН, 2000. – 312 с.

163. Этнография питания народов стран зарубежной Азии: опыт сравнительной типологии / отв. ред. С.А. Арутюнов. – М.: Наука, 1981. – 256 с.

164. *Эфендиев И.И., Алиев Ш.М., Гимбатов Ш.М., Эльдаров Э.М.* Занятость и отходничество сельского населения Дагестана. – Махачкала: Наука плюс, 2008. – 200 с.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Приложение

Студентки Дагестанского государственного университета в национальных костюмах на конкурсе «Студенческая весна».

Танцоры в национальных (андийских) костюмах. 2018 г.

Квартальная мечеть г. Махачкалы. 2019 г.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Периодизация модернизационных и трансформационных процессов в Дагестане в Новейшее время	14
Глава II. Города Дагестана: история, общественно-политические, социально-экономические, этнические и демографические процессы	21
1. Прикаспийские города Дагестана – центры этнокультурного и социокультурного взаимодействия	21
2. История г. Каспийск: от поселка «Двигательстрой» и «социалистического города» до постсоветского города	27
3. Трансформация численности и этнического состава г. Дербент и Дагестанские Огни (2000–2010 гг.).....	45
4. Город Дагестанские Огни: история, экономические, демографические и этнические процессы (2000–2010 гг.).....	51
5. Демографические и этнические процессы в г. Хасавюрт и Кизилюрт (2000–2010 гг.)	57
6. Русское население городов Дагестана: динамика численности и причины оттока	61
7. Миграционные процессы и эмиграция в городах Дагестана в советский и постсоветский периоды.....	73
8. Этнический и конфессиональный состав населения городов Дагестана: этноконтактные зоны взаимовлияния культур дагестанских горцев, кумыков, азербайджанцев, горских евреев, русских и чеченцев (2000–2010 гг.).....	77
Глава III. Трансформация материальной культуры	86
1. Материальная культура горожан Дагестана: сохранение этнической идентичности в условиях глобализации	86
2. Современное городское жилище Дагестана: трансформация типа и конструктивных элементов (на примере г. Буйнакска и Избербаш).....	93
3. Современное городское жилище Южного Дагестана: типология и конструктивные особенности (на примере гг. Дербент и Дагестанские Огни).....	100
4. Современная женская городская одежда народов Дагестана как компонент северокавказской региональной моды.....	103
5. Особенности мусульманского дресс-кода городской молодежи Дагестана (на примере студенток Дагестанского государственного университета).....	109
6. Влияние этнического состава городов Дагестана на систему и модель питания горожан	114
7. Культура питания горожан Дагестана (на примере г. Махачкала, Кизляр и Дербент)	118

8. Культура питания горожан Дагестана (на примере кумыков г. Буйнакск и даргинцев г. Южно-Сухокумск)	134
9. Культура питания русских г. Кизляр: традиции и инновации	139
Глава IV. Трансформация семейно-бытовых обрядов.....	142
1. Свадебные обряды	142
2. Обряды, связанные с рождением ребенка	165
3. Похоронно-поминальные обряды	175
Глава V. Трансформация общественного быта.....	197
1. Общественные праздники	197
Глава VI. Лингвистический ландшафт городов Дагестана.....	214
1. Топонимическая система современных дагестанских городов	214
2. Эргонимы в лингвистическом пространстве дагестанского города	225
Заключение.....	233
Литература	243
Приложение.....	257

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Сефербеков Руслан Ибрагимович
Булатов Башир Булатович
Зульпукарова Эльмира Магомед-Гереевна
Гасанова Марина Аюбовна
Сефербеков Магомедхабиб Русланович

Антропология дагестанского города: влияние глобализации
на трансформацию культуры и быта горожан Дагестана
в постсоветский период

Ответственный редактор
Далгатов А.Г.

Подписано в печать 29.12.2021. Формат 60×84 ¹/₁₆.

Усл. п. л. 16,3. Уч.-изд. л. 15,5.

Тираж 50 экз. Заказ № 76

Издательство ДГУ
г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 59е